

А. С.
ПУШКИН

8

Александр Пушкин

А·С·ПУШКИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1977

А·С·ПУШКИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том восьмой

*История Петра I
Записки
Григория Морозовского*

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1977

Р 1
П 91

Примечания
И. Л. Фейнберга

Оформление художника
М. Шлосберга

П $\frac{70401-127}{028(01)-77}$ подписное

ИСТОРИЯ ПЕТРА I

Подготовительный текст

ОЧЕРК ВВЕДЕНИЯ

Введение — Россия извне
Россия внутри
Подати
Торговля
Военная сила
Дворянство
Народ
Законы
Просвещение
Дух времени

§ 1

Россия, долго терзаемая междуусобиями и притесняемая хищными соседями, отдыхала под управлением Романовых. Михаил Феодорович заключил <мир со Швецией> etc., Алексей Михайлович присоединил <Украину>¹ etc.

Феодор пекся о подтверждении успехов и о внутреннем улучшении² etc.

---

¹ и заключил перемирие с Польшей.

² уничтожил местничество.

Отношения России 1) к Швеции и Польше
2) к Турции
3) к прочей Европе

1) Склонна к Польше, уже обессиленной, неприязненна к Швеции, усиливающейся час от часу.

2) Смотрит осторожно на Турцию, опасается влияния оной на Запорожье и Украину.

3) Прочей Европе начинает быть известна, а для Австрии и нужна, как достаточно мощная соперница Турции.

§ 2

Россия разделена на воеводства, управляемые боярами.

Бояре беспечные.

Их дьяки алчные.

Народ *taillable à merci et miséricorde*¹.

Правосудие отдаленное, в руках дьяков.

Подати многосложные и неопределенные.

Беспорядок в сборе оных.

Пошлины и таможи внутренние:

a) притеснения

b) воровство

Внешняя торговля:

a) Архангельская младенческая

b) Персидская

c) Волга .

Военная сила начинала получать регулярное образование.

Стрельцы, казаки, образ войны и вооружения.

Законы, более обычаи, нежели законы,— неопределенны, судьи безграмотные. Дьяки плуты. Нравы дикие, свирепые etc.

Просвещение развивается со времен Бориса; правительство впереди народа; любит иноземцев и печется о науках. Духовенство. Его критический дух.

---

¹ облагаемый оброком по прихоти и по произволу (*франц.*).

Chryseis -

Passer notus,

Passer byssus

Myiarchus

Mopidus

Cassia cuba

D. leucopus

Myiarchus -

Zenaidura

Myiarchus

D. leucopus

Голиков. *Введение*. Philipp Johann von Stralencbergs nord- und östlicher Theil von Europa und Asien. Stokholm. 1730².

Штраленберг говорит о двух сторонах, существующих в России, за и против Петра I. Оппозиция негодует:

1) на возведение на высокие степени людей из низкого звания, без различия с дворянами,

2) что государь окружил себя молодыми людьми, также без разбору,

3) что дозволяет им осмеивать бояр, наблюдающих старые обычаи,

4) что офицеров, выслужившихся из солдат, допускает к своему столу и с ними *фамиллярно* обходится (в том числе Лефорт),

5) что сыновей боярских посылает в чужие края для обучения художествам, ремеслам и наукам, недостойным дворянского звания,

6) что записывает их в солдаты и употребляет во всякие работы,

7) что дал князю Ромодановскому власть неограниченную. Всё сие бояре почитали истреблением знатных родов, унижением дворянства и безнравственностью. Прочие причины негодования суть:

1) Истребления стрельцов.

2) Учреждение Тайной канцелярии.

3) Данное холопьям дозволение доносить на господ, укрывающихся от службы, и описывание их имения в пользу доносителей.

4) Новые разорительные подати.

5) Построение С.-Петербурга, чищение рек и строение каналов.

---

¹ Из «Введения» И. И. Голикова к «Деяниям Петра Великого», содержащего критику книги Штраленберга (Страленберга). О своде Голикова и значении содержащихся в нем исторических источников для работы Пушкина над «Историей Петра I» см. «Примечания», с. 403 и 420—421. Пушкин, ссылаясь на свод Голикова, называет его кратко — «Голиков». Далее пользуемся в сносках этим сокращенным обозначением.

² Филипп Иоганн фон Страленберг. Северная и Восточная часть Европы и Азии. Стокгольм. 1730 (*нем.*).

- 6) Военные суды, жестокость и невежество судей.
- 7) Отменение в определениях и приговорах изречения: государь указал, а бояре приговорили. Следствием ссей меры было, говорит Штраленберг, то, что никто не смел государю говорить правды.
- 8) Славление Христа о святках государя и первых бояр, ругательство веры, училище пьянства.
- 9) Принуждение, чинимое купцам, товары привозить в Петербург, и торговые казенные караваны в Пекин — разорительные для торговли.
- 10) Перемена русского платья, бритье бород, немецкие обычаи, иностранцы — причины мятежей и кровопролития.
- 11) Суд над царевичем.
-

Густав Ваза, узнав, что королева Елисавета прислала царю Ивану Васильевичу пушки в подарок, жаловался ей на то. На большом сейме в Любеке 1563 году определено не впускать в Россию корабельных мастеров, что ими было исполнено, когда до 300 художников и мастеров прибыли было в Любек морем. Герберштейн был того же мнения.

Особы, доставившие важнейшие сведения Голикову, были: действительный тайный советник сенатор и кавалер Иван Иванович Неплюев, адмиралы Алексей Иванович Нагаев, Семен Иванович Мордвинов, Иван Лукьянович Талызин, комиссар Крекшин и московские купцы Сериков, Евреинов, Полуярославцев и Ситников и олонецкий купец Барсуков. Незнакомые Голикову люди, на которых он, однако, ссылается, суть: превосходительные господа *граф* Андрей Иванович Ушаков, Федор Иванович Соимонов, барон Иван Антонович Черкасов и Абрам Петрович Ганнибал.

Князь Ромодановский был истинный бич горделивости боярской.

Святки праздновались до 7 января. Петр одевал знатнейших бояр в старинное платье и возил их по разным домам *под разными именами* (?). Их потчевали по обычаю вином и водкою и принуждали пьянствовать, а молодые любимцы приговаривали: пейте, пейте: старые обычаи лучше ведь новых.

«Я, как поехал от Вас, не знаю; понеже zelo доволен был Бахусовым даром. Того для — всех прошу, если кому нанес досаду, прощения, а паче от тех, которые при прощании были, да не *напоминает* всяк сей случай и проч.» (*Письмо Петра к гр. Апраксину*).

За посылание молодых людей в чужие края старики роптали, что государь, отдавая их от православия, научал их басурманскому еретичеству. Жены молодых людей, отправленных за море, надели траур (синее платье). (*Фамильное предание*).

Народ почитал Петра антихристом.

Подати при Петре:

1) Пошлины со всяких товаров, с дров, сена, всякого хлеба и других съестных припасов, *со всего* продаваемого в городах на ярмонках и торжках, во владельческих и монастырских селах и деревнях, с весов и мер, с мельниц, мостов и перевозов, с рыбных ловель, с ульев и меду, с пустошей, с лавок и шалашей, с бань торговых и домашних, с варения пив и других питьев, с извозчиков, с найму работников, с постоянных дворов, с лошадей и с пригоняемого в Москву скота на продажу, с трески-рыбы (ловимой в Кольском уезде) и проч.

2) Пошлина со всяких крепостей, с явки (за явление) духовных и отпусковых, с подачи челобитен исковых и явочных, с записки и *печатания* (печати), контрактов, до-

говоров, писем (заемных) и всяких сделок, с вечных памятей, свадеб иноверческих и со вновь введенной гербовой бумаги.

3) Сбор денег на содержание войска с тех, кои прежде обязаны были служить, с жаловаемых поместий и сбор с губерний на флот и армию.

4) *Подушная* (перепись генеральная государству) по 80 коп., потом по 70, с однодворцев и купцов по 1 р. 20 коп. Иностранцы, торгующие в Сибири, сравнены в оброке с русскими.

5) Сбор для Ладожского канала.

6) Сбор *временный* с хлебопашцев по одному четверику с двора, а *единожды* с души (на магазины).

7) Сбор на один год со всех получающих жалование, от фельдмаршала до солдата и от министра до подьячего — также и с духовных, состоящих на жаловании (кроме иностранцев, служащих по контрактам и без контракта).

Примечание Голикова:

Большая часть сих податей уже существовала, иные взимались не для государя — четверть хлеба была от 25 до 30 коп.

С вечной памяти взималось по 25 коп.

Рыбий клей и икра, соболи, ревень, поташ, смольчуг и табак были казенной монополией. *Первыми* пользовалось духовенство.

Собоями — сибирское начальство, чиновники и купцы (продавались в Сибирском приказе).

Поташ и смольчуг были губительны для лесов.

Доходы питейные, соляные и таможенные издревле принадлежали казне. — Петр пресек корчемство, воровство в соляных промыслах, потаенный провоз etc. Он умножил доходы отпуском в Европу, в Персию и Китай казенных товаров.

Петр заключает мир со Швецией, не сделав ни копейки долгу, платит Швеции 2 000 000 р., прощает государственные долги и недоимки, и персидскую войну окончивает без новых налогов (с пошлиной на получающих

жалование). По смерти своей оставляет до 7 000 000 р. сбереженной суммы.

Годовой расход его двора не превосходил 60 000.

Петр I, когда призывал купца Мейера в сенат, то всегда приказывал ставить для него стул.

Петр замыслил о соединении Черного моря с Каспийским — и предпринял уже ту работу.

Отпуск в Пекин казенных караванов принес пользу русским купцам, ибо китайцы дешевле покупали товары на нашей границе, чем в Пекине от комиссаров казенных. Купцы наши с тех пор сами стали ездить в Пекин.

Петр, получив от Апраксина *слишком учтивое письмо* (пишет Голиков), отвечает, что он сомневается, к нему ли оно писано; *ибо оно с зельными чинами, чего-де я не люблю, и ты знаешь, как к компании своей писать*. В другом письме запрещает он ему слово *величество*.

В «Деяниях Стоглавого собора» (при царе Иване Васильевиче в 7059 г.) между прочим: «Творящие брадобритие ненавидимы от бога, создавшего нас по образу своему». — Далее *правило св. апостолов*: «Аще кто браду бреет и преставится тако, недостойт над ним пети, ни просфоры, ни свечи по нем в церковь приносить, с неверными да причтется» etc. («Обличение неправды раскольничей». 1745 г.)¹.

---

¹ Сочинение Феофилакта Лопатинского, архиепископа тверского.

Царевич Алексей Петрович родился 1690 г., февраля 29. До 699 находился он при матери своей, царице Евдокии Федоровне, когда была она заключена в Суздальский монастырь. Суеверные мамы и приставники ожесточили его противу отца, а духовные особы, при обучении его православию, вкореняли в нем ненависть к пововедениям. При чтении священных книг останавливали его при некоторых текстах, выводя разные из оных политические заключения etc. Петр до самого того времени не имел времени им заняться. По истреблении же стрельцов и заключении царицы, обратил он на него свое внимание и приставил к нему двух господ Нарышкиных, ошибочно полагая их к себе приверженными. В 1701 году Петр назначил Меншикова обер-гофмейстером к царевичу, а гофмейстером министра своего статского и военного советника фон Гизена (или Гуйсена). Сей Гизен написал Историю Петра I-го, но не кончил оной. Петр дал ему письменную инструкцию (от 3 апреля 1703 г.), чему должен он обучать царевича; между тем ожесточенный отрок выучился только притворствовать. Потом Петр произвел его сержантом гвардии, брал его с собою в походы; в разных сражениях, при взятии Ноттенбурга (Шлиссельбурга), Копорья, Ямбурга и Нарвы царевич находился при нем, но в безопасности. Он сопровождал отца во время его путешествий в Польшу, в Архангельск etc. Петр употреблял его и в государственные дела, а перед турецким походом поручил ему и главное правление.

Государь после казни ростовского архиерея Досифея отправился в Петербург. Занялся учреждением коллегий, определил в сенат генерал- и обер-прокуроров, издал указ о строении домов, печей, труб и кровель, безденежно роздал петербургским жителям парусные и гребные суда и установил по праздничным и *повсенедельным* дням *экзерсиции* на воде. По вскрытии Невы занялся он еще более флотом и корабельными работами, беспрестанно разъезжая из Петербурга в Кронштадт и обратно. Все полагали, что дело царевича кончено и предано забвению. Вдруг оно возобновилось. *Пойманы были* письма, и у некоторых найдены в платьях, и Петр велел снова начать следствие.

Петр, простив многих знатных преступников, пригласил их к своему столу и пушечной пальбою праздновал с ними свое примирение (*Ломоносов*).

Петр звал к себе Лейбница и Вольфа, первому пожаловал почетный титул и пенсию.

Лейбниц уговорил славного законововеда и математика Голдбаха Христиана приехать в Россию.

Иеромонах Симеон Полоцкий и иеромонах же Димитрий (впоследствии св. ростовский митрополит) занимались при дворе Алексея Михайловича астрологическими наблюдениями и предсказаниями. Первый из них прорек за девять месяцев до рождения Петра славные его деяния и письменно утвердил, что «по явившейся близ Марса пресветлой звезде он ясно видел и как бы в книге читал, что зачатый в утробе царицы Наталии Кириловны сын его (царя) назовется Петром, что наследует престол его и будет таким героем, что в славе с ним никто из современников сравниться не может» и проч.

Сохранилась при Академии наук в императорской библиотеке переписка двух ученых; один бывший тогда в Москве посланником соединенных Нидерландов Николай Гейнзиус пишет в Утрехт Иоанну Георгию Греввиусу от 1 июля 1672 о рождении царевича и о предречениях. Греввиус от 9 апреля 1673 отвечает следующим письмом: (том I, введение, стр. 135) etc. В самый день рождения Петра Людовик XIV перешел через Рейн, а турецкий султан через Днестр, и первый завоевал четыре провинции соединенных Нидерландов, а второй Подолию и Каменец.

Астроном Лексель, член Петербургской Академии наук, исследовал, было ли во время рождения Петра или за 9 месяцев до него какое-нибудь небесное необыкновенное явление. «Пресветлой звезды близ Марса (правда) не оказалось, но прочее планет течение было весьма благополучным предзнаменованием».

При императрице Анне Иоанновне академик Крафт был должностным ее астрологом. Сохранилось в календаре 1730 года его предсказание о вскрытии Невы 9-го апреля (что и сбылось).

1672 — 1689

Петр родился в Москве в 7180 г., мая 30 (1672).

Рождение царевича праздновали трехдневным торжеством при колокольном звоне и пушечной пальбе. Царь в знак своей радости даровал прощение осужденным на смерть, возвратил из ссылки преступников, роздал богатую милостыню, простил народу долги и недоимки, искупил невольников, заключенных за долги.

Царевич был окрещен июня 29, в субботу, на праздник верховных апостолов Петра и Павла, в Чудовом монастыре, от патриарха Иоакима. Восприемниками были брат его царевич Феодор Алексеевич и тетка его, царевна Ирина Михайловна. Рассказывают, будто бы на третьем году его возраста, когда в день именин его, между прочими подарками, один купец подал ему детскую саблю, Петр так ей обрадовался, что, оставя все прочие подарки, с нею не хотел даже расставаться ни днем, ни ночью. К купцу же пошел на руки, поцеловал его в голову и сказал, что его не забудет. Царь пожаловал купца гостем, а Петра, при прочтении молитвы духовником, сам тою саблею опоясал. При сем случае были заведены *потешные*. Перед своею кончиною царь назначил приставниками к царевичу боярина Кирилу Полуехтовича Нарышкина и при нем окольных князя Петра Ивановича Прозоровского, Федора Алексеевича Головина и Гаврила Ивановича Головкина. Царь Алексей Михайлович скончался 30 января 1676 года, оставя Петра трех лет и осьми месяцев.

Царь Феодор Алексеевич оставил при вдовствующей царице весь ее *штат*. В 1677 году она имела при себе

102 стольников. Потешные, большею частию, были дети их. Петр начал учиться грамоте 12 марта 1677 года, по благословению святейшего патриарха. Учителем его был Челобитного приказа дьяк Никита Моисеевич Зотов, бывший знакомый боярину Ф. Соковнину, который и привел его во дворец к вдовствующей царице. Зотов по утрам обучал царевича грамоте и закону, а после обеда рассказывал ему российскую историю. Покои дворца были расписаны картинами, изображавшими главные черты из истории, главные европейские города, здания, корабли и проч. Иноземцы, приставленные также к царевичу: Лефорт и Тимерман, учили его геометрии и фортификации.

Милославские во время царствования Феодора утесняли Нарышкиных, из них ни один не был произведен в большие чины. Дед царевича, Кирил Полуехтович, определенный Алексеем Михайловичем главным судиею в Приказе большого дворца, был отставлен.

Боярин Иван Максимович Языков предложил однажды вдовствующей царице, под предлогом тесноты, перебраться в другой дворец, отдаленный от царского двора. Царица не захотела и подслала Петра с своим учителем к царю Феодору. Петр поцеловал его руку и пожаловался на Языкова, сравнивая себя с царевичем Димитрием, а боярина с Годуновым. Царь извинился перед Натальей Кириловной и отдал ей Языкова головою. Языков был на время отдален.

Царица жила обыкновенно в Потешном дворце царя Алексея Михайловича, отчего и Петр его предпочитал.

15 августа 1680 г. Зотов был от него удален по *наветам*. Он был послан с полковником стрелецким, стольником Василием Тяпкиным в Крым для заключения мирного договора на 20 лет, что и случилось 15 января 1681 г. Зотов воротился 8 июня. Неизвестно, продолжал ли он учить царевича.

Штраленберг и «Рукопись о зачатии» повествует, что царица, едучи однажды весною в один монастырь, при переправе через разлившийся ручей, испугалась и криками своими разбудила Петра, спавшего у ней на руках. Петр до 14 лет боялся воды. Князь Борис Алексеевич Голицын, его обер-гофмейстер, излечил его. Миллер тому не верит.

Когда слабому здоровьем Феодору советовали вступить во второй брак, тогда отвечивал он: «Отец мой имел

намерение нарести на престол брата моего, царевича Петра, то же сделать намерен и я». Сказывают, что Феодор то же говорил и Языкову, который ему сперва противоречил и наконец отвратил разговор в другую сторону и уговорил его на второй брак. В самом деле, 1682 г. февраля 16 Феодор женился на Марфе Матвеевне Апраксиной, но в тот же год апреля 27 скончался, наименовав Петра в преемники престола (в чем не согласен Миллер. см. «Опыт трудов Вольного российского собрания». Ч. V, стр. 120). Царевичу Иоанну было 16 лет, а Петру 10 лет.

О избрании см. «Опыт трудов Вольного российского собрания»¹. Ч. V, стр. 123.

Все государственные чины собрались перед дворцом. Патриарх с духовенством предложил им избрание, и стольники, и стряпчие, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, и гости, и гостиной, и черных сотен, и иных имен люди единогласно избрали царем Петра.

Патриарх говорил потом боярам и окольным и думным и ближним людям, и они были того же мнения.

Петр избран был 10 мая 1682 г. и в тот же день ему присягнули; царица Наталья Кириловна наречена была правительницею, но чрез три недели все рушилось. Боярин Милославский и царевна София произвели возмущение. План их был:

- 1) Истребить приверженцев Петра.
- 2) Возвести царем Иоанна.
- 3) Царя Петра лишить престола (?).

Сумароков и князь Хилков утверждают, что Милославский удержал стрельцов от присяги — Голиков, дабы согласить их с летописью, говорит: многих стрельцов.

Главные сообщники Милославского были племянник его Александр, Щегловитый, Цыклер, Иван и Петр Толстые, Озеров, Санбулов и главные из стрелецких начальников: Петров, Чермнов, Озеров и проч. Сумароков в числе приверженцев Софии именуется и Иоакима.

Санбулов начал возмущение. Он закричал в толпе стрельцов, что бояре отняли престол у законного царя и отдали его меньшому брату, слабому отроку. Александр

---

¹ В этом издании (1774—1783) публиковались исторические памятники. В нем печатались исследования Г.-Ф. Миллера о начальном периоде царствования Петра I.

Милославский и Петр Толстой рассеяли слухи, что Иоанн уже убит, и роздали стрельцам письменный список мнимым убийцам, приверженцам царицы Натальи Кириловны.

Мая 15. Стрельцы, отпев в Знаменском монастыре молебен с водосвятием, берут чашу святой воды и образ божьей матери, предшествуемые попами, при колокольном звоне и барабанном бое вторгаются в Кремль.

Деда Петра, Кирила Полуехтовича, принудили постричься, а сына его Ивана при его глазах изрубили.

Убиты в сей день братья Натальи Кириловны Иван и Афанасий, князя Михайло Алегукович Черкасский¹, Долгорукие Юрий Алексеевич и сын его Михайло, Ромодановские Григорий и Андрей Григорьевичи, боярин Артемон Сергеевич Матвеев, Салтыковы, боярин Петр Михайлович и сын его стольник Федор, Иван Максимович Языков (?), стольник Василий Иванов, думные люди Иван и Аверкий Кириловы, Иларион Иванов с сыном; подполковники: Горюшкин, Юренев, Докторов и Янов; медики фон Гаден и Гутменш. Стрельцы, разбив Холопий приказ, разломали сундуки, разорвали крепости и провозгласили свободу господским людям. Но дворовые к ним не пристали.

Мая 18. Стрельцы вручили царевне Софии правление, потом возвели в соцарствие Петру брата его Иоанна. 25 мая царевна правительница короновала обоих братьев. София уже через два года приняла титул самодержицы-царевны (иногда и царицы), называя себя во всех делах после обоих царей («Древняя российская Вивлиофика». Ч. VII, стр. 400).

Стрельцы получили денежные награждения, право иметь выборных, имеющих свободный въезд к великим государям, позволение воздвигнуть памятник на Красной площади, похвальные грамоты за государственными печатями, переименование из стрельцов в надворную пехоту. Выборные несли сии грамоты на головах до своих съезжих изб, и полки встретили их с колокольным звоном, с барабанным боем и с восхищением. Сухарев полк один не принял участия в бунте.

---

¹ Князь Михаил Алегукович Черкасский убит стрельцами 15 мая 1682 г. не был (см. с. 60). Пушкин следовал здесь ошибочному сообщению Голикова.

Царевна поручила Стрелецкий приказ боярам князьям Хованским, Ивану Андреевичу и сыну его Феодору, любящим стрельцов и тайным раскольникам Аввакумовской и Никитской ереси.

Вскоре после того (?) стрельцы под предводительством расстриги попа Никиты производят новый мятеж, вторгаются в соборную церковь во время служения, изгоняют патриарха и духовенство, которое скрывается в Грановитую палату. Старый Хованский представляет патриарху и царям требования мятежников о словопрении с Никитой. Стрельцы входят с налоем и свечами и с камешьями за пазухой, подают царям челобитную. Начинается словопрение. Патриарх и холмогорский архиепископ Афанасий (бывший некогда раскольником) вступают в феологический спор. Настает шум, летят камешья (сказка о Петре, будто бы усмирившем смятение). Бояре при помощи стрельцов-нераскольников изгоняют наконец бешеных феологов. Никита и главные мятежники схвачены и казнены 6 июня. Царица Наталья Кириловна, по свидетельству венецианского историка¹, удалилась с обоими царями в Троицкий монастырь. После того Петр удалился в село Преображенское и там умножает число потешных (вероятно без разбору: отселе товарищество его с людьми низкого происхождения). Старый Хованский угождал всячески стрельцам. Он роздал им именные побитых бояр. Принимал от них жалобы и доносы на мнимые взятки и удержание *подможных денег*. Хованские взыскивали, не приемля оправданий и не слушая ответчиков.

София возвела любимца своего князя Голицына на степень великого канцлера. Он заключил с Карлом XI (1683 г.) мир на тех же условиях, на коих был он заключен 20 лет прежде. Россия была в миру со всеми державами, кроме Китая, с которым были неважные ссоры за город Албазин при реке Амуре.

Бояре, приверженные к Петру, назначили ему в обер-гофмейстеры князя Бориса Алексеевича Голицына. Он овладел доверенностию молодого царя и делал перевес на его сторону. Многие бояре, а особливо дети их, перешли на сторону Петра.

---

¹ «Венецианским историком» Пушкин называет обыкновенно автора «Жития» Петра Великого, изданного в Венеции в типографии Дмитрия Феодози в 1772 г. См.: «Примечания», с. 448.

Царевна в сие время женила брата своего Иоанна на Прасковье Федоровне Салтыковой (1684 г., января 9). Петру I, бывшему по 12 году, дана была полная свобода. Он подружился с иностранцами. Женевец Лефорт (23 (?) годами старше его) научил его голландскому (?) языку. Он одел роту потешную по-немецки. Петр был в ней барабанщиком и за отличие произведен в сержанты. Так начался важный переворот, впоследствии им совершенный: истребление дворянства и введение чинов. В сие время князь Василий Голицын, бывший главным в комиссии о разобрании дворянских родов и о составлении родословной книги, думал возобновить местничество, уничтоженное царем Феодором в 1681 г. Комиссия была учреждена под начальством боярина князя Владимира Дмитриевича Долгорукова и окольного Чаадаева.

Бояре с неудовольствием смотрели на потехи Петра и предвидели нововведения. По их наущению сама царица и патриарх увещевали молодого царя оставить упражнения, неприличные сану его. Петр отвечал с досадою, что во всей Европѣ царские дети так воспитаны, что и так много времени тратит он в пустых забавах, в которых ему, однако ж, никто не мешает, и что оставить свои занятия он не намерен. Бояре хотели внушить ему любовь к другим забавам и пригласили его на охоту. Петр сам ли от себя или по совету своих любимцев, но вздумал пошутить над ними: он притворно согласился; назначил охоту, но приехав объявил, что с холопами тепшиться не намерен, а хочет, чтоб господа одни участвовали в царском увеселении. Псаря отъехали, отдав псов в распоряжение господ, которые не умели с ними справиться. Произошло расстройство. Собаки пугали лошадей; лошади несли, седоки падали, собаки тянули шнуры, надетые на руки неопытных охотников. Петр был чрезвычайно доволен — и на другой день, когда на приглашение его ехать на соколиную охоту господа отказались, он сказал им: «Знайте, что царю подобает быть воином, а охота есть занятие холопское».

В день Преполовения (того ж 1684 г.) оба царя были на крестном ходу по городской стене и потом обедали у патриарха. Петр расспрашивал патриарха о установлении сего хода и о других церковных обрядах. После обеда

приехал он с боярами на пушечный двор и повелел бомбами и ядрами стрелять в цель. Он сам, несмотря на представления бояр, запалил пушку и, узнав, что поручик Франц Тимерман хорошо знает науку артиллерийскую, повелел его к себе прислать и уехал в Преображенское.

На другой день Тимерман был ему представлен. Петр взял его к себе в учителя, велел отвести ему комнату подле своей и с той поры по несколько часов в день обучался геометрии и фортификации. Он в рощах Преображенского на берегу Яузы повелел выстроить правильную маленькую крепость, сам работал, помогал Тимерману расставлять пушки и назвал крепость Пресбургом. Он сам ее атаковал и взял приступом. Потом в присутствии бояр сделал учение стрелецкому Тарбеева полку. Он осуждал многое в артикуле царя Алексея Михайловича (см. ч. I, стр. 179). В доказательство он одному капральству велел выстроиться и сам скомандовал по-своему. С той поры старый артикул был им отменен и новый введен в употребление (Крекшин).

Миллер относит учреждение потешного войска к 1687 году, потому что в разрядных книгах¹ продолжительное пребывание царя в Преображенском начинается с того года. Но наборы начались уже в 84 году. Записные книги доказывают, что в 87 году увеличилось число потешных, ибо царь уже начал набирать из придворных и конюшенных служителей, и вскоре их прибавилось так много, что уже должно было часть оных поселить в селе Семеновском. Отселе *Семеновский* и *Преображенский*. Петр из Бутырского полка взял 15 барабанщиков (в 1687 г.). Лефорт (в том же году) произведен в полковники. Учреждена конница («Опыт трудов Вольного российского собрания». Ч. IV, «О начале гвардии»). Петр, находясь однажды на Сокольничьем дворе, узнал, что всех охотников до 300 человек. С согласия брата, взял из них молодых в потешные.

---

¹ «Разрядные» (или «записные» книги, как называет их ниже Пушкин), «Дворцовые разряды» — иначе «Дворцовая записка» или «Поденная записка» — на них неоднократно ссылается, вслед за Голиковым, Пушкин, касаясь начального периода царствования Петра I. Ссылки Пушкина на эти записки не следует смешивать со ссылками его на «Журнал, или Поденную записку Петра Великого с 1698 года» (до 1721 г.).

1684 г., мая 14. Посольство от цесаря Леопольда.

Целью оного было склонить Россию на войну с Турцией. Отвечали, что заключенного царем Феодором 20-летнего мира пельзя нарушить и что Россия ничего не может предпринять, пока Польша не отречется от своих притязаний на Смоленск, Киев и всю Украину и не заключит вечного мира.

1684 г., июня 1-го и 2-го Петр осматривал патриаршую библиотеку. Нашед оную в большом беспорядке, он прогневался на патриарха и вышел от него, не сказав ему ни слова.

Патриарх прибегнул к посредничеству царя Иоанна. Петр повелел библиотеку привести в порядок и отдал ее, сделав ей опись, на хранение Зотову, за царской печатью.

Стрельцы между тем продолжали своевольничать. Они самовольно схватили стольника Афанасия Барсукова и солдатского полковника Матвея Кравкова, мучили их на правеже за мнимые долги и дома их разорили. Своего заслуженного полковника Янова, негодуя на его строгость, они с похода вытребовали в Москву и казнили. У Хованских с Милославским завязалась ссора. Милославский принужден был скрываться по своим деревням и оттоле посылать царям и правительнице доносы на Хованских, обвиняя их в потворстве стрельцам, у коих, говорил он, готовится новый бунт противу обоих царей, патрпарха и ближних бояр. Он доносит, что Федор Хованский, хватая своею пороною, происшедшей от королей польских Ягеллов, похваляется браком сочетаться с царевной Екатериной Алексеевной. Правительница поверила Милославскому. Государи укрылись в село Коломенское. 1685 г. марта 2 найдено прибитое к дворцовым дверям письмо, в коем объявлено было намерение Хованских истребить весь царский дом и овладеть государством. Государи уехали в Саввин монастырь, послали оттуда грамоты в Москву и во все города, повелевая войску и палатным людям (и всякого звания) быть как можно скорее в село Воздвиженское, куда они и отправились. Все сие сделано было в величайшей тайне. Хованскому послана была особая похвальная грамота, в коей повелевалось ему и сыну немедленно для нужных советов отправиться к госуда-

рям (куда?). Феофан говорит, что Хованский не хотел прежде сего отлучиться от стрельцов, подозревая недоброжелательство двора. 17 сентября (в день св. Софии) боярин кн. Михаил Иванович Лыков схватил старого Хованского на дороге в селе Пушкине и сына его на реке Клязьме в его отчине и привел обоих в окопах в село Воздвиженское, где, прочтя им указ, без всякого следствия, им и стрельцам Одинцову с товарищами отрубили головы.

Между тем оба царя прибыли в Троицкий монастырь. Туда собралось и множество войск из всех городов (иные говорят до 30, а другие до 100 тысяч). Дан указ боярину князю Петру Семеновичу Урусову идти с замосковскими городовыми дворянами в Переяславль-Залесский. Боярину Алексею Семеновичу Шеину с коломенскими, рязанскими, путивльскими и каширскими дворянами — в Коломну. Боярину князю Владимиру Дмитриевичу Долгорукову с серпуховскими, алексинскими, тарусскими, оболенскими и калужскими — в Серпухов; а новгородскому дворянству послана похвальная грамота.

Сын Хованского, комнатный стольник царя Петра, прибежал в Москву и объявил стрельцам о казнях воздвиженских; стрельцы взбунтовались. Они овладели царскою пушечною, ружейной и пороховой казною, укрепились в Москве, расставили всюду караулы и никого не стали пускать ни в город, ни вон из города. Они громко грозились пойти к Троице. Известясь о том, двор укрепился в монастыре. В сие самое время, пишут летописцы, дана Петру отравы, от которой страдал он целую жизнь. Царевна не знала, что делать. По совету Голицына, она думала употребить противу стрельцов поселенный в особой слободе (при царе Алексее Михайловиче) иностранный полк и послала офицеров оного в монастырь для получения о том указа от государей.

18 сентября из Троицы прибыл к патриарху стольник Зиновьев с грамотою о винах и казнях Хованских. Стрельцы потребовали, чтоб грамота была им прочтена и чуть было не убили Зиновьева, крича: пойдем к Троице и всех побьем. Услышав однако, что государи повелевают забрать и других князей Хованских, именно: двух Петров и Ивана да спальников Федора и Ивана, дабы, сняв с них боярство и дворянство, сослать, — пришли в робость. И боярин Михайло Петрович Головин, прибывший из Троицы для принятия Москвы в свое ведение, успел их укротить.

Патриарх по просьбе их за них заступился. Им прислано было повеление выдать зачинщиков бунта. Они их перехватили и сверх того отрядили из всех полков десятого на казнь. Выборные шли, двое неся плаху, а третий топор. Милославский остановил следствие и суд. Государи простили виновников. Хованского привели в монастырь. Он сослап был в Сибирь, и 30 человек казнены.

Началась реакция. Головин собрал проданные стрельцами пожитки бояр, убитых в первом бунте, и возвратил их наследникам.

Государы наградили войско и чиновников за их верность и усердие.

Перед выездом повелено всем, кроме стрельцов, быть вооруженным. Государы остановились в селе Алексеевском. Стрельцы прибегнули опять к патриарху, и он с выборными приехал умолять государей. Выборные просили позволения столб сломать и жалованные грамоты возвратить.

Тогда двор поднялся в Москву. От самого села до Москвы стрельцы стояли по обеим сторонам дороги, падая ниц перед государями — Иоанн оказывал тупое равнодушие, но Петр быстро смотрел на все стороны, оказывая живое любопытство. У самой Москвы стрелецкие начальники поднесли государям хлеб-соль и отдали пожалованные грамоты.

Петр уехал в Преображенское.

София же повелела Голицыну произвести новое следствие. Несколько их были казнены. Четыре полка посланы служить на границах. Приближенным своим (не из знатных) роздала места. Стрелецкий приказ поручила в ведение Щегловитому; а молодого князя Голицына, двоюродного брата любимца, пожаловала главным судьей Казанского дворца.

Китайский император Кан-Хий прислал государям грамоту с мирными предложениями. Назначен посольский съезд, и главным выбран окольный Федор Алексеевич Головин («Ежемесячные сочинения», 1757 г. Ч. II — 206).

Во Францию отправлен посланник — стольник Семен Алмазов, с дьяком Дмитриевым. Датскому резиденту дозволено купить и вывезти из России хлеба 100 000 четвертей.

1686 г. австрийский император, не успев заключить союза с Россией, обратился к Собескому, который в 1676 г.

принужден был уступить Каменец и заключить с Портою невыгодный мир. Негоциации сии имели успех и были весьма выгодны для России, ибо 26 апреля 1686 г. Польша утвердила вечно за Россией Смоленск, Киев, Новгород-Северский и всю по сей стороне Днепра лежащую Украину.

По словам же «Поденной записки»: *Смоленск, Киев и Северских и Малыя России областей 57 городов по Черный лес и по Черное море.*

Россией заплачено Польше 1 500 000 польских злотых (или 187 500 рублей) и заключен в пользу Австрии оборонительный и наступательный союз. Россия обязалась также через посольство предложить о вступлении в сей же союз Англии, Франции, Испании, Голландии и Дании.

Мир сей утвержден присягою в *Ответной* (посольской палате). После того послы и бояре вошли в Грановитую палату, где сидели на тронах оба царя, а перед ними был налой с евангелием. Дьяк Емельян Украинцев принял евангелие из рук царского духовника, и послы вторично присягнули. После того оба государя говорили речь и дали обещание хранить тот мир ненарушимо. Вельможи, заключившие условия с нашей стороны, были бояре: князь Вас. Вас. Голицын, Бор. Петр. Шереметев, Ив.Ив. Бутурлин, окольниковые: Скуратов и Чаадаев и думный дьяк Украинцев. Голицын получил золотую чашу весом в 9 фунтов, кафтан в 500 рублей да в Нижнем Новгороде волость Богородицкую (3000 дворов).

Вследствие сего, в следующем 1687 году были отправлены послами: в Англию — Василий Семенович Подсвинок, во Францию и Испанию — стольник ближний князь Яков Федорович Долгорукий и стольник князь Мышецкий, к Голландским штатам — дьяк Василий Постников, в Данию — дьяк Любим Домнин, в Швецию и Бранденбург — дьяк Борис Протасов («Поденная записка»). Посольства сии не имели успеха. Папа объявлен был от австрийского императора покровителем и защитником союза.

Петр продолжал между тем свои изучения и потехи. Одно из них происходило на Пресне. Петр стрелял *из всех пушек.*

Петр занимался строением крепостей и учениями. Иоанн, слабый здравием и духом, ни в какие дела не входил. Вельможи, страшась ответственности в последствии времени, уклонились от правления, и царевна София правила государством самовластно и без противуречия.

В совете царском положено было: когда Венеция нападет на Морюю, поляки на границы Подолии, Волины, а цесарцы в Венгрии и Трансильвании вооружатся — тогда нам идти в Крым. Тут же объявлен был от Петра главнокомандующим князь Голицын. *В большом полку* назначен начальником сей же Голицын¹, (? боярин) князь Константин Щербатов, окольникий Аггей Шепелев и думный дяк Украинцев. *В новгородских полках*: боярин Алексей Шеин, окольникий князь Данило Бярятинский. *В Рязанском разряде*: боярин князь Влад. Долгорукий, окольникий Петр Скуратов. *В Севских полках*: окольникий Леонтий Неплюев. *В Низовых полках*: стольник Ив. Леонтьев и Вас. Дмитриев-Мамонов (кн.?). *В Белогородских*: боярин Борис Шереметев и малороссийский гетман Иван Самойлович. Генералу Гордону (под начальством Голицына) поручен был *от Петра* особый отряд (сколько?), из лучшего войска состоявший. Государь осмотрел его сам и изъявил Гордону свое благоволение. Армия состояла (по мнению некоторых) из 400 000, а по свидетельству двух летописей, известных Голикову, из 200 000.

Крымский поход был бесполезен для России. Войско возвратилось ни с чем, ибо степи на 200 верст были выжжены татарами. Обвиняли Самойловича в тайном соглашении с татарами. Он был лишен гетманства и сослан с сыном своим сперва в Нижний, а потом в Сибирь. Старший сын его казнен в Севске за возмущение. Генеральный есаул (?) Иван Мазепа избран малороссийским гетманом (1687 г.). Царевна наградила щедро князя Голицына, всех начальников и даже простых воинов. Первый получил 1000 дворов крестьян и золотую *братину*; все офицеры получили золотые медали (каждая была в 300 черв.

---

¹ «а корпусными командирами» (сообщает Голиков).

и осыпана алмазами); простые солдаты получили медали, старые по золотой, молодые по вызолоченной.

Сей поход принес большую пользу Австрии, ибо разрушил союз, заключенный в Адрианополе между крымским ханом, французским послом и славным трансильванским принцем Текели. По сему союзу хан должен был дать 30 000 войска в помощь верховному визирю при вступлении его в Венгрию; сам же хан с таковым же числом должен был вместе с Текели напасть на Трансильванию. Франция обязывалась помогать Текели деньгами и дать ему искусных офицеров.

В летописи: «История царя Михайла Феодоровича и его преемников» сказано, что Петр был недоволен походом и упрекал князя Голицына в том, что он только что раздражил татар, а отступлением обнажил границы. Тогда повелено трем полкам (30 000) стать по *Белогородской* черте под начальством боярина князя Михайлы Голицына, боярина князя Михайлы Ромодановского и думного дворянина Авраама Хитрова.

Между тем (1688 г.) янычары свергли Магомета и возвели Солимана III. Но как Польша не воспользовалась внутренними смятениями для начатия войны, то и Россия оставалась в покое.

Хан собрал меж тем войско с намерением вторгнуться в Россию. 25 января 1689 года в царском совете положено его предупредить. Князь Голицын опять выступил в поход и при впадении Самары в Днепр заложил крепость Богородицкую, по плану голландца архитектора (?). Петр в сей поход посылал своего любимца Лефорта, дабы, говорит Голиков, ведать поведение начальников. Перед его отъездом взял он себе в лакеи (несправедливо) Меншикова и записал в потешные (см. Голиков, ч. I, стр. 205).

Супруга царя Иоанна сделалась беременна: сие побудило царицу Наталью Кириловну и приближенных бояр *склонить* и Петра к избранию себе супруги. Петр 27 января (по друг.— 17-го) 1689 г. женился на Евдокии Феодоровне Лопухиной, и в следующем 1690 году родился несчастный Алексей.

Брак сей совершился противу воли правительницы. Петр уже чувствовал свои силы и пачинал освобождаться от опеки. Прибывшего из похода князя Голицына он к себе не допустил. Царевна употребила ласки и просьбы, дабы умилостивить молодого государя, который хотя,

наконец, и допустил Голицына к руке своей, но сделал ему строгий выговор за вторичную неудачу. Царевна скрыла свое неудовольствие, ибо видела уже необходимость угождать юному царю. Молва обвиняла Голицына (а некоторые говорят, что доносы офицеров подтвердили обвинения), будто бы он был подкуплен ханом. Царевна успела выпросить у Петра согласие на награды, коими осыпала она своего любимца.

Бояре, угадывая причину сих щедрот и видя опасность прямо приступить к удалению Голицына и к лишению власти правительницы, избрали (говорит Голиков) дальнейшую, но безопаснейшую к тому дорогу. Царевна стала помышлять о братоубийстве. Она стала советоваться с князем Голицыным (раскольником, замечает Голиков), открыла ему намерение Петра заключить ее в монастырь (?). Голицын, помышлявший уже о престоле, с нею согласился во всем и на всякий случай отослал сына своего в Польшу с частию своего имения.

Но гроза уже готовилась. 8 июля (1689 г.) во время соборного крестного хода в церкви Казанской богородицы, когда государи вышли из собора за крестами, тогда правительница пошла вместе с ними. Петр с гневом сказал ей, что она, как женщина, не может быть в том ходу без неприличия и позора. Царевна его не послушалась, и Петр, не дошед еще от Успенского до Архангельского собора, оставил торжество и уехал в село Коломенское, а оттоле в Преображенское.

Царевна приступила к исполнению своего умысла. Она снеслась с Щегловитым¹ и предначертала с ним новый мятеж. Щегловитый в ночь на 5-е (по друг.— на 9-е) августа собирает до 600 стрельцов на *Лыков* двор (где ныне арсенал) и дерзкой речью приуготовляет их к бунту противу *Петра*, который *вводит немецкие обычаи*, одевает войско в немецкое платье, имеет намерение истребить православие, а с тем и царя Иоанна и всех бояр и проч. Разъяренные стрельцы требуют, чтоб их вели в Преображенское; но двое из них, Михаил Феоктистов и Дмитрий Мельнов, успели прибежать прежде и через князя Бориса Алексеевича Голицына открыли Петру весь заговор. Петр с обеими царицами, с царевной Наталией Алексеевной, с некоторыми боярами, с Гордоном, Лефор-

---

¹ Щегловитый (Шакловитый) Федор Леонтьевич.

том и немногими потешными убежал в Троицкий монастырь (без штанов, — говорит Гордон)¹. Перед восходом солнца прискакал Щегловитый с убийцами, но, узнав об отсутствии царя, сказал, что будто приезжал он для смены стражи и поспешил обо всем уведомить царевну. Она не смутилась и не согласилась последовать совету князя Голицына, предлагавшего ей бежать в Польшу.

Скоро все приближенные к государю особы приехали к нему в Троицкий монастырь, откуда послал он в Москву указ к своим боярам и иностранцам быть немедленно к нему с их полками. 10-го явились к Петру Стремяного полка полковник Цыклер и пятисотный Ларион Ульфов, да пятидесятник Ипат Ульфов, да с ними пять стрельцов с доносом на Щегловитого.

Царевна, притворяясь ужаснувшейся новому мятежу, втайне, однако ж, старалась разжечь оный через Щегловитого. Она именем царя Иоанна не допустила исполнить требования Петра, приславшего к Иоанну стольника Ивана Велико-Гагина, *чтоб позволил царь Иоанн быть из всех полков выборным стрельцам*; так и от себя Петр посылал в стрелецкие полки свой *государев указ*, чтоб были к нему выборные *для подлинного розыску*, и с ними полковники *такожде и гостям и гостиной сотни посадским людям и чернослободцам* («Поденная записка»²). Царь Иоанн (говорит *венецианский историк*³) дал указ под смертною казнию не отлучаться из Москвы. Мятежа, однако ж, не было. Царевна, видя, что приверженцы Петра час от часу становятся сильнее, прибегнула к посредничеству тетки своей царевны Татьяны Михайловны и сестер своих царевен Марфы и Марии, дабы примириться с Петром. Они прибыли к Троице и пали к стопам государевым, повторяя затверженное оправдание. Петр, их выслушав, стал доказывать преступление правительницы. Царевна Татьяна осталась с ним в монастыре, а другие две царевны, возвратясь к правительнице, объявили о неудаче своего посредничества.

---

¹ Пушкин имеет в виду запись в дневнике Патрика Гордона (см. «Примечания», с. 403).

² Здесь — «Дворцовые записки».

³ Пушкин имеет в виду Антонио Катифоро, автора книги «Житие Петра Великого», изданной в Венеции в 1736 г., задолго до книги, вышедшей в типографии Димитрия Феодози (см. прим. на с. 21).

София прибегнула к патриарху; старец отправился к Троице. Но Петр не только его не послушал, но и дал ему знать, что сам он должен быть лишен своего сана и на место его уже назначен архимандрит Сильвестр. Патриарх задержан был в монастыре. Царевна в ужасе поехала сама, в сопровождении знатных особ, держа в руках икону спасителю. Но Петр, узнав, что она остановилась в селе Воздвиженском, послал к ней стольника Ивана Ивановича Бутурлина сказать, что в монастырь ее не впустят и чтоб она поехала назад. Царевна упорствовала, говоря, что она непременно хочет увидеть своего брата. Петр послал ей князя Ивана Борисовича Троекурова с последним словом, что буде она не повинуется, то поступлено будет с нею нечестно. Царевна в отчаянии возвратилась в Москву.

Петр вторично писал брату своему о присылке к нему выборных, а им послал опять указ, и 5 сентября все прибыли в монастырь. Петр вышел пред них на крыльцо с царицей Натальей Кириловной, с теткою царевной Татьяной и с патриархом и приказал вслух читать доносы стрельцкие о злодейских умыслах Щегловитого и главных его соучастников: полковника Семена Резанова и выборных стрельцов Обросима и Никиты Гладковых, Козьмы Черного и друг. По прочтении, все предстоящие *приговорили* казнить осужденных.

Петр благодарил за усердие, и половину к нему прибывших послал в Москву с двумястами солдат (потешных?) при Б. П. Шереметеве и полковнике Нечаеве, с повелением схватить преступников, а боярам послал указ явиться к нему. Бояре поспешили повиноваться. Князь Голицын и сын его, Леонтий Неплюев и восемь окольных были в том же числе, но их не впустили, а велели стать на постоянных дворах и дожидаться указа. Посланные в Москву не могли отыскать Щегловитого, сокрытого самою царевною в ее тереме. Они возвратились с прочими его сообщниками. Петр послал опять за Щегловитым полковника Сергеева с 100 выборными и писал брату, жалуюсь на покровительство, оказываемое злодею. Царевна, видя гибель несчастного ее сообщника, велела ему в *запас* приобщиться св. таин. Сергеев прибыл и требовал от нее выдачи изменника. Правительница старалась еще его спа-

сти, но Сергеев объявил ей, что по указу Петра будет он принужден обыскивать ее покои, а царь Иоанн через князя Петра Ивановича Прозоровского прислал сказать ей, что он не только за вора Щегловитого, но и за нее с братом своим ссориться не намерен и приказывал ей выдать Щегловитого. София в слезах повиновалась и вместе с изменником (говорит Голиков) выдала и беспрекословное свидетельство собственной вины своей.

Щегловитый и его сообщники отданы были боярам на суд (кн. Троекурову, Бутурлину и друг.) (?). Четыре дня он ни в чем не признавался. Стали его пытаться голодного, несколько дней не евшего. Щегловитый после нескольких ударов кнутом во всем признался и подал свои показания *на письме за своей рукою*. Пред сим признанием просил он, чтоб велели его накормить. Он и двое из его сообщников (?) были колесованы; прочим отрезали язык, других ссылали. Из них Обросим Петров, когда вели его на казнь, громко винился перед народом, увещевая всех научиться от его примера.

Князь Троекуров, человек умный, *ярый и строгий*, принял в ведение свое Стрелецкий приказ. А розыскные дела поручены боярину Тихону Никитичу Стрешневу.

Вскоре казнен монах Сильвестр Медведев, бывший в *Приказе тайных дел* подьячим. Он пойман был близ Смоленска в Бизюкове монастыре.

Князь Голицын приведен был в Троицкий монастырь. Его не допустили до царя. На крыльце, в присутствии боярина Стрешнева, прочтены ему его вины, за которые он и сын его лишены боярства и имени и сосланы в дальние города. После, однако, сосланы они в Сибирь, в Пустозерск, потом переведены на Мезень, после же на Пинег, где старый князь умер, а сын его наконец прощен. Боярин Леонтий Романович Неплюев осужден был точно так же.

Голиков прибавляет следующие подробности и объяснения:

8 июня (в день крестного хода) голова Стрелецкого приказа окольниковый <Щегловитый> с стрелецкими полковниками и другими чиновниками — Обросью Петровым, Кузькою Черным, Сенькою Резановым, Ивашкою Муромцевым, Демкою Лаврентьевым, Мишкою Четкою, Микиткою Евдокимовым, Егоркою Романовым — собрались и начали заговор.

Дабы озлобить стрельцов, избрали они некоего подьячего Шошина, станом и лицом схожего с боярином Л. К. Нарышкиным. Нарядив его в боярское платье (?) и придав ему *свиту*, заставили его разъезжать по караулам, нападать на стрельцов, бить их и мучить. Шошин ломал их составы, отсекал пальцы и, нападая в рощах на простой народ, многих бил кнутьями и палками и иным резал языки, приговаривая, что он боярин Нарышкин и что он, мстя за братьев, шел их истребить, а сестра-де моя (Наталья Кириловна) и Петр меня послушают. Стрельцы, приходя в приказы, *являли свои раны и записывали*.

Злодеи думали умертвить государя во время пожара. Щегловитый и Обросим Петров на то и покусились. Первый приехал в Преображенское (когда?), расставил *в тайных местах* и в буераках стражу и сам (по праву звания своего) явился к государю и, прошедши до спальни, вышел. В полночь загорелось одно строение, но вскоре было утушено; в ту же ночь пожар возобновился и снова был утушен. Люди придворные и народ возымели подозрение, целую ночь стерегли и не расходились. Заговорщики, видя свою неудачу, распустили сокрытую стражу и отправились в Москву до рассвету.

Поутру донесено о пожарах царю. Петр, еще не подозревая истины, но полагая зажигателей ворами, велел всюду расставить стрельцов Сухарева полка. Щегловитый представлял ему, что надежнее и удобнее стражу составить из всех полков стрелецких. Но (№) Петр на то не согласился. После были еще разные покушения. Заговорщики думали совершить цареубийство в Кремлевском дворце или на дороге из Преображенского; стерегли его на пути, в Кремль вводили ночью стрельцов, которые должны были дожидаться на Лыковом и на Житенном дворах.

Сам Щегловитый забирался иногда на верх Грановитой палаты, а другие препровождали ночи наверху церкви распятия Христова.

Когда же Петр, известясь (8 августа) о злоумышлении, скрылся в Троицком монастыре, тогда бывшие пасторже вестники дали знать о том Соковнину (?). Заговорщики, утрашась, распустили всех стрельцов по домам.

Петр повелел: имена приезжающих бояр (в монастырь), записывать, благодаря их за усердие, и они рас-

ставили около монастыря и по московской дороге стражу.

Царь Иоанн призывал (получив письмо от Петра) к себе Щегловитого и его сообщников, расспрашивая их о смятении. Они во всем отперлись, а доносили о злодействах Нарышкина. Иоанн им поверил, и тогда они кунно с царевною просили его: *да един он царствует*. Царь с гневом отвечивал, что он брату, яко достойнейшему, самовольно уступает престол. Вы же все мятетесь... и повелел их, сковав, отослать в монастырь.

По привезении их Петр повелел патриарху *допросить их по духовенству*. Они принесли повинную и отдали написанную к Софии челобитную от имени всех стрельцов о принятии ею единовластного правления. Петр сию челобитную и расспросные речи за патриаршим свидетельством отослал в Москву к Иоанну.

Вины князей Голицыных сказаны были, что они без указа великих государей имя сестры их, царевны Софии Алексеевны, во всех делах и посольских грамотах установили обще с именами государей писать самодержицею и что в Крымском походе пользы никакой не учинили (тут есть несообразность).

Оставалась ненаказанной главная виновница смятений сестра обоих царей, правительница София. Петр послал ей приказ добровольно удалиться в монастырь. Царевна отклонилась от исполнения воли своего брата и готовилась бежать в Польшу. Тогда Петр послал Троекурова в Москву с повелением взять царевну и, не говоря ни слова, заключить ее в Новодевичий монастырь. Троекуров в точности исполнил приказание Петра; для виду предвзительно отнесли о том к Иоанну.

Царевна самодержавно правительствовала семь лет с половиною. На монетах и медалях изображалась она (по другую сторону царей) в короне, порфире и со скипетром с надписью: «Божиею Милостию Великие Государи Цари и Великие Князья Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и Благоверная Государыня Царевна (а иногда и Царица) и Великая Княгиня София Алексеевна, всея Великия, Малыя и Белья России самодержцы». Титул сей давался ей во всех грамотах, указах и письменных делах,

Изданы во время ее правления писцовый наказ о межевании земель, о разборах по *сортам* людей и войска, о распределении дворцовых чернослободских мест и беломестных дворов, корчемный устав и до 150 указов. Между ними указ, повелевающий казнить смертью лекаря, уморившего своего больного.

---

7 сентября от имени обоих царей состоялся указ, чтобы ни в каких делах имени бывшей правительницы не упоминать.

Петр выехал из монастыря и отправился в Москву. В селе Алексеевском встретили его все чины московские при бесчисленном множестве народа. Стрельцы от самого села до Москвы лежали по дороге *на* плахах, в коих воткнуты были топоры, и громко умоляли о помиловании. Петр въехал в Москву 10 сентября и прямо прибыл к собору. От заставы до самого собора стояло войско в ружье. Петр за спасение свое отслужил благодарственное моление. Перед царским домом встретил его Иоанн. Оба брата обнялись, и старший в доказательство своей невинности уступил меньшому все правление и до самой кончины своей (1696 г.) вел жизнь мирную и уединенную.

Отселе царствование Петра единовластное и самодержавное.

1695 — 1698

ОТ ПЕРВОГО АЗОВСКОГО ПОХОДА
ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ ЦАРЯ
ИЗ ПЕРВОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

1695

Первый Азовский поход

В начале весны войско, из 100 000 состоящее, отправилось под начальством боярина Б. П. Шереметева. В сию же весну были взяты им турецкие города Кизы-Кермень, Нустриг-Кермень и Мурабек; первый был вновь укреплен, прочие разорены. На Днепровском острове Таване построена *вновь* крепость Тавань. Боярин кн. Алексей Семенович Шеин с 31 000 осадил Азов. В сем отряде находился и государь. В первом действии взяты были две каланчи, коих пушки очищали Дов, через который пролегала тройная цепь. Одну из сих каланчей взяли *новые* солдаты приступом, вступив в воду по плечи. Другая, в коей было гарнизону 6000 отборного войска, брошена была неприятелями. В ней найдена 21 пушка. Однако ж осада была неудачна. 1) Петр не имел еще флота, коим мог бы препятствовать привоз воинских и съестных припасов (воронежские корабли не были готовы). 2) В войске не было искусных инженеров, а начальствовавший артиллерией гвардии капитан голландец Якоб Янсен, ночью заколота пушки, бежал в Азов. Осенью Шеин отступил, оставя в завоеванных каланчах по 3000 войска для задержания города в осаде. Войско разведено было по ближним городам,

а в крепости и шанцы по Днепру определены гарнизоны.

По указу государя отправлен из приказа Большая Казны в Индию купчина *Маленький* с юфтью, рыбьей костью и сукнами. Ему дана была подробная инструкция. *Маленький* был в Испагани, в Агре и в Дели, имел свидание с шахом и Великим Моголом, путешествие его продолжалось пять лет, он умер на возвратном пути («Журнал Петра Великого». Ч. II—345)¹,

1696

Петр в начале года возвратился в Москву.

Генваря 29 скончался брат его царь Иоанн Алексеевич на 30-м году от рождения.

Петр до самой его смерти оказывал ему свою любовь, и во всю жизнь свою сохранял глубокое уважение ко вдовствующей царице и дочерям ее. (*Не отличая их от своих чад*, пишет Голиков.)

Испытав нужду в искусных инженерах и артиллеристах, Петр отправил в чужие края многих дворянских детей (в том числе двух братьев боярина Шереметева) *для обучения*. А к австрийскому императору и курфирсту бранденбургскому и к Голландским штатам послал с просьбою о присылке инженеров и минеров. В начале весны Петр вывел из Воронежа 2 военных корабля, 23 галеры, 2 галеаса и 4 брандера (о построении сего флота Петр писал к Апраксину в Архангельск) (когда?): «По причине невзятия Азова, в консилии гг. генералов указано мне к будущей весне делать корабли» (Голиков).

9-го мая Петр прибыл с сим флотом и с 4000 войска в Черкасск и, уведомясь о появлении в море турецких кораблей, пошел к каланчам. Оттоле на галерах прибыл в Куньюрмирское морское устье и, сев на легкое казачье судно, с казаками, осмотрел все прочие устья. С Караянского острова увидел он девять турецких кораблей и несколько галер, идущих к Азову с *подможным* войском и с запасами. Петр повелел казакам притаиться. На другой день 14 турецких *тумбасов*, нагруженных снарядами, от-

---

¹ В дальнейшем: «Журнал его величества», «Журнал» или «Поденная записка».

Министерство путей сообщения
и внутренних сообщений, Высшее
учебное заведение в г. Харькове
имени Г. Шевченко (г. Харьков)
(в том же - институт Г. Шевченко
Горького (Муромского) г.
Харьков). А в Харьк.
и университете и Харьк. г.
Горького (Муромского), а в
Горьк. и Харьк. г. Харьк. и
Харьк. и Харьк. г. Харьк. и
Харьк. г. Харьк. и Харьк. г.

правились к Азову. Казаки, по повелению царя, на них напали, девять из оных потопили, других взяли в плен и, выгрузя, сожгли и два привели к острову. За остальными же судами погнавшись к турецкому флоту, отбили два больших корабля, которые сожгли за невозможностию вести оные к Азову. Несколько судов, однако ж, во время битвы прошли в Азов и доставили осажденным 3000 бомб, 5000 гранат, 500 ружей, 700 копий (?), 86 бочек пороху и на 3000 человек запасов. (Все это рассказано Голиковым очень сбивчиво.) Добыча отдана казакам.

16 мая началась Азову *формальная атака* (Голиков).

Войско расположено было следующим порядком: в середине (?) стоял Шеин с 15 000 пехоты и с 10 000 конницы. Гордон *имел лагерь* с правой стороны с 14 000. Между *ими* заняли место бомбардиры с артиллерией и амуницией (Вагенбург?). На левом крыле стоял генерал-майор Рихман с 7000. Позади его Мазепа с 10 000 пехоты и 6000 конницы. Подле него с левой стороны 4000 донских казаков.

Калмыкам назначено было место при каланче (внутри циркумвальной линии).

С другой стороны реки для атаки — наведен был мост, с берегу прикрытый двумя укреплениями, а со стороны реки новым нашим флотом под начальством Лефорта. Да при реке же против Азова сделаны были *одни большие*, а двое малые шанцы, в коих находилось 1800 пехоты при 12 пушках и 17 мортирах. Казацкие военные лодки стояли в устье Дона, их прикрывали особо поставленные на берегу войска.

Река укреплена была переложенною через все цепью и шанцем и пушками по обоим берегам.

Турецкий флот стоял в море против устья в бездействии, а прибывший из Константинополя каймакан с 40 фрегатами был праздным зрителем осады.

Крымская и кубанская сила под начальством кафимского пашы, Нурадин-султана и ханских детей шесть раз на лагерь наш напала и шесть раз была прогоняема до реки Кагальника. Одних дворян у нас убито, ранено и пропало без вести 96 человек.

Шереметев между тем действовал вниз по Днепру против татар. Запорожцы на Черном море взяли восемь турецких кораблей, шедших в Очаков с хлебом, и другие девять с разными товарами.

Во время осады прибыли к Азову от австрийского императора посланные: артиллерии полковник де Гарг, четыре главных инженера — барон Боргсдорф, Лавалл, Шмидт и Урбан да минерный унтер-офицер с шестью рядовыми. От курфирста бранденбургского инженеры Розен, Гольцман и канонеры Шустер, Кобер-Гак и Гизивестр. Прежде их от Голландских штатов артиллеристы фон Стамм Гусков, Гордес, Шмидт и Шпаррейстер (последний при осаде был от артиллерии генерал-майор).

Наконец Азов принужден был сдаться на следующих условиях:

Гарнизону выйти с женами, детьми и с имением, сколько кто на себе унести может, прочее оставить в крепости.

Изменника Янсена выдать.

Турки на 18 стругах отправлены при двух наших галерах до реки Кагальника. Начальник азовский стал на колена перед Шеиным и, поцеловав полу его кафтана, благодарил за верное исполнение договора. 19 июля русское войско заняло Азов — в нем найдено 96 пушек. Вслед за Азовом сдалась крепость Лютик (в оной было до 40 пушек).

Петр, во все время принимавший деятельнейшее участие в сражениях и в работах, повелел исправить укрепления и с австрийскими инженерами приступил к устройству гавани. Государь, уведомив патриарха о взятии Азова, повелевал принести господу богу торжественное благодарение.

Между тем по царскому повелению генерал-майор фон Менгден вымерил и описал землю, а капитан артиллерии Яков Вилимович Брюс (впоследствии генерал-фельдмаршал) сочинил по той описи карту, от Москвы к югу до берегов Малой Азии, и Крымскую Татарию (достать из Главного штаба); сочинена другая карта — землям между Доном и Днепром. Петр положил соединить Волгу и Дон и велел начать уж работы, положив таким образом начало соединению Черного моря с Каспийским и Балтийским.

После того, оставя в возобновленном Азове четыре стрелецких и четыре же солдатских полков под начальством кн. Львова, отправился он с войском к Москве, куда и прибыл 30 сентября. Петр учредил триумф, в коем главное лицо было Лефорт, а по нем уже Шеин. Первый ехал на колеснице, окруженной 3000 морских офицеров и

НАВЯЗТЬЕ АЗОВА.

матросов; у триумфальных ворот встретила его пушечная пальба и пропета похвальная песнь; другая подобная пропета была Шеину, в ней предрекали ему победу над Измайловым родом. Третья песнь пета была в честь чиновникам и воинам. Триумф наконец украшен был и Якобом Янсеном, который ехал под виселицей, обвешенной кнутами.

В честь сего похода выбита медаль с изображением Петра и с надписью: *молниями и волнами победитель*¹.

Когда государственные чины пришли поздравлять государя с победою, то он сказал им, что победу сию должно приписать флоту, им выстроенному, хотя и в малом числе. Он тут же объявил о намерении своем умножить его 66-ю новыми кораблями, расписал им математический размер, 10 кораблей взялся построить на свой счет, 6 повелел строить на счет патриарха, 5 на счет духовенства, на бояр положил 34, а бомбардирные и брандеры, числом 11, разложил на города. В три года, несмотря на общий ропот, флот был выстроен, снащен и вооружен 2506 пушками да 11 мортирами. Войска на нем было 16 800 чел. (из сих кораблей линейных было 14, второго ранга 15, третьего 5, четвертого 19, пятого 2). Прибавляют к сему числу 200 бригантин, множество гальотов и буеров, кроме 300 бригантин *простой работы* да 300 барок на Волге.

¹ На медали — «Молниями и волнами победитель».

Сверх воронежской Петр устроил другую верфь в Брянске, на реке Десне, на коей строились галеры.

Крымский хан прислал посла в Москву с мирными предложениями, но Петр не принял их, повелел послу выехать немедленно и отослал его к австрийскому императору. С Леопольдом заключил новый союз на три года, по коему без общего согласия обе державы обязывались с Турцией не входить ни в какие переговоры. Венецианская республика приступила к тому же союзу; а к Петру прислала многих литейных и корабельных мастеров, конопатчиков и матросов.

В сие время Петр назначил 35 боярских и дворянских детей, которых и отослал в чужие края для изучения инженерству, корабельному искусству, архитектуре и другим наукам. Он дал им *рекомендательную и просительную* грамоту к цезарю, королям, Генеральным голландским штатам, курфюрстам, принцам, графам и другим начальным людям и подданным и морским вольным добытникам, о свободном их проезде, о покровительстве и вспоможении. Петр обещал с своей стороны всякое покровительство их подданным, приезжающим в его государство. Грамоты сии были писаны на русском и на латинском языке. Голиков имел у себя копию с грамоты, данной дворянину Колычеву. Б. П. Шереметев, угождая государю, в то же время просил его о дозволении объездить часть Европы и отправился в путь со многими молодыми дворянами и с письмами от государя к разным государям (к королю польскому, к императору австрийскому, к папе, к венецианскому дожу и к мальтийскому гроссмейстеру).

Отсылая молодых дворян за границу, Петр, кроме пользы государственной, имел и другую цель. Он хотел удержать залог в верности отцов во время своего собственного отсутствия. Ибо сам государь намерен был оставить надолго Россию, дабы в чужих краях учиться всему, чего недоставало еще государству, погруженному в глубокое невежество.

Скоро намерение государя сделалось известно его подданным и произвело общий ужас и негодование. Духовенство видело в сообщении с еретиками грех, воспрещаемый священным писанием. Народ жадно слушал сии толкования

и злобился на иноземцев, почитая их развратниками молодого царя. Отцы сыновей, отправляемых в чужие края, страшились и печалились. Науки и художества казались дворянам недостойным упражнением. Вскоре обнаружился заговор, коего Петр едва не сделался жертвою.

Указы 1696 (28) ¹

Судные дела всем служивым отсрочить до их возвращения (кроме татейных и разбойных).

Всем сибирским городам, уездам и селам и деревням учинить описание и чертеж.

Издано пожарное учреждение, как кому поступать.

Повелено брать пошлины с приезжих в Москву крестьян, *принадлежащих московским соборам* (№3).

Торопецким купцам дана сумма (?) ефимков etc.

Отказано сибирскому митрополиту, просившему вместо жалования Ницынскую слободу.

Запрещено купцам брать *по комиссии* у воевод и чиновников соболей и прочую рухлядь (монополия казны).

Повелено Сибирскому приказу узнать от купцов и их приказчиков, сколько они при воеводах князей Гагариных заплатили пошлин и десятины и какие воеводские товары привезены были ими в Китай и сколько.

Указано сибирские таможенные дела ведать не воеводам, а выборным из купечества головам и высылать их для счетов в Москву.

Указано путь в Сибирь и из Сибири *через Верхотурье*, а тут учреждена крепкая таможня.

Дан указ никого в Сибири без ведома Сибирского приказа смертью не казнить и никому не делать обид и *приметок*.

Издан наказ илимскому воеводе.

Таковой же и нерчинскому в 31 статью.

Установил порядок в пошлинных сборах (*красная юфть полагалась 1 пуд по 4 рубли*).

Прочие указы относятся к торговле.

---

¹ В скобках приводится число указов, издаваемых Петром в данном году.

Окольный Алексей Соковнин, стольник Федор Пушкин и стрелецкий полковник Цыклер сговорились убить государя на пожаре 22 января 1697. (*Берхман*¹ — 2 марта. См. Туманский. Ч. V)².

Иные писатели утверждают, что жена Ф. Пушкина (дочь Цыклера) донесла на мужа своего государю, но по делу видно, что доносителями были два стрельца: пятисоцкий Ларион Елизаров и пятидесятник Григорий Силин.

В *Истории Меншикова* сказано, что некоторые из оппозиционных вельмож приблизились к нему, стараясь и его привлечь на свою сторону: что таким образом узнал он о заговоре и донес о том государю (*невероятно*).

Петр приказал гвардии капитану Лопухину в назначенный час быть с командою в *такой-то* дом (к Соковнику?), а сам, не дождавшись, приехал туда же с одним денщиком. (Здесь произошел славный случай: *пора?* — *нет, не пора!* и две пощечины, одна заговорщику, другая вошедшему Лопухину³.) Заговорщики захвачены были в Преображенск и казнены четвертованием 5 марта.

Петр во время суда занемог горячкою; многочисленные друзья и родственники преступников хотели воспользоваться положением государя для испрошения им помилования (девять человек). Но Петр был непреклонен; слабым, умирающим голосом отказал он просьбе и сказал: надеюсь более угодить богу правосудием, нежели потворством.

При сем случае Голиков рассказывает анекдот о царском лекаре Тирмонде, в запальчивости убившем слугу своего и прощенном у государя с условием тем, чтоб он *утешил* и обеспечил жену и детей убитого.

¹ Об «Истории» Берхмана (В. Бергмана) см.: «Примечания», с. 419.

² «Собрание разных записок» о Петре Великом в 10-ти томах, изданное Ф. Туманским. СПб., 1787.

³ Пушкин имеет в виду анекдот, рассказанный Штелином, о том, как Петр сам арестовал покушавшихся на его жизнь заговорщиков. Согласно этому анекдоту, первую пощечину Петр дал заговорщику, сказавшему «пора» (напасть на Петра), а вторую — капитану Лопухину, опоздавшему, как ошибочно показалось Петру, явиться к месту происшествия.

Петр поручил правление государства боярам князю Ромодановскому и Тихону Никитичу Стрешневу, придав к ним в помощники бояр Льва Кириловича Нарышкина, князя Голицына (?) и князя Прозоровского. Князю Ромодановскому дан титул кесаря и величества, и Петр отпосился к нему как подданный к государю. Преображенский и Семеновский полки с несколькими другими (?) отданы под начальство боярища Шенна и Гордона. Учредив таким образом правление, Петр отправился путешествовать.

Назначено было Петром посольство в Европу. Главной особою был генерал-адмирал Франц Яковлевич Лефорт, тайный советник Федор Алексеевич Головин и статский секретарь (думный дьяк) Прокофий Богданович Возницын. При них четыре секретаря; 40 *господских детей* знатных родов (в том числе и Меншиков) и 70 выборных солдат гвардии с их офицерами, всего 270 человек. Петр скрылся между дворянами посольства. Посольство отправилось из Москвы 9 марта 1697.

Путь лежал через Лифляндию, принадлежавшую тогда Швеции. Королю дано было предварительное известие о путешествии (через шведского резидента Книпер-Крона) государя с требованием безопасного проезда, без церемоний, подобаемых его сану.

Шведский двор принял слова сии в буквальном смысле, и когда посольство вступило в шведские владения, то оно принято было простым дворянином, присланным генерал-губернатором рижским Дальбергом. По дороге не было ни малейшего наряду, так что посольство принуждено было все нужное доставать с трудом и за большие деньги. Шведский же дворянин имел за посольством присмотр и содержал его как бы под честным караулом (следовательно, был военный отряд?). На замечание недовольных послов он отвечал, что поступает по приказанию начальства.

По приезде в Ригу губернатор не встретил посольства, не отвел квартир — и оно принуждено было нанять негодные дома в предместьи; были около их расставлены караулы, умножены дозоры, учреждены разъезды. Послы от себя отправили к губернатору жалобы и просили, чтоб с ними поступали по древнему обычаю, но губернатор, под видом болезни извиняясь, что не посетил послов, принял посланного в постеле, а для покупок позволил

в крепость входить только шести человекам вдруг, и то под присмотром военных людей, и с тем, чтобы они к валам и к укреплениям близко не подходили. Послы вторично требовали объяснения столь неприличным и грубым подозрениям о знатнейших особах государства. На сие губернатор отвечал прямо, что подозрения его имеют многие основательные причины, ибо получено уведомление, что под видом посольства скрывается тайное намерение. За сим обидные поступки губернатора усилились. Русских останавливали у мостов, осматривали, приставили к каждому по два человека с ружьями. Более двух часов не дозволялось им оставаться в городе. Однажды Петр поехал осматривать голландские корабли, с намерением нанять один из них для переезда, а как дорога шла около контрэскарпа, то расставленные на валу часовые закричали ему, чтоб он мимо крепости не ездил, и хотели в него стрелять. Им отвечали, чтоб они показали другую дорогу; другой не было, и государя наконец пропустили. Губернатор жаловался, говоря, что люди русские, идучи мимо крепости, снимали с нее чертеж, и грозился, что в подобном случае впредь прикажет по ним стрелять. В это время известили Петра, что губернатор намерен его задержать и что уже заказано никого из русских за реку не перевозить. Петр, оставя посольство, нанял за 60 червопцев два малые бота и тайно выехал в опасное время оттепели в Курляндию и в Митаве дождался своего посольства, которое и было с великою честью принято.

Феофан пишет, что когда из Курляндии послан был курьер Суворцев, то был он три дня задержан губернатором, который, расспросив его, обобрал, обругал и едва отпустил.

Посольство из Курляндии намеревалось отправиться морем в Голландию; но либавские жители представляли об опасности плавания по причине французских каперов. Но Петр не утерпел и с шестью особами, сев на корабль, уехал тайно в Кенигсберг, где имел свидание с бранденбургским курфирстом Фридериком I (*incognito*).

Послы не знали, куда девался государь; наконец известились, что он в Кенигсберге, и отправились туда же. Их приняли с пушечной пальбою, дава им аудиенция. Послы одеты были в русское платье с бриллиантовым гербом на шапках; послы от имени Петра благодарили курфирста за присланных инженеров, уверяли его в высокопо-

читании и искренней приязни царя. Курфюрст слушал, стоя без шляпы, и спросил их о здравии государя (стоявшего от него в нескольких шагах). Послы отвечали, что оставили его в Москве в добром здравии. Потом послы вручили царскую грамоту, поднесли дары и торжественно были отпущены.

13 мая была конференция, ввечеру сожжен фейерверк — с вензелем царя и с гербом России. Транспарант представлял взятие Азова.

Петр под именем обер-командира (он имел тогда чин десятника, см. «Журнал Петра Великого») посещал часто курфюрста и имел с ним откровенные разговоры; он обучался артиллерии. Записывал все достопамятное в свою дневную записную книжку; разговаривал с ремесленниками и с профессорами etc.

Между тем послы протестовали о обидах рижского губернатора.

22 мая послы имели прощальную аудиенцию и, отужинав в Фридерихсгаме, отправились в Амстердам через браденбургские, люнебургские и вестфальские владения.

В Берлине Петр остановился и занимался там артиллерией, и получил аттестат. Посольство везде принято было с честью. Но в Ганновере был недоволен приемом. Петр зато никогда не любил бывшего курфюрста, а впоследствии английского короля Георгия I.

Во время сего путешествия государь однажды в пьянстве выхватил шнагу противу Лефорта и просил потом у него прощения.

Петр выходил часто из коляски, обращая свое внимание на земледелие, срисовывал незнакомые орудия, расспрашивал и записывал.

В Любеке и в Гамбурге начальники городов (бургомистры) старались угостить и угодить посольству, выгадывая пользу себе в торговле с Архангельском. Но государь спешил в Голландию. Он отправил наперед известительную грамоту к Штатам, а сам, оставя посольство, с семью из своих дворян отправился по почте в Амстердам и прибыл туда 14 дней прежде посольства.

Приехав, нарядился он со своею свитою в матросское платье и отправился в Саардам на ботике; не доезжая, увидел он в лодке рыбака, некогда бывшего корабельным плотником в Воронеже; Петр назвал его по имени и объ-

явил, что намерен остановиться в его доме. Петр вышел на берег с веревкою в руках и не обратил на себя внимания. На другой день оделся он в рабочее платье, в красную байковую куртку и холстинные шаровары и смешался с прочими работниками. Рыбак, по приказанию Петра, никому не объявил о его настоящем имени, Петр знал уже по-голландски, так что никто не замечал или не хотел дать вид, будто бы его замечает. Петр упражнялся с утра до ночи в строении корабельном. Он купил буер и сделал на нем мачту (что было его изобретением), разъезжал из Амстердама в Саардам и обратно, правя сам рулем, между тем как дворяне его исправляли должность матросскую. Иногда ходил закупать припасы на обед, и в отсутствие хозяйки сам готовил кушанье. Он сделал себе кровать из своих рук и записался в цех плотников под именем Петра Михайлова. Корабельные мастера звали его Piter Vas, и сие название, напоминавшее ему деятельную, веселую и странную его молодость, сохранил он во всю жизнь.

Петр жил в Саардаме полтора месяца; после переехал он в Амстердам и, наняв близ Адмиралтейства домик, жил в нем под именем корабельного мастера. Тут заложил он собственными руками 60-пушечный корабль и ежедневно ходил на работу с топором за поясом. «Мы, последуи слову божию (*писал он к патриарху от 10 сентября*), бывшему к праотцу Адаму, трудимся; что чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы искусяся совершенно, могли возвратиться и противу врагов имени Иисуса Христа победителями, благодатию его, быть».

Народ знал его и всегда толпился около него. Петр однажды в Саардаме оттолкнул мальчика, который бросил в него гнилым яблоком, что Петр перенес терпеливо.

15 сентября посольство въехало в Гаагу. Петр соединился с ним за две версты от города. Встречены были послы *двумя из Генеральных штатов*; 50 карет, запряженных пугами, ожидали их. Петр сел в одну из них с молодым князем Голицыным. Въезд был встречен пушечной пальбой. Народ провожал послов до самого их дома. Председатель с семью генеральными штатами прибыл в шести каретах для поздравления. Послы встретили их у крыльца. Председатель угощал их столом. 16-го приехал г. Вит-

сен, бургомистр амстердамский, с двумя штатами и также угосал, что и продолжалось до дня аудиенции.

Аудиенция происходила таким образом: послы в русских платьях ехали в великолепной карете, перед которой шли 10 пажей и 25 лакеев. Дворяне посольства ехали вслед по два человека в карете. Петр сидел опять с князем Голицыным в самой последней. При въезде на двор (?) караул отдал честь при барабанным бое и музыке. Два штата приняли послов у крыльца. 37 сидевших за столом в аудиенц-зале Генеральных штатов встали при входе послов и посадили их за свой стол, а дворяне стали за их креслами. Послы говорили речи, а Возницын подал грамоту. По прочтении грамоты послы поднесли в дар штатам 600 соболей и провожены обратно двумя же штатами. В тот же день все штаты посетили послов; а послы наши были у штатгалтера.

Министры иностранных дворов, бывшие в то время в *Ризвике* на конгрессе, съехались в Гаагу из любопытства и посетили наших послов. Один французский министр не приехал: двор его досадовал на Петра за предпочтение Августа перед принцем Конти в деле о польской короне.

Когда после взаимных визитов послы наши отправились домой из театра, то провожаемы были гвардией штатгалтерской и двадцатью факелами.

Петр на другой день отправился в Лейден, где осмотрел университет и анатомический театр. Профессора поднесли ему описание оному на латинском языке. Возвратясь в Гаагу, Петр ездил с Лефортom в карете, заплаченной 1800 червонцев, со всею свитою в загородные сады, при стечении многочисленного народа. 28 октября праздник, фейерверк и иллюминация.

Петр потом ездил в Амстердам, где осмотрел кунсткамеру, математические инструменты и минц-кабинеты, звериные и птичьи дворы (*ménageries*), церкви, между коими очень полюбилась ему квакерская; в синагоге видел обрезание младенца; посетил он и зазорные дома (бордели) с их садами; видел 20 сиротских домов, дом сумасшедших; собрание ученых; слушал их диспуты. В главном трактире обедал со своим посольством (за столом сидело 32 человека и за стол заплачено 207 ефимков). Наконец амстердамские чины дали морское примерное сражение. После того государь был в Роттердаме, где

заметил он статую Эразма, в Лейдене и Делфе, и возвратился в Гаагу, где снова принялся за корабельное строение, посещая меж тем фабрики, на коих делались якоря, канаты etc., везде принимаясь сам за работу. На бумажной фабрике, осмотрев и исследовав раствор, он сам вычерпнул лист бумаги, который все мастера нашли удивительно тонким и чистым. Государь обучался анатомии, хирургии, инженерству, географии, физике etc.

Получив известие, что в Польше произошли смятения в пользу принца Конти, Петр из плотнического сарая послал повеление войску своему двинуться на помощь Августу.

В то же время получил он известие от Шеина, который 1 августа разбил соединенных турков и татар, шедших противу Азова. Калга-салтан, предводительствовавший крымскими, ногайскими, черкесскими и кубанскими ордами, был прогнан до Кагальника. Сражение продолжалось 11 часов. Русские взяли город Кубань. Татары через *Шефкала* и Аюку-хана просили дозволения кочевать у какой-нибудь реки, обещаясь в случае нужды служить России и выставить до 100 000. Татарский флот, состоящий из множества гальотов и *саек*, подходил к Азову, но с уроном также был прогнан.

Корабль Петра был готов. Царь, наименовав «Петр и Павел», отправил его в Архангельск. Сей корабль был первый из российских, явившихся в Белом море.

В Саардаме государь полюбил матроса по имени Мус (*Mousse?*) и, взяв его в Россию, определил шкипером на одном военном корабле. Под его ведомством Петр прошел все степени морской нижней службы, начиная с должности *каютного хлопца* (см. Голиков, ч. I—313).

В Амстердаме государь часто беседовал с бургомистром Витсенем, который и посвятил ему изданную им географическую карту северо-восточной Татарии. Витсен однажды просил амстердамским жидам позволения селиться в России и заводить там свою торговлю. «Друг мой Витсен,—отвечал государь,— ты знаешь своих жидов, а я своих русских; твои не уживутся с моими; русский обманет всякого жида».

Карты Менгдена и Брюса были тогда напечатаны на голландском языке у Иоанна Тиссинга.

Послы протестовали и перед республикой об обидах Далберга. А бывший там шведский посланник барон Рот

уверял, что от шведского короля получают они удовольствие. Но того не исполнено.

Петр, узнав, что морская архитектура в Англии более усовершенствована, чем в Голландии (см. Голиков, ч. I, стр. 315), повелел посольству иметь прощальную аудиенцию. Послы получили: Лефорт — золотую цепь с голландским гербом в 10 фунтов, Головин — в 8, Возницын — в 5¹/₂ и все прочие цепи во 120 червонцев.

Указы 1697-го (34)

Послан грек Леводнас с 10 товарищи отыскивать в Сибири серебряные руды.

О постройке в Сибири железных заводов — с особой инструкцией.

Пожалованы Строгонову пермские соляные заводы (из приказа Большая Казны) за 11 000 р. в год и за 100 000 пудов соли.

44 статьи воеводе кн. Волконскому о службе в гор. Терках.

Устав о порядке в судопроизводстве. О свидетелях, о присяге, о смертной казни лжесвидетелям (семь статей).

Беглых стрельцов повелел бить кнутом и ссылать в Азов, а людей, присужденных к ссылке, записывать в службу или отсылать в Азов же.

Сыщикам быть в ведомстве у думного дворянина Степана Ловчикова.

Наказ выборному голове о питейных сборах.

О сборе пошлин с весов и мер хлеба и овощей.

Учреждение о казенном табаке. Продавать оный *явно* в *светлицах* при кабаках (тайная продажа запрещена), кроме Малороссии.

До 1 декабря пошрины с табаку употреблять на постройку оных светлиц.

Дозволить иноземцу Томасу торговать табаком беспошлинно год.

О торге табаком в Сибири *на деньги, а не на товар.*

О ведении табачного сбора в Преображенском приказе князю Ромодановскому.

Устав о пошлинном сборе, о виноградных винах.
Несколько указов о соболях etc.
О не-езде в Сибирь без ведома Сибирского приказа.
О собирании в *Плесе* пошлины с лесу и дворов etc.
Первый указ о наборе рекрут.

1698

В начале года Петр отправился в Англию на яхте и на трех английских военных кораблях, присланных от короля, с частию своего посольства. Лефорта оставил он в Амстердаме и, расставаясь с ним, плакал (вероятно будучи пьян).

10 января принято посольство в Лондоне и расположилось в Темплбаре; а Петр с Меншиковым в Дептфорте, близ Лондона на Темзе. Король Вильгельм в тот же день его посетил.

Петр осматривал однажды Греничский госпиталь — и, в тот же день обедая у короля, сказал ему: *«Советую вам переменить дворец ваш на госпиталь, а госпиталь на дворец»*. Лондон ему нравился, «потому что в нем богатые люди одеваются просто». — Увидевшись с датскою принцессою Анною, он подвинул ей стул и сел, сказав ей: «так нам будет покойнее».

12-го апреля Петр посетил парламент. Король был на троне посреди лордов (?).

Между тем он неуспынно учился морской архитектуре. Время проводил он, как и в Голландии. Король подарил ему 25-пушечную яхту и модель военного корабля и велел дать морское примерное сражение. Тогда-то, восхищаясь маневрами, сказал он: «Если б я не был русским царем, то желал бы быть английским адмиралом».

Потом ездил он в Гордервик и видел там такие же морские эволюции. На возвратном пути претерпел он бурю. Петр, ободряя с ним бывших, говорил им: «Слышали ль вы, чтоб царь когда-либо утонул?»

В Лондоне нанял он множество корабельных плотников и матросов и при двух мастерах, Дене и Нае, отправил их в Россию.

В числе их (по свидетельству Катифора) находилось 23 шкипера (из оных 3 для военных судов), 30 кварталмейстеров, 30 лекарей, 60 подлекарей, 200 пушкарей,

4 компасных мастеров, 2 парусных и 2 якорных, 1 резчик, 2 кузнеца, 2 конопатчика, 20 корабельных работников etc.

Петр с тамошними купцами заключил договоры, между прочим о продаже табака.

Король советовал ему через Швецию не ездить.

Приехав в Амстердам, Петр продолжал начинать разных художников и мастеров. Старался разведовать тайны голландского банка, а с банкирами заключил условия корреспонденции (Savary¹). Также начал он собрание птиц, рыб, уродов и анатомических препаратов, накупил он многие картины; нанял гравера *Петра Шикарда*, который на меди вырезал потом его военные походы и виды петербургские и украшал виньетами печатаемые в России книги. У него были и несколько русских учеников.

Петр в Дрездене посетил курфиршескую фамилию, кунсткамеру и цейгаузен. В Вену прибыл 5 июня.

Посольство принято было со всевозможной торжественностью. Петр имел свидания с Леопольдом, при графах Валленштейне и Дидрихштейне. Рассуждали о войне с Турцией и положили не заключать мира без обоюдного согласия Австрии и России. Петр во все время стоял с непокрытою головою; и Леопольд принужден был делать то же.

Президент военного совета граф Штаренберг угощал посольство, и в день Петра и Павла послы давали царю и двору его обед и фейерверк.

Петр получил от кн. Як. Фед. Долгорукого донесение о победе под Перекопью, где убито до 40 000 человек и взято в добычу лошадей до 30 000 (serrez, serrez!)².

10-го Леопольд дал царю праздник: вся императорская фамилия и все гости были в костюмах разных народов и званий. Цесарь представлял *простого хозяина дома* (трактирщика?), Петр с графиней девицей Турн — фризландских крестьян. За столом хозяин встал и поднес покая вина Петру, говоря: «Я знаю, что русский царь вам знаком, выпьем же за его здоровье». — «Правда, — отвечал Петр, — я его знаю, как и то, что он вам приятель, а вашим недругам — недруг».

---

¹ Савари Жак (1657—1716) — автор «Коммерческого лексикона» с историческим предисловием к нему.

² сбавьте, сбавьте! (*франц.*)

В Вепе Петр продолжал осматривать все достоинство любопытства. Он объездил и окрестные места, Пресбург, Баден etc. — и с дозволения цесаря взял к себе в службу многих *рудокопных мастеров*, живописцев, токарей etc.

Петру не понравились одни иезуиты. Он им не дозволил приехать в Россию.

Июля 17 послы имели прощальную аудиенцию. Лефорт говорил речь по-русски, а камергер виц-канцлер граф Кауниц от имени цесаря — по-немецки. Разменялись подарками.

Шереметев между тем с таковым же великолепием путешествовал с своей стороны и принят был везде с честью и торжеством. Папа и венецианский сенат оказали ему мало разницы в приеме с коронованными главами; а в Мальте принят он был в число кавалеров, несмотря на то, что он был греческого вероисповедания и женат.

Петра ожидали в Италию, как вдруг получил он через присланного из Москвы гонца известие о новом стрелецком бунте, и государь поспешил возвратиться в Россию с Лефортом и с Головиным, поруча Возницыну присутствовать с цесарскими и венецианскими министрами на Карловицком конгрессе.

До 1700
(от казни стрельцов)

1698 — (июль)

Петр в начале своего путешествия получил известия о беспокойствии стрельцов и 9-го мая писал князю Ромодановскому, укоряя его в том, что следствия над виновниками не взял он на себя. Беспокойства усилились. Наконец четыре полка: Чубаров, Колзаков, Гундемарков и Чернов (*по другим известиям 12 полков*), стоявшие в Великих Луках и по границе литовской, свергнув начальников и избрав новых, пошли к Москве, надеясь возмутить и тамошних стрельцов.

На дороге Петр узнал о разбитии их Шеиным и Гордонем. Но он продолжал свой путь, готовясь к ужасному предприятию. В Польше имел он свидание с Августом и смотрел на учения саксонского войска.

Разбитие стрельцов происходило 18-го июня у Воскресенского монастыря. Мятежники, отслужив молебен и освятив воду, не внемля увещаниям, пошли на войско, состоявшее из 2000 пехоты и 6000 конницы. Попы несли впереди иконы и кресты, ободряя мятежников. Генералы, думая их утратить, повелели стрелять выше голов. Попы закричали, что сам бог не допускает оружию еретическому вредить православным, и стрельцы, сотворив крестное знамение, при барабанном бое и с распущенными знаменами, бросились вперед. Их встретили картечью, и они не устояли. 4000 положено на месте и в преследовании. Прочие бросили оружие и просили помилования.

25 августа ночью Петр прибыл в село Преображенское; никто не знал о его приезде. На другой день явились к нему бояре. Петр осмотрел свою гвардию; и за верность наградил ее деньгами. Ночью был он в Кремле (№3), где свиделся со своим сыном, и тот же час возвратился в Преображенское; потом в доме Лефорта дал публичную аудиенцию австрийскому послу фон Квариненту.

Следствие началось. Мятежники признались, что имели намерение сжечь Москву, истребить немцев и возвести на престол царевну Софию до совершенного возраста царевича Алексея. Они думали также в помощники ей взять из заточения Голицына. О царе сказано было им, что он за границу умер. Заводчицею мятежа оказалась царевна, имевшая переписку с стрельцами посредством нищей старухи, которая носила письма, запеченные в хлебах. Царя положено было, на возвратном пути его, убить.

Начались казни..... Лефорт старался укротить рассвирепевшего царя. Многие стрельцы были спасены его ходатайством и разосланы в Сибирь, Астрахань, Азов и проч.

Государь в то же время сослал и супругу свою Евдокию Феодоровну в монастырь.

Учрежден орден св. Андрея Первозванного августа 30.

Указы 1698 (3 устава, указов 34)

О переписке в Сибири иностранцев и о положении их в оброк, *смотря по пожиткам.*

Об отдаче корабельных деревьев на 10 лет голландцу Данилу Артману (вычисля из платежа за деревья по семь ефимков).

О невывозе тех дерев, <кроме> как через архангельскую гавань.

О явных судейских недружбах и о переносе дел из приказа в другой.

О невыдавании без доклада судейского дел челобитчикам.

О поручных записях с истцов, как и с ответчиков.

О пошлинах по гривне с рубля по розыскным делам. С мировой же челобитной (буде тяжущиеся помирятся) пошлину пополам.

О закреплении указов и дел самим судьям.

О выморочных поместьях (подтверждение).

О беглых — за одного брать четырех с семействами и имуществом, кто их принимал, да 20 руб. за год штрафу — да приказчиков и людей (кто их принимал) бить кнутом.

О счете старых воевод новым.

Наказ верхотурским воеводам.

Прочие указы, притеснительные весьма, относятся до торговли.

Сверх того наказ Московской таможне, 40 статей.

Устав о управлении питейными сборами.

1699

Петр занялся внутренними преобразованиями. Примером своим (и указами?) уменьшил он число холопей. Он являлся на улице с одним или тремя денщиками, скачущими за ним. Бояре принуждены были распустить своих дворовых. Сии разжиревшие туенядцы разбрелись, впали в бедность и в распутство. Петр, обещая им ненаказанность, призвал их в службу. Собралось их множество.

Рекрут набрано было до 32 032. Петр из оных составил 29 полков пехоты и конницы. Полки разделены на три дивизии под начальством генералов Автонома Михайловича Головина, Вейда и кн. Репнина. Офицеры взяты из русских дворян, а отданы на обучение иностранцам. Войско одето было по немецкому образцу. Пехота имела мундиры зеленые с красными обшлагами, камзолами и штанами. А конница — синие, с красными же, etc.

Петр, рассматривая роспись боярам и дворянам и видя многих неслужащих, повелел всех распределить по полкам, а других во флот, послав в Воронеж и Азов для обучения морской службе. Петр обнародовал, чтоб никто не надеялся на свою породу, а доставал бы чины службою и собственным достоинством.

Шведский резидент Книпер-Крон в сильной ноте спрашивал о причинах заведения регулярного войска. Ему отвечали, что по уничтожении стрельцов нужно было завести новую пехоту.

22-го октября Петр, отобедав у Лефорта, отправился в Воронеж с вице-адмиралом Крейцем, с польским адми-

ралом Карловичем и с бригадиром Вейдом. Лефорт оставался, страдая от трудов и ран, им полученных под Азовом. Из Воронежа Петр поехал в Белгород; там осмотрев армию, отправился в Азов.

В Азове так он был недоволен сделанными укреплениями, что инженера Лавала отослал под стражею в Москву.

Петр возвратился в Москву через Воронеж. Здесь он узнал о Карловицком мире между Австрией, Польшей, Венецией и Турцией. Возницын один тому противился и заключил с Портою только перемирие на 2 года. Петр был недоволен, но отменил тотчас рекрутский набор. И, дав аудиенцию бранденбургскому послу, опять уехал в Воронеж.

Между тем установил он быть в ратушах бургомистрам из гостей, независимо от воевод, и из гостиной сотни и из слобод по одному человеку, из коих президентом быть одному на месяц, всех же через год переменять (15 статей).

Болезнь Лефорта тревожила государя. Он почти ежедневно посылал курьеров из Воронежа осведомляться о его состоянии. Наконец получил известие о его кончине. Петр заплакал и сказал: «Я потерял лучшего друга, и в то время, как он более был мне нужен». Он в два дня прискакал в Москву и следовал за его гробом. Лефорт умер 1 марта, 43 лет от рождения. Петр *после него* поручил правление Москвы кн. Михаилу Алегуквичу Черкасскому, а сам отправился в Воронеж.

В Воронеже узнал он, что семь полков стрелецких, находящиеся в Азове, возмутились и призвали к себе в помощь татар, которые и разорили окрестности. Подозрение пало и на князя Львова, бывшего одним из любимцев Софии. Петр на место Лефорта пожаловал в генерал-адмиралы Федора Алексеевича Головина, чрезвычайным послом назначил в Турцию дьяка Украинцева, а сам поехал в Азов. Своим присутствием без суда и наказаний усмирил он возмущение.

У Таганрога плавали потом новых 10 кораблей и 2 галеры, на коих было 360 пушек. Начальствовал новый адмирал. Государь на сем флоте пошел к Керчу, где стоял турецкий паша с 4 кораблями и 9 галерами. Петр принудил его пропустить посла Украинцева на сорокапушечном фрегате «Ластке» с 200 гвардейских солдат прямо к

Карма сн вѣдана,
- the lady vidana, a
вѣдана сн 17 дн вѣдана
сн.
mercia of the Dow
of the Dow. So is with
Kamaur and the Do-
kamaur. The Dow
and of the Dow the
- submenasso a the
Dow, the Dow
the Dow the Dow
the Dow the Dow
the Dow the Dow
the Dow the Dow.

Константинополю; Украинцев прибыл печаянно и пальбою изумил и испугал весь Константинополь, где все полагали, что сам Петр находится на фрегате. Украинцев представил государю журнал пути свосму от Азова до Константинополя, и капитан фрегата Памбург морскую карту берегам Черного моря и входа в Константинополь. Карта сия в том же году издана, а с нею и 17 других, представляющих течение реки Дона от Воронежа до ее устья, канал между Доном и Волгою или реками Камышенкою и Иловлою. Петр повелел Крейцу сочинить карту и Азовскому морю.

Петр завоеванием Азова открыл себе путь и к Черному морю; но он не полагал того довольным для России и для намерения его сблизить свой народ с образованными государствами Европы. Турция лежала между ими. Он нетерпеливо обращал взоры свои на северо-запад и на Балтийское море, коим обладала Швеция. Он думал об Ижорской и Карельской земле, лежащих при Финском заливе, некогда нам принадлежавших, отторгнутых у нас незаконно во время несчастных наших войн и междуцарствия. Уже обиды рижского губернатора казались Петру достаточным предлогом к началу войны. Молчание шведского двора в ответ на требования удовлетворения подавало к тому ж новый повод.

Между тем от Карла XII прибыло посольство с извещением о его вступлении на престол и с требованием подтверждения вечного мира.

Русские министры отвечали, что государь готов подтвердить прежние договоры, но не прежде, как по удовлетворению за обиды, причиненные посольству и Возницыну, который на возвратном пути через Ригу был *ограблен* и обижен тем же Далбергом. Петр требовал великого посольства с извинениями etc., также город Нарву или Нейшанец (*Канцы*) с окрестной землею. С ответной грамотою и с поздравлением послан нарочный. Между тем о сем удовлетворении Петр указал своим министрам напоминать при иностранных дворах находившимся шведским министрам и просил о том как прусского короля, так и Генеральные штаты¹.

---

¹ В Гааге был послом шведским барон Лилиенрот. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

Ответ Карла XII получен уже в 1700. Король отвечал, что рижский губернатор был совершенно прав, а жалобы русского двора неосновательны. В требовании же пристави на Балтийском море отказано.

Между тем, узнав о стараниях Швеции через польского посла (при Порте) Лещинского не допустить заключения (Турцией) мира с Россией по прошествию двухлетнего перемирия, Петр приступил к союзу с королями польским и датским, недавно противу Швеции заключившими тайный союз. 16-го июля Петр с датским королем через посла его Павла Гейнса заключил союз, с уговором к исполнению оного не приступать прежде заключения мира между Россией и Турцией.

Ноября 11-го заключен пастунательный союз и с польским королем через посла его тайного советника фон Паткуля с тем, чтоб Польше начать войну того же года, а России по замирению с Турцией. Петр должен был действовать в Ингерманландии и Карелии, а польский король с саксонскими войсками в Лифляндии и Эстляндии, обещая склонить на то ж и Речь Посполитую.

Петр занялся заведением и исправлением типографии. Начались переводы с иностранных книг инженерных, артиллерийских, механических etc., также исторических. Печатать начали новыми гражданскими литерами (также и календари (?)). Учреждено Навигаторское училище, заведены школы наукам и языкам, а латинские умножены.

Тогда же состоялся указ — всем русским подданным, кроме крестьян (?), монахов, попов и дьяконов — брить бороду и носить платье немецкое (сперва венгерское, а потом мужескому полу верхнее — саксонское и французское, а нижнее и камзолы — немецкие (?) (с ботфортами?). Женскому полу — немецкое). Ослушникам брать пень в воротах (московских улиц), с пеших 40 коп., с конных — по 2 р. — Запрещено было купцам продавать и портным не шить русского платья под наказанием (кнутом?).

Указы стал Петр подписывать собственноручно.

Повелено с наступающего года вести летосчисление с рождества Христова, а уже не с сотворения мира, а начало году считать с 1-го января 1700 года, а не с 1-го сентября. Для доброго начинания приказано было в Москве

все дома украсить зелеными ветвями (елкой) и друг друга поздравлять с новым годом и новым столетием (столетним веком). Никогда новое столетие от старого так и не отличалось.

Обозрение указов 1698 и 1699 годов

О мытленном пошлинном дворе (24 статьи), какую с кого брать пошлину.

О неторговании на Красной площади и о сломании всех на оной лавок и шалашей. Торговать же в указных местах.

О продаже вина по указным (?) ценам для хлебного недороду.

О винокурении в Сибири и о казенном винокурении 10 статей.

О сибирских пошлинах 22 статьи.

О непропуске в Сибирь и из Сибири сибирских боевод и их семейств без указа Сибирского приказа. Письма же и товары, при их находящиеся, отсылать в тот Приказ.

О должности выборного и о *ларечных* пошлинах в Архангельске (21 статья).

За фальшивые деньги отдавать иноземцев на поруки. Не обменивать старых денег на новые немецкие; под смертную казнию не покупать на те деньги немецких товаров. Иноземцам не продавать вин *в розницу*.

Наказ корчемный, 14 статей.

Об установлении в Нерчинском сбору пошлины.

Об определении в Тобольск дворян и боярских детей для унятия *проезда*.

№3. Об отдаче *стрелецких земель в оброк с торгу*.

№3. О взятии с Новгородского полку (по суду) с военных людей *деньгами*.

О принятии жалоб о бережении от морового поветрия (из Европы).

О привилегии голландцам Бранту и Любсу овечьей шерсти 12 лет *без перекупу повальною ценою*.

О гербовой бумаге (№3) (впоследствии переименовано) — пошлина установлена за *столбец*.

Об обложении бурмистров податями по числу платимых пошлин.

При бурмистрах быть подьячим и солдатам.

О неписывании посторонних слов в дела.

О посылке осужденных в Азов (кроме холостых, мастеровых и посадских).

О смертной казни зажигальщикам.

О наказании кнутом за бой караульных.

О правеже за бесчестие и увечие стрелцов вдвое противу их оклада.

За стрельяние из ружей и за пускание ракет: 1) ба-тоги, 2) кнут и ссылка в Азов.

О поместях выморочных, даточных etc.

Статьи о сборе пошлин по торжкам (базарам).

О взятии в посады звонарей, *ямских охотников*, пуш-карей, *воротников*, кои имеют торги и промыслы.

О смертной казни земским, таможенным и бурмистрам за исключения из сборов крестьян etc., то же и за взятки (обеим сторонам).

О компаниях купеческих (*в супрядке не пряжа, в складчине не торг*).

№3. О *расписании провинций* к губернским городам и о приписании малых городов и уездов.

О учреждении постоянных дворов в Москве на проез-жих улицах.

О приписании дворцовых истопников в слободы (т. е. в подати).

О неподавании челобитен государю (кроме неправды судей и дьяков — на таковых бить челом самому госу-дарю).

№3. О небытии в Сибири бурмистрам, но таможенным и кабацким головам.

О взятии пошлин с разных бумаг.

О бытии дворовых и мостовых дел в *Стрелецком при-казе*.

О неправеже вдов и детей, по кабалам (коли не запи-саны в кабале).

О уничтожении Земского судного и Володимирского приказов — дела их решать в *Стрелецком* и в Судном московском.

С хомутов деньги собирать с бурмистров.

В московской ратуше установлена печать: весы из об-лаков.

В Астрахани о выдаче вина служилым о празднике.

О строении в Москве каменных лавок под одну кровлю.

О избавлении бурмистров от постоя.

Уничтожение разных печатей по приказам, всем одна: *срел.*, кроме Посольскаго (?) и ратуши.

О бесчестии грекам противу других иноземцев по 50 руб. №.

О письме купчих и проч. в Поместном приказе, а не на Ивановской площади, как было прежде.

В городах, где нет *разрядов*, не писать крепостей свыше 100 р.

О даче квартир сыщикам.

О *проезжих листах* (*пasse-port*)¹.

Дать неделю для ответа ответчикам, коли оба не явятся — отказать; буде ответчик, обвинить; буде истец, отказать.

Etc.

---

¹ то есть о паспортах (*франц.*).

1700

ВОЙНА СО ШВЕДАМИ. НАРВСКОЕ СРАЖЕНИЕ

1700

Петр указом от 15 декабря 99 года обнародовал во всем государстве новое начало году, приказав праздновать его торжественным молебствием, пушечной и ружейной пальбою, а в Москве для украшения улиц и домов повелев заготовить ельнику etc.

Накануне занял он московскую чернь, ропщущую на всякую новизну, уборкою улиц и домов. В полночь началось во всех церквах всенощное бдение, утром обедня с молебном при колокольном звоне. Между тем из разных частей города войско шло в Кремль с распущенными знаменами, барабанным боем и музыкою. Петр выстроил его на Ивановской площади и со всем своим двором слушал в Успенском соборе обедню, которую служил первенствующий митрополит рязанский Стефан. По окончании обедни митрополит говорил проповедь, в ксей доказывал необходимость и пользу перемены в летосчислении. Потом совершенно молебствие с коленопреклонением. При возгласении царю и царскому дому многолетия пошел по всей Москве колокольный звон, загремела пушечная пальба и войско произвело троекратный беглый огонь. Петр поздравил всех с новым годом.

Потом государь угощал как духовных, так и светских знатных особ; придворные с женами и дочерьми были в немецком платье. Во время обеда пели придворные и патриаршие певчие. Для народа перед дворцом и у трех

триумфальных ворот, гарачно для торжества сооруженных, поставлены были столы и чаны с вином. Вечером весь город был освещен, сожжены были фейерверки при непрерывной пушечной пальбе — и торжество заключилось во дворце балом и ужином.

Народ, однако, роптал. Удивлялись, как мог государь переменить солнечное течение, и веруя, что бог сотворил землю в сентябре месяце, остались при первом всем летосчислении. В присутственных местах во всем государстве новое летосчисление было принято.

Петр послал в чужие края на казенный счет не только дворян, но и купеческих детей, предписав каждому являться к нему для принятия нужного наставления. Мещанам указал он учиться в Голландии каменному мастерству, жжению кирпичей etc. Дворянам приказал в Амстердаме, Лондоне, Бресте, Тулоне etc. обучаться астрономии, военной архитектуре etc. Своим послам и резидентам подтвердил он о найме и высылке в Россию ученых иностранцев, обещая им различные выгоды и свое покровительство. Русским начальникам предписал принимать их и содержать. Возвращающихся из чужих краев молодых людей сам он экзаменовал. Оказавшим успехи раздавал места, определял их в разные должности. Тех же, которые по тупости понятия или от лености ничему не выучились, отдавал он в распоряжение своему шуту Педриеллу (Pedrillo?), который определял их в конюхи, в истопники, несмотря на их породу.

Кстати о фейерверках. Голиков приводит слова Петра к прусскому министру барону Мардфельду: «Я жгу фейерверки, чтоб приучить народ мой к военному огню» (шутка, из которой Голиков выводит глубокие заключения).

Петр указал, чтоб женщины и девицы имели в обращении с мужчинами полную свободу, ходили бы на свадьбы, пиршества и проч., *не закрываясь*. Он учредил при дворе и у бояр столы, балы, ассамблеи etc., повелел быть в Москве театральным представлениям, на коих и сам всегда присутствовал.

Жениху и невесте прежде брака повелено иметь свидания и запрещены браки по неволе (о театре и о Потешном дворце см. любопытное примечание в Голикове. Ч. II—11—12).

Наместники имели почти неограниченную власть, определяя от себя областных правителей и царским име-

нем реша все дела. Правители налагали и собирали подати по своей воле etc.; на сих правителей приносить жалобы должно было в *канцелярии* наместников, пребывающих обыкновенно в Москве, что и было всегда напрасно. Государь <ограничил> такую власть, предоставив себе право избирать судей и других правителей. Для сборов податей учредил особое присутствие (?), сборы возложил на бургомистров, избираемых *градским обществом*, etc.

Петр признавал себе начальников по чину и писал к Апраксину (27 июля 1700): «При сем посылаю к вашей милости „Рассуждение о кораблях“, которое мы по указу вашему чинили на Воронеже», а подписывает: Питер Адмиралтец-верфа бас.

Крымский хан старался всеми силами воспрепятствовать миру между Россией и Турцией. Он писал к султану, что Петр, ниспровергая древние обычаи и самую веру своего народа, учреждает все на немецкий образец, заводит новое многочисленное войско, строит флот и крепости на Днепре и на других реках, что, ежели султан не закончит мира, то сей опасный нововводитель непременно погибнет от своих подданных, в удостоверение ж слов сих просил он, чтоб прислан был верный человек. В самом деле, посланный от султана донес о строении флота и крепостей. Вследствие сего верховный визирь был свержен, и султан под влиянием Швеции готов уже был объявить войну. Однако же наш посланник Возницын, подкрепленный английским и голландским, успел заключить тридцатилетний мир 3 июня 1700, по коему Азов со старыми и новыми городками оставлен за Россию, а новые крепости, взятые от Порты, положено разорить, а землю возвратить Порте с тем, чтоб уже никому не иметь на ней ни жительства, ни укреплений. Петр торжественно праздновал заключение сего мира 18 августа.

19-го августа Петр повелел шведскому резиденту Книпер-Крону через месяц выехать из Москвы, а кн. Хилкову¹ объявить войну с объяснением причин оной и выехать в Россию. Объявив о том же во всех европейских странах через своих резидентов, Петр, однако, присовокуплял, что он готов утвердить мир, если: 1) шведский двор даст ему удовлетворение за обиды, нанесенные посольству и Возницыну, 2) если изо всех земель и городов, непра-

---

¹ Князь Хилков — русский посол в Стокгольме.

ведно захваченных Швецией, король уступит ему одну Нарву (за что обещал он и удовлетворение), 3) если король удовлетворит союзников в праведных их требованиях.

Карл вспыхнул. Кн. Хилков был задержан, все служители от него отлучены, серебряная посуда отдана на монетный двор, секретарь посольства и все русские служители арестованы. То же воспоследовало со всеми русскими купцами, с их приказчиками и работниками (несколько сот человек). Имения их конфискованы, и сами они, лишённые способов к пропитанию, были употреблены в тяжкие работы. Все почти умерли в темницах и в нищете. В объявлении о войне Карл называл царя вероломным неприятелем etc.

Петр был столь же озлоблен; и когда английский и голландский министры вздумали было от войны его удерживать, то он, в ярости выхватив шпагу (см. Катифорос), клялся не вложить оной в ножны, пока не отомстит Карлу за себя и за союзников. Если же их державы вздумают ему препятствовать, то он клялся пресечь с ними всякое сообщение и обещался удержать у себя (в подражание Карлу) имения их подданных, находящихся в России.

Петр, однако, всем шведским подданным позволил выезд из России, удержав одного резидента, который и сам просился остаться на полгода. Но и тот был впоследствии отпущен с условием, чтоб освобожден был и Хилков (увидим, что Хилков умер в плену).

22 августа Петр с новыми своими полками выступил из Москвы (с генерал-майором Иваном Бутурлиным, с Семеновским полком, с старым Лефортовским, да новоприборных три полка — всего 8000 человек) (письмо царя к Апраксину).

В тот же день писал он к Апраксину о 10 плотниках, посылаемых им в Архангельск, о четырех англичанах и одном маштмакере, также едущих в Архангельск, наказывал ему убедительно (зело прошу), чтоб им не было никаких от приказных людей задержек и обид etc.

В Новгороде принял он в свою службу герцога (?) фон Кроа и под Нарву отправил новгородского губернатора кн. Трубецкого с шестью полками (в том числе старой службы два Новгородские и два Псковские — стрелецкие).

23 сентября Петр со своею гвардией прибыл под Нарву и повелел делать апроши и батареи,

14 октября прибыл генерал-фельдмаршал граф Головин с 5000 нерегулярной конницы московских и смоленских дворян с их слугами, также и генерал Автоном Головин с достальными полками его дивизии. С нерегулярной конницею отправился боярин Шереметев по ревальской дороге для наблюдения неприятеля и в девяти верстах от Нарвы, напав на 600 шведов, разбил их и взял в плен майора Паткуля, одного капитана и 26 рядовых.

Нарву бомбардировали. Несколько раз она загоралась. Надеялись на скорую сдачу города. Но у нас оказался недостаток в ядрах и в порохе. По причине дурной дороги подвозы остановились. Открылась измена. Бомбардирский капитан Гуморт, родом швед, бывший в одной роте первым капитаном с государем, ушел к неприятелю. Петр, огорченный сим случаем, всех шведских офицеров отослал внутрь России, наградив их чинами, а сам 18 ноября наскоро отправился в Новгород, дабы торопить подвоз военных снарядов и припасов, в коих оказывалась уже нужда. Главным под Нарвой оставил он герцога фон Крóa, а под ним генерала комиссара князя Якова Федоровича Долгорукого.

Иные утверждают, что причиной скорого отъезда Петра был также ложный слух о собранных 50 000 в шведской Лапонии и шедших будто бы противу Архангельска.

Петр, думая также свидеться с Августом, взял с собою графа Головина.

Между фон Крóa и Долгоруким произошло несогласие. Осажденные, будучи хорошо обо всем извещены через изменника Гуморта, послали гонца к Карлу, уверяя его в несомненной победе и умоляя его ускорить своим прибытием.

Карл прибыл 18 (?) ноября с 18 000 (?) отборного войска и тотчас напал на наших при сильных снеге и ветре, дующем нашим в лицо... (Все описание Нарвского сражения в Голикове ошибочно.)

С одной стороны, линия наша (по неискусству или несогласию начальников) поставлена была в один человек, и тут на расстоянии сажени и более один от другого. С другой стороны, фон Крóa с присланными от Августа генерал-поручиком Аллартом, генерал-майором Лангом и с инженерными офицерами при первом нападении шведов,

выехав из укреплений, сдались полковнику графу Штейнбоку. Феофан и Щербатов называют это изменою. За ним вслед убежал и полковник Блюмберг.

Первое нападение шведов было (вероятно, по указанию Гуморта) на стрельцов, которых разбив без труда, шведы вломились в упомянутую линию, а за нею и дивизию Трубецкого и близ нее стоявшие несколько полков дивизий Вейдовой и Головиной расстроили и прогнали.

Шведы, раздвоясь, пошли одни на дивизию Вейда, а другие на дивизию Головина. Первую было смяли, но храбрый Вейд успел ее остановить и дал отпор. Победа могла еще остаться на нашей стороне, но наша конница бежала, бросаясь вплавь через Нарову; Вейд был ранен, человек до 1000 потонуло.

Дивизия же Головина не устояла ни гяти минут и бежала к мосту, который обрушился, и множество погибло тут же.

Неприятель, их преследуя, дошел до двух гвардейских полков; тут шведы встретили неожиданный отпор: полки дивизии Головина успели присоединиться к гвардии и до самой ночи удерживали неприятеля, подкрепленного уже и частию войска, победившего дивизию Вейда.

Карл, видя себя посреди нашего войска (гвардии и дивизии Вейда), трубою дал знак своим к отступлению, *а нашим к перемирию (показание Шафирова)*. В ту же ночь посланный от Бутурлина предлагал шведам перемирие и на следующий день и требовал свободного отступления. Следующие условия утверждены были Карлом:

1) Всем русским генералам, офицерам и войску с шестью полевыми пушками свободно отступить.

2) С обеих сторон обменять пленных и похоронить тела.

3) Всю тяжелую артиллерию и всю остальную полевую оставить шведам, все же прочее, багаж полковой и офицерский etc. свободно с войском отвести.

На сие генералы согласились, ибо войско было в крайнем расстройстве, сообщение между двумя отрядами пресечено и переправа через реку затруднительна.

Наши генералы хотели слышать подтверждение договора из уст самого короля; Карл на то согласился. Условия повторены были в его присутствии, и в соблюдении договора король дал руку свою князю Долгорукому.

Гвардия и вся дивизия Головина с военной казною, с оружием, с распущенными знаменами и барабанным боем перешли через мост; остальные последовали за ними сквозь шведское войско. Тогда шведы на них напали, обезоружили, отняли знамена — и потом отпустили за реку. Обоз был ограблен, даже некоторые солдаты были ими раздеты. Наши хотели противиться. Произошло смятение. Множество русских было убито и потоплено. Выговоренные пушки и амуниция были захвачены. Все генералы, многие офицеры и гражданские чиновники под различными предложениями удержаны в плену. Их обобрали, заперли в Нарве в холодном доме и, целый день продержав их без пищи, послали в Ревель, а потом и в Стокгольм, где вели их в триумфе по улицам до тюрем, им определенных.

Петр протестовал. Сии захваченные особы были, кроме герцога фон Кроа, князь Яков Федорович Долгорукий, генерал-фельдцейхмейстер принц Имеретинский, генералы Автоном Михайлович Головин, Адам Вейд (раненый лечился в Нарве), князь Иван Юрьевич Трубецкой, Иван Иванович Бутурлин, 7 полковников, 4 подполковника, 6 майоров, 25 офицеров да польской службы 2 генерала (Алларт и Ланг), один обер-инженер, капитан-инженер и полковник (все полковники, кроме князя Мещерского, были иноземцы).

Русских под Нарвою убито, потонуло и дорогою до Новгорода от голоду и холоду пропало 6000 человек. Нерегулярные спаслись все. У шведов убито 3000. Пушек больших досталось шведам 63, полковых 50, мортир 25, гаубиц 7. По свидетельству Александра Гордона, войска нашего было 34 000.

Карл, оставя часть своих войск на границах русских, с прочими обратился в Ригу, на короля польского. Он до весны оставаяся в Дерпте. Из Нарвы распустил он свои *манифесты* (3 декабря 1700), в коих возбуждал он россиян к бунту противу царя, описывая его жестокости etc., обещая всем свою королевскую милость и грозясь в случае ослушания истребить все огнем и мечом. Но русские остались верны.

Петр получил известие о поражении в то время, как он спешил под Нарву с 12 000 войска с амунициею и с

военными снарядами. Он не упал духом и сказал только: «Шведы наконец научат и нас, как их побеждать» (см. любопытное рассуждение его о сем в «Журнале Петра Великого» — также и письмо Мазепы). 5 декабря уже писал он строгое письмо к Шереметеву, повелевая ему идти на неприятеля с новгородскою и черкасскою конницею. «Болота замерзли, — писал Петр, — людей довольно; отговариваться нечем, разве болзнию, полученной меж беглецами — из коих майор** на смерть осужден».

В Новгороде, когда все войско туда прибыло, государь наградил свою гвардию, не положившую ружья даже по лишению своих начальников. Офицеры получили знаки с надписанием года и числа сражения. Шереметева наименовал генерал-аншефом и отправил его подо Псков. Генерала Рспнина оставил на зиму в Новгороде с повелением непрерывно обучать новые полки. Шереметев разорил Ливонию, Репнин привел войско в исправность.

Петр с гвардией отправился в Москву; там за неимением меди он повелел отобрать ото всех монастырей и городов часть колоколов, и в ту же зиму вылиты пушек 100 больших, 143 полевых, 12 мортир и 13 гаубиц. Все было отправлено к Новугороду.

Казанскому и астраханскому губернатору боярину князю Борису Алексеевичу Голицыну повелел он в низовых городах набрать драгунских 10 полков, выучить и к весне доставить во Псков Шереметеву.

Все полковники, вновь назначенные, были уже русские, кроме двух новгородских полков.

Указы 1700

О отобрании записных книг с поморских и других городов (для справок о сборах).

О 2-х копейках с явочных челобитен.

О гербовой бумаге.

О ведомстве иноземных торговых людей в ратуше.

О высылке из Москвы *остаточных* стрельцов и о иждержании их никому.

Именитый человек Григорий Строгапов пожалован *вичем*.

О сибирских пошлинах.

Об отдаче стрелецкой земли за Тверскими воротами на дворы красносельским *тяглецам*.

О пошлинах с хлеба на винокурение.

Об отпускных. Людей отпущенных, годных, отсылать в Преображенский приказ в солдаты.

Прямо государю подавать одни *челобитни* о делах *государственных* (доносы?) и о неправых решениях (чувствителен недостаток *cour de cassation*)¹.

О пошлинах с торжков etc.

О посылке Сибирских грамот.

О *поверенных* в судных делах.

О тупых ножах.

О рассмотрении у помещиков *отговорных людей* (освобожденных от рекрутства?), — штраф, конфискация недвижимого имущества.

О пошлинах с донских казаков и малороссиян (наравне с русскими).

О рассмотрении в *ратушах* взяток воеводских.

О пошлине на пиво.

О пошлине со сделанных записей *с рубля по три деньги* и о людях выговоренных — поголовных денег три алтына, а с земель по указу.

О сборе мостовых денег.

Объезжие ведают торговых людей.

О недаче в городах подвод под воевод.

О недаче солдатам суда на торговых людей в брани и в бесчестии.

Наказ астраханским воеводам, 38 статей.

О оценке соболям в *Расценой палате*.

70 пунктов о сборах в Архангельске.

О правяже исков за бесчестие. Буде нет денег, чинить наказание (телесное).

О переписке дворцовых мест в селе Покровском и в Басманной слободе.

О отставке грамоты 207 году, апреля 10 (*о стрельцах*).

О пошлине с *тарханов* (освобожденных от пошлин).

О соболях сибирских.

О взятые пошлин с товаров Макарьевской ярмонки.

О гербовой бумаге (уничтожение столбцов).

О заемщиках и о поручателях.

О беглых (в пользу беглых).

---

¹ кассационного суда (*франц.*).

О бытии *усольцам* посадским людям в службе и об окладах.

О непринимании не дельных челобитен. Например: стольник Алымэв просил в бесчестии на Батурина, говорившего ему, что он смотрит на него зверообразно.

Об отсрочке в пользу служивых истцовых дел.

О сборе на ямскую гоньбу и даче подвод не подорожным из ратуши (для торговых?).

О пошлинах с товаров в Китай.

О писании вместо *послухов* свидетелей.

№3. Уничтожение Патриаршего приказа и разряда — дела разослать по приказам, какое куда следует, а церковные ведать Стефану, митрополиту рязанскому.

О праве; кто даст на себя заемное письмо *подставою* (фальшиво), того бить кнутом и сослать на каторгу.

Пошлины в поместных делах: *3 деньги с четверти земли*. №3.

О даче жалования выходцам из плону за *полное терпение и за рану*.

О пробах золотых и серебряных.

Года 1701 и 1702

1701

Новый год отпразднован опять.

12 января в Копенгагене нашим послом заключен с Даниею союз; в случае войны Франции с Англией Дания должна была действовать противу Швеции. Король обязался дать Петру солдат и драгун по 3 полка. Но хотя война между Англией, Голландией и Францией и началась, но Дания не исполнила своих условий.

С нашим послом отправлено в Данию до 50 человек дворянских детей.

20 января послан Шереметеву для советов судья военных дел Стрешнев, тогда же к Апраксину отправлены корабельные мастера Никлас и Ян. Государь повелевал ему построить для его приезда корабль и приготовить 150 собачьих шапок и башмаков.

В январе Петр ездил в *Бирж* для свидания с Августом. Петр обещал ему дать взаймы 200 000 ефимков да 15 или 20 тысяч войска. Петр рад был, что его войско служило вместе с саксонским.

Оба государя ездили в Митаву и в Динаминд (взятый <королем>¹ в начале войны).

Петр из Москвы (куда возвратился 8 марта) выслал 19 полков под начальством князя Репнина в Лифляндию. Они соединились с саксонским генерал-фельдмаршалом Штейнау близ Копенгаузена. Петр послал на *сейм* чрез-

---

¹ То есть королем польским Августом.

вычайного посла с выгодными предложениями для польской республики, т. е. предлагал в помощь 20 000 войска и 2 000 000 ефимков.

Но партия принца Кюнти восторжествовала (в ней находился и примас кардинал Радзиевский). Сейм положил ничего не предпринимать, пока Август не отошлет своего саксонского войска.

Карл перезимовал в Дерпте и, умножа 25 000 нового войска¹, оставил у Дерпта генерал-майора Шлиппенбаха, а сам с остальным (?) войском пошел против Штейнау. Саксонский фельдмаршал стоял на берегу Двины. Карл переправился и разбил его, овладев его обозом. В то же время восемь полков шведов (в Митаве?) напали на польские магазины, овладели королевской канцелярией и всех польских офицеров больных и раненых перерезали (в Митаве).

Карл с 30 000 овладел Курляндией и препятствовал убегающему Штейнау соединиться с князем Репниным, шедшим к нему на помощь. Штейнау ушел в Польшу, а Репнин 15 августа соединился во Пскове с Шереметевым. Карл взял Биржу, где было множество артиллерии и запасов, а потом сдался и Динаминд.

Польша разделена была на две партии: примас и Сапеги, преданные Швеции; другая — дом Огинских. Первая, изнемогая в борьбе, позвала Карла. Карл вступил в Литву, наложил контрибуцию, выжег множество деревень и отправился в Польшу.

Петр, предвидя, что польские дела долго займут его деятельность, занялся обозрением своих нововведений и истреблением сил шведских, оставшихся в Лифляндии. Воронежская верфь была перенесена на другое место, при впадении р. Воронежа в Дон, и при оном заложен гор. Тавров. Св. Митрофан² 4000 руб. экономии отдал на жалование морских солдат, в Воронеже бывших (1700 г.), а в следующий год дал еще 3000. Царь пожаловал ему две грамоты. Впоследствии повелел к его дому приписать многие крестьянские дворы.

Петр в Пруссию послал Измайлова поздравить <курфюрста> Фридриха с титулом королевским. Псков и Новгород укрепил при себе. Повелел Шереметеву из Новгорода

---

¹ То есть доведя его до 25 000.

² Святитель Митрофан — воронежский архиерей.

быть к нему в сутки во Псков, оставя четыре полка в Новгороде. Тут же известился он о нападении шведского флота (5 фрегатов и 2 яхты) на строящуюся на Малой Двине крепость — и о победе русских: офицер Животовский сел на малые суда, взяв из оных один фрегат и одну яхту. Прочие ушли. О нападении флота Петр был уже осведомлен через копенгагенского нашего посла Измайлова, и Петр писал о том к архангельскому воеводе князю Прозоровскому и архиепископу Афанасию (смотри «Книгу о трехкратном путешествии его величества в Архангельск»).

Осенью, возвратясь в Москву, в Заиконоспасском монастыре Греческое училище, заведенное царем Федором Алексеевичем, поручил он рязанскому митрополиту Стефану Яворскому. Повелел завести и Латинскую академию, определив архимандриту и ректору по 200 р., а учителям по 100 (потом, в 1709-м, за поднесенную латинскую службу на Полтавскую победу архиепископом и ректором Феофилактом Лопатинским, первому по 300, а другим по 150 руб.).

Петр 26 сентября подтвердил права, данные в 1694 киевским училищам, освободил от гражданской управы, подчиня их в ведение киевского митрополита (журнал «Старина и новизна»).

В Лифляндии Шереметев одерживал верх над шведами. Два полка драгун разбили у мыз Левкой, Печинской и Порецкой 4000 неприятеля, сожгли мызы и разорили батареи. Сын Шереметева Михаил Борисович у *Ряпиной мызы* побил неприятеля, шедшего на приступ к Печерскому монастырю, а потом, за рекою Выбовкою, под мызами Резвою и Озерецкою, напал на 600 человек под командой майора Розена. Все были побиты, кроме одного прапорщика и майора с 80 солдатами, обоз, две пушки, три штандарта достались победителю.

1702

Наконец сам Борис Петрович Шереметев в 1702 января 1 одержал под деревнею Ересфера полную победу над 7000 шведов под командою Шлиппенбаха. 3000 неприятеля легло на месте. Весь обоз и артиллерия были взяты в плен, взято 14 штаб- и обер-офицеров, унтер-офицеров и рядовых 356. С нашей стороны убито до 1000.

Царь праздновал сию победу в Москве и пожаловал Шереметева фельдмаршалом, а через Меншикова послал ему Андреевскую ленту.

9 февраля государь писал к Шереметеву и послал ему решения на 33 пункта¹.

Посланный от окольного Петра Апраксина полковник Тыртов разбил на Ладжском озере эскадру вице-адмирала Нумберса, сжег две *шкуты*, одну потопил и две с шестью пушками взял в плен. Сам же Апраксин в Ингрии на р. Ижоре разбил генерала Крониорта.

В 1701 году учрежден *Монастырский приказ*, отдав в ведение боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, подчинив сему приказу все церковные и монастырские вотчины etc., определив каждому монастырю оклад, оставя слуг монастырских *самое малое число* (слова Петра), *окладную дачу* хлебом повелел выдавать в *общежительство*, а не каждому особо. Пресек покупку и дачу в монастыри деревень. Доходы с владений монастырских повелел *отдать в оброк* (в аренду?) желающим, и те доходы взять в казну.

Повелел полуименем не писаться².

Для обучения к пилованию дерев повелел десятую сажень дров не рубить, а шлить. (Сим средством сохранил он и мелкий лес.)

Петр из Польши, Саксонии и Шлезии выписывал овец и овчаров — для суконных фабрик, им заводимых. Через свои манифесты приглашал он из Германии всяких мастеров и художников, пришельцы являлись толпами и были всюду употреблены.

1701 года 16-го ноября скончался последний патриарх Адриан. Петр, отложив до удобнейшего времени избрание нового патриарха, определил митрополита рязанского Стефана Яворского к управлению церкви, повелев ничего важного без ведома государя не решить.

Учреждение Монастырского приказа (1701 г.) подтверждено, а казна монастырей обращена в пользу отставных воинов.

¹ о военных делах.

² «Отменил старинный обычай, по коему писывались полуименами, например — Петрушка, Якушка и прочее; а повелел всем писаться полными именами с отчеством и прозваниями» (Г о л и к о в, т. II, с. 52).

Петр принялся за духовенство: запретил пострижение прежде 50 лет. Монахиням велел заниматься рукоделием и смотреть за ранеными. Устроил при монастырях богадельни etc., etc.

Ропот ужасно усилился. Появились подметные письма и пророчества (изъяснения?), в коих государя называли антихристом, а народ призывали к бунту. Петр запретил монахам иметь в келиях бумагу и чернила — и настоятели должны были отвечать за тех, кои сие дозволяли. Типографщик Талицкий, обличенный в напечатании подметных писем, был казнен с своими соучастниками (?).

Указом от 10 марта 1702 года повелено дворянству избрать из среды своей трех или четырех человек в больших городах, для подмоги воеводам. А воеводам без сих дворян ничего не решить.

Слово холоп в письменных делах на имя государя уничтожено, заменено рабом (*serviteur*). Вольтер совершенно прав; см. в Священном писании: Слово «раб» везде приемлется в смысле *serviteur*¹.

За поединок и за обнажение шпаги положена смертная казнь.

В Сухареву башню переведена Навигационная и Математическая школа и названа *школою Адмиралтейской*.

На бывшем Стрелецком Сборном месте (доме Лыковым) построен Большой *Цейгауз*, в коем помещен двойной запас всякого оружия и запасов.

Свадьба шута царского Шапского. Насмешки над старыми обычаями etc. — Царя в старинном одеянии представлял князь Ромодановский, Зотов — патриарха; царицу (в особой палате) жена Ив. Бутурлина. Петр был в числе морских офицеров.

Шведский флот приготовлялся вновь напасть на Архангельск; Петр поехал туда с царевичем Алексеем

---

¹ См.: Вольтер. История Российской империи при Петре Великом, ч. I, кн. 2, гл. X. В русском переводе его книги (М., 1809, с. 85) читаем: «и повелел впредь говорить и писать слово *раб*, что значит *подданный*». Таким образом, французское *serviteur* понималось как лицо, подчиненное чьей-либо, в том числе высшей власти, слуга, в отличие от *esclave* — полный раб, личная собственность владельца.

и с пятью батальонами гвардии. Он укрепил устье Двины да на взморье заложил новую крепость *Новую Двинку*.

Он помышлял о взятии Ноттенбурга (Шлиссельбурга) и послал указ князю Репшину (куда?) с дивизией его и с двумя батальонами гвардии идти к Ладозе (откуда?), повелев туда ж отправить и артиллерию.

В Троицын день спущены им два фрегата, сделанные английскими мастерами. Заложены новые. Петр осматривал с обыкновенным любопытством, даже посещал и простые холмогорские барки, разговаривая с мужиками (*анекдот о разбитых горшках, рассказанный Ломоносовым*).

Из Архангельска писал Петр к Апраксину, уведомляя его о спуске фрегатов и о строении корабля «Св. Илии», посылал собственноручный чертеж Таганрожской гавани, уведомлял, что Автоном Головин набрал *вольницы* 2330, а жен, детей и стариков их (4390 ч.), отправил на Воронеж. (Петр повелевал Апраксину их *упокоить*.) Корабли приказывал вывести на Дон, торговлю таганрожскую устанавливает, советует подкупить турецких чиновников, ибо *пистолы и в Европе много пользуют*. При жалобе Наю на виц-адмирала (?) повелевает Наю не находиться в ведении виц-адмирала — etc., etc. (*от июля 5, 27 и августа 5. Одно без числа*).

Шереметеву предписывал воспользоваться недосугом Карла XII.

Шлиппенбах снова собрал *сильный* корпус, всячески уклонялся от сражения, но Шереметев, достигнув его за рекою Амовжею, разбил его у мызы Гумоловой. Шлиппенбах бежал к Пернову, но Шереметев его догнал и снова разбил. Шведов (кроме погибших в лесах и болотах) убито 5490, пушек взято 15, знамен 16, штаб- и обер-офицеров 13, унтер-офицеров и рядовых 302. Наш урон — 411 человек.

Вследствие сего, города, крепости и укрепленные мызы Мариенбург (в коем было 2500 гарнизону), Валмер, Трикат, Кригедербен, Гемелтлай etc. — взяты и разорены. В Мариенбурге взята Катерина, впоследствии императрица.

Более 600 мыз и деревень были выжжены нерегулярным войском по рижской дороге. Наши доходили до самых рижских ворот, где разбит был шведский отряд под начальством сына губернаторского.

Генерал-майор Гулиц на Чудском озере разбил четыре шкуты да на Ладожском взял их две, а на устье р. Амовжи разорил укрепление.

Петр, узнав, что экспедиция на Архангельск отменена 5-го (августа?), отправился к Соловецкому монастырю на четырех своих и шести нанятых голландских кораблях со своею гвардией, оттоле прибыл в деревню Нюхчи и 17-го августа благодарил письменно Шереметева, подтверждая прежнее приказание. Потом, отпустив корабли, пустился новою дорогою через мхи и болота к реке Онеге (160 верст), оттоле Онежским озером и рекою Свирью до Ладожского озера (через сии 160 верст Петр указал перетянуть две яхты, на коих и отправился к Ладожскому озеру). Здесь опять писал он к Шереметеву и к адмиралу Апраксину, жалея о смерти Яна и извещая его о победах Шереметева.

От озера до *Ладоги* по причине бури Петр поехал сухим путем и прибыл 5 сентября, где его дождался уже Репнин со своею дивизией.

Оттоле Петр приехал в лагерь окольного Петра Апраксина, при реке Назии. Туда же прибыл и Шереметев. Государь осмотрел корпус Апраксина, оставил у него один полк стрелецкий и конницу, прочее войско присоединил к большому корпусу и 25 сентября отправился под Ноттенбург. Артиллерию, за неимением лошадей, везли людьми.

Сентября 26 государь прибыл под *Nottenburg* и в ожидании войска приказал делать шанцы.

27 прибыло Ладожским озером и остальное войско на 50 судах. На пути оно прогнало к Выборгу шведские суда. Лагерь, приуготовленный Петром, был занят. Суда повелено через лес на $\frac{1}{2}$ мили перетащить в Неву (что 27 и исполнено).

1 октября Петр с 1000 гвардии на судах переправился на остров. Шведы, дав залп, оставили шанец, который без потери был нашими занят. Крепость осаждена со всех сторон. Прежде бомбардирования Петр предложил коменданту сдаться на честных условиях. Комендант просил четыре дня сроку и дозволения дать знать о том нарвскому обер-коменданту. — Вместо ответа загремели наши пушки и полетели в город бомбы. Осажденные прислали барабанщика (когда?) к Шереметеву с письмом от *комен-*

дангши и всех офицерских жен, просящих о позволении выйти из крепости.

Барабанщик приведен был на батарею к Бомбардирскому капитану между крепостью и нашими апрошами. Петр отправил его с письменным ответом, в коем сказывал, что «не может допустить его до фельдмаршала, ибо он верно не захочет опечалить супругов разлукою. Ежели же благоволят они выехать, то пускай с собою выводят и мужьев».

Из крепости целый тот день стреляли по батарее Петра.

Наконец крепость после отчаянного сопротивления, приведенная в крайность (в стене сделаны были три пролома, и наши были уже почти на стенах), сдалась 11 октября. Петр позволил всему гарнизону выйти с воинскими почестями и со всем имуществом, на что дал им три дня, дозволяя и караулу их остаться в крепости. — По подписанию условий, ночью наши заняли проломы, по стене и внутрь крепости остался шведский караул.

На другой день получено известие, что генерал Крониорт идет на помощь Nottenburg. Петр явился в проломе, объявил о том генерал-майору Чамберсу, повелев немедленно шведские караулы по городу сменить, особенно у порохового погреба. Комендант не хотел было на то согласиться; Петр употребил силу (?). Чамберс и Петр пошли по стенам для смены караулов, первый направо, другой налево, и сами расставили караулы. Потом комендант и гарнизон вышли из крепости сквозь пролом с распущенными знаменами, с барабанным боем, с пулями во рту и с четырьмя железными пушками. Им даны суда и они отпущены к Капцам (Нейшанц).

Наших убито 2 майора, 23 офицера, сержантов, унтер-офицеров и рядовых — 484; ранено офицеров 22, рядовых с унтер-офицерами 913. Пушек и мортир взято 138 — с припасами, etc.

Крепость занимала почти весь остров, так что нашим не было места у проломов, где бы во время приступа могли они выстроиться. Осажденные удобно побивали наших, так что русские уже обратились было в бегство; но князь Михаил Михайлович Голицын (чин?) велел судам отвалить от берега и 24 часа держался у проломов.

Петр назвал Nottenburg Шлиссельбургом, как ключ, коим отолрутся и другие ливонские города, и пожало-

вал бомбардирского поручика Меншикова губернатором как Шлиссельбурга, так и ливонским, корельским и ингерманландским. Леопольд, как любимца государева, уже пожаловал его (когда?) графсн Римской империи. «Вы сим мне не одолжены, — сказывал однажды ему Петр, — возвышая вас, думал я не о вашем счастье, но о пользе общей — кабы я знал кого достойнее, конечно вас бы не произвел» (Голицов, со слов Неплюева). (О Меншикове см. «Диплом, пожалованный на достоинство ижорского светлейшего князя». 1707. Июня 1.) (Также синодик царя Ивана Васильевича — и дело о убиении царевича Дмитрия. Меншиков происходил от дворян белорусских. Он отыскивал около Орши свое родовое имение. Никогда не был он лакеем и не продавал подовых пирогов. Это шутка бояр, принятая историками за истину.)

Князь Голицын пожалован гвардии Семеновского полка полковником, 300 крестьянских дворов и 3000 руб. Майор гвардии Карпов — подполковником, 150 дворов и 1500 руб. etc., etc.

Офицерам даны золотые медали, капитанам дано по 300, поручикам 200, прапорщикам — 100, сержантам 70, капралам по 30 (рублей); вторые солдаты пожалованы капралами, а молодым дано жалованье против старых. — Всем — серебряные медали. Несколько десятков беглецов наказаны сквозь строй, а иные казнены смертью.

После молебствия Петр повелел новыми болверками окружить крепость. К каждому болверку приставил, для поспешения, надзирателя, именно: адмирала и канцлера Головина, генерал-губернатора Меншикова, думного дворянина Зотова и кравчего Кирила Нарышкина.

Петр о сем писал в Воронеж к Апраксину.

Оконча работы, Петр оставил в Шлиссельбурге три полка под начальством полковника и коменданта Юнгора и в ту же осень со взятыми трофеями поехал в Москву.

17 ноября писал он к Шереметеву, чтоб он учинил суд над теми, кои не удовольствовались кормами лошадей, а на их места выбрать других, чтоб он выслал пленных (для триумфа?) etc. *«Уже шесть дней живу праздню, а сам ты ведаешь, колько мне в Москве дел.»*

6 декабря Петр с торжеством въехал в Москву, с несколькими батальонами *напольных*, конных и пехотных войск (см. Голиков, ч. II—92).

В тот же день Петр писал к Шереметеву, что, переменяя прежнее намерение, повелевает ему быть в Москву.

Медаль на взятие Шлиссельбурга: портрет государя — город бомбардированный с надписью «*Был у неприятеля 90 лет*».

После торжества Петр принял посланного от литовских гетманов Вишневецкого и Огинского с просьбой о помощи. Петр послал в Литву два стрелецких полка и несколько (?) денег («Журнал Петра Великого». Ч. I—65).

31 декабря посланный от Шереметева кн. Вадбольский разбил у Иван-города 2000 неприятеля, у самой Нарвы сжег четыре шкуты и взял в плен несколько офицеров и рядовых. — Олонецкий поп Иван Окулов ходил с *охочими людьми* за шведский рубеж, побил до 400 человек и возвратился с *рейтарскими* знаменами etc.

В сем 1702 году сыскана в Нерчинске серебряная руда и первая была выплавка серебра.

В Камчатке построено 3 городка: Верхний, Нижний и Большерецкий.

Сняты капитаном Памбургом карты Дона от Воронежа до устья, каналу между Доном и Волгой, Черному и Азовскому морям с окольностями Азова.

Указы 1701 (за 50)

Черные сотни и слободы и новонемецкой слободы людей ведать в Стрелецком приказе.

О четвертном жребии из пожитков вдове или вдовцу, хотя и вступят прежде года в другой брак.

О письме крепостей в Палате Ивановской etc.

О ведении крепостных дел в Оружейной палате.

О приведе подьячих к присяге, о жаловании им etc.

О нехождении писцам на дворы для крепостей.

(О Монастырском приказе см. в 1702 г.)

О нечистке под пашню лесов по рекам, по коим леса гонят в Москву, а чистить их в 30 верстах выше.

О беглых девках.

О выборе грамотных людей в городах для письма.
О сделании приказных изб и столсв.

О неделании своими руками крепостей, но через писцов приказных.

О взятии с записей промышленников и работников по 3 деньги; и с товаров по четыре деньги с рубля.

О неотпуске на воеводство без именного указа.

Переименован приказ *Иноземческий и Рейтарский* в Приказ военных дел, а Стрелецкий — в Приказ земских дел.

О строении в Москве на пожарищах каменных домов и мазанок по образцу, о городьбе домов, о крытии их черепицею и дерном.

О неотпуске за моря бобрового пуху.

Боярским детям и дворянам городovým поместьями не меняться.

О наказании воеводам, по трем грамотам, не высылающим дел к Москве.

О присылке из Сибири живых соболей и магнита.

Уничтожение новой печати в Московской ратуше.

О Печатном приказе (где ставили печать на всех грамотах etc.).

Указано в подорожных писать, кто именно и для какого дела едет — и печатать оные в Печатном приказе.

Об уничтожении *Сыскного* приказа (о беглых?).

О ношении немецкого платья №.

Еtc., etc.

Указы 1702 (26)

Запрещение иностранцам поединков и драк.

О смертной казни ложных свидетелей.

Об отдаче пустошей монастырских *в оброк*.

Об отдаче в Трубчевский монастырь вместо *руженого* жалования мельницы.

О гербовой бумаге.

О уничтожении в городах *губных старост и сыщиков*; ведать оные дела воеводам и выборным из дворян.

О сроке крепостей.

О неписании *рядных и сговорных записей*.

О *свободе брака*, о невозвращении по смерти бездетной жены недвижимого имения etc.

О порядке приказных книг.

О привозе из Сибири в Московскую аптеку трав.

О записывании из вольницы в новоприборные <солдаты>, а инсеземцев-татар и крестьян-калмык etc. не записывать.

О привилегии купцу Вестову на 10 <лет> торговать клеєм.

О нечелобитье, о службе и об окладе (под смертною казнию).

О подрядчиках на войско.

Сказывающих за собою *слово и дело* отсылать в Преображенский приказ, не расспрашивая на месте.

О пошлине с крепостей.

О присылке в Монастырский приказ сведений воинских и всяких для напечатания курантов (*nouvelles courantes*)¹.

О *Клинском Яму*, о бытии *30 выть*².

О жаловании ямщикам 20 руб. на *выть*.

Еtc.

---

¹ Последние новости (*франц.*). Указ от 16 декабря, по издании которого начала выходить первая русская газета «Ведомости».

² Ям — селенне, крестьяне которого несли ямщицкую службу и где находилась для этого станция. Выть — часть, участок (здесь — почтовый).

Посреди самого пылу войны Петр Великий думал об основании гавани, которая открыла бы ход торговли с северо-западною Европою и сообщение с образованностию. Карл XII был на высоте свей славы; удержать завоеванные места, по мнению всей Европы, казалось невозможно. Но Петр Великий положил исполнить великое намерение и на острове, находящемся близ моря, на Певе, 16 мая заложил крепость С.-Петербург (*одной рукою заложив крепость, а другой ее защищая*. Голиков). Он разделил и тут работу. Первый болверк взял сам на себя, другой поручил Меншикову, третий — графу Головину, четвертый — Зотову (? *Канцлеру*, пишет Голиков), пятый — князю Трубецкому, шестой — кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны их именами. В крепости построена деревянная церковь во имя Петра и Павла, а близ оной, на месте, где стояла рыбацья хижина, деревянный же дворец на девяти сажнях в длину и трех в ширину, о двух покоях с сенями и кухнею, с холстинными выбеленными обоями, с простой мебелью и кроватью. Домик Петра в сем виде сохраняется и поныне.

В крепости определен комендантом полковник Рен. Меншикову, как генерал-губернатору завоеванных городов и земель, поручено надзирание над новоначинавшимся городом. Отведено место для гостиного двора, пристани, присутственных мест, адмиралтейства, государева дворца, саду и домов знатных господ. Город Нейшанц был *упразднен*, и жители оного переведены, — и были первые петербургские поселенцы.

Петр послал Шереметева взять крепость Копорье, а генерал-майора фон Вердена под Ямы. Обе крепости вскоре сдались на капитуляцию; гарнизоны выпущены в Нарву.

Когда народ встречался с царем, то по древнему обычаю падал перед ним на колена. Петр Великий в Петербурге, коего грязные и болотистые улицы не были вымощены, запретил коленопреклонение, а как народ его не слушался, то Петр Великий запретил уже сие *под жестоким наказанием, дабы, пишет Штелин, народ ради его не марался в грязи.*

Петр ездил в Ямы и Копорье, наименовал первый Ямбургом и повелел его укрепить. Там узнал он, что Кропторт из Лифляндии идет с 12 000 в намерении напасть на Петербург. Петр его предупредил с полками своей гвардии и четырьмя драгунскими и, нашед его в крепких местах у реки Сестры, прогнал его до Выборга, положив 2000. В то же время под Ямбург подступал нарвский комендант генерал-майор Горн, но прогнан с уроном от Шереметева; в разных местах сверх того шведы были побиты.

Вслед за сим на Олонецкой верфи, в присутствии Петра, заложены шесть фрегатов; отправлено к Шереметеву четыре наставления, между прочим о вымерении Ладожского устья и как подымается поляя вода, *понеже zelo нужны и там некоторые суда.* К Апраксину писал он, чтоб к весне *исправлялся пушками и заготовлял сие для кораблей, но не начинал их строить.*

Из Олонца прибыл государь на новопостроенном фрегате «Штандарте» с шестью ластовыми судами в Петербург, куда вскоре пришел первый корабль голландский с товарами, напитками и солью. Обрадованный Петр велел отвести шкиперу и матросам постой в доме Меншикова; они сбсдали за его столом, и Петр сидел с ними («С.-Петербургские ведомости», 1703 года, декабря 15)¹, подарил шкиперу 500 червонцев, а каждому матросу 300 ефимков; второму кораблю вперед обещано тоже (300 червонцев шкиперу). Товары по приказанию государя тотчас были раскуплены.

Петр всегда посещал корабельщиков на их судах. Они угощали его водкой, сыром и сухарями. Он обходился с

¹ О прибытии в Петербург первого голландского корабля сообщалось в газете «Ведомости», выходившей в Москве, 15 декабря 1703 г.

ними дружески. Они являлись при его дворе, угощаемы были за его столом... Их уважали и, вероятно, не любили. (Анекдот об аладыях. Кухмистер государев звался Фелтен. Летний дворец. См. *Штелина и Голикова.*)

1-го октября в третий раз Петр заключил условия с Августом, обязавшись усилить его саксонцев 12 000 пехоты да дать 300 000 руб. Все было исполнено. Деньги посланы с обер-комиссаром кн. Дмитрием Голицыным.

Петр видел еще нужду в пространной гавани, в кою могли бы входить большие корабли, и в крепости для прикрытия Петербурга. В октябре, когда шел уже лед, он ездил осматривать остров Котлиц, лежащий в Финском заливе, в 30 верстах от Петербурга. Он вымерил фарватер между сим островом и мелью, протв него находившеюся; на той мели, в море, определил построить крепость, а на острове сделать гавани и оные укрепить и сам сделал тому *план и проспект.*

Потом государь с Шереметевым отправился в Москву, оставя у Ямбурга окольного Петра Апраксина с пятью полками.

В Москву въехал он торжественно. По указу его сделаны были трое триумфальных ворот. Четвертые выстроил Меншиков. Потом занялся гражданским устройством государства, особенно финансами. *Доходы не составляли и 6 или 7 миллионов (?). Беер и другие (?). Щербатов*¹. №3.

---

¹ Имеются в виду приводимые Голицыным (т. II, с. 117) сообщения академика Г. З. Байера и историка кн. М. М. Щербатова.

Султан Ахмет III, с извещением о своем восшествии на престол, через посла своего жаловался Петру на построение крепостей: Троицка, Каменного Затона, Тагаурога etc., как на нарушение договора. Петр в феврале давал послу публичную аудиенцию, но ответ обещал от-дать после.

В прошлом (1703) году Петр из-за Волги перевел к Азову калмыков, отдав им выгодные земли для кочевья. Донские казаки стали их обижать, отгоняя у них скот. Мунко-Темир-тайша и брат его Черкес-тайша откочевали за Волгу. Азовский губернатор Толстой послал им грамоты, выговаривая им за непослушания. Письмо калмыка любопытно (см. Голиков. Ч. II—126).

Казаки задержали калмыцкого гонца и заключили его в оковы.

Петр обещал разобрать все дело — неизвестно, чем оно кончилось. Прибыли к Азову другие тайши, их одарили деньгами, парчою, камкою etc. (*Из Воронежского архива.*)

Из Москвы Петр отправился в Олонец и 19 марта прибыл в Петербург.

В начале мая привез он в Кроншлот артиллерию и сам ее расставил. Против оной на Котлине поставил батареи и укрепления. Скоро все было окончено, и Петр повелел Шереметеву идти со псковским корпусом под Карелу.

Шведы умножили в Дерпте войско. Виц-адмирал Лопер вывел в Чудское озеро 13 фрегатов (98 пушек). Россияне не имели на том озере военных судов. Шереметев

послал генерал-майора фон Вердена с частью пехоты, повелевая ему при взломании льда эскадру из устья Амовжи не выпускать. Фон Верден посадил войско свое на простые лодки и у города Кастерака напал на эскадру. Три часа продолжалось сражение. Все фрегаты были полонены, кроме адмиралтейской, которую Лошер сам взорвал на воздух (взято пушек 98 (?) и 140 офицеров и матросов).

20 мая Петр пожаловал Ромапа Брюса обер-комендантом С.-Петербургской крепости и с генералом князем Репниным, с полками гвардии и с Ингерманландским (Меншиковским?) отправился было под Карелу.

Но у Шлиссельбурга получил он от окольного Петра Апраксина известие, что вице-адмирал де Пруа (?) с флотом пришел к устью Наровы — и атаковал его, с намерением, отбив его, везти в Нарву провиант, куда сухим путем от Ревеля идет и генерал-майор Шлиппенбах.

Петр обратился к Нарве, повелел войску из Шлиссельбурга и Петербурга идти туда же. Шереметеву (25 мая) подтвердил взять Дерпт и, когда Шлиппенбах минует город, напасть на него с тыла.

Войска собрались под Нарвою — 30 мая; ждали из Петербурга артиллерии. Нарва знала о приближении Шлиппенбаха (в чем через перехваченное письмо Петр был известен). Государь на ревельской дороге выставил два конных полка в синих мундирах и со шведскими знаменами. Кн. Репнин и Меншиков их притворно атаковали; мнимые шведы дали лозунг осажденным, на что им тем же было ответствовано. Меншиков и Репнин начали отступать. Из города вышло войско на помощь своим. Тут они увидели хитрость. Подполковник Маркварт взят был в полон; несколько сот их убито, 4 офицера и 41 унтер-офицер и рядовых взяты в плен. Остальные бежали. Полковник Рен ударил на них из засады с драгунами и с пехотой — и гнал их до контрэскарпы — за что был произведен в генерал-майоры.

Осада Нарвы поручена *фельдмаршалу*-лейтенанту Огильвию, 60-летнему шотландцу, вступившему тогда в нашу службу. В начале осады прибило бурею к устью Наровы два галиота с провиантом. 2 офицера и 70 человек солдат и матросов взяты были тут же на них.

Петр съездил в Петербург, осмотрел работы и возвратился под Нарву.

Шереметев осаждал Дерпт. Петр послал ему 7 повелений с наставлениями, заключая одно из них сими словами: «Коли так не учинишь, не изволь на меня пенять». — 3 июня прибыл он сам к Дерпту, недовольный медлительностию осады, переменил план оной, и 12-го июня, в присутствии государя, солдаты, прорубя палисад, взяли рavelин, взяли пять пушек и, обратя оные к городу, разбили ворота и после девяти часов жестокого сражения вошли в город. Комендант сдался на условия, гарнизон отпущен без знамен и без ружей, но после Петр офицерам возвратил шпаги, а трети солдат ружья. Петр въехал торжественно в город, подтвердил жителям их права, освободив на (?) лет от повинностей etc. Пушек взято 132, великое число снарядов etc. На приступе мы потеряли одного полковника, 16 офицеров и до 300 унтер-офицеров и рядовых, да 400 ранено, у неприятеля побито до 2000—до 3000 вышло (Голиков. Ч. II—134).

Петр, отпраздновав победу, на шведских фрегатах, со шведскими знаменами и штандартами — Чудским озером возвратился под Нарву.

Артиллерия была привезена. Петр в воинском совете положил сделать пролом с Ивангородской стороны в бастионе, именуемом *Виктория*. В тот же час построены батареи и *кетели*. Прибывшему из-под Дерпта фон Вердену повелено по ту сторону Нарвы вести шанцы. Шереметев прибыл потом с пленными шведами и с дерптским комендантом Шките. Он стал у тех шанцев выше Нарвы. 30 июля, после молебствия, началась канонада в тот бастион и бомбардирование города — произошли пожары; лаборатория с треском была взорвана. В 9 дней сделан был в бастионе широкий пролом. С другой стороны бастион *Голнор* был обрушен и засыпан собою ров. Для мортир прибавлены новые кетели; два фланка были бомбами разорены; из 70 пушек оставалась одна.

В сей крайности Петр предложил через дерптского коменданта Шките о сдаче города на условие; и от Огильбя послано к Горну письмо. Но Горн не захотел и видеть дерптского коменданта, а на письмо обещал отвечать на другой день с тем, чтоб пальба меж тем была унята. Петр отвечал, что он ведает положение города и не сумсвается в том, что его возьмет, что предложение о сдаче сделал из человеколюбия, что комендант волен дать ответ, когда ему будет угодно, но что прежде того пальба

Питеръ, амбарово
лучо павлу, на Шебу
като сферието, со Шва
скимъ знаменемъ и Шва
дартами — нудомъ
визомъ, вострамите
надъ Марбу.

Сертимирова Села
Зривидна. Питеръ
во вонисаомъ лавста
камодинъ сукастъ Про
маинъ во Шванъ-городинъ
сторонъ во Швадъ
визенуемомъ Вижерикъ.

не перестанет, чтоб русские не могли подумать, что унятием действия дается ему время исправить разоренное. — Между тем апроши доведены были до самого городского рва, через контрэскарп против пролома и обрушенного бастиона.

Ответ Горна, пришедший на другой день, был гордый и обидный отказ. Петр повелел его прочесть перед войском. Озлобленные солдаты требовали, чтоб их вели на приступ. Военный совет определил быть приступу.

8 августа *приступные* лестницы тайно принесены в апроши. Все гренадеры посланы туда с повелением при начале приступа метать гранаты на бастионы. Против Виктории сделана новая батарея. — 9-го армия вся выступила из лагеря к апрошам. В ров с лестницами, по повелению Петра, посланы солдаты, бывшие в бегах и заслужившие казнь. Им приказано ставить их к обрушенному бастиону, по данному знаку лестницы были поставлены, и солдаты под начальством генерал-поручика Шенбека и генерал-майоров Чамберса и Шарфа полезли со всех сторон на стены. Осажденные открыли огонь, взорвали подкоп и осыпали русских бочками, бревнами и камнями. Русские не хладели, и в три четверти часа со всех сторон взошли на стены и погнали шведов до самого *старого города*, куда Горн скрылся вместе с ними. Он запер ворота и в знак сдачи повелел ударить в барабаны. Но рассвирепевшие солдаты ничего не слышали; Горн сам кулаками бил в барабан. Солдаты наши лезли на стену и кололи шведских барабанщиков. Другие устремились за бегущими до самых Ивангородских ворот и менее нежели в два часа овладели всеми около него укреплениями. В Нарве поднялся грабеж. Солдаты били по улицам всех, кто им ни попадался, не слушая начальников, повелевающих пощаду. Петр кинулся между ими с обнаженной шпагою и заколот двух ослушников. Потом, сев на коня, обскакал нарвские улицы, грозно повелевая прекратить убийства и грабеж, расставил повсюду караулы (особенно по церквам и лучшим домам) и прибыл к ратуше, наполненной трепещущими гражданами. Петр, между ими увидев и Горна, в жару своем дал ему пощечину и сказал с гневом: «Не ты ли всему виноват? не имея никакой надежды на помощь, никакого средства к спасению города, не мог ты давно уже выставить белого флага?» — Потом, показывая шпагу, обогренную кровью, «смотри, — продол-

жал он, — эта кровь не шведская, а русская. Я своих заколол, чтобы <удержать> бешенство, до которого ты довел моих солдат своим упрямством».

До 15 августа Петр трудился о установлении порядка в городе и о безопасности жителей. В сей день Петр принес благодарственный молебен при троекратной пушечной пальбе. 16-го сдался и Иван-город. Петр дозволил гарнизону выйти без знамен и барабанов. Часть их провозжена сухим путем, вторая морем в Ревель. Третья — в Выборг.

В Нарве взято пушек, мортир и гаубиц 425, фальконетов и дробовиков 82, ружей 11 200 etc. (2 000 000 пуль (?)).

В плен взято: генерал-майор Горн, 5 полковников, 4 подполковника, 5 майоров, 97 обер-офицеров, 125 артиллерийских офицеров и служителей, 1600 <солдат> (коих в начале осады было 4555).

В Иван-городе пушек взято 95, мортир и дробовиков 33 etc.

Наших побито: 1 полковник, 1 подполковник, 1 майор, 6 обер-офицеров; унтер-офицеров и рядовых 350, ранено: 6 штаб-офицеров, 26 обер-офицеров, унтер-офицеров и рядовых 1406.

Шлиппенбах, шедший к Нарве, разбит был генерал-майором Реном: из 2800 его конницы спаслося 400. Полковник, несколько офицеров и две пушки взяты (во время Нарвской осады).

Меншиков в то же время послан был из-под Нарвы в Польшу для ободрения стороны, доброжелательствующей Августу, также и для осмотра войск, отправленных из Киева, под начальством Паткуля, в помощь Августу. Меншиков ободрил начальников Сендомирской конфедерации, обещав им помощь Петра, и возвратился под Нарву. Он был пожалован губернатором нарвским. На взятие сего города выбиты были две медали и розданы чиновным людям, бывшим при осаде.

Карл XII скрежетал, но не хотел оставить Польши, не свергнув прежде короля Августа. Он самовластно правил в Польше; примас, многие из знатных и лютеране были на его стороне. Он несколько раз побеждал саксонское войско, артиллерию и контрибуцию пересылал в Швецию

и содержал на счет Польши свои войска. В 1703, июня 19, король на сейме, в присутствии хитрого примаса, усиленный представлениями Петра, установил все по-своему. Но собрание варшавское (1704, февраля 14), где первенствовал примас, заключило низложить Августа. Карл предложил в короли Якова Собиеского. В том же месяце краковское собрание уничтожило положения варшавского (состоявшего из 10 сенаторов и из депутатов двух воеводств: Великопольского и Мазовецкого), члены оного объявлены бунтовщиками. Составилась особая, Сендомирская конфедерация, в пользу Августа. Петр ободрил ее через письмо. Яков Собиеский схвачен был саксонцами и увезен ими в Лейпциг. Большая часть коронной армии присоединилась также в Августу. Карл повелел Рейншильду и Левенгаупту предавать все в Польше огню и мечу и принудил малую Польшу и шляхетство литовское пристать к конфедерации, противной Августу. Поляки бросили мира. Карл (14 апреля) повелел им избрать своего короля, обещая вывести войско свое etc. 2 мая примас обнародовал междуцарствие и для избрания короля назначил быть собранию в Варшаве к 19 июня. Август протестовал. Сендомирская конфедерация усилилась. Она объявила примаса, епископа познанского и маршала варшавского изменниками; прочим дала 14 дней сроку одуматься. Варшавский сейм был не согласен. Примас желал избрать Любомирского или кого из французских принцев. Но Карл назначил неожиданно Станислава Лещинского и приблизил войска к Варшаве. Поляки испугались, и 12 июля избран Станислав 30-ю или 40 шляхтичами, и то одной Великопольской провинции. Сендомирская конфедерация осталась во всей своей силе. Петр ободрял ее через Мешникова. 28 июля они протестовали против избрания Станислава, объявив участников в оном врагами отечества.

Август и Речь Посполитая прислали к Петру уполномоченным послом Дзялинского. Вслед прибыл и полный гетман литовский Огинский и *стражник* Заранок с просьбой о помощи. Петр 19 августа заключил с Августом четвертый трактат, обязавшись дать ему еще 12 000 на своем иждивении. Речь Посполитая обещалась к будущему 1705 (году) выставить 21 800 конницы и 26 200 пехоты во все продолжение войны. В случае вытеснения шведов из Польши войско должно было быть перенесено внутрь

Швеции, и тогда до конца войны Петр ежегодно обязывался давать по 200 000 р. — По заключению уже договора Дзялинский успел выпросить у Петра еще 12 000 войска (пехоты и конницы). Репнин с оным и отправился в Польшу. Если верить венцианскому историку, Август сам приезжал в Нарву, и Петр обещал ему по завоевании Лифляндии отдать Речи Посполитой те города, кои некогда принадлежали Польше; наши летописцы о том молчат.

Петр того 19 августа со всеми своими генералами отправился в Дерпт. Оттуда, отпустив их обратно в Нарву, поехал один во Псков, Новгород, Ладогу (повелев переселить в нее жителей из Старой Ладоги и учредя в ней пристань для товаров, идущих в Петербург водой и сухим путем), оттоле на Олонецкую верфь. Там нашел шесть фрегатов и девять шнавов, почти уже готовых, спустил их при себе, заложил новый корабль и 1-го октября с сими фрегатами и шнавами отправился в Петербург.

Тут заложил он адмиралтейскую верфь и крепость (?).

(Анекдот о якорном мастере и его подмастерье, которого Петр велел высечь за неблагодарность).

12-го ноября Петр прибыл в Нарву, куда из Петербурга приехал и турецкий посол для прощальной аудиенции. Петр дал ему грамоту к султану; на требования его ответствовано послу, что государь на своей земле волен, как султан на своей; что крепости около Азова и флот строятся не вопреки договора и что подробное объяснение обо всем подаст министр наш Толстой. Султан не возражал, и в тот же год воспоследовало разграничение земель.

Комиссары при сем были: азовский губернатор Толстой и Хасян-паша, положено быть границей от Азова 10 часов¹ (50 верст).

Петр недоволен был за что-то братом адмирала Апраксина и писал о том сему последнему (Голиков. Ч. II—156).

Отряженный от князя Репнина полковник Флюк, соединясь с гетманом Вишневецким, напал на Сапегу, разбил конницу, несколько сот пехоты и шесть пушек взял.

При выезде своем из Нарвы в Москву Петр повелел генерал-майору от артиллерии Якову Брюсу в Нарве и в Петербурге прибавить военных снарядов (7000 трехпу-

---

¹ копного пути (см.: Голиков, т. II, с. 154).

довых и 700 девятипудовых бомб, а артиллеристов умножить 600 человек).

Петр в Вышнем Волочке остановился, осмотрел реки Тверцу и Мсту и определил соединить их, а тем и Балтийское с Каспийским, открыл таким образом Индну путь в Петербург. Он тут же повелел начать работу и сделал все нужные учреждения.

14 декабря имел он торжественный въезд в Москву — было семь триумфальных ворот (из коих одни сооружены Меншиковым, пожалованным тогда же в генерал-поручики). Ведены были генерал-майор Горн и 159 офицеров, несено 40 знамен и 14 морских флагов, везено 80 пушек. При одних воротах митрополит Стефан Яворский говорил речь, при других — ректор Заиконоспасской Академии с учителями и с учениками. Знатнейшие люди всех сословий поздравляли государя. Народ смотрел с изумлением и любопытством на пленных шведов, на их оружие, влекомое с презрением, на торжествующих своих соотечественников и начинал мириться с нововведениями.

Тогда же изданы географические карты, в коих Петр предозначил будущие границы России («Ежемесячные сочинения», 1761 г. Ч. II — 429).

Указы 1704 (57)

Повелено воеводам с поятыми переписать переозы, рыбные ловли etc. для точного узнания доходов.

Подтверждается ненаказание смертью (люди были пужны).

Приказано стольнику Синявину покупать на казну по 300 пудов ревеню в Сибири (ревень — монополия).

О постройке бань в Новгороде и Пскове — и о отдаче оных в оброк. (Петр почитал бани лекарством; учредив все врачебные распоряжения для войска, он ничего такого не сделал для народа, говоря: «с них довольно и бани») (Медик Соншес¹, стр. 46).

Устав о банном сборе, 13 статей.

С бань брать оброк с бояр, окольных, думных (людей) и гостей — три рубля; со стольников и со всяких

---

¹ Имеется в виду книга: А. Сапчес. О парных российских банях. СПб., 1779.

служилых, с помещиков и вотчинников, с церковных причетников etc. по одному р.; с крестьян, казаков и стрельцов по 15 коп. в год.

О ведении рыбных ловель в Семеновском приказе.

О пошлинах с пчелиных заводов etc.

О пошлинах со свадеб, с венечных памятей etc.

О строении в Кремле и в Китае-городе каменного строения по улицам и переулкам, а не посреди дворов — деревянные продать.

О пошлинах с крепостей.

О мельничном сборе (в Семеновском приказе).

Устав о том 18 статей.

(№ брать четвертую долю доходов в казну.) Хлеба не молоть без *помолных* денег etc.

О оброке на рыбные ловли.

Устав о рыбной ловле, 41 статья. (Рыбная ловля в ведении Ингерманландской канцелярии) (отселе ненависть казаков к Меншикову.)

Обсбродить вновь рыбные ловли по 10 денег с рубля.

Пруды помещичьи — свободны.

Устав о постоялых дворах, 16 статей (четвертую долю найма в казну).

Все стоялые дома брать в казну, заплатя хозяевам что стоят.

О объявлении о беглых без утаения под смертную казнию.

Повелено быть промыслу моржовому и иных морских зверей и салу их в компании *г-на Меншикова*. №.

О пошлине с отпускных писем.

№. Распущенных стрельцов и их детей собрать вновь и в службу годных послать в Смоленск.

Подтверждение о немецком платье.

О невывозе иностранного табаку.

Льгота ямщикам.

№. Об особых канцеляриях для сборов конских, рыбных, мельничных, банных, медовых и с постоялых дворов.

О даче проезжих грамот отъезжающим иноземцам.

О *казеничках*, с ясачною казною посланных — не давать им кормовых денег etc.

Петр получил известие об общем бунте башкирцев, к коим пристали татары, мещеряки etc. Поводы к оному были притеснения бывшего в Уфе комиссаром Сергеева в отыскании беглых рекрут и в забираии их лошадей. Мятежники доходили до Казани, однако были прогнаны казанским вице-губернатором Кудрявцевым (убитым в Пугачевщину на 110 году). Петр отправил боярина кн. Хованского с восемью полками для успокоения мятежа.

17 февраля в Польшу отправлены полки под начальством Меншикова. А государь с адмиралом Головиным и Апраксиным отправился в Воронеж. В день пасхи в Таврове спущен 80-пушечный корабль *«Старый дуб»*. Дано Апраксину повеление к 1706 году к марту изготовить 36 военных кораблей, семь бомбардирских и три брадце-ра; построить около работ корабельных крепость по данному плану; вымерить глубину всего Дона и прискаты удобное место для верфи.

Построить в Романовском уезде по реке Воронежю Липский железный завод, приписав в ведомство адмиралтейское (что скоро и исполнено, и государь на нем сам ковал якоря etc.).

Тут же повелел государь Шереметеву не вступать с неприятелем в генеральное сражение, но вредить ему всячески при переправах и трудных местах и действовать с согласия Огильвия и Паткуля.

19 апреля Петр уехал в Москву.

Там получил он <известие> о победе генерала Рена над тремя отрядами шведов и поляков. Он повелел Ше-

реметеву стать между Полоцком и Брестом; Огильвию — о сближении с главным корпусом; Паткулю — то же. (Уведомляет Огильвия, что мосты, понтоны, рогатки etc. отправлены.) Петр собрался ехать в Польшу, но 5 мая занемог лихорадкою — и успел выехать не прежде, как в конце мая. По пути к Полоцку, осматривая сад и костел в местечке *Микалишки* у пана Брестовского, получил он известие о том, что шведы морем и сухим путем идут к Петербургу; Петр отправил туда Меншикова, но сей скоро возвратился, узнав на дороге, что шведы уже прогнаны.

Шведский флот, состоявший из 22 военных кораблей (от 54 до 64 пушек), 2 брандеров, 2 бомбардирных кораблей и 2 судов о 40 пушках, приходил под Котлин остров под командой адмирала Анкерштерна, вице-адмирала де Пруа и шаутбенахта Шпара. Но вице-адмирал Крейс их отбил, а высадку на Котлине полковник Толбухин, лежавший в закрытии, побил, прогнал и перетопил, так что волнами прибитых к берегу тел сочтено до 950. Пленных взято 7 офицеров и 59 унтер-офицеров и рядовых, по их словам, побито более 1000 (по Феофану, более 2000). У нас убито 46 да ранено 88. Эскадра наша состояла из восьми кораблей о 24 пушках и четырех шнав о 12 пушках, двух брандеров и семи больших галер. Шведский флот удалился в море. Крейс погнался было за ним, но в 2¹/₂ милях от острова, за сильным ветром, мешавшим галерам идти на гребле, возвратился.

Генерал-майор Менгден в то же время с 10 000 войска приблизился к Петербургу. — Но обер-комендант Брюс прогнал его. Менгден близ Шлиссельбурга (?) соединил свои силы и перешел Неву, но снова был прогнан. Он остановился у одной пильной мельницы, в коей сидело 200 русских солдат. Он выстроил батарею и требовал их сдачи. Но русские отсиделись и троекратный приступ его отбили.

В Полоцке Петр нашел Шереметева, Огильвия и Репнина уже соединившимися. В военном совете положено: Шереметеву с генерал-поручиками Чамберсом и Розеном идти в Курляндию на Левенгаупта, дабы отрезать его от Риги, и для того идти *одной коннице* (11 полков) и как можно скорее (или всем на подводах?). Если Левенгаупт будет отрезан и, избегая сражения, пойдет в Польшу, то идти за ним. (От Польши же отрезан он Реном и

Паткулем.) Если же Левенгаупт засядет в Митаве и в Боуску, то осадить его. А потом идти в Гродно и запариться там провиантом. Войску под смертной казнию запрещено жителей обижать.

Петр повелел провиантскому начальнику Ромодановскому (не князю), когда войско тронется, продавать вино от казны — не допуская к тому польских шинкарей. Полякам же позволить продажу других напитков, но в обозе и за караулом.

1 июля Петр с главным корпусом выступил к Вильне. С похода прислал он Рену повеление, чтоб он в Гродно не шел, ибо Левенгаупт пробирается в Литву; но стал бы около Ковны. Если же Левенгаупт подлинно пойдет на соединение с Карлом XII, то чтобы Рен, соединясь с саксонским войском, старался до того не допустить; Петр обещал прислать к нему несколько еще пехоты.

Между тем государь писал к Апраксину о переделке кораблей, к Стрешневу — о посылке в Ингрию новоприборных солдат etc.

Петр прибыл в Вильну 15 июля и писал два письма к Апраксину и к корабельному мастеру Склиеву о кораблях, о их украшениях, о том, что пельзя ли будет спустить их и прежде весны, о запрещении жечь степи, яко о порче лесам, о деле калмыков с казаками etc., о двух счастливых делах в Ингрии и Курляндии etc.

Шереметев 11 июля отправил к Митаве генерал-майора Боура с 1400 войска. Боур до солнечного восхода нечаянно напал на предместья и до 100 неприятелей побил; предводитель едва сам спасся. Взято в плен шесть офицеров, унтер-офицеров и рядовых 72, знамен восемь, две пушки. После того Боур отступил и снова соединился с Шереметевым. Петр благодарил за то Шереметева, повелевая ему не выпускать Левенгаупта из рук. Он писал о том и к Рену, повелевая ему, если Левенгаупт войдет в Пруссию, войти за ним (ибо Пруссия, будучи нейтральна, впустив Левенгаупта, должна будет впустить и нас).

Фельдмаршал Шереметев, преследуя Левенгаупта, сошелся с ним в Курляндии у Мур-мызы. 19-го июля произошло сражение. Из 7000 шведов пришло в Митаву не более 3000. Шведских офицеров убито 137, наших убито около 1000. Но конница наша, бросясь грабить обоз неприятельский, дала шведам удержать место сражения и взять (на другой день битвы) наши 13 пушек, тут остав-

ленных. «Если бы,— писал Петр к Огильвию,— наши на другой день ударили, то победа была бы нам полная». Левенгаупт ночью ушел в Ригу. Петр утешал и ободрял Шереметева (узнав по слухам о его мнимом поражении) и 4-го августа, предоставив начальство над войском в Вильне Огильвию и оставя там Головина и Головкина, сам пошел в Курляндию преследовать Левенгаупта. Он повелел Шереметеву судить виновников и требовал сведений о Левенгаупте. С пути писал он к Головкину о высылке доктора Капитенца, о железных лопатках, о размене пленных через посредничество прусского короля etc.

6-го августа Петр прибыл в Биржу, отколе он писал:

1) к Рену, повелевая ему соединиться с Шереметевым в местечке Барбарах,

2) к Брюсу, чтоб он Двиною в Полоцк под *новую* Ригу, отправил пять или более мортир.

3) Головину, чтоб он при тех мортирах отправил 500 солдат с полковником, без знамен; о том, чтоб он писал к Мазепе взять у неприятеля лошадей, коих по крайней мере нужно 5000; чтоб гетман старался Рейншильда утомить набегами; чтоб Головин приготовил в Гданск посланника etc.

10-го августа Петр соединился с драгунскими полками генерала Рена. Но узнав на пути, что Левенгаупт обессиленный, оставя Курляндию, заперся в Риге, он отправился туда и подходил под самые пушки. Три часа, невзирая на сильную пальбу из Кобор-шанца, он осматривал укрепления. Потом пошел к Митаве, где находился шведский артиллерийский магазин и сильный гарнизон. Кругом шведского войска было 12 000. Несмотря на сие, замо́к митавский был осажден и взят, в нем найдено 290 пушек, 58 мортир и гаубиц etc., ядер осталось 13 505, бомб — 2125 etc.

Комендант Кнорринг свидетельствовал перед сменою караулов, что тела курляндских герцогов, в погребу под церковью находившиеся, ограблены и выброшены были не русскими. Во время осады, в предосторожность от поляков, Петр писал дерптскому коменданту Нарышкину, чтоб он с инженером ехал от Пскова до Смоленска и осмотрел от Великой реки до Днепра, где возможно сделать линию; также броды, болота etc.

Шведы меж тем под Варшавою разбили наголову 7000 саксонского и польского войска под начальством несчаст-

ного Паткуля, который тут же попался в плен. Карл XII был уже там; Петр опасался, чтоб он не обратился к Лифляндии и Курляндии и повелел Огильвию укрепить город Тикотин и самому около *Гродни* осмотреть мосты etc. (ибо город сей был очень нам нужен, как важный пост от Немена), чтоб он не со сном приблизился с драгунами к Тикотину для соединения с саксонцами. А сему-де есть еще время, ибо Карл XII вероятно в Варшаве премешкает. Там происходили договоры о короновании Станислава.

Подполковник Ифлант разбил шведского паездника подполковника Лоренса (60 офицеров и 200 драгун).

Петр во время осады писал шесть писем к канцлеру Головину: о том, чтоб отказать Августу в просьбе его о деньгах, коих в том году получил он уже довольно, что шведское войско раздвоено, что против Августа действует один Рейншильд, Карл же занят в Варшаве; повелевает Мазепе всю контрибуцию отдавать в казну; по письму Хилкова протестовать при всех дворах; чтоб гетман действовал, пока нет еще противу его сильного войска; что может он напасть на генерала Стромберга, у коего всего 3000 войска. Уведомляет, что граф Трунцель и князь саксонский Вейсенфельс хотят в нашу службу; генерал-поручика Шенбека отпустить (*№ замечание кн. Щербатова об иностранцах*).

К Шереметеву Петр писал, требуя артиллерии, пороку к Друе и 150 пудов неску в Митаву etc.

Меншикову, уведомляя его об действиях, повелевает в Польше всячески мешать усилению войска шведского, дабы не принуждены были снять осаду Митавы. Негодует на Августа, который не пользуется расторжением шведского войска etc.

Огильвию (в трех письмах) советует соединиться (с кем?), 1) артиллерию, провиант etc. в Гродне положить на суда, 2) коннице и четырем батальонам соединиться с Шуленбургом у Тикотина, и когда неприятель пойдет сильно, то провиант отправить в Вильну, а оттоле в Ковно. А что меж тем государь Митаву возьмет. Деньги приказал он раздать саксонцам по рукам, а не начальникам, дабы не сделали они, как Паткуль, взяв деньги, истратил их на провиант, который можно взять было даром etc.

Взятие Митавы было для нас важно, ибо неприятель тем отрезан был от Лифляндии; и нам *далее в Польшу безопасен есть* (письмо Петра к Ромодановскому).

Из-под Митавы Петр отправил к крепости Боуск бомбардирского капитан-поручика Керхина и полковника Балка с двумя пехотными и одним драгунским полками, предписав первому, в случае сильной обороны, уговаривать к сдаче на капитуляцию; в противном случае — на *дискрецию*¹ etc.

Крепость сдалась почти без сопротивления *на акорд*;² Петр был недоволен условиями и писал, что если они еще не подписаны, то требовать сдачи на дискрецию. Но все было уже кончено, и гарнизон, как и митавский, отпустили в Ригу. Пушек в Боуске было 58.

На взятие Митавы выбита медаль.

В сие время Петр получил от боярина князя Бориса Алексеевича Голицына, начальника Казанского дворца (из Москвы), известие о новом возмущении.

30 июля в ночи астраханские стрельцы взбунтовались; убили воеводу Ржевского с его детьми и до 300 дворян.— Вскоре потом Петр узнал, что к ним пристали стрельцы Красного и Черного Яру и пошли под Царицын, от коего, однако ж, отбиты, что, глядя на них, взбунтовали гребенские казаки и стрельцы терские, которые убили полковника своего Некрасова, и что от них посланные хотели взбунтовать Дон и Яик, оставшиеся, однако, верными. Из Москвы послан был противу их боярин кн. Хованский с войском из дворян.

Петр тотчас отправил на усмирение стрельцов самого Шереметева, приобщив к нему окольного Петра Апраксина с *его* полком; вслед за ним отправлен Щепотьев, с дополнительными наставлениями.

11 октября из Гродни Петр послал увещательную грамоту в Астрахань, жителям.

Петр писал к Шереметеву, как ему в походе и в деле с бунтовщиками поступать. С чернойярцами и другими повелевал обходиться без жестокости, дабы тем не устра-

---

¹ на милость победителя.

² сдача на выговоренных условиях.

шить и не воспламенить астраханцев. Заняв Астрахань, обнародовать милость, а над заводчиками без указа казни не чинить.

1706, января 3, бунтовщики, получа царскую грамоту, пришли в раскаяние и послали от себя с повинною восемь человек единомышленников. Петр, по обещанию своему, даровал им простительную грамоту и семь человек отослал к Шереметеву, повелевая задержать их в случае неверности в астраханцах.

Между тем сии последние возмутились пуще прежнего. Тамошний архиерей Самсон и наместник Троицка Дашков уведомили о том Шереметева. Шереметев удержал выборных. Злодеи, не допустив его до Астрахани, снова прислали к нему с повинною; их обнадежили в царской милости и отпустили с повелением в знак раскаяния встретить фельдмаршала под Астраханью (без оружия?). Мятежники не послушались — заперлись в городе, расставили по стенам пушки, роздали всем ружья и порох, выжгли предместье и меж собою присягою утвердили обещание обороняться до смерти.

Шереметев занял Ивановский монастырь. Мятежники окружили его и стали бомбардировать; к ним из города подоспела помощь с пушками и знаменами. Шереметев дождался своих полков и, вышед из монастыря, первыми выстрелами принудил их отступить; мятежники бросили свои пушки, побежали, разметали мосты и в городе оборонялись отчаянно. Шереметев взял приступом земляной вал, овладел пушками и осадил каменный город; отбитый сильною пальбою, он отступил и принужден был город бомбардировать. Наконец мятежники вышли с повинною. 13 марта Шереметев вошел в город со всею, однако ж, осторожностью.

Заводчик бунта Носов и 273 человека отосланы в Москву, остальные прощены.

Предлогом бунта было православие, угрожаемое погибслию через бритье бород и немецкое платье. Намерение их было идти на Москву, разорить ее, побить всех правителей, немцев, офицеров и солдат, отомстив тем за казни 1698 года, а потом бить челом государю, *чтоб велел быть старой вере.*

За утупение семимесячного бунта принес богу благодарение, уподобив оное важнейшей победе (*см. письма его к Шереметеву и к Апраксину*).

По совершенному усмирению сего бунта Шереметев, оставя в Астрахани воеводою кн. Хованского, возвратился к Петру в Киев. Государь пожаловал тогда его графом и сына его Михаила Борисовича полковником.

1705—1706

Обратимся к воинским делам:

По взятии Митавского замка и по очищении всей Курляндии, 12-го сентября Петр отправился в Гродню. В Митаве оставил он генерал-майора Боура с несколькими кавалерийскими полками, комендантом в замке бригадира Айгустова, дав повеление: первому — заняться укреплением замка, другому — отыскать погреб для безопасного хранения пороху, и на осады от Левенгаупта собрать *жерновыя* и других каменьев. Огромную митавскую артиллерию повелел отправить в Москву по зимнему пути.

Огильвию со всеми полками повелел быть в Гродню, куда приказал следовать и Репнину.

Близ Ковны Петр осматривал католический монастырь.

16-го государь прибыл в Гродню.

Ромодановскому писано присланных от донских казаков астраханских возмутителей держать под караулом и проч. (*Голикова примечание. Ч. II — 196*). №.

22-го сентября в Тикотине смотрел саксонское войско Шуленбурга и литовский корпус, стоявший недалеко. 2-го октября Петр возвратился в Гродню, оставя в Тикотине Меншикова с частью кавалерии для поиску над шведами, под Варшавой стоящими.

Войску определены зимние квартиры.

(Анекдот о плачущей иконе, рассказанный гр. Алексеем Петровичем Бестужевым.)

(Слова Петра из Давида: *«Светильник стезям моим закон твой, боже!»*).

Карл меж тем короновал торжественно Станислава Лещинского и заключил с конфедератами союз противу России.

Отряженный от Меншикова полковник Горбов с 500 русскими и 200 саксонцами у р. Вислы разбил поляков,

С ним соединился и польский генерал-майор Сеницкий, также отряженный Меншиковым; оба в Праге порубили гвардию Станислава и отступили за неимением пороху, разбив прежде тут же 700 павлов при переправе через реку. Получив порох от подоспевшего полковника Гейскина, вновь обратились они на неприятеля, который ушел в укрепленные места. 1 полковник, 12 офицеров, 362 унтер-офицера и рядовых, 4 пушки, 6 знамен гвардии взято нами. У нас убито: 1 капитан и 13 рядовых.

Петр от Ромодановского потребовал присылки возмутителей астраханских и стрелцких полковников, бывших в Азовском походе (без отговорок), также о станках, о слоновой кости и о дереве etc.

Курбатов и Ершов, *одни из нижайших его подданных* (слова кн. Щербатова), советами своими доставили нуждающемуся в деньгах государю способы оные достать (какие способы? монополия? притеснения?..). Они пользовались его доверенностию. Курбатову сообщал оп жалобу английского посла о забранных его пожитках и запечатанных от ратуши в анбаре Гутвелеве, повелевая Курбатову извиниться и вещи возвратить.

В Архангельск к Стельсу писал он о позволении, данном английскою королевою, нанимать мастеровых etc., приказывает выписать 150 шапок кожаных и приделать к каждой перья, как у старинных железных бывали etc.

К Огинскому, чтоб он поступил по предложению Мнишка.

Кн. Борису Алексеевичу Голицыну, чтоб он наградил царицынцев за верность, *также и калмыков* мягкой рухлядью и чтобы он на Терек послал грамоту к черкасским князьям, требуя их содействия в усмирении стрельцов etc.

Виц-адмиралу Крейсу Петр писал подрбно о строении кораблей, об укреплении Котлина, Выборга и Кексгольма, выговаривал за то, что учение молодых матросов пренебрежено, под предлогом, что «все корабли и шнавы (кроме двух) негодны к ходу». «Но сие,— пишет Петр,— есть великой важности, и я буду оное свидетельствовать, ибо не добро есть брать серебро, а дела делать свинцовые». (*Тетради записные*, стр. 37.)

13 октября Петр был в Тикотине, оттоле в местечке Пур. Отселе послал в Митаву Боуру повеление о запасе провианта и о сборе оного с курляндцев *не добром, так*

силою, о укреплении скорейшем крепости палисадами, о повзлекни литовскому войску о соединении с нашим на зимовье, а Розену быть не мешкая в Гродню etc.

Продолжение переписки с Крэйсом; государь все еще был им недоволен.

Также Огильвию, Репнину и поручику Писареву о разных воинских распоряжениях.

В Тикотин прибыл Август. Петр, утешая его, подарил ему шведские знамена. Оба государя в Гродне присутствовали при учении полков. Август дал Меншикову орден Белого орла. Петр чертил планы кораблям etc., etc.

Письмо Стрешневу Петр заключает сим: «Писать рад, только истинно не всегда досуг; ибо во все свое время столько не пересездил верхом и прочие перенес тягости, как сей год в сей проклятой земле».

«Понеже, — пишет он в другом письме, — подводчики разбежались, которые были у солдатских и артиллерийских подвод — и впредь быть им и держать оных zelo трудно», то из рекрут выслать нужное число, дав им серые кафтаны etc. и по 5 рубл. жалования, а число их в 3700 чел. etc.

На содержание саксонского войска отпустить 160 000 рублей.

Азовскому губернатору пишет о чертеже крепости, сб унятии калмыков, нападающих на татар etc.

№3. Бутурлину о удержании посылки в низовые города указов о бритьи бород и о немецком платье etc.

К Боуру (между прочим) о сборе с Курляндии рекрут 1894 человек, с 10 дымов по человеку, и чтоб, когда станет Двина, шел он разорить Рижский уезд.

К Курбатову о учинении в Архангельске браковщиков.

В Петербург к Ивану Матвеевичу (?) *о изведении воды к фонтанам и чтоб перебить ту речку, которая идет мимо моего двора.*

Петр поручил в полную власть корпус Огильвия и Репнина — Августу (*Указ Огильвию 5-го декабря*). Пожаловал Меншикова генералом над кавалерией, простился с королем и 7 декабря поехал в Москву, куда с торжеством и въехал 19 декабря.

В тот же день писал он Меншикову, что в случае, если то правда, что Карл намерен идти к Гродне, то приготовить на станциях от 15 до 20 лошадей для него. Рекрут в Польшу отправил Петр 4000, в Смоленск —

9000, к Рену — 500 (?), к Боуру — 3000. Меж тем осмотрел он фабрики etc., был весьма доволен и над суконными фабриками директором и попечителем учинил Меншикова; *«из сих сукон, — пишет он к Меншикову, — и я сделал кафтан к празднику»*.

В Ингрию Брюсу — повелел двум полкам из Шалонской и Вотской пятины идти во Псков — и подтвердил Розену по зимнему пути идти в Финляндию, не дожидаясь Меншикова.

Указы 1705 (61)

Пошлина с бань уменьшена (вместо рубля — 50 коп., вместо 15 коп. — 10).

Пошлин на бороды с царедворцев и дворян etc. — 60 рубл., с гостей *1-й статьи* — по 100 (?), с *средней и меньшей* (которые платят за десятые деньги менее 100 руб.), с ямщиков, с посадских и проч. — по 30 рублей, и в платеже давать им знаки.

№3. №3. Душеприказчикам никого не отпускать и отпусковых не писать.

Запрещение рубить заповедные леса без челобитья.

За побег из войска из трех казнить одного по жребию — и двух бить кнутом и отсылать на каторгу. Явившихся из бегов бить кнутом и ссылать на 5 лет. Потом снова принимать.

Постоялые дворы отданы вновь хозяевам (с найма взяв четвертую долю).

К походной канцелярии брать с 20 дворов по человеку (в городах: Дмитрове, Переяславле-Залесском, Рузе и Звенигороде).

О пошлине в Ингерманландскую канцелярию с ведра и полуведра по копейке, а с кружки по деньге (вина, меда, etc.).

Разные торговые постановления (*между прочим за затейный донос наказание, равное тому, какое довелось бы терпеть и виновному*).

О рекрутах с 20 дворов по человеку.

О знаменах на торговых судах по рекам.

О присылке в Приказ военных дел списков фельдмаршалам, генералам и всем офицерам для подлинного написания в журнале.

О даче жалования Вейдову полку и Бутырскому за их поход в Троицкий монастырь в 1698 году. №3

О табаке *витом* и *тергом* и о черкасском.

И продавать табак целовальникам и кабацким бурми-
страм по 25 коп. (?) фунт (фунтовой), а *витой* — по
2 коп. аршин.

О клаже в тертый табак золы на фунт по фунту и 38
золотников, бумаги на обертку 56 золотников, итого при-
весу на 1 ф. — 2 ф. 79 з. — продавать оный по 18 коп.

За корчемную продажу табаку описывать имение и
ссылать с женами и детьми; доносителю — четвертую
часть имения.

Ведавшему и не донесшему — наказание: описание по-
ловины всего имения etc., etc.

То же и за корчемную продажу вина.

О взятии под артиллерию в Смоленск с 179 дворов
по две лошади; с приморских городов брать деньгами.

Ссылки установлены на 25, 20 и 15 <лет> — менее,
как на три, не ссылать.

О каменном строении в Кремле и в Китай-городе,
а в других частях каменных никому не строить, пока
не обстроится Кремль и Китай.

О пошлине на *садки*.

О наборе конных рекрут с 80 дворов по человеку.
За одного беглого брать двух, а пени по 16 руб. с чело-
века.

О новом наборе etc. (не подтверждение ли прежнего?).

О беглых заводчиках (подводчиках?): десятого каз-
нить, а прочих кнутом; вместо умерших от тех же дворов
брать братьев, племянников etc.

О ведении царя Имеретинского людей и крестьян
в Посольском приказе.

О ввозе в Москву камня и песку из городов, на 100
верст отстоящих от оной.

1706
(до 5 июля)

1706

Петр при реке Яузе повелел по собственному плану выстроить первую в России военную госпиталь (в том же году она и была окончена). Он выписал иностранных врачей и учредил при госпитале анатомическое учение, обогатив театр анатомический разными *уродами* человеческими и проч., развел тут же ботанический сад, в коем сам иногда трудился.

Между тем занимался он воинскими приготовлениями. Военный совет, состоявший из Тихона Никитича Стрешнева, кн. Федора Алексеевича Голицына и Федора Матвеевича Апраксина, по повелению Петра послал Сумской полк в Ламов, один пехотный в Астрахань, в Польшу рекрут 4000 да в Воронеж два полка; кн. Юрия Долгорукова в Азов, а азовские полки в Польшу же.

Петр зимовать приказал Шереметеву в Саратове. И послал к нему в *надзиратели* (род французских *commissaire de la Convention* ¹) Щепотева, дав ему особую инструкцию (тайную) (Щепотеву же повелел он послать в Уфу воеводу, доброго человека, а полк из Мензелинска выслать в Муром).

Петр писал в Петербург к Брюсу, чтоб он из-под Пскова послал два полка (куда?) и сообщил бы к ним своего войска; пленных же из Нарвы (от капитана и

---

¹ комиссаров Конвента (*франц.*).

ниже) послать в Москву, а от майора и выше — в разные города.

Розену писал он гневное письмо, негодуя на его сонность; ибо неприятель безопасно разорвет дерптский и псковский уезды etc., etc.

Петр наконец получил от Меншикова уведомление (12 января), что Карл идет к Гродне. 13-го Петр уехал, уведомив Меншикова, что чрез неделю прибудет etc.

На каждой станции Петр писал письма, из Вязьмы — к Меншикову и адмиралу Головину, из Смоленска — к Долгорукову, торопя его быть с Преображенским полком в Смоленск; Меншикову, чтоб он уступал к Вильне; из Дубровны — к смоленскому губернатору Салтыкову о вооружении шляхты etc., к Шереметеву, к Нарышкину — о плане дороги от Смоленска до Пскова etc., etc.

25 января в Дубровне Петра встретил Меншиков с донесением, что Гродню осадил король. 14-го и 15-го, по показанию шведских историков, русские при переправе его через Немен были побиты и отступили. (Сие было по повелению Петра, не хотевшего в Польше сразиться с Карлом.) Голиков оспаривает и сие показание.

Август, услыша о намерении Карла, уехал в Саксонию со своим войском и с четырьмя нашими драгунскими полками.

В Гродне осталось: главный пехотный корпус да два конных полка. В провианте нуждались.

Карл быстрым приходом пресек всякое сообщение с генерал-поручиком Реном, с идущими из Курляндии шестью драгунскими полками при генерал-майоре Боуре — наконец и самому Петру.

Петр, остановясь в Дубровне и с воинского совету, послал в Митаву чрез Александра Кикина — повеление Боуру и Розену не отлучаться далеко от Митавы; Репнину быть осторожну, и буде король станет дожидаться Рейншильда, то б непременно отступить.

Услыша, что Карл хочет уж идти к Вильне, Петр писал другое письмо к Кикину, повелевая до того короля не допускать; если же того не возможно будет, то, замки Митавский и Боуский подорвав, идти — пехоте в Полоцк, а коннице — вслед за Левенгауптом и мешать ему соединиться с Карлом; к потом соединиться с гродненским нашим войском. Артиллерию же отлустить заранее в пашу границу.

№3. Кикин был тогда в малом чине. В 1696 году послан он был в Амстердам обучаться мачтовому делу. В 1705 году был он сержантом в гвардии. Он был в числе *надзорщиков*, как и Румянцев, Ушаков, Волков, Писарев, Щепотев, Пискорский etc.

Петр кн. Радзивилла просил о доставлении в Гродню провианта.

Астраханские дела поручил Стрешневу и Апраксину, повелев им распечатывать письма Шереметева.

Мазепе повелев близиться к Минску, отрядив две доли своей конницы вперед (Карл при себе конницы не имел).

Огильвию Петр пенял за его недоумение. Он повелевал ему, буде саксонское войско приближается и буде провианту достаточно, оставаться в Гродне; в противном случае отступить к русской границе, не упуская времени, ибо Карл, если идет к Вильне, то уже почти отрезал войско наше от границ.

(*Собственные слова Петра*. Голиков. Ч. II—235.)

Огильвий жалуется. Петр за то ему пеняет, но и обнадсживает своею милостию.

Казанскому вице-губернатору Кудрявцеву пишет о порядке сбору податей *ради астраханского смятения*.

Графу Головину *советует* взять из Петербурга капитана Рейса, 25 немецких и 75 русских матросов, послать в Казань, выбрать там пять судов (из шмаков и катов) и, поставя на них по 8 или 12 пушек, сплыть к Царицыну по вскрытии рек, что лучше будет 10 000 войска. В Казань же послать 500 замосковных рекрут в команду Кудрявцеву etc.

В Смоленске Петр пробыл три дня, будучи чрезвычайно занят. 4-го февраля прибыл он в Оршу и, слыша, что Карл от Гродни отбит или отступил, пишет о том гвардии майору Керхину, повелевая ему точные доставить сведения etc.

К князю Репнину, стоящему в Орше, пишет он, что если Карл отошел и можно будет нашим отступить, то шли бы к своим рубежам, а тяжелую артиллерию разорвав потопили; если же взятые Августом четыре полка не далеки еще, то и их взять бы с собою. Петр заключает: «*О, зело нам печально, что мы не могли к вам доехать и в какой мысли ныне мы есмь, то богу единому известно*» etc.

Огильвию повторяет он то же. Уведомляет его, что в Орше и в Минске не более 2000 солдат, поставленных (по предписанию Огильвия) на самой границе, почему и прибыть не могли, что гетман скоро прибудет; обещает разобрать дело его с генерал-поручиком Реном, повелевает *шпионку* не казнить, для открытия других шпионов.

«*О дворянах,— пишете вы,— 20 000 поставить на рубежах? сие зело удивительно; где их взять? то же и о 50 000 нсвого войска; воистину легко писать и указывать, а самому не делать*».

К Августу пишет не оставить войско в Гродне, в столь великой опасности.

Благодарил за верность Огинского и Вишневецкого.

В Митаву к Кикину и Розену повелевает не взрывать крепостей, покамест Карл не вступил в Вильну. Огильвия не слушать, артиллерию отправить в Россию etc.

Здесь Петр узнал о раскаянии астраханских бунтовщиков. Петр принес благодарственный молебен при пушечной *вечерней* пальбе; и писал о том Августу и всем своим начальникам.

Головицу Петр повелел прислать к себе в Польшу астраханских депутатов; и простительную грамоту написал *манером на пять*, но все в едином смысле: чтоб они вины свои заслужили. Хованскому повелевал ввести в Астрахань два или три полка, *только не Бильсова, не Абрамова и не фельдмаршалова (?)*.

Щепотеву давал наставление, как обходиться с присланными к Шереметеву из Астрахани двумя человеками: осторожно, но с *почтением* etc.

Войско гродненское было отрезано и окружено. Поручик гвардии Яковлев, одевшись польским мужиком, доставил в Гродно государевы письма.

Петр боялся сразиться в Польше с Карлом, ибо в случае неудачи опасался легкомыслия и перемены в своих союзниках.

Петр получил от Августа, через министра его Аренштета, объяснение странного поведения его. Август писал:

1) что Гродно оставил он, уехав за помощью. (Петр собственноручно приписал: «За сие благодарствуем, однако ж не без сомнения, дондеже делом сие исполнится».)

2) Что, вероятно, король шведский в Россию зимою не вторгнется. Петр отвечал: «Не знаем; но видим, что наши от границ наших отрезаны».

3) Требуется денег. Петр отвечает пространно, что не успел разведать в Москве о том, сколько может он собрать денег, что в деньгах никогда отказу не было etc.

4) Требуется деньги для содержания русского войска в Саксонии и полную власть над войском. На сие государь пишет, что решение уже дано — притом жалуется на жестокие слова, которые получает вместо благодарности за дело, предпринятое им в пользу же Августа etc.

5) Король замечает: «Дело г. Паткуля многою причиною похода короля шведского». На сие Петр не отвечал.

Петр дал знать польским вельможам, что о завоеваниях он не помышляет, а желает единственно иметь порт на Балтийском море.

Петр послал всем начальникам, особенно гетману, приказ поспешать к Минску. И сам, дождавшись 6000 старого и новонабранного войска, отправился в Минск же, пробыл неделю в Орше, где оставил гвардии поручика Норова для заготовления магазинсв.

Король, по совету Лещинского и Сапеги, приготовлялся к приступу. Советники его утверждали, что пользя будет склонить Литву на их сторону, пока россияне будут в ней находиться. Отступил от недоконченных гродненских укреплений и, обложив Гродню, пресек всякое с нею сообщение.

Август, уехав из Гродни, поручил Шуленбургу идти на Рейншильда, стоявшего на зимних квартирах в Великой Польше. Шуленбург перешел Одер, Рейншильд вывел войско свое к Фраунштадту и, пришед на границы Шлезии, стал противу Шуленбурга, стоявшего за рекою Славою между реки и лесом. Рейншильд, дабы выманить его из крепкого сего положения, притворно стал отступать, Шуленбург вышел для его преследования и достиг его у Фраунштадта. Рейншильд, имевший у себя 15 000 войска, стеснясь, выказал оногo как можно менее. Шуленбург не сомневался в победе; он имел 10 000 саксонского, 6000 русского и три батальона французского. (Петр в письме своем говорит 30 000.)

Шуленбург правым крылом примкнул к Фраунштадту, куда поставил и французские батальоны с 12 пушками. Главный корпус составил из русских войск, а остальными саксонцами продолжил линию до деревни Рорсдорф, конницу расставил на обоих крыльях, а пехоту оградил рогатками. Рейншильд послал свою конницу и

большую часть правого своего крыла к Рорсдорфу, дабы, обойдя саксонцев, напасть на них с тыла. А сам напал на французов, которые тот же час и сдались. Рейншильд обратил взятые пушки противу русских. В самое сие время отряд, сброшенный саксонское войско, ударил в него с тыла, и победа была довершена. Убито саксонцев до 4000; в плен взято до 2000 со всем обозом. Правое саксонское крыло, не сразясь, бежало к Шлезии. Наши противу шведов (под начальством генерал-майора Востромирского) стояли более четырех часов. 1600 из них спаслись в Саксонию. Остальные вместе с Востромирским погибли. Сие сражение произошло 13 февраля. Русских Рейншильд приказал колоть; их клали одного на другого и кололи штыками и ножами. — Таково было повеление Карла.

(Сюда относит Голиков свои показания о жестокости шведов в 1704 году и проч. *Ч. II—254.*)

В Малороссии появились зажигатели, подсланные шведами; таковых же поймали и в Азове и Воронеже.

Петр прибыл в Минск 15 февраля.

Отступление нашего войска из Гродни совершилось. Заблаговременно мосты и переправы были всюду готовы и исправлены. Петр не только главным начальникам, но и батальонным командирам предписал, кому что делать. Петр с несколькими драгунами и нерегулярными тревожил неприятеля с одной стороны; с другой — Рен, с третьей — Розен у Ковна, с четвертой — Боур, с пятой — гетман, с шестой, наконец, и самые гродненские войска. Среди сих беспрестанных тревог и нападений Петр, при вскрытии Немена, вдруг повелел гродненскому войску выступить тайно и, поспешно дойдя до лесистых мест, разделиться на малые отряды и врозь продолжать отступление. Исполнение сего плана Петр поручил Мепшикову и 13 марта отправился в Смоленск.

№3. (Здесь у Голикова подробное описание всему, что Петр в 28-дневное пребывание свое в Минске сделал, ч. II, *стр. 259—295*).

15 марта Петр прибыл в Смоленск и тотчас, осмотрев город, повелел Головкину письменно перед мостом сделать горнверк с фланками, а по сию сторону бруствер для очищения; под пятью или семью башнями у Днепра сделать пороховые погреба; посад перенести на другое место.

К гр. Головину писал, чтоб он позаботился о Киеве, куда, вероятно, обратился неприятель.

К Стрешневу — о лошадях для конницы, пропадшей в Гродне от бескормицы, о присылке войска из Азова в Киев etc.

К Головину снова писал о кн. Трубецком, отпущенном на воды; о *разговоре* (? кого) с *Карлом*, коими он весьма доволен.

О нужном перемирии etc.

Розену и Кикину повелевает обо всем писать в Смоленск к Головкину.

Боуру (несогласному с Розеном, на коего он и доносил) приказывает собирать провиант и фураж etc.

16-го марта Петр отправился в Петербург через Торопец и Нарву.

20-го марта прибыл он в Нарву, там отпраздновал пасху и остался до 28. — Оттоле писал он к Автоному Иванову о работниках, определенных в Петербург, Ромодановскому — о тележках с двумя мортирцами, также о пушках etc.

К Любсу в Архангельск — благодарит за кафтаны, требует красного сукна, колбас, два или три буера etc.

В Смоленск Головкину приказывал обнародовать королевские письма к Аренштету; чтоб через него присылаемые к государю письма он распечатывал и делал, где можно, свои распоряжения etc.

1 апреля Петр прибыл в Петербург.

Уже адмиралтсйство, кронверк, аптека, подзорный дворец, многие дома, также кофейный, трактирный и два питейные, называемые явстрейми, были выстроены. Все сии здания были вначале брусчатые, мазанковые. (*Описание С. Петербурга*, стр. 158) ¹.

Петр все корабли свои вывел к Котлину, где осмотрел все работы, сделал похороны шаутбенахту Рейсу, отобедал у Крейса, возвратясь в Петербург, занялся делами, писал всем начальникам войск и воеводам о затмении, долженствовавшем быть 1 мая, для расславления о том в суеверном народе etc.

В апреле же писал он в Дерпт Нарышкину о засеках по линии, о вооружении крестьян косами, о поголовной работе для укрепления городов etc.

---

¹ «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, сочиненное Андреем Богдановым с 1703 по 1751 г., дополненное и изданное Василием Рубаном». СПб., 1779.

Благодарил Шереметева за усмирение бунта, также и Щепотева, и звал к себе.

Стрешневу, чтоб бежавших из Азова шведских солдат отдал вечно на каторгу, а сержанта их повесил. Опробовал присланные рогатины. *Ибо все то ника, чем заколоть можно.* В Смоленск над солдатами определил *годных из царедворцев etc.*

Быховскому коменданту повелевает допустить туда Мазепу, в случае послушания повелевает гетману бомбардировать город.

Меншикову об Астрахани: злодеев было в городе более 10 000; а наших всего 3000 — однако etc.

Петр ездил в Копорье, оттуда в Котлин. Там на корабле «Элефанте» получил от Меншикова известие, что войско из Гродни со всею артиллериею благополучно вышло и уже переправилось за Припять и что Карл погвася было за ним, но по трудности пути не мог уже его достигнуть.

Петр день сей *сделал торжественным*, благодарил Меншикова и повелел через князя Долгорукова объявить негодующим полякам, что пушки вывезены из Бродов потому, чтоб они не попались шведам, ибо город сей принадлежит воеводе киевскому, их союзнику¹. Пушки же повелевает отослать в польские крепости — Могилев и Быхов.

Головкину в Смоленск пишет он, чтоб конница не ходила в Минск, чтоб Розен остался в Смоленске, что в Петербурге все хорошо и весело, а что о неприятеле нет и слуху.

3 мая заложена в С. Петербурге каменная крепость; первый камень оной положил митрополит Стефан рязанский, а другой — сам государь. По случаю сему выбита медаль.

4-го мая повелел Мазепе вывести свое войско домой, и *по траве* занял бы снова заграничные места.

Петр повелел графу Головину быть в Петербурге и приказал адмиралтейству принять его с тою почестью, какую водится в Венеции.

К Апраксину писал о корабельных рабочих.

В Амстердам о 10 000 бочках смолы.

---

¹ князю И. Потопскому (Киевское воеводство — в то время название одного из польских воеводств),

В Ладогу к Порошину о присылке пушек.

В Новгород к коменданту Татищеву о разыскании, кто был инженера Бреклина etc.

В Дерпт Нарышкину о выводе рескою Амовжею двух шкут, против Гдова.

№3. Стрешневу повелел устарелых и увечных дворянских детей отсылать учиться по своим домам, взяв их людей вместо их в службу, сверх сего указом повелел нигде не записанных недорослей из дворян, укрывающихся, записывать в службу.

Меншикову и Огильвию, давая им разные наставления, объявил он о скором своем к ним прибытии.

Но, узнав, что Карл пошел к Волини, Петр тот же час решился отправиться в Украину.

1 июня осмотрел он Кроншлот и Котлин, дал различные повеления, до Петербурга касающиеся (между прочим Матвееву о фонтанах), и 3-го, отправя гр. Головина в Москву, сел на корабль «Штандарт» и с Апраксиным доехал до Нарвы, откуда Апраксин поехал в Воронеж, а государь сухим путем до Гдова, оттуда водою во Псков.

16-го июня прибыл он в Смоленск и писал к Меншикову, что если он не очень отдалился от Припяти, то б не ходил к Быхову. Однако Меншиков 19-го прибыл на встречу Петру в Смоленск.

Петр к Шереметеву писал, чтоб он с полками спешил.

К Стрешневу — требовал драгунских полков.

К кн. Ромодановскому — о пушечных *станках*, колесах etc.

19-го июня выехал Петр из Смоленска и 21-го прибыл в Оршу, где осмотрел батальон Преображенский и другие полки.

22-го прибыл в Могилев и смотрел Боурово войско.

23-го водою отправился к Быхову. Обер-комендант одного генерал-поручик Синицкий звал государя, но Петр отказался, подозревая его в тайных сношениях с Карлом. Он на почтовых отправился до Гомля, а свиту отпустил водою. В Гомле встретил его князь Репнин, с пехотными полками гродненскими.

Огильвий с генерал-поручиком Аллартом и генерал-майором Чамберсом и 6000 пехоты отправился пред тем к Киеву.

30 июня, приказав Репнину следовать за собою в Киев, отправился к Чернигову. С дороги писал к Шереметеву, повторяя свои приказания (в день Петра и Павла сын Шереметева был произведен в полковники).

4-го июля прибыл в Киев.

Петр в самый сей день прибыл при пушечной пальбе в соборную Софийскую церковь, принес благодарственный молебен, посетил митрополита Варлаама, осмотрел Печерский монастырь и пещеры. Ученое киевское духовенство, встречая государя со крестами, приветствовало его речьми.

На другой день (5 июля) получил он известие, что король шведский уже в 40 милях от Киева. Петр послал повсюду повеления своим войскам поспешить к Киеву. 8-го июля Огильвий, Алларт и Чамберс и прибыли. Но Петр уведомился, что слух был ложный и что Карл не к российским, а к саксонским границам обратился. Небольшой шведский отряд принят был за передовое его войско и был причиною ложной тревоги.

1706

(Вторая половина года)

Петр отрядил в Саксонию Меншикова со всею регулярною и нерегулярною конницею. Получил от нашего посланника в Дании Измайлова известие, что слух есть, будто бы Россия заключила со Швецией перемирие на три года, не включая в договор короля Августа; Петр писал к нему, уверяя в искренности своего союза. Кн. Василию Лукичу Долгорукому, капитану гвардии, пребывающему при Августе в качестве министра, писал: 1) о 20 000 регулярной и о столько же перегулярной конницы, посланной в Саксонию, за коими последует и пехота, 2) о замедлении, происшедшем от изнурения войска в Гродне, 3) обещался писать к папе, просил короля чаще с ним сношаться, для чего учредил он и тайную почту через Волосскую землю. Наконец для бога, просил достать поносительное о нем письмо Аренштета, не жалея для того тысячу-другую червонцев.

Вслед за тем 5000 пехоты отправлены. А с ними гвардии капитан Иван Измайлов; Петр через него просил Августа, чтоб пехота русская от границ далее 50 миль не отдалялась, дабы не быть ей отрезанной. Петр советовал употреблять более конницу.

Из-под Могилева 3000 конницы отправились в Великую Польшу; и у Львова разбили кн. Любомирского, а в Люблине отбили шведскую контрибуцию и взяли в плен 600 человек.

Генерал-майору фон Вердену поручены границы от Смоленска до Пскова. Ему инструкция: 1) идти в Полоцк

и оттоль разведовать *паче через шпионов* о движениях Левенгаупта и стараться вредить ему без генерального сражения, 2) в случае нападения и крайности разорить пологский замок и уступать к границе, 3) непрестанно сноситься со Смоленском и Псковом и действовать оборонительно, 4) в Ригу ничего не пропускать, 5) сноситься с дерптским комендантом Нарышкиным etc.

Петр писал к тайному секретарю Шафирову и к графу Головину о возможности мира через англичан, в случае если мы вступили бы в союз противу Франции (см. у Голикова ответ Шафирова. Ч. II — 323, примеч.).

Август прислал к Петру генерал-майора Гольца с предложениями:

1) Дать 8 полков конницы и 4000 калмыков, и нерегулярных отдать в начальство генералу Броузе, а пехоте действовать близ рубежей (на сие Петр с удовольствием соглашается).

2) О субсидиях. Петр пишет, что они зело тягостны; ибо содержит он по иным краям более 60 000 войску, кроме гарнизонов, именно: в большом корпусе 35 000 пехоты и 21 000 драгун; в Полоцке 5000 пехоты и 3000 драгун, в Ингерманландии 22 000 пехоты и морских и 5000 конницы. — *Однако же* повелено уже в Архангельске о продаже хлеба с голландцами заключить условия, и требование Августа скоро исполнено будет.

3) О Паткуле; Петр требует, чтоб его ему выдали на суд etc., etc.

Наследственная война между Францией, с одной, а с Австрией, Англией и Голландией — с другой стороны¹, была во всей силе. Полагали, что Карл, вступая в Шлезию и в Саксонию, действовал по тайному союзу с Францией. Он пошел к Саксонии с Лещинским и с 22 000 войска, в Польше оставя Мардофельда с сильным (?) корпусом.

Петр своему министру в Вене спешил псвелеть, чтобы он предложил цесарю его союз, о чем объявлено и посланникам английскому, датскому и польскому².

При сем он приказывал ему стараться о найме добрых генералов, особенно двух для пехоты и для кавалерии, искусных и *из знатных родов, чтоб можно было их и в*

---

¹ Война за испанское наследство.

² В действительности: голландскому, а не польскому (см.: «Письма и бумаги Петра Великого», т. IV, 1900, с. 354—355).

советы призывать, обещая им (тайно) сверх жалования 1000 и 2000 рублей. Также повелевает пресечь союз, будто бы начинающийся между Швецией и Ганновером и Пруссией.

Шафирову Петр писал о том же; предписывая ему *якобы от себя* спросить у английского посланника, не надобно ли будет России вступить в союз противу Франции, и в случае согласия объявить, что указ о том он уже имеет.

Устав о жаловании войску: получать опое из ратуши по наряду Военного приказа к комиссарству — на 44 полка солдатских и драгунских по 849 870 руб. 93 коп. в год (сюда не включены морские, гарнизонные и *отдаленные* полки. По свидетельству Штелина, армия состояла из 200 000 и более — сверх того гвардия, инженерные и артиллерийские корпуса и морские полки).

Петр определил рекрут отдавать конных Меншикову и пеших — Репнину. Росписи же рекрутам закреплять судье Военного приказа — Стрешневу.

От 4 июля до 20 августа Петр разослал более 50-ти повелений.

В ответ на одно из них Ромодановский отвечает, что *некропкого* железа остается мало, а что ни в Большой Казне, ни в артиллерии (Артиллерийский приказ?) денег нет.

В другом князя Кропоткина, взятого под стражу за измену его племянника, Петр повелевает не пытаться etc.

В Петербург к Брюсу послал он повеление *тайно* готовить в Котлине все нужное для взятия Выборга.

К Меншикову пишет наставления, особенно о провианте; повелевает судить Розена по доносам Боура и Кикина. К Успенью ожидает Меншикова в Киев etc.

Стрешневу повелевает с негодных в службу москвичей и с девок и вдов брать оброк, противу новгородских. Помещикам готовиться на отпор неприятеля, с которой стороны вступит — etc., etc.

К Стельсу в Архангельск писал о шпанском табаке и о двух стальных часах (для Петербурга) и о паре *веер-гласов* (для Киева) etc.

К Любсу о сте мортир; и о найме типографчиков.

К корабельному мастеру Скляеву о лилеях для Петербургского сада.

К Шафирову о цветах, и звал его в Киев.

В Архангельск к Яковлеву о бобровых покрывках на сумы Преображенского полка.

От 2 августа Петр извещал Апраксина о смерти графа Федора Алексеевича Головина: «сея недели генерал-адмирал и друг наш от сего света пресечен смертию в Глухове, того ради извольте, кроме Посольского приказа, который он ведал, присмотреть, а деньги и прочие вещи запечатать до указа. Сие возвещает печали исполненный Петр».

Петр в день Успения богородицы заложил новую, по собственному плану, крепость около Печерского монастыря. Повелел оную кончить гетману с малороссийскими войсками и дал ему в помощь полковника Гейсена, а до того не отлучаться.

В августе Карл вступил в Саксонию, взяв со всего народа контрибуцию. Петр послал к Августу прибывшего в Киев Меншикова; армию поручил Шереметеву и Огильвию (по условию), дал в особую команду 13 полков.

В Киеве для скорейших сношений с Августом и проч. оставил он виц-канцлера Гаврилу Ивановича Головкина при армии неотлучно; также и Аренштета. Шафирова послал в Москву, где пребывали прочие иностранные министры. Маазе предписал сноситься с Головкиным.

Ромодановский произвел Петра из капитанов в полковники¹ в бытность государя в Киеве. За сию фарту Петр его благодарил письменно. 20 августа Петр отправился в Петербург через Стародуб, Смоленск, Великие Луки и Нарву, куда прибыл 4 сентября и морем отправился в Петербург. У Котлина осмотрел флот и 8 сентября прибыл в Петербург.

Фон Вердену в Полоцк повелел он, буде нет в том опасности, подаваться к Динабургу.

К Меншикову, между прочим, что было в Петербурге наводнение и вода в покоях его стояла на 21 дюйм, что по улицам ездили на лодках, что продолжалось три часа etc. Кланяется *всем*, как оружию носящим, так и иглу имеющим (Екатерине).

В Архангельск к Яковлеву (хозяйственные распоряжения).

---

¹ Петр установил порядок, в силу которого царь проходил воинскую службу, повышаясь из чина в чин, как бы на общих основаниях.

Хованскому в Астрахань о перемещении двух Керей-
товых полков в Казань и о переводе с Терка московских
стрельцов в Астрахань.

К Апраксину о гнили, оказавшейся в кораблях Наевой
работы (потому что не вовремя с соком леса рублены).

О липах для Петербурга (Корсакову (куда) ?).

К майору Глебову — повелевает казнить беглых астра-
ханских стрельцов.

К Ромодановскому — о перелитии старых пушек etc.

Повелевает выдать князю Дмитрию Голицыну на
оплату его долгов 500 руб.

(*Багинетами* назывались штыки.)

По требованию (довольно наглому) Аренштета Петр
через Головкина отвечал, что немедленно к Дубне при-
близится (с пехотою).

Что четыре моста на Днестре и Припяти будут устро-
ены.

Что кавалерия русская соединится у Люблина с кавал-
ерией саксонской.

Что к папе послом назначен голландский наш министр
князь Борис Куракин (или другой).

О деньгах и о русских рекрутах обещает поговорить
при свидании.

Аренштету, на просьбу его, отвечать, чтоб об отпуске
своим снесся он со своим королем, а в случае, если не за-
хочет он дожидаться ответа, то взять с него расписку в том,
что едет он от нашего двора по своей доброй воле.

В том же письме государь повелел от службы своей
уволить Огильвия (который однажды только рассудил
явиться к Шереметеву за паролем). Петр повелел запла-
тить сполна ему все жалование, также сердится на при-
сылку какого-то венецианского проходимца Контя; уте-
шает Головкина о кончине его матери, умершей в пре-
клонных летах, и проч. etc. В другом письме посылает
образцовую к папе грамоту.

К Шафирову о Лите (Лит), нашем поверенном при
прусском дворе, о принятии его в нашу службу. Пове-
леует Матвееву из Парижа ехать в Голландию, а оттоле
в Англию (*главное место всего альянса*). Измайлова из
Дании послали мы в Пруссию (для подтверждения неут-
ралитета).

О Книпере и других шведах; не пускать их в Немец-
кую слободу — и пастора для молитвы дать им на дом.

Книпера не худо и отпустить, ибо он только что в России не родился и есть лучший для шведов шпион etc.

Целию посольства в Лондон был мир со Швецией.

№3. (Смотри Инструкцию в Голикове, ч. II. — 352.)

Pierre faisait don marché d'Auguste. Il ne demandait pas mieux à ce qu'il parait d'élire un autre roi¹ (с согласия союзников), мира же хотел он искренно и готов был заключить его на одном даже условии: иметь *единый* порт на Балтийском море. Вообще инструкция есть chef d'oeuvre² дипломатии и благоразумия.

Петр, отправя под Выборг войско под командою генерал-майора Брюса и бригадира Шонбурга, дал им инструкцию, которая сделалась законом. Петр подписал ее 3 октября.

Пред отъездом своим в Выборг Петр послал к Меншикову бланкет и 4 октября отправился в путь. За милю от Выборга неприятель в двух шанцах при двух пушках остановил наш авангард при переправе. Но русские заняли шанцы, пушки взяли и неприятеля прогнали.

Пехота пришла под Выборг 12-го числа.

Петр писал виц-адмиралу Крейсу, чтоб он отправил пять или более бригантин в море до Беркен-Ейланта для перенятия семи шкут, вышедших от Выборга, etc.

Того числа отряженные Преображенского полку сержант Михаил Щепотев, бомбардир Автоном Дубасов и флотские офицеры Скворцов и Синявин на пяти лодках с 48 солдатами вместо купеческих судов напали в туман на адмиральский военный бот «Эсперн» и оным овладели, побив 5 офицеров и 73 солдата, остальных заперли под палубу. — Синявин и 4 других одни остались живы.

Петр тела их препроводил в Петербург и приказал Зотову погребсти с воинским торжеством.

Осадная артиллерия стала на дороге в глубокой осенней грязи. Воинским советом положено поворотить ее в Петербург, а под Выборг привезти одни мортиры.

22 октября началось бомбардирование, продолжавшееся четверо суток. Но за неимением артиллерии и морских судов положено оставить осаду до весны. Петр

¹ Петр дешево ценил Августа. Он, по-видимому, ничего не имел против избрания другого короля (*франц.*).

² мастерское произведение, шедевр (*франц.*).

досадовал на тех, которые ему не доставили настоящих сведений о местоположении Выборга.

Подполковнику Керхину Петр повелел отпускать офицеров только до 25 декабря, не позже, под опасением потери чести и живота.

К Мусину-Пушкину писал, справляясь, по сколько старцы получают жалования. 23 октября Петр написал план отступления, повелевая 1) за день до прекращения действий три мортиры отпустить вперед с нерегулярными на волах. 2) Отступить вечером, а где огни, там, заготовя дров на сутки, дабы по отступлению пехоты конница их раскладывала, офицера с барабанщиком на рассвете послать в город (для ложных переговоров). Коннице, не мешкав, идти прочь. 3) В первый день идти как можно дале, прочие дни — по воле, мосты портить, в узких местах делать засеки.

Сего же 23 октября Петр отправился в Петербург и, повстречав артиллерийские снаряды, обратил их назад.

Прибыв в Петербург (по «Журналу Петра Великого» 4 ноября, а по «Запискам государя» — 24 или 25 октября), Петр спустил бригантин своего изобретения.

К Меншикову послал он тайно предложение английского посланника, приказывая ему разведывать тайно же мнение о том австрийского двора.

Шафирову приказал Петр разменять Киппера и о освобождении Паткуля всевозможное приложить старание. О мире со Швецией повелевает непременно переговоры вести с иностранными министрами и *довольствоваться, что от них определится, хотя б мы и великую победу над шведами одержали.*

К Стрешневу — о доходах и о продажных товарах etc., требуя ведомость о том к будущему январю.

То же и Автоному Иванову etc.

Петр ездил по морю на своем бригантине и потом, быв им доволен, заложил еще два.

Петр благодарил Нарышкина за разбитие неприятеля высланным из Дерпта отрядом.

Петр получил известие о перемирии (sic) Августа с Карлом и писал о том Меншикову, предписывая ему быть весьма осторожным. Советует ему с пехотою вступить в Литву, загнать Левенгаупта в Лифляндию и, расположась близ Риги, весною ее бомбардировать. В декабре Петр думал быть у Меншикова etc.

Чамберсу и Вердену пишет, чтоб, в случае нападения Левенгаупта на Полоцк, они, соединясь, до того его не допустили.

Керхину повелевает беглых расстреливать в Могилеве, Полоцке и в большой армии. Если же будет их более 20, то по жребию — одному казнь, другому — каторга, — также о треугольных шляпах, о петлях, обшитых золотом у *гобоистов*, о полумесяцах на их же плечах, о золотых галунах, о шерстяных (у барабанщиков) etc.

Между тем уже в августе месяце король Август посылал тайно к Карлу Имгофа и Фингштейна, уполномочив их для переговоров. Министр наш при польском дворе тайный советник фон Паткуль, узнав о том, воспротивился. Он назван был тайно саксонскими министрами для совещания, схвачен и посажен в Зонненштейнскую крепость. Ему предложили свободу на следующих условиях: 1) не мстить Августу, ни его министрам, 2) из Саксонии выехать не прежде года и 4 месяцев. Паткуль не согласился. Петр через своего министра кн. Дмитрия Голицына протестовал, но тщетно.

Наконец в Альтранштадте, главной квартире Карла, заключен трактат, коего главные условия:

- 1) Августу отказаться от польского престола, признав королем Станислава Лещинского,
- 2) отступить от союза с Петром,
- 3) выдать *изменника и беглеца* Паткуля в руки Карлу,
- 4) остаточное вспомогательное русское войско выдать же ему.

Вследствие сего Паткуль в окопах был 9 сентября выдан шведскому королю и в следующем, 1707 году, колесован. Ренцеля ожидала та же участь, но правительство саксонское выслало его с войском его заблаговременно; по свидетельству других писателей, Ренцель ушел тайно через Богемию и Шлезию, за что Карл XII у Иосифа I требовал еще удовлетворения. По прибытии его в Россию Петр пожаловал в генерал-майоры, а потом и в генерал-поручики.

Меншиков, еще ничего не ведая о договоре, заключенном Августом, донес Петру о некоторых успехах, полученных нашими отрядами в Польше. Наконец и о славной битве под Калишем.

Генерал Мардофельд, начальствующий над шведскими и польскими войсками, отступая несколько времени от нас, перешел Просну и стал в крепком месте, окруженном

реками и болотами. Меншиков перешел Просну же и 18 напал на неприятеля. На правом крыле стал Меншиков, а на левом король Август с своими саксонцами. С русскими находился гетман Ревуцкий (Ржевуцкий?), с саксонцами гетман Синявский. Корпус неприятеля состоял из шведов, а по крыльям из поляков при воеводе киевском Потоцком и троцком (Сапеге).

В 2 часа пополудни началось сражение. Наша кавалерия смешалась было от натиска шведской пехоты, но Меншиков с несколькими шкwadронами драгунов успел остановить неприятеля и с правого крыла велел ударить коннице своей. Через три часа все было кончено. Часть неприятельской конницы успела спастись, прочее перебито и взято в плен. Шведов было (по Меншикову) — 8000 (а по «Журналу Петра» — 7000) да поляков до 20 000. Шведов убито до 5000 да поляков и волохов до 1000. В числе их шведский генерал Красов. В плен взят Мардофельд, 4 полковника, 6 подполковников, 5 майоров, штаб- и обер-офицеров 142, унтер-офицеров и рядовых — 1788, в том числе 493 француза, весь обоз etc.; в преследовании и в Калише взято еще 829 шведов. На другой день взяты почти все поляки с их предводителями. Наших было регулярных 10 000, отряд казаков, да саксонцев и поляков 13 000.

Август был в затруднительном положении. Он столь же боялся Карла, как и Петра. Не зная, что делать, он сообщил Мардофельду планы Меншикова, объявил ему о своем замирении с Карлом и советовал в сражение не вступать. Мардофельд, не быв предуведомлен, ему не поверил. После сражения Август взятых польских предводителей освободил и Меншикова уговорил отдать ему и шведов, будто бы для размена, что и обещал он совершить в три месяца, в противном случае обязываясь возвратить их. Он письменно просил у Карла прощения в своей победе. В замешательстве своем заехав в Варшаву, отпел он, однако ж, благодарственный молебен, а потом, 16 декабря прибыв в Лейпциг к Карлу, предался его воле, обедал у него со Станиславом Лещинским и 20-го подписал вышеупомянутый трактат.

Петр три дня праздновал победу своего любимца, благодарил Меншикова, велел в честь его выбить медаль и приказал, не упуская случая, отрезать Левенгаупта от Риги.

Август, однако, требовал еще денег. Но Петр уже ему их не посылал; и, не зная еще о его трактате, подзревал, что польские пленники дали ему за себя выкуп.

Об Левенгаупте, *который в Вильню так дерзновенно пришел* (письмо Петра к Головкину), Петр писал и к Шереметеву и к генералам Алларту, Рену, Чамберсу и князю Голицыну.

Петр приказал ему же разгласить о скором своем прибытии в армию для обозрения Августовой стороны.

Кн. Ромодановскому приказал прислать в Киево-Печерскую крепость 136 пушек.

В Смоленск губернатору Салтыкову — о судах, подъемных для 150 000 пудов к весне.

Указ дан о наряде 15 000 работников для Петербурга.

Указ во всей России *заступов* не делать и не продавать, а делать лопаты.

Указ Стрешневу собрать с городов, кроме низовых, 4579 <рекрут>. Провиант поставить в Петербург, о запасах в Азов etc.

Кудрявцева уведомляет, что башкирцы просятя в союз к крымскому хану etc.

Купцу Любсу пишет о домашних потребах etc.

Апраксину дал указ о производстве по морской службе: первые чины за выслугу лет, а верхние по рассмотрению.

10-го декабря Петр уехал в Нарву, дав подробный Брюсу указ касательно укреплений петербургских, строения домов, приуготовлений к осаде Выборга, о рекрутах, наконец, *о провианте, яко о главном деле.*

Из Нарвы Петр хотел отправиться в Москву, но, получив накануне письмо от Меншикова, коим уведомлял он его о союзе Карла с Августом, Петр немедленно поскакал в Польшу, взяв с собою царевича Алексея.

В Смоленске Петр, осмотрев город, дал несколько повелений.

24 декабря прибыл в Киев — и в ту же ночь отправился в Острог и в Дубну, где стоял кн. Репнин.

Из Дубны приехал он в Жолкву, где находился Шереметев, Меншиков etc.

Несколько подтверждений о бурмистрах, о беглых людях, о книгах для записей, о приложении руки, о торгах, об оброке вод.

О постройке мостов в Немецкой слободе на счет той слободы.

О записке недорослей из дворян в драгуны.

(В разное время)

О рекрутских наборах:

- 1) крестьянских, бобыльских с 300 дворов по человеку,
- 2) с дворян — со 100 дворов по человеку,
- 3) с бояр и окольных с 300 по человеку,
- 4) (по указу 1705 — с 20 дворов по человеку) брать деньгами, хлебом и одежей.

№ №. (В год на прокормление человека 1½ рубл.)

В Жолкве Петр оставался до 30 апреля.

К Апраксину писал он о призыве двух или трех тысяч калмыков к Днепру, о старом лесе, о строении бригаинов, о приятии от Меншикова поташных заводов, о погребении адмирала Головина в Москве, о пересмотре школьников, назначенных в Англию; etc.

Дает указ, чтоб от границ на 200 верст поперек и в длину от Пскова, через Смоленск, до черкасских городов,— хлеба на виду ни у кого не было, а зарывать его в ямах или скрывать в лесах. Объявить о том заранее в начале апреля, ободрив их и растолковав сию меру.

Ушакову писал о присылке лошадей в Острог, для Преображенского батальона, и пороху в Киев.

Петр определил в Польше генерального сражения не давать; если же обойтись без него будет невозможно, то сразиться при своих границах. В Польше же стараться только о вреде неприятелю партизанскою войною.

Поляки, державшиеся Августовой стороны, прибегли к покровительству Петра; между прочими новый примас Жембек и Денгоф 7 февраля во Львове объявили междуцарствие, не признав избрания Станислава. Междуцарствие объявлено 11 июля.

Тогда разнесся слух, будто бы Петр назначает сына своего в польские короли; Петр тогда же отослал его в Москву.

Польскому войску выдал Петр на первый случай 800 (?) гульденов.

К папе Клименту XI отправил Петр кн. Бориса Куркина (смотри Голикова, примечание. Ч. II—410).

Папа вследствие сего подтверждал непризнание Станислава.

Принц Рагоцкий прислал Беречини (или Березини) от имени недовольных венгерцев для предложения короны царевичу Алексею.

Петр, несмотря на свое желание иметь голос в имперском совете, отвергнул предложение, не желая ссориться с Австрией. Цесарь в знак благодарности прислал тогда к Меншикову диплом на достоинство князя Римской империи.

Между тем некоторые из поляков оставили сторону Августа. Полковник Шульц разорил их и Лещинского земли. «Здесь,— писал Петр к Апраксину,— еще все дело, как брага, бродит, и не знаем, что будет. Но ежели несчастья бояться, то и счастья не будет».

Государю поднесены две географические карты: 1) Сибири к востоку до р. Печоры, 2) от Ярославля до Азова.

Из Жолквы Петр прибыл в Дубну, осмотрел полки и послал в Петербург Синявина (боцмана) с картинами, там доставшимися ему.

Из Дубны отправился он в Люблин и в местечке Якубовичах получил известие, что шведский король идет в Польшу с 54 000 и с казною (22 миллиона рейхсталеров), собранной в Саксонии. В числе сих не считали корпусов генерал-майора Красова (в Польше) и Левенгаупта, идущего из-под Риги к королю.

Порта вошла тогда в сношение с Карлом, возмущаемая польским послом. Кубанские народы также шевелились. Карл хвалился явно, что придет в Москву и возмутит русских, уже готовых к бунту.

Петр послал бомбардирского капитана Корчмина с повелением укрепить Кремль и Китай. В то же время писал он Апраксину в Петербург, поручая ему разные вещи, большею частью домашние; а в другом письме поздравлял его с первым развитием нашего вифлага, на Ост-зее. 28 мая Петр в Казимире осматривал 12 полков драгунских, под команду князя Hessen-Darmstadt.

30 мая (в день своего рождения) пожаловал он Меншикова князем Ижорским, дав на то ему диплом 1 июля 1707.

Потом, возвратясь в Люблин для переговоров с польскими гетманами и сенаторами, узнал он, что литовский

гетман Синявский¹ оставил нашу сторону и отбил 40 000 рублей, везенных из Москвы в армию. Сам же засел в Быхове. Петр послал против его Боура, который через 4 недели крепость взял, а Синявского и гарнизон полонил (3000 человек). Петр в Москву отправил сто быховских пушек, а город возвратил Республике.

Здесь Петр определил: 1) князю Репнину идти через Минск в Вильну, 2) князю Меншикову и Алларту (уже полному генералу) в Варшаву, сделав в *Копосе* укрепление.

Вслед за сими и Петр отправился в Варшаву, куда прибыл 11 июля.

Тут занемог он лихорадкою. Больной писал он к Апраксину, благодарил его за то, что 30 мая праздновал он в его домике, на петербургские работы приказывал брать людей между рек Волховом и Свирью; брать из соляного сбора на содержание Петербургского флота 80 000 р. etc. №3.

В воинском совете главнокомандующим объявлен Шереметев, под ним — князь Меншиков. Сам же положил для диверсии ехать в Петербург и 4 сентября выехал из Варшавы, оставя в ней Меншикова со всею конницею.

В Тикотине Петр узнал, что Карл переправился через Одер и сам идет на Краков, разделив армию на три части. Петр против него отправил к Друе генерал-поручика Боура с конницею, а генерал-майора фон Шведена с пехотою в другую (?) сторону. Апраксину повелел ко Пскову или в иное место отправить два полка, ибо *Левенгаупт намерен произвести диверсию*. При сем случае отослал он к Апраксину две латинские книги с повелением отдать их для перевода старцам Лихудьевым. В сем же письме пишет он об обучении щенят носить поноску, снимать шапку etc.

В Гродне Петр осматривал Преображенский полк, в Вильне — войско кн. Репнина и, обратясь к местечку Меречь, свидание имел там с Меншиковым. Тут было положено пехоте нашей идти к своим границам, а конницею беспокоивать тыл неприятеля. Возвратясь в Вильну, узнал он, что Карл идет зимовать в Пруссии в Гданске; Петр, раздав повеления, отправился в Петербург.

Венецианский историк пишет, что, когда Петр выехал из Варшавы и войска наши заняли места свои у берегов

---

¹ У Пушкина описка: следует — генерал-поручик Силицкий.

Вислы, Карл, не могши нигде навести моста, переехал реку на мелких лодках для вымотра нашего войска. Отряд наш на него напал; он едва спасся, но сопровождавшие его шведы дали себя изрубить.

Петр через Великие Луки (где осмотрел новую крепость), Новгород, Ладогу и Шлиссельбург прибыл в Петербург 23 октября прямо в дом к Апраксину. 30-го пошел с ним в море и восемь дней пробыл на кронштадтских работах. Возвратясь в Петербург, женился он в ноябре в соборной церкви св. Троицы на Катерине, мариенбургской девке, бывшей замужем за шведским трубачом, потом наложницею Шереметева и Меншикова. Екатерина родилась 16 апреля 1688 года.

5 декабря Петр прибыл в Москву.

Петр занялся следствиями великого пожара, бывшего недавно. Обогатил тамошнюю аптеку разными потребностями, подарив туда множество китайского фарфора, повелел оттуда отпускать лекарства во всю Россию. В Лубнах повелел завести полевую аптеку, доставил московской типографии новые литеры etc.

Петр, желая мира, предлагал оный Карлу через бывшего при саксонском дворе французского министра Безенваля; на условиях оставить царю Ингрию с городами Кроншлотом, Шлиссельбургом и Петербургом. На сие Карл отвечал: о мире буду с царем говорить в Москве, взыскав с него 30 миллионов за издержки войны. Министры шведские объявили намерение короля свергнуть Петра с престола, уничтожить регулярное войско и разделить Россию на малые княжества. Генерал Шпар был назначен уже московским губернатором и хвалился, что они русскую *чернь* (*capaille*) не только из России, но со света плетью выгонят. Известен отзыв Петра: «*Брат мой Карл хочет быть Александром*», <но не найдет во мне Дария>¹.

Указы 1707 (27)

У отставных, у вдов, у недорослей взять с дворовых пятого человека.

№3. После вместо людей взять деньгами 15 руб. за человека.

---

¹ См. «Примечания», с. 415.

О конфискации за *неявку* товаров.

Об переписке отдаточных внаем *палат*, домов, изб и *углов*.

О недерзании бить челом никому на находящихся в армии, а дерзающих (хотя бы и в правых делах) отсылать в армию под военный суд.

О порядке приказных книг.

О *наборе рекрут в третий набор* по человеку с 20 дворов.

О ссылке дворянина Ростопчина за лжесвидетельство и Чаплыгина дворового человека за воровскую крепость.

№. Тех, кои по старости в каторгу не годятся, ссылать в работу в монастыри.

Старым солдатам и урядникам Вейдова и Бутырского полков за поход в Троицу прибавить по рублю жалования.

№. Варварский указ о *недерзании бить челом* etc. отменен и объяснен в том же году.

О непродаже немецкого платья и шапок без клейма, а клеймить их в Ветошном ряду.

О пошлине с четверти земли по 3 копейки.

6-го января Петр из Москвы отправился в Польшу.

В Копосе, осматривая магазейн и войско Алларта и князя Голицына, Петр получил от Меншикова донесение о том, что казаки побили неприятельский отряд, взяв в плен 300 человек и знамена.

От Копоса через Минск, отправился он <в> *Дзенцолы* к кн. Меншикову. Там узнал, что Карл идет с одною частию войска к Гродну, а другая следует к Дзенцолам. Петр отправился в Гродну — там повелел он бригадиру Мильфельсу занять Гродненский мост с 2000 — и неприятеля не пропускать или разрубить мост. 26-го января Петр уехал в Вильну.

Мильфельс при приближении шведов отступил и дал им занять Гродно через два часа после выезда государя из города. Петр повелел Мильфельса арестовать, яко изменника. Он из-под стражи бежал, вступив в шведскую службу. Наконец попался в плен под Полтавой и был по суду расстрелян.

Карл занял Гродно только с 600 человек. Петр, бежавший от него, узнал о том и послал 3000-ый отряд в Гродно, дабы полонить самого короля. Карл извещен был о том и с помощью жителей, принявших его сторону, успел отбиться, — хотя наша конница перерубила шведский корпус, стоявший у дома, занимаемого королем.

Вся наша пехота пришла к Бешенковичам. Кн. Меншиков с конницею стоял в Заболоцком повете. Карл хотел на него напасть, но за распутицею остановился.

Петр подтвердил свои прежние предписания касательно образа военных действий и, разослав множество повелений, уехал в Петербург, куда прибыл 27 марта.

Осмотрев все, поехал он в Шлиссельбург на буере на встречу царицы, своей невестки, Параскевии Феодоровны, дочерей ее, царевен Анны и Параскевии, и своих сестер царевен Наталии, Марии и Феодосии. Петр встретил их за 8 верст от Шлиссельбурга и въехал с ними в крепость при пушечной пальбе, оттоле в Петербург.

Петр отправил провиант в армию морем и сам было выехал. Но за сильным <льдом> возвратился с галиотами на Котлин остров.

Из Петербурга ездил он с московскими гостями в Кроншлот и в Котлин, где их и угощал при пушечной пальбе.

6-го мая отрядил он шаутбенахта Боциса к Боргау. Шведский генерал-майор Мейдель бежал и оставил город без обороны. Боцис сжег город и окрестные деревни, 15 торговых судов, побил до 200 шведов и с добычею возвратился, прошед мимо шведского флота, стоявшего у Березовых островов. Полковник Толбухин, отряженный на сии острова, выжег по берегу моря все деревни до самого Выборга и несколько военных припасов и судов. Полковник Островский разорял тот же край. Оба возвратились в Кроншлот благополучно.

Башкирский бунт был усмирен простительною грамотою. Он продолжался с 1705 года («Ежемесячные сочинения», 1759 год, стр. 12 в примечании).

Но в то же время вспыхнул гораздо важнейший бунт. Кондратий Булавин, убив посланного для сыскания беглых по донским станицам кн. Ю. Долгорукова, взбунтовал весь Дон.

Булавин издал возмутительное воззвание (Голиков. Ч. II—436) и, муча офицеров кн. Долгорукова, сказывал, что идет в Москву и Польшу для побиения бояр и немцев. Войсковою атаман Лукиян Максимов вышел было против него; но Булавин его разбил, овладел обозом и пушками, вошел в Черкасск и казнил атамана и старшин. После сего объявлен он войсковым атаманом; Булавин овладел всем и отрядил противу Азова 5000 казаков. Петр противу его отрядил до 20 000 (Катифор) под предводительством брата убитого князя.

Другой важнейший изменник, еще скрывающийся под личиною усердия, Мазепа, извещал обо всем Карла и призывал его в Украину. Он сносился между тем с крымскими татарами и требовал уже помощи у султана через верховного визиря Чорлылы-Али-пашу. Визирь понуждал Каплан-гирея двинуться на соединение с Мазепой, коль скоро Карл вступит в Украину, обещаясь, что и турецкие войска уже готовы вспомоществовать шведам.

Ведаая, что места, по коим должен он был идти к Москве, опустошены и лишены всяких запасов, король послал Левенгаупту повеление с ним соединиться, взяв с собою сколь можно более запасов.

Все думали, что король дождется Левенгаупта у Могилева, но Карл отпустил 8000 войска в Польшу с Лещинским и Красовым и поспешно пошел в Украину. Под Борисовым отправил он для высмотру Алларта и Гейскина (генерал-поручика) 1000 драгун и волохов; в то же время подоспел и шведский авангард, и произошла значительная стычка. Увидев, что переправа уже занята, король обратился влево к Свитлицам; дорога лежала через леса и болота и была на 15 миль опустошена и завалена засеками. Карл преодолел всё и вышел под местечко Сапежинской Березины (в пяти верстах от Головчина), тут переправился через Березу и претерпел первую неудачу: генерал-адъютант его Канифер, с отрядом волохов напав на казаков, был отбит и прогнан. 30 было убито, 4 взяты в плен. Феофан называет это прогностиком полтавского сражения.

Петр меж тем послал Апраксина во флот для отправления оного. 11-го мая уведомил его о разбитии товарища Булавина Хохла (?) и 15 000 бунтовщиков, также и о том, что Боур в Лифляндии разбил полковника Фемза (убил до 120 человек и взял его в плен с другими офицерами).

13-го мая Петр заложил в Петербурге новый каменный болверк. Потом совещался о военных действиях, был на работах в Кроншлоте и на Котлине, где 25 июня получил известие о походе Карла в Украину. Петр в тот же день поехал в Петербург, поручил Ингрию Апраксину и поехал в армию. Петр показал своему семейству Копорье, Ямбург и Нарву, где отпраздновал Петра и Павла, а на другой день отправился в Москву.

Шереметев, наблюдая неприятеля, остановился при реке Бибиче, против местечка Головчина, сторона была болотистая, через нее должно было Карлу проходить. Меншиков и Шереметев были в середине, на правом крыле — Алларт и генерал-поручик Флюк. На левом — фельд-маршал-лейтенант Гольц и Репнин. Дивизия Репнина была уменьшена множеством отряженных к переправам и мостам для сообщения армии между собою.

14-го Карл при сильном дожде и тумане на понтонах переправился между дивизией Репнина и главным корпусом; прошел через непроходимое болото; напал на Репнина, прогнал его в лес, отняв 7 пушек, убив 5 офицеров, 113 рядовых, генерал-майора фон Шведена и взяв в плен до 400. Шведская кавалерия в то же время ударила на Гольца и принудила его отступить к главной армии. Карл потерял до 1200 и сам едва не лишился жизни; лошадь его увязла в болоте, и драбанты едва его вытащили. После того он отступил к Могилеву. Венецианский историк описывает сие сражение иначе (Голиков. Ч. II—446). Он убитыми полагает у нас до 2000 (вероятно). Петр был доволен и с дороги писал Апраксину: «Я зело благодарю бога, что наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько и что от всей его армии одна нашей треть так выдержала и отошла». 20 июля Петр прибыл в Горки, где стояло войско. Тут получил он от Толстого известие, что 5000 бунтовщиков, отряженных противу Азова, отбиты и прогнаны. Толстой представил перехваченное письмо в доказательство сношений Булавина с Крымом и Турцией. Гвардии майор князь Долгорукий везде одерживал верх над мятежниками; наконец 7 июля войсковою атаман Илья Зернов напал на Булавина в Курске; и Булавин после отчаянной обороны застреллся. Труп его привезен в Азов.

Петр праздновал сей счастливый случай. Но бунт еще не был усмирен. Петр 29 июля писал Толстому, чтоб он с двумя или тремя судами чинил поиск над мятежниками, буде можно, в соединении с князем Долгоруким. Долгорукому же писал, чтоб он отправился с двумя полками в Азов, а в Таганрог отправил конный. И, дождавшись гвардейского батальона или полков Ингерманландского и Бильского, идти в Черкасск etc., etc., воров перевешать, обласкать Черкасск, заставить их избрать нового атамана, на Донце городки разорить etc.

В ноябре месяце бунтовщик Никита Голый разбил караван с провиантом, посланным с Коротояка в Азов, и отбил казну и артиллерию.

Булавин ждал к себе 1000 запорожцев.

Убитый Долгорукий в восьми станицах нашел до 3000 беглецов. Войско Булавина состояло большею частью из них же.

Рен донес Петру о разбитии в местечке Смольянах генерала Канифера и о его взятии в плен.

Пленник сей подтвердил Петру о намерении Карла идти на Москву (для чего и приняты меры).

Петр велел судить Реппина, который и был осужден (на что?). Петр простил его, говорят, по просьбе Голицына.

Боуру Петр предписал препятствовать Левенгаупту соединиться с Карлом.

4 августа получил он известие о переходе Карла под Могилевом, через Днепр и о походе его к Пропойску. Войско наше пошло к Могилеву, а Петр с половиною пехоты прибыл в Мстиславль. Карл на место Синявского великим коронным гетманом сделал Потоцкого (воеводу киевского), на место Шенбека примасом королевства — львовского архиепископа, а воеводу русского¹ Яблоновского — великим канцлером. Недруги его принуждены были удалиться из Польши. Примас Шенбек — в Шлезию, брат его виц-канцлер — в Дрезден; кн. Вишневецкий, бискуп Куявский и другие сенаторы, воеводы и старосты — в Королевец, во Гданск etc. Августа не было в то время в Саксонии; из любопытства он был под крепостию Рисель, осажденной принцем Евгением.

Карл, дабы отвлечь Петра от переправ и трудных мест, вступил в воеводство Мстиславское (в начале августа), двигаясь беспрестанно взад и вперед. Петр следовал за ним, стараясь его тревожить и лишить способов к удовольствию.

Петр в Мстиславе узнал, что Карл с частию войска, другую отправя к Гомлю, пошел к Чирикову. Петр последовал за ним и, под местечком Писаревчиною, осмотрев тамошние болота, сам избрал переправу и войско свое перевел.

---

¹ Русское — в то время название одного из польских воеводств (в Галиции).

Петр, получа известие, что князь Долгорукий жестоко поступает в усмирённой стороне, ценял ему за то, предписывая казнить одних зачинщиков, и то не всех, других отсылать на каторгу, старых городков не жечь etc.

В другом письме повелевает он ему же полков с Дону не отпускать, кроме одного Ингерманландского.

В Рясне Петр осмотрел гвардию и два драгунских полка (при кн. Голицыне) и, узнав, что король пришел к Чаусам при реке Проне, в третьем часу утра пошел туда же (посаждая гвардию на лошадей). Дорогой через перебежчиков узнал он, что король уже переправляется через Прону. Петр обратился к деревне Долгичам и там выстроился в боевой порядок. Он повелел генерал-майору Волконскому напасть на неприятельский обоз с казаками, калмыками и волохами, что и удалось. Карл скоро потянулся к местечку Чирикову, а Петр — к Крычеву (в пяти милях от Чирикова). Он обозу своему приказал переправиться через Сожу и стать лагерем; сам же переехал ее под Крычевом вброд с гвардией etc., соединился с своим обозом и пришел в местечко Борисовичи. Тут получил он от Рена, стоявшего при Чирикове, известие, что Карл намерен место сие занять. Петр пошел к Рену — и, не дошед до него полмили, выстроил свое войско в боевой порядок и потом с Меншиковым и с Брюсом поехал к Рену для высмотря неприятеля. Король потянулся к Крычеву вверх Сожи.

Петр, дабы обмануть короля, обратился назад, но на другой день (24 августа) из деревни Лабжиц пошел опять к Крычеву. Тут, узнав, что Карл идет к Мстиславию, Петр, дабы пресечь ему дорогу, послал генерал-поручика Флюка вверх Сожи до Страколы, трудным путем, и сам отправился вслед. При переправе через Сожу, за которой стоял Шереметев, Петр, прибыв в его лагерь, приказал всей пехоте отступить и стать в линию по прямой мстиславской дороге.

26 августа был совет, и положено разделить войско на три дивизии под начальством Шереметева, Меншикова и Гольца. Главная квартира назначена — местечко *Доброе*, отряды расположены на реке Белой и Черной Напе. Петр получил из Нарвы от Апраксина известие об успехах его. 15 августа у реки Семы Апраксин взял малое укрепление, порубив всех засевших там шведов

(150 рейтаров и 40 солдат), оттоле напал на два полка, конный и пеший, близ Ракобора. Шведы бежали и были порублены. 916 убито, в полон взят полковник Шлиппенбах, 15 офицеров, 228 унтер-офицеров и рядовых, наших убито 16 человек, ранено 53.

Узнав, что шведы под начальством генерал-майора Либекера перешли через Неву, Петр жалел, что войско наше не прежде было собрано меж Шлиссельбургом и Петербургом — Ингерманландский полк посылает он к Апраксину etc.

29-го король приступил к Черной Напе в миле от нашего войска. Петр, увидя, <что> правое оного крыло (5000 пехоты и несколько тысяч конницы) поотдалилось от главного войска, повелел, с воинского совета, несмотря на то, что стояло оно за двумя речками и за болотами, напасть на оное князю Голицыну и генерал-поручику Флюку. Но Флюк за далеким обходом и трудными переправами не мог прийти вовремя с 30 эскадронами драгун. Голицын, не дождавшись его, при туманной погоде, перешел обе речки, напал на шведов и после двух часов жестокого боя прогнал их, положи на месте до 3000 (письмо Петра к Апраксину 31 августа).

Карл поспешил к ним на помощь. Петр приказал отступить, что и совершилось в порядке. Побужденный отряд состоял из одних шведов под начальством генералов Круза и Роза.

Петр пожаловал князя Голицына орденом св. Андрея. Карл был в бешенстве, он рвал на себе волосы и бил себя кулаками по щекам.

Петр, уведомляя о сем между прочими и князя Долгорукого (на Дону), приказывает ему, *по просьбе Мазепы*, отпустить два полка.

На другой день после сражения армия наша отступила к Мстиславлю, потом к Мигновичам. Неприятель следовал за нею по опустошенной стороне. За три мили от Мигновичей 9-го сентября генерал-майор Мекушев, отряженный от Боура, с 2000 драгун напал на неприятельский авангард и разбил его. Петр был чрезвычайно доволен. *«Неприятель,— пишет он к Апраксину,— в таком трактamente не знает, что и делать»*. Но король знал, что делать. Поход его от Доброго на Смоленск был обманчивым движением. 10-го сентября Петр получил известие, что Карл перешел через Сожу и устремился к Украине.

В то же время узнали, что и Левенгаупт поспешно от Риги идет на соединение с Карлом.

В воинском совете положено: Шереметеву вслед за королем идти в Украину; самому же Петру с гвардией и с несколькими кавалерийскими полками идти как можно поспешнее противу Левенгаупта, ибо главным делом было воспрепятствовать соединению. Гвардия посажена была на лошадей. На пути Петр получил от Боура донесение о счастливом сражении, бывшем 10-го сентября по ту сторону Десны в полумиле от Кадина. Три раза неприятель был сбит с места. Карл, по своему обыкновению, везде совался, чуть не попался в плен и имел под собою лошадь убиту.

Петр повелевает Апраксину Либекера, не атакуя, изнурять до прибытия отряженных полков; всех тамошних дворян с их людьми *выгнать поголовно*.

15 сентября получил известие о скором приближении Левенгаупта. Петр поспешил его настичь. Указатель пути, жид подкупленный, уверял, что Левенгаупт еще Диспра не перешел, хотя уж то было совершенно три дня тому назад. Жид был повешен. В тот же день Петр писал Курбатову в Москву о тысяче ста воловьих пузырях etc.

Наконец 27 сентября Петр увидел Левенгаупта, стоящего у деревни *Долгие Мхи* за рекою. Прогнанный нашими пушками, он отступил лесами и теснинами к Пропойску. Ночью Петр переправился и нагнал его о полудни под Лесным, стоящего за болотами в месте неприступном. Петр оставил противу него 3000, а сам пошел в обход; и, отрядив гвардию противу левого крыла и спеша один драгунский полк и два пехотных (Ингерманландский и Невский (?), бывших верхами), приблизился к неприятелю. Левенгаупт, в то же время вышед из лесу, атаковал во фланг наши два полка — Ингерманландский и Невский (где?). В то же время подоспела и паша гвардия и ударила один во фронт и другой с фланга. Левенгаупт отступил через лес. Наши его преследовали, взяв 4 знамя, 2 пушки, генерал-адъютанта Кнорринга, полковника Шталя etc.

Неприятель соединился со своею конницей, подоспела и наша конница; наступил валовой бой, длившийся 5 часов. Неприятель сбит был и прогнан к своему обозу. Оба войска лежа отдыхали в виду одно другого. Мы стреляли еще из пушек; но шведы молчали. Казаки и калмыки

имели повеления, стоя за фрунтом, колоть всех наших, кои побегут или назад подадутся, не исключая самого государя.

В пятом часу пополудни во время сего отдыха прибыл Боур с 3000 драгун; а к Левенгаупту то же число его авангарда, отряженного к Пропойску для заготовления мостов через Сожу. Наши вновь бросились на неприятеля, ударили в штыки и палаши и овладели всею артиллериею и почти всем обозом. Ночь и выюга спасли остаток шведского войска. Солдаты наши ночевали, кого где выюга застала. Сам Петр, покрытый снегом и льдом, провел тут же ночь далеко от лагеря.

Бой продолжался с полудня до 7 часов вечера. Убито шведов 8000. Флюк и потом Меншиков с кавалерией преследовали неприятеля. Последнему велено было, уже не возвращаясь, идти в главную армию. Флюк убил еще до 500 неприятеля и отнял до 2000 фургонов. Остаток неприятеля набежал на бригадира Фастмана, стоявшего у переправы через Сожу; другие — на генерал-майора Инфланта, уже близ самого королевского войска. Все было поражено. Казаки и калмыки кололи шведских беглецов в лесах и по болотам. Многие из них погибли даже от руки мужиков. Левенгаупт почти один явился к королю с известием о своем поражении.

Неприятеля было до 16 или 20 тысяч. В плен попало не раненых 876, а раненых 2856, 2 полковника, 3 генерал-адъютанта, 47 офицеров, пушек 17, знамен 78— и до 8000 телег и фургонов. Наших было 11 625 человек, из коих с Фастманом и фон Кампелем отряжено 1700. С Боуром пришло 4076. — У нас убито 1111 да ранено 2856.

Шереметев, поздравляя государя, благодарил его за рванши над его собственным неприятелем.

Петр на другой день после сего сражения отпел благодарственный молебен и 2-го октября с гвардией и пехотой пошел к Смоленску.

Того же дня послал он на Дон князю Долгорукому повеление, по усмирении бунта, оставить в Воронеже сколько будет нужно войска для удержания шатающихся казаков, с остальным отправиться в Москву и с дороги приехать к нему на почте. В Чаусах посетил Петр генерал-поручика принца Дармштадтского, тяжело раненного под Лесным. Из села Красного писал он, что Карл стоит

на границах и разослал всюду прелестные письма, но что малороссыяне не поддаются. Напротив. Также, что войско наше уже в Стародубе.

12-го октября Петр писал к князю Долгорукому, досадуя на дурака Билься, разбитого соучастниками Булавина.

В Смоленск Петр вступил с торжеством. Тело умершего принца Дармштадтского было привезено туда же и с честью предано земле.

Победу под Лесным Петр называл потом матерью полтавской победы, последовавшей через 9 месяцев.

Шведы потеряли свою самонадеянность и презрение к русским.

На сию победу выбиты две медали.

Мазепа утешал шведского короля и обнадеживал его победою. Феофан поместил в *Истории* своей одно из его писем. Дабы отвратить от себя подозрение и между тем и для заготовления для шведов запасов, он обнародовал универсалы, в коих увещевал жителей зарывать хлеб, деньги и имущество; в церквах повелел молиться о избавлении Малороссии от нашествия врагов православия. Эта излишняя хитрость повредила ему. Карл усумнился в искренности предателя, и народ, уstraшенный и взволнованный, возненавидел шведов и остался тверд в своем подданстве.

Карл в недоумении остановился лагерем на берегу Десны и оставался без действия.

Петр имел подозрение на старого гетмана. Киевскому губернатору кн. Голицыну и самому Меншикову было повелено надсматривать за ним. Мазепа хитрил и медлил. Он, собрав малороссийских старшин, с их согласия послал племянника своего Войнаровского к отсутствующему Петру с жалобами на нарушения прав народа и с смиренной просьбою о подтверждении оных. Петр, еще более усомнясь, повелел взять Войнаровского под стражу. Он успел убежать.

Мазепа, опасаясь царского гнева, уже готов был к явной измене. Он в укрепленном Батурине оставил своих единомышленников: наказного атамана Чечеля, сотника Дмитрия (?) и генерального есаула Фридрика Кениксеска с лучшим войском, а сам отправился к Десне. Перешед оную, он выстроил свое войско в виду приближавшихся шведов, и, когда все ожидали сражения, он вдруг, обратясь к малороссыянам, произнес сильную речь, в

которой открыл настоящее свое намерение. Малороссияне, не приуготовленные ни к чему, испугались и один за другим обратились в бег. Осталось при гетмане около 2000 наемных его сердюков, с коими он и явился к шведскому королю.

Карл 1-го ноября, поставя в три ряда пушки на горе, отбил русский отряд, тут находившийся, и переправился через Десну; наши отступили к местечку Воронежу (см. Голиков. Ч. III—40).

Петр из Смоленска 20 октября поехал по почте через Рослав, Брянск и Трубчевск, отसेле к Новгороду-Северскому и стал по сю сторону Десны в местечке Погребках, от Новгорода в двух милях. Здесь-то (29 октября) получил он известие об измене Мазепы. На другой день Меншиков и Голицын подтвердили ему то изустно.

В воинском совете положено было взять Батурию. Меншиков туда пошел. Петр, не получая уже шестую неделю писем от Апраксина, писал к нему, жалуясь на сие и предписывая шведов к Польше не пропускать; если же неприятель пошел уже к Риге, то за ним бы уже не следовать, потому что у Риги стоит шведский генерал-майор Шкит с 6000; что Апраксину уже не под силу. Репнин имел указ соединиться с Апраксиным в Белоруссии.

Между тем Петр получил от Апраксина известие о том, что Либекер разбит. Петр благодарил Апраксина и известил его о измене Мазепы, 21 год верного и при гробе ставшего предателем. Кн. Долгорукому на Дон пишет: «Слава богу, что в замысле его и пяти человек нет».

Венецианский историк говорит: Либекер, думая в Ингерманландии отомстить урон Карла, пошел противу Брюса, но 16 октября был разбит и потерял до 2000. После чего со стыдом и возвратился.

Петр повелел архиереям киевскому, черниговскому и переяславскому быть в Глухов, а сам с полковниками черниговским, стародубским, нежинским и переяславским поехал в местечко Воронеж.

Меншиков прибыл к Батурину. Он нашел ворота заваленными землею. Сотник Маркович, отряженный для увещевания мятежников, едва не был ими убит. Кн. Голицын, вслед за ним подъезжавший к городу, принужден был отъехать, сопровождаемый выстрелами через реку Сейм. В тот же день вечером прислали они к Меншикову

для истребования трех суток на размышление. Сие было ствергнуто. Мятежники стали стрелять по княжеской квартире. Тогда приказан приступ. Батурин был взят и разорен до основания; предводители захвачены.

Петр узнал о сем в Воронеже, а 5 ноября прибыл в Глухов. Стародубский полковник, слабоумный Скоропадский, *вольными голосами* избран в гетмана. Сам Петр вручил ему булаву etc.

8-го прибывшие архиереи предали Мазепу анафеме; *персона* его повешена.

10-го казнен Чечель и прочие батуринские мятежники.

Карл и Мазепа рассеяли вновь манифесты. *Первый*, списывая черными красками Петра, звал Малороссию к старому, верному их гетману; *второй*, описывая жестокость Петра при взятии Батурина и объявляя Малороссии намерение царя лишить их свободы, повелевал листы свои читать по церквам. Сверх сего рассеяны были по России возмутительные письма, напечатав оные в Гданске.

Петр отвечал манифестом. Возмутительные письма приказано (указ 15 января 1709) приносить в судебные места, а разносителей ловить. Скоропадский возразил универсалом на клеветы Мазепы. Многие из сообщников Мазепы оставили его; между прочими миргородский полковник Апостол. Города прислали к Петру своих депутатов; мужики приносили русскому начальству письма Мазепы; даже нападали на шведов etc.

Киевский губернатор князь Голицын из *Киево-Печерской лавры* и из Белой Церкви взял в казну сокровища Мазепы.

Петр меж тем повелел из Ингрии прислать паскоро в Москву восемь полков, звал <адмирала Апраксина> в Воронеж (какой?), писал о провизии и деньгах, пужных в Азов, повелевая о том писать цифирью.

Карл овладел *силою* городами Гадячем, Прилукою, Лохвицами, Лубнами etc. и в них расположился.

Зима была жестока. Шведы терпели великую нужду, — чему виновен был и Мазепа, свезший весь провиант в укрепленные места, подпавшие в руки русских.

Петр между Путивля и Михайловки определил вести в Полтаву пять батальонов при полковнике Келине. Из Лебедина (в жестокую стужу) ездил к местечку Веп-

рику (где было 1500 русского гарнизона, а около стоял Рен), отसेле Петр осмотрел *Гадяч*, занятый тремя полками шведов, и, возвратясь в Лебедин, в воинском совете положил: большей части войска идти к Гадячу, а Алларту к Ромну (где стоял сам король). Буде король не пойдет на помощь к Гадячу, то Алларту не приближаться к Ромну; буде же пойдет, то нашим от Гадяча отступить, а Алларту занять Ромну. Ромна была занята. Сие было в декабре, в жестокие морозы, когда и птицы мерзли в воздухе.

Около 100 человек наших заморозили себе руки и ноги, но Карл, двой сутки простояв в степи, потерял до 4000 (*Таубергова рукопись*).

Карл, не нашед никого под Гадячем, осадил Веприк и взял оный по троекратному приступу, потеряв 3 полковников, 43 обер-офицеров, 1200 рядовых, кроме раненых, в числе коих был его фельдмаршал Рейншильд и генерал-майор Штакелберг.

Петр писал к Апраксину, чтоб он уже в Украину полков не посылал, коих требовал он при начале Мазепиной измены. Он не думал, чтоб зима прошла без главного сражения (а сия игра в божиих руках), и повелевал полкам для удобного поворота быть в Москве, на полдороге от Петербурга до главной квартиры. Он звал Апраксина в Воронеж; тоже и князя Долгорукого.

Гвардии поручику Ушакову приказал (когда?) Петр податься ближе к Лебедину. Потом повелел ему следовать к Нидрегайлову, к генералу Алларту и быть там 15 декабря, а к 19-му с полком Рязанова прибыть к Петру.

Тогда же, по просьбе коронных гетманов польского и литовского, Петр послал в Польшу противу Лещинского, Сапеги и Красова — фельдмаршала-лейтенанта Гольца. Узнав из перехваченных писем, что Карл и Мазепа звали Станислава, Петр сказал: «Желал бы я, чтоб и он подошел, тогда бы угостили мы трех королей».

Король шведский стоял между Ромна и Гадяча. 26 декабря Петр прибыл в Сумы с гвардией и с полками Ингерманландским и Астраханским.

Шведский обер-аудитор, отпущенный на честное слово, явился к королю с предложением о размене пленных. Граф Пипер и другие шведские министры, без ведома короля, говорили с ним о мире. Аудитор насчет пленных возвратился ни с чем; а о переговорах донес государю.

Петр, желая мира, велел Головкину переписаться с Пипером, требуя одного Петербурга с Ингрией и Нарвы, за что и обещал вознаграждение. Карл гордо отказал, повторяя прежний свой отзыв.

Петр получил сей ответ в Троицкой крепости и писал о том Апраксину.

(15 января 1709) указ о обучении поповских детей в греческих и латинских школах, а безграмотных на отцовское место не ставить и никуда, кроме военной службы, не принимать.

Воронежская верфь перенесена в Тавров, и противу бунтовщиков выстроена крепость Павловская, около которой велено посадить винограду.

Указы 1708 (20)

О содержании в городах и в уездах на кружечных дворах добрых водок, простых вин etc. и о посылке из ратуши для осмотра посыльщиков.

Об отдаче на откуп (по указам) 705 и 707 годов) в волостях и селах сборов кабацких и таможенных etc.

О писании *откупщиков бурмистрами*.

О непродаже вина в ведра etc. под страхом конфискации всего имения.

Разные постановления, до продажи вина касающиеся.

Иностранных резидентов и посланников ведать в одном Посольском приказе.

№3. О рекрутском наборе (с 20 дворов 1) от 20 до 30 лет — с Московской губернии, и с городов в 100 верстах от Москвы — с 10 дворов 1 — с платьем, хлебом и с *рублевыми деньгами* (?).

№3 №3. Об учинении восьми губерний etc.

1709

(До Полтавского сражения)

Петр праздновал новый год в Сумах.

Перехвачено было еще письмо Мазепы к Лещинскому, в коем, именуя себя рабом и подданным польского короля, он умолял его слезно поспешить к ним на помощь. Петр повелел письмо перевести и рассеять. Он послал генералов Гулица и князя Голицына для отрезания Лещинского от нашей границы. Они отправились в конце марта из Киева с 5800 пехоты и 3600 драгун; Станислав, с воинского совету, положил на них напасть, а потом и на противных гетманов. Войска сошлись у Подкамня. Не дождавшись шведской пехоты, предводители польские и литовские пошли в атаку. Русские через полчаса сбили их и потом ударили на шведскую пехоту и обратили в бег, убив до 400 человек, взяв 14 штандартов etc. У нас убито 25 человек.

Карл вследствие того был отрезан от Польши, из которой не мог он уж получать даже и известий.

В начале января король пошел к Красному Кусту. Петр, известясь о том через Ушакова и генерал-майора Гейшина, делал свои распоряжения.

Петр, посылая в Ковно к Репнину гвардии майора князя Долгорукого (усмирителя булавинского бунта), повелевает:

- 1) чтоб для зимнего похода готовы были запасы,
- 2) чтоб отряд, что в Друе, стал между войском Репнина и Боура, дабы удобнее соединиться и обще идти к Митаве,

3) чтоб запасы и тут были готовы,

4) из одного отряда полк поплоче послать в Друю на смену.

Долгорукий отправился с изустными поручениями, *понудителем царских повелений* (Голиков).

Апраксину в Воронеж Петр писал, что шведы пошли к Днепру, и повелевал не терять *сего от бога данного времени* для приуготовления в Петербурге судов etc.

Из Ахтырки писал он к нему же, что по слухам шведы намерены к Воронежу. Петр для сего повелевает все корабли (недостроенные?) спустить и свести в Тавров, а там снова их на лодки поставить и доски отобрать; в Москву пишет он о точном наблюдении солнечного затмения (что будет видимо в Воронеже) etc., о булавинском бунте: что в Азове пойман протопоп, оказавшийся его соучастником etc. О садовнике с цветами из Москвы в Воронеж etc.

Из Ахтырки Петр с Меншиковым поехал в Белград.

Карл напал на два полка генерала Рена (Rönne), стоявшего между Городенка и Красного Куста с десятью полками. Они отступили. Между тем Смолянский рейтарский полк наехал на наших гренадеров и пеших драгунов, стоявших во рву за засекою. Он был разбит, и подоспевшие шкwadроны гнали его до Красного Куста. Сие было слева Городенка; справа Карл сам шел атаковать Рена с тыла, но он был отбит с потерей. Король чуть не попался в плен. Мельница, где он находился, окружена была нашими драгунами; наступила ночь, все его войско кинулось его выручать и принудило наших отступить.

Карл потом, сожегши несколько городов и деревень, пошел к Опошне. Скот и провиант, собранный им, были у него отбиты у самой Опошни.

Шереметев с Преображенским полком, с тремя пехотными и 10-ю конными пошел противу генерал-майора Крейса. 14-го февраля отрядил он генерал-майора Бема с двумя батальонами преображенцев, с полком астраханским и с двумя ротами гренадер к местечку Рашевки, подкрепив их пятью полками. Бем атаковал полковника Альфенделя, командовавшего одним полком драгун и 150 пехоты. Они выстроились за тремя рядами рогаток, но были выбиты и прогнаны в Рашевский замок; наши вошли вместе с ними. Альфендель был взят в плен с 9 офицерами и 91 рядовыми и 48 неслужащих. Освобожден был

один из наших майоров; взяты два знамя, весь багаж и вся конюшня Рейпшильда и других; до 2000 лошадей. Гвардии майор Бартенев и капитан-поручик Карачаров умерли от ран, здесь полученных, ранены 3 офицера, 3 сержанта и 73 солдата; убиты 1 офицер и 15 рядовых.

Сей Альфендель был у короля Августа генерал-майором и вступил в службу к шведскому королю полковником. (*Ч. II писем Шереметева.*)

Петр избегал главного сражения; Карл отлагал оное до прибытия помощи из Польши и из Крыма. Но крымские татары остановлены были повелением султана; а от Польши король был отрезан. Шведский генерал граф Дона, приняв на себя звание бранденбургского посла, поехал было к Карлу; но был схвачен и привезен в Киев¹.

Петр, подтвердив как Шереметеву, так и всем генералам стараться изнурять шведские войска, избегая главного сражения, 12-го февраля с Меншиковым уехал в Воронеж, куда и прибыл 14-го. Главным намерением его было вооружением сильного флота удержать Турцию и татар от союза со шведами.

Кошевой атаман Костя Гордеенко (у Голикова *Костин*) привел своих запорожцев к Мазепе; пред сим в местечке Царичевке напал на наш отряд, убив до 60 солдат и захватив до 15. Но был прогнан, потеряв 700 казаков. Гордеенко представил пленных королю в Будищах, присягнув ему со своими старшинами, получил в награду по 20 талеров (Голиков: ефимков) на казака. Мазепа назначил им жалования по 10 талеров в месяц (?).

Гордеенко вскоре был схвачен, во время его наезда. Он засел было между камней, но полковник Болтин вытеснил его оттуда, Гордеенко, покрытый ранами, попался в плен, и ему отрубили голову.

Петр в Воронеже занимался кораблестроением. Во время Голикова хранился еще в Воронеже маленький образцовый военный корабль, сделанный его собственными руками.

Государь повелел заготовить в Москве во всех приказах, а в городах всем *бурмистрам*, книги и ведомости сборам хлебным, денежным etc., дабы в будущем 1710 году все губернаторы и воеводы по оным книгам приняли города в ведение свое.

---

¹ См. прим. на с. 170.

№3. (Смотри в Голикове объяснение, данное на сис Курбатову. Ч. III—81.)

7 апреля (при вскрытии рек) Петр отправил Меншикова в армию, а 8-го спустил готовые корабли: 80-пушечный «Орел»; два 70-пушечных да 50-пушечный один и яхту. В тот же день ездил в Тавров осматривать корабли.

9-го апреля с Апраксиным Петр отправился Доном в Азов на двух бригантинах и на итальянских *скампавейях*. Он прибыл при пушечной пальбе. Там осмотрел он работы и взял праздник пасхи. Тут получил он от Меншикова следующее известие:

11 апреля Карл отрядил генерал-майора Круза с 4000 шведов и с 3000 запорожцев, при четырех пушках противу нашей конницы к местечку Соколку (где стоял генерал Рен). Неприятель ее обошел; но она предупредила атаку. После жаркого сражения шведы были сбиты и оставили на поле 800 убитых, полковника Гильденштерна и несколько офицеров; при переправе же через Ворсклу погибло множество, особливо запорожцев. Четыре пушки были взяты. Мы потеряли не более 50 человек. Два неприятельские ротмистра с тремя хорунгами волошскими передались к нам.

Малороссийские казаки и мужики вредили также неприятелю. Генерал-майор Крейс при переправе через Псол принужден был несколько возов и весь скот свой потопить и едва ушел с Мазепиным имением и с остальным багажом. Полковник Яковлев взял Переволоченскую крепость, занятую запорожцами, сжег оную, порубил до 1000 человек. Отряд донских казаков под Керебердою разбил также запорожцев, табором их овладел и слободу сжег, выжил шведов из Решетилówki и переколочил многих при их переправе через Псол. Беглецы умножились в шведском войске.

26 апреля Петр, отпустя Апраксина в Воронеж, сам на двух бригантинах пошел в Троицкий.

Отселе писал он Апраксину, жалуясь на упущение тамошних работ; пишет о размене пленных (подробно), о Некрасове, отрядившем 1500 казаков для грабежей вверх по Дону. Если нет ему дела в Воронеже, то бы ехал он в Москву и в Ингрию, если услышит что-нибудь о намерении неприятеля; приказывает сделать медаль золотую с камнями ценю в 300 р. *с персоной нашей* на одной стороне, а с другой — Троицкой гаванью (с надписью:

«дана за труды Матвеем Симонтову»). №. Наконец уведомляет его о взятии и разорении Запорожской Сечи (Яковлевым?).

Шереметеву предписывает в письме в то же время не допускать шведов до овладения Полтавою.

Из Троицка ездил Петр в море за Миус — с дороги писал он обер-коменданту воронежскому Кольчеву о кораблях etc.

9-го мая возвратился в Азов. Здесь получил он от Меншикова следующие известия:

В воинском совете положено было атаковать шведов при местечке *Будицах*. Генерал-поручик Белинг, генерал-майор Шомбург и генерал-квартирмейстер *Гольц* были отряжены. Гольц, переправясь первый через Ворсклу, напал на 500 шведов, засевших в укреплении, и вытеснил их. Противу Гольца Карл выслал 3 конных и 2 пехотных полка; но он их разбил и прогнал. Шведов убито 600 человек, взято: 1 майор, 9 обер-офицеров, 150 рядовых, 2 пушки, 1 знамя, да *освобождены несколько сот малороссиян* (Феофан, стр. 198).

Запорожские казаки (между прочим) разбили *когда-то* греческий караван, за что, по требованию Порты, Петр заплатил 100 000 ефимков. Когда *избран был Скоропадский*, то *Петр* послал к ним офицера (?), от нового гетмана посланца, и архимандрита с увещаниями и с деньгами. Казаки *чуть* их не убили. После смерти Гордсенки они укрепили Сечь, но Яковлев взял ее, потеряв 300 человек.

Петр получил известие, что Полтава осаждена, что Карл несколько раз уже приступал к городу и в сильной блокаде его держит, и 31 мая по почте поехал в армию.

Мазепа уверял Карла, что взятие Полтавы привлечет к нему Малороссию. В ней заготовлены были магазейны (в коих шведы нуждались). Взятие Полтавы открывало королю сообщение с поляками, казаками и татарами и дорогу в Москву. Карл не сомневался в своем счастье, в кое он всегда верил (по наущению Фрелинга, замечает Голиков, веровавшего в предопределение).

Нам необходимо было усилить Полтавский гарнизон. Меншиков принял это на себя. Воинский совет положил сделать диверсию. 7-го мая генерал-майор Беллинг отправлен вниз Ворсклы, дабы обойти неприятеля к Опошне. Меншиков с остальным войском пошел прямо на не-

приятеля, стоявшего за Ворсклою в укреплении. В ту же ночь были сделаны три моста. Беллинг должен был, когда Меншиков переправится, наступить на Опошню. Репнин стоял в резерве для сикурсу¹.

7-го мая на рассвете пехота перешла через мосты, а конница вплавь; и все устремились на укрепление (в коем было четыре эскадрона и 300 человек пехоты). Наши холодным оружием вытеснили их, обратили в бег и гнали до самой Опошни. К ним на помощь выступили три конных и два пехотных полка. Русские и сих побили и обратили назад. Неприятель зажег предместья и ушел в Замок. Но Беллинг не мог подоспеть, и Меншиков, увидя, что сам король из Будищ с семью полками спешит к Опошне, в порядке стал отступать. Убито: 600 шведов, взяты две пушки, 300 рядовых etc. Наших убито до 600 же. Цель сражения была исполнена: бригадир Головин в виду неприятеля ввел в город 900 солдат. Карл тогда произнес: «Вижу, что мы московитян научили воинскому искусству!»

Потом все наше войско приступило к Ворскле и стало против Полтавы (за рекою) и неприятельского лагеря.

17-го мая стычки у мосту, укрепленного редутом и пушкою. В то же время вылазка: неприятель из апрошей вытеснен и гнан до самой реки. Между тем из наших шанцев картечь прогнала неприятеля из форпостов — мы в нескольких шагах от моста днем сделали редут. Ночью все наше войско спокойно работало, а волохи наши, переправясь, увели до 2000 лошадей.

Гольц с 1500 драгунами в Польше разбивает бобруйского старосту Сапегу, начальствовавшего 5000 регулярного войска (не считая нерегулярное).

4-го июня Петр прибыл из Троицка, степью на Бахмут, Изюм и Харьков.

Петр осмотрел все и повелел Рену с конницею переправиться через реку и, спешив два драгунских полка, поставить их в засаде в лесу, а потом отрядить до 500 драгун и всю нерегулярную конницу к неприятельскому обозу, дабы выманить неприятеля на засаду. Рен исполнил сие в точности. Король с шестью полками ударил на наш отряд и гнался за ним до засады. Тут шведы были

---

¹ То есть для подмоги.

приняты живым огнем, приведены в беспорядок и прогнаны. Рен переправился без всякой потери.

Пленный у шведов подполковник Юрлов из Старого Санжарова известил государя, что при них войска немного. Петр отрядил к Санжарову генерал-поручика Гейншина с отрядом драгун. Юрлов взбунтовал русских пленных. Они разбили свои колодки, побили оными стражу, вышли из своей тюрьмы, а в сие время Гейншин взял и город. Петр пожаловал Юрлова полковником.

В воинском совете положено освободить Полтаву, *без генерального сражения*, приближась к ней апрошами, и 16-го июня начались работы. Но шведы своею поперечною линиею до того нас не допустили, да к тому же реки и болота были препятствиями.

Осажденные письмами, бросаемыми в пустых бомбах, дали знать, что у них недостаток в порохе и что неприятель уже вкопался сквозь вал и в палисад.

Петр собрал совет 16-го июня. В нем положено, перешед реку, дать генеральное сражение, как единственный способ освободить город.

За два дня до сего сражения Петр писал Апраксину о подробностях, относящихся к морской службе, о намерении своем напасть на Нарву, *понеже Петербург и Котлин довольно отведал, и хорошо укреплен etc.*

19-го июня Петр со всею армией пошел вверх от Полтавы по реке Ворскле к посту Рена. 20-го переправился — и повелел делать фашины; потом стал ближе, за $\frac{1}{4}$ мили от шведского лагеря. Ночью сделан ретраншемент; кавалерии Петр повелел стать на правой руке между лесом, и той же ночью перед нею сделано 10 редутов (а 4 недокончены). Сии редуты снабжены войском и пушками и поручены бригадиру Айгустову.

25-го Карл осматривал сам наш лагерь, ранен был в ногу etc.

26-го Петр осматривал положение мест, располагая план сражения. Но Карл его предупредил.

1709

(Вторая половина)

ПОЛТАВСКОЕ СРАЖЕНИЕ (ПО ГОЛИКОВУ)

27 июня до восхождения солнечного неприятель тронулся с намерением атаковать нашу конницу, и для того думал прежде овладеть редутами, но пушки оных от правого неприятельского крыла оторвали шесть батальонов пехоты и несколько десятков эскадронов конницы и понудили их уйти в лес. Главная шведская армия пробивалась сквозь редуты, наша конница сбивала неприятельскую (взяв 14 штандартов и знамен). Неприятель беспрестанно подкреплял свою конницу, а нам сие делать было невозможно; предводитель оной, храбрый Рен, ранен был в бок. Петр повелел Боуру (заступившему Рена) отступить справа от нашего ретраншемента, с наблюдением, чтоб гора была у него во фланге, а не назад (дабы неприятель не мог утеснить ее под гору). Боур стал отступать, а неприятель его преследовать. Тогда шведы очутились под огнем нашего укрепления и приняты были пушками во фланг. Они отступили на пушечный выстрел и выстроились в боевом порядке.

Петр меж тем отрядил Меншикова, Гейншина и Ренцеля с пятью полками конницы и пятью батальонами пехоты противу отступившей в лес кавалерии (от наших редутов). Неприятель был порублен. Генерал-майор Шлиппенбах сдался, а генерал-майор Розен отступил к полтавским апрошам.

Петр отправил Меншикова и Ренцеля с повелением атаковать шанцы шведские и Полтаву освободить.

Меншиков наехал на 3000-ый отряд (резервный), стоявший позади правого шведского крыла у леса. Меншиков их атаковал и разбил, и возвратился к Петру, поруча Ренцелю довершить остальное.

Розен по приближению Ренцеля ушел с тремя бывшими с ним полками в свои крепости и окопы. Но русский генерал его атаковал, и Розен сдался.

Тогда Петр вывел из укрепления свою армию и выстроил ее следующим образом: корпус армии стоял в двух линиях, третью (шесть полков) оставил назади в укреплении при генерал-майоре Гинтере; конница стояла на крыльях: на правом под командою Боура, на левом — Меншикова. Артиллерией управлял генерал-поручик Брюс. Три батальона при полковнике Головине стояли на горе у монастыря для сообщения с городом, шесть полков драгунских при генерал-майоре Волконском — между малороссийским войском и нашим для сообщения с Скоропадским и в случае нужды для сикурса главному войску.

Петр объехал со своими генералами всю армию, поощряя солдат и офицеров, и повел их на неприятеля. Карл выступил ему навстречу; в 9-ом часу войска вступили в бой. Дело не продолжалось и двух часов — шведы бежали.

На месте сражения сочтено до 9234 убитыми. Голиков погибшими полагает 20 000, на три мили поля усеяны были трупами. Левенгаупт с остальными бежал, бросая багаж и коля своих раненых. Ушедших было до 16 000, а с людьми разного звания до 24 000.

Вначале взяты в плен генерал-майор Штакельберг и Гамильтон, генерал-фельдмаршал Рейншильд, принц Виртембергский с множеством офицеров и несколько тысяч солдат; 2900 наших были освобождены. Пленные пригнаны в лагерь.

В шанцах взяты шведский министр граф Пипер с тайными секретарями Цидельгельмом и Дибеном, весь королевский кабинет с несколькими миллионами денег, весь обоз и проч.

Карл, упавший с качалки, был заблаговременно вынесен и увезен к Днепру. Он соединился с войском своим под Переволочною; тут оставил он его и бежал в турецкие границы с несколькими сот драбантов и с генералами Лагерскроном и Шпаром.

В полтавское сражение король имел 31 полк, свою гвардию, лейб-драгунов, лейб-регIMENT и драбантов, волохов, запорожцев и мазепинских сердюков 2000. Всего — более 50 000, одних шведов до 40 000. Наших было более, но все было решено первой линией (10 000 войска). Мы потеряли бригадира Феленгейма, полковника его Лова и Нечаева, 37 штаб- и обер-офицеров, 1305 унтер-офицеров и рядовых. Ранены Рен, бригадир Полонский, 5 полковников, 70 штаб- и обер-офицеров и 3214 унтер-офицеров и рядовых.

Петр пригласил несколько генералов к себе обедать, отдал им шпаги и пил за здоровье своих учителей. Шведские офицеры и солдаты также были угощены и проч.

В тот же день послал он Гольцу приказ всячески не допускать короля соединиться с польским его войском и пересек рассылкою легких войск все дороги из Турции.

Князь Голицын и Боур преследовали бегущих. На другой день Петр послал к ним в помощь Меншикова и занялся погребением убитых офицеров особо, рядовых в одну общую могилу. Войско стояло в строю. Полковые священники отпевали тела. Петр плакал и сам при троекратной стрельбе бросил первую горсть праха. 29-го, день своих именин, Петр угощал опять пленников, а 30-го отправился вслед Меншикову и прибыл в Переволочную. Уже неприятель без бою отдался Меншикову, имевшему не более 9000. Число сих пленных было 24 000. Петр повелел выдать им провиант. Узнав от Левенгаупта о бегстве короля в Турцию, он отрядил бригадира Кропотова и Волконского вслед за ним по разным дорогам. Запорожцев взято в Переволочной 220; прочие разбежались, иные утонули в Днепре, немногие ушли с Мазепою. Потом Петр возвратился в Полтаву.

Меншиков пожалован в фельдмаршалы, Шереметев, Репнин, Голицын и Долгорукий и проч. деревнями; граф Головкин канцлером, барон Шафиров подканцлером; сей же Долгорукий и боярин Мусин-Пушкин — тайными действительными советниками. Репнин, Брюс, Рен, Алларт, Ренсель — орденами (?), штаб- и обер-офицеры портретами царя с алмазами, золотыми медалями; все рядовые годовым не в зачет жалованьем и серебряными медалями; иностранцам большею частию даны деньги; в том числе полтавский комендант полковник Келин — он

произведен в генерал-майоры — получил портрет с алмазами и проч.

Пленным определено содержание (?).

Запорожцы, взятые в Персволочной и явившиеся потом с повинною, вопреки указам были прощены. Старшины отосланы были без наказания в Сибирь на поселение, а начальники обращены в поселянс.

Петр по просьбе своих генералов принял на себя чин генерал-поручика (дабы чрез чин не быть произведену).

Мазепа перешел за Днепр прежде короля. Взято пушек 22, гаубиц 2 и мортир 8. Артиллерия шведская в разных сражениях уменьшена была.

Карл прислал Мардофельда в Полтаву *под видом некоего комплимента* (Голиков), но он был задержан, ибо не имел ни письма, ни паспорта. Открылось потом, что Карл присылал его с предложением о мире на тех условиях, кои предлагал Петр. Ему отвечали, что уже поздно, однако отпустили с тем, чтоб за него отпущен был кто-нибудь из наших знатных пленных и с новыми мирными условиями. Сей Мардофельд под Калишем взят был в плен и освобожден по просьбе Августа. Он имел дозволение говорить с Пипером в присутствии Шафирова, по просьбе коего отпущен Цидельгельм, дабы обще с шведским сенатом старались они о мире.

В самый день сражения Петр уведомил Апраксина и других (от 9 и 10-го июля) о своей победе. Колычеву в Воронеж писал, чтоб он уведомил о том *товарищей* царя — Козенца и Ная; в другом письме к нему же, что в Коротояк отправлены будут 3000 шведов, и когда на *Середе* начнется крепость, то бы их на работу употребить. *Апраксину* (от 9 июля): полагая, что тою осенью к Выборгу приступить нельзя будет, полагает осадить Ревель, для того приказывает в Нарву из Петербурга доставить пушки и проч. Повелевает ему достать Корелу, *ибо к оной водяной путь невозбранный* и проч.

13 июля Петр отступил от Полтавы в Решетиловку за духотою от мертвых тел и стояния двух армий. Тут повелел он пленным шведам экзерсироваться в его присутствии, предал суду изменника бригадира Мильфельса, которого и расстреляли. Петр писал опять Колычеву о чер-

теже и проч., о кузнецах и проч., посылая ему и г-дам Козенцу и Наю по шпаге шведской, и уведомил, что 3000 шведов уже посланы при полковнике Нелидове. Замечательна последняя статья по резолюции на вопросы Колычева: на каждого корабельного мастера возложив по части, прибавляет он: *кроме моей доли*.

Мастера Склеява, находившегося при сражении, произвел он в капитаны (морские) — он объявляет Колычеву за тайну о будущей морской кампании и приказывает, чтоб 4 или 5 кораблей были бы готовы.

Петр отрядил Шеремстеву для осады Риги, со всею пехотою и частию кавалерии, а князя Меншикова в Польшу с большою частию конницы, дабы выгнать Красова и Лещинского, соединясь с Гольцем. Репнин оставлен на границе для наблюдения татар, турков и казаков. Пленных (знатных) отправил он в Москву, а простых по городам, и с Меншиковым и со многими министрами и генералами прибыл в Киев 22 июля.

Здесь он узнал Феофана Прокоповича, ректора киевских училищ. Речь его понравилась Петру, и он принял его в свою особую милость. Он занемог, но не оставил своих упражнений, писал отцам убитых утешительные письма и проч. Колычеву с мастерами велел быть в Москве к декабрю и проч. Курбатову приказал, когда губернаторы и воеводы съедутся в Москву в конце года, то быть там и бурмистрам по одному человеку с города.

Петр запрещает Апраксину разорять Лифляндию, *ибо нам же придется разоренное исправлять*; надеется на мир и ходатайство Цидельгельма, повелевает погодить идти в Корслу, надеясь сам подоспеть к Ревелю — около 14 сентября быть к Нарве, оставя в Кроншлоте и на Котлине 1000 человек, в Петербурге 2 или 1500, в Шлиссельбурге 500, в Нарве 600, в Пскове и Новгороде ничего и проч.

Апраксин с *флагманами* произвел Петра в шавтбенахты¹. Петр благодарил его из Киева от 13 августа (см. Голиков. Ч. III—131).

Отпустя в Польшу Меншикова, Петр 15 августа выехал из Киева и 24 отобедал у Гольца. Лещинский и Красов уже бежали в Померанию. Сначала они рассивали ложные слухи о полтавской битве; наконец Лещинский в Померании отказался от короны. Польские вельможи

---

¹ Чин шавтбенахта соответствовал чину контр-адмирала.

отовсюду съезжались к Петру с поздравлениями. Яблоновский, Дзялинский и Щука оставили Лещинского и прибежали к Августу, которого Петр объявил законным королем. Август с 14 000 саксонцев вступил в Польшу, рассея манифест, в коем отречение свое представлял недействительным, яко принужденное и без согласия Речи им данное вопреки своей присяге, и объявил, что он вновь вступает в права свои, по требованию Петра и проч. Он прислал великого конюшего Фицтума к Петру, приглашал его в Торунь и повторил ту же просьбу, не доехав до Кракова.

7-го сентября Петр из Люблина прибыл в местечко Сольцы и осмотрел войско Синявского. Здесь получил он третье приглашение Августа чрез Флеминга, а от прусского короля чрез камергера фон Камкена. Петр обещался обоим.

Петр в Сольцах к 20-му сентября велел сделать 10 судов, на коих весною отправился в Торунь. Конюший Фицтум и генерал-фельдмаршал <Флеминг> были при нем; в гребцах и конвое — Вятский полк при кн. Алексее Голицыне.

Петр между прочим послал Апраксину манифесты Августа, дабы оные доставить Либекеру и Кастюртейну и проч.

Кн. Голицыну повелевает быть с войском своим к Ковну и уведомляет, что идет вслед за Красовым.

Гвардии подполковнику Долгорукому, чтобы он с виленских жидов доправил штрафу 20 000 ефимков за то, что обещались от себя посылать шпионов и солгали; и взять под стражу 40 или 50 лучших, пока не заплатят.

Карл бежал к Очакову, но его туда не впустили; русские его преследовали живо: 1) Переславский полковник Томора (Тамара?) первый нагнал его, взял в плен генерал-аудитора, генерал-кригс-комиссара, трех офицеров и 60 рядовых. 2) В Велиже взято 8, убито 30. 3) Бригадир Кропотов убил до 200 и взял 260 (в том числе генерал-аудитора). 4) Генерал-майор Волконский догнал короля при Днестре. Король успел переправиться с малым числом и остальные — 200 человек были убиты, в плен взяты 4 офицера и 209 рядовых, многие перетонули. Король приехал в Бендеры. Паша принял его с пушечной пальбою. На другой день король послал в Константинополь Неугебауера.

23 сентября Петр прибыл в Варшаву. Паны и между ими великий канцлер князь Радзивилл и епископ луцкий приняли его пушечною пальбою. Петр остановился в доме маршала Белинского до ночи; ночевал на реке, 24-го утром в сопровождении польских вельмож отправился в Торунь.

26-го за полмили от сего города встретил его Август на двух *прамах*. Король при встрече с царем смутился и изменился в голосе и в лице. Петр, поздравляя его, сказал ему, что прошедшего поминать не должно, что он знает, что за необходимость заставила короля поступить вопреки собственной пользы; но между тем Петр имел на себе ту самую шпагу, которую Август подарил Карлу XII. Оба государя обедали вместе на реке и въехали в Торунь верхами при пушечной пальбе. Все войско саксонское и *мещанское* стояло под ружьем. Петр до пятого часа ночи пировал у короля; король, его министры и генерал с драбантами проводили его до дома, где король, дождавшись его выхода, кричал ему *виват*.

28 сентября в день Левенгауптской баталии король обедал у Петра, пили за здоровье обеих государей при пушечной пальбе из крепости и стрельбе выстроенного войска.

29-го и 30-го Петр и король занялись возобновлением союза, нарушенного Алт-Ранстадским трактатом. В Торунь приехал и датский посланник барон фон Ранцов с поздравлениями и предложениями к заключению настоящего и общего союза. Петр повелел российскому министру при датском дворе князю Долгорукому заключить оный. В Торуне сверх сего заключен общий оборонительный трактат с королями прусским, польским и датским, после чего Петр и Август объявили Регенсбургскому имперскому собранию, что ежели дозволено будет шведскому войску над союзниками учипить военное действие или вступить обратно в Польшу, то Петр по праву войны будет гнать неприятеля повсюду, где только его найдет, и требовал *гарантии* всей империи.

Петр писал Апраксину, чтоб он и датский посланник дожидались его в Петербурге; жалеет, что дела задержали его в Польше и что время для взятия Ревеля прошло; повелевает оному одну блокаду (без артиллерии) и подводы распустить и проч., что бригадир Кропотов при местечке Чернявцах на остальных шведов напал (между

ими и 500 запорожцев), побил их и перетопил в *Пруге* и проч.

Поляки, противники Августа, прибегнули к ходатайству Петра. Тогда же прибыл к Августу и турецкий посол с поздравлениями и с уверениями в дружбе и в добром соседстве.

10-го октября Петр отправился Вислою в Мариенвердер для свидания с прусским королем. Август провожал его 8 миль, до саксонского лагеря. Петр осмотрел войско и экзерсии. Тут принял он бобруйского старосту Сапегу, главного мятежника, прибегнувшего к его заступлению. Он приехал по повелению Петра, обнадежившего его прощением Августа. Таким образом Петр примирил короля со всеми его подданными.

14-го октября Петр поехал рекою же; от Мариенвердера в полумиле, 15-го, на берегу Вислы встретил его король; оба с торжеством въехали в город в одной карете и остановились в том же доме. Они обедали за церемониальном столом. На третий день заключил и четвертый союз.

19-го оба государя обедали у Меншикова. Граф Дона в своих записках говорит: «Je n'ai jamais vu boire plus de vin de Hongrie»¹ и рассказывает анекдот о Рене: «Rönne, Rönne, mon ami! Dans un autre pays tu ne te verrais pas de si tôt une excellence»². Петр подарил Фридерiku шпагу, которую носил он под Полтавою, и, несмотря на то, что она была тяжела, длинна и неловка, король во все время носил ее на себе. Петр не пьянствовал и умел себя воздерживать. Дона³ при сем случае выпросил прощение за своего родственника (мнимого бранденбургского посланника,— смотри выше)⁴. Петр приказал присоветовать ему не вмешиваться более в политические сплетни, за которые впредь ему так дешево не отделаться⁵. «Votre majesté, s'il y revient, peut lui faire donner le knout»⁶. Петр

¹ Я никогда еще не видел, чтобы пили столько венгерского (*франц.*).

² Ренне, Ренне, друг мой! В другой стране ты не стал бы так скоро превосходительством (*франц.*).

³ Граф Кристоф фон Дона, прусский министр и генерал прусской службы.

⁴ Генерала шведской службы графа Ф. К. Дона.

⁵ См. на с. 158.

⁶ Если он опять примется за прежнее, Ваше величество может наказать его кнутом (*франц.*).

заметил, что кнут слишком тяжкое наказание, и хотел дать почувствовать, что в России за все про все кнутом не дерут. Дона говорит о умеренности и благопристойности Петра и проч.

На сем обеде король пожаловал Меншикову свой орден и предложил о сочетании царевны Анны Иоанновны с герцогом курляндским, на что Петр и соизволил.

В Мариенвердере прибыл к Петру Флеминг, и по молчанию его Петр догадался о причине его приезда и сказал ему не обинуясь, что, быв оставлен всеми своими союзниками в самую опасную минуту, не обязан он исполнять условия трактата, ими же нарушенного, и что завоевания, им одним совершенные, ни с кем делить он не намерен, а всего менее с Августом и республикою. Дело шло о обещании Петра возвратить Польше лифляндские города, некогда ей принадлежавшие.

Петр меж тем предписал генерал-майору Ностицу выбить шведский гарнизон из Эльбинга и город занять, а Меншикову расположиться на границе венгерской на зиму.

23 октября Петр отправился к Риге сухим путем. Вперед для угощения на станциях отправлен чрезвычайный посланник Кейзерлинг, два майора и комиссар. Петр поехал на Прешмарк, Бартенштейн, Отнюргенцы, Инстербург.

29 октября Петр прибыл на польскую границу, где свирепствовала *моровая язва*, почему Петр принужден был делать большие объезды. С дороги писал он к русским начальникам о предосторожности противу язвы и легкомыслия поляков (письмо Петра к Ушакову 6 октября); об отправлении пленных к Серпухову (для торжественного въезда в Москву и проч. и проч.).

6 ноября Петр прибыл в Митаву. Чины Курляндии встретили его за городом, дворянство и городские бурмистры все верхами. Петр въехал в город верхом.

9-го ноября прибыл он под Ригу, в лагерь Шереметева. Около города все укрепленные посты были заняты: крепость же Кобершанец на западном берегу Двины была укреплена снова (шведы хотели было при его приближении оную разорить, но не успели) и названа Питершанец.

Петр осмотрел всё, 11-го ноября при себе велел поставить мортиры на кетели, и сам бросил первые три бомбы,

первая упала на кирку св. Петра, другая на болверк, третья в купеческий дом, потом с Шереметевым, с польским сенатором, троцким воеводой Огинским осматривал крепости; при проезде его мимо ветряных мельниц шведы выстрелили по нем из пушек. Петр повелел держать город в тесной осаде, а иначе его не добывать, потому что время уже позднее, что гарнизон велик, а крепость способна к сильной обороне, и что спешить нечего, ибо нет ни малой опасности от шведов, а помощи быть неоткуда. Потом Петр отправился в Петербург, заезжая во все завоеванные города, и везде установил порядок.

Шереметев поручил осаду Репнину с 7000 войска, а сам на зиму расположился в Митаве. В декабре уехал он в Москву.

23 ноября Петр прибыл в Петербург и занялся гражданскими делами.

В погребение странных и пришельцев заложил он церковь св. Самсона и повелел другую заложить и в Полтаве во имя Петра и Павла и того ж Самсона. Он дал указ о поспешении строений городских и увеселительных своих домов и садов; а знатному дворянству о каменных домах *по плану*, также и пристаней и магазинов на островах С.-Петербургском и Котлине. Он своими руками заложил 54-пушечный корабль «Полтава» и 7-го декабря поехал в Москву дожидаться Меншикова в селе Коломенском, также и поляков и пленных; учредил порядок торжественного въезда наподобие римских триумфов и 21-го вошел в Москву при пушечной пальбе, колокольном звоне, барабанном бое, военной музыке и восклицании наконец с ним примиренного народа: здравствуй, государь, отец наш!

18 декабря родилась царевна Елизавета Петровна.

Указы 1709 года

В сем же году изданы российская генеральная карта (Фишером) и специальные: 1) окольность Архангельска с островом Соловецким, 2) окольность Астрахани с устьем Волги, 3) окольность Азова и другие, посвященные его величеству фон Кейленом («Ежемесячные Академические сочинения»).

О чистоте улиц, о мостовой, о избрании на то десятских.

О определении *двух перемен* работников к петербургскому городскому строению по 20 000 человек.

О пятом рекрутском наборе с 20 дворов по одному.

О исполнении духовной *Флереза*, хотя и не у крепостных дел писанной, ибо то учинено по неведению закона.

О вычете с писцов за *прогульные* дни по гривне на день.

Об отдаче на оброк покидных, пустых и отысканных земель.

О сборе с ульев и проч.

Петр праздновал Новый год в Москве при пушечной пальбе, огненных потехах etc.

Он занялся расположением расходов и точным определением, откуда кому и на что получать приходы.

Армию положил он составить из 33 полков пехоты и 24 кавалерии и 58 000 гарнизона, кроме гвардии, ландмилицкого корпуса, лифляндского корпуса и морской силы. Полки назвались по имени городов, а не полковников, как было прежде.

Петр повелел сибирскому архиерею Филофею обращаться в христианскую веру иноверные племена, что *не зависит от царской власти, но от проповеди слова божия*; а новокрестьян повелел обучать русской грамоте (Венецианский историк: 40 000 и более были обращены).

Петр повелел (когда?) раскольникам нашить на спины платья четверугольники из красного сукна с желтыми козырями. Они повиновались и безо всякого стыда являлись на бирже торговать с иностранцами.

Всем христианским вероисповеданиям Петр дозволил иметь в России церкви и избирать церковный совет, не состоя под ведомством синода.

Петр купцу Короткину, выехавшему из Голландии, приказал *близ* Москвы завести бумажную фабрику и часто оную посещал. Недавно, будучи там, получил он от одного помещика приглашение на медвежью травлю. Петр отвечал: «У меня есть и свои звери внешние и внутренние».

5-го января имел публичную аудиенцию Витфорт, чрезвычайный английский посланник. Вот что было причиною посольству:

В 1708 году наш посланник Матвеев получил приказание ехать в Голландию, был на улице остановлен заимодавцем и отведен в тюрьму. Матвеев, хотя и тотчас освобожденный с извинениями, выехал из Англии без отпусковой грамоты и не дождавшись изъяснения на свой протест.

Витфорт от имени королевы, именуя Петра императором, извинился бессилием английских законов и уведомлял, что новым законом, утвержденным в парламенте, отныне посланники ограждены от подобных оскорблений etc., etc.

Титул цесарский или императорский дан был Петру и в Голландии при торжественном праздновании его победы.

В Сибири грек Александр Левондиад отыскал серебряную руду, и пожалована ему грамота на завод.

Петр писал воронежскому обер-коменданту Колычеву о строениях в Таврове etc.

3 января Толстой получил в присутствии султана ратификацию прежнего мира.

Карл по смерти Мазепы (20 сентября 1709) наименовал Орлика гетманом Малыя России обеих сторон Днепра и войск запорожских.

Петр, видя, что Красов не в бездействии в Померании, вторично подтвердил свою декларацию (см. выше), того ради 31 марта в Гааге Австрией, Англией и Голландией и постановлено (а 2 апреля на имперском съезде в Регенсбурге и подтверждено), что они принимают на себя неутральную гарантию всех в Германии шведских провинций (равно как и герцогства Шлезвигского и Готландии) с тем, что шведские войска (в Германии находящиеся) не вступят в Польшу и Саксонию, а союзники в Германию, под опасением войны.

Петр, согласясь на оные условия, прибавил одно: противу нарушителя да обяжутся вышеупомянутые державы действовать оружием.

11 июля сии условия были обнародованы Стокгольмскому сенату датским королем. Сенат нашел их несправедливыми, а Карл из Бендер повелел Красову, коего войско со дня на день увеличивалось, вступить в Польшу.

Неустральные державы 4 августа в Гааге (при министрах имперских князей) обязались собрать 16 000 войска.

Карл протестовал, с помощью Франции склонив в пользу свою Порту; посол его в Вене 11 августа, а особое посольство к Регенсбургскому имперскому собранию объявило, что он на своего неприятеля нападет, где и когда будет ему то возможно, заранее объявляя врагом того, кто вздумает тому противиться.

Протест имел свое действие. Большая часть имперских князей в неутралитет не вступили и сказали, что все это клонится к тому, чтоб уничтожить действия корпуса Красова. *Но северные союзники*, с своей стороны, настойчивее требовали исполнение гарантии, объявляя, что в противном случае они вступят в шведские (в Германии) провинции. Петр представил Гаагскому собранию, что *шведские войска в Померании и Бремне усиливаются, что герцог Голштейн-Готторпский делает то же, что Карл старается о разрыве Турции с Россией и Польшею, что он с турецким и татарским корпусом нападет с одной стороны на Польшу, а Лещинский из Померании вступит в Шлезию etc., etc.*

Между тем Петр повелел генерал-майору Ностицу взять крепость Эльбинг, где было 900 шведского гарнизона. 28 <августа> город взят был приступом; гарнизон сдался военнопленным, 260 пушек были взяты etc., etc. Бригадир Федор Балк сделан был комендантом при 200 <человек> гарнизона. Ностиц пожалован генерал-поручиком, Балку дан портрет с алмазами, выбита медаль, но Ностиц через несколько дней, вымая у эльбингского магистрата 250 000 польских злот, *без абшита*¹ ушел, и Петр повелел *персону* его повесить.

17 февраля Петр отправился в Петербург, повелел полкам следовать туда же. Меншикова он отправил к Риге с повелением осмотреть места между Ригой и Динаминд-шанцем, а через Двину (сделав несколько прамов с пушками) <для> перенятия с моря шведских судов укрепить бревна с цепями.

21 февраля Петр прибыл в Петербург. Он пожаловал Апраксина графом и тайным советником и повелел ему взять Выборг. Апраксин выступил 21 марта.

---

¹ То есть без получения указа об отставке.

Петр меж тем, занимаясь делами, сочинял морской устав.

(В Шонах 10 марта было сражение между датчанами и шведами, убито с обеих сторон до 4000. Петр уведомляет о том Апраксина.)

Как только вскрылась Нева, Петр вывел флот корабельный и галерный в Кроншлот — и спешит под Выборг доставить провиант и артиллерию. Крейс отправился 28 апреля по морю, еще не очищенному ото льда, а с ним и сам Петр, *яко контр-адмирал*, со своею эскадрою.

Плавание было опасно. Лед шел и чуть было (в ночь на ... апреля) галеры, занесенные в море, не были разбиты и потоплены. Петр повелел кораблями разбить лед и стать на якоря, что и учинено. Весь флот прибыл благополучно к *Березовым островам*. 8-го мая отправили артиллерию и провиант под начальством самого государя.

Провиант прибыл вовремя, оно под Выборгом уже не было. Пока артиллерию и провиант выгружали, Петр, осмотрев лагерь, 14 мая сделал подробные распоряжения осаде (см. Ч. III—182).

Того же дня Петр с ластовыми и военными судами отправился в Петербург, оставя Боциса с галерами при батареях. Шведы едва не отрезали нашего флота от Кроншлота. 11 шведских кораблей к выборгскому заливу пришли тотчас после отбытия государя. Мая 16-го прибыл Петр в Кроншлот и до 10-го июня пребыл в Петербурге.

Петр писал Апраксину, что опасается он хитрости шведской: дабы под закрытием флота не учинили они сильного транспорта *Либекеру*, как то сделали они с датчанами (1700?), в случае, если шведы не сильны, то можно будет напасть на Либекера со всею конницею и с несколько пехоты. Приказывает к Либекеру послать человека три чухонцев шпионами, жен задержав заложницами. Надеялся поспеть к приступу и просил оный сложить до воскресенья etc.

Артиллерия под Выборгом действовала удачно: с 1-го по 6 июня учинен пролом, в который строем могли войти два батальона. Город был весь почти разорен бомбами. 9-го, когда повелено было идти на приступ, то комендант предложил сдаться на капитуляцию, в сей день оно было отказано, но на другой день Шереметев вошел в перегово-

ры, в тот же день Петр прискакал по почте и даровал следующие условия:

1) Выпустить гарнизон без музыки, знамен и ружей, с пожитками и семействами.

2) Купцы, духовные etc. содержаны будут в их вере etc., etc.

3) Поселяне отпущены.

4) Духовным и комиссарам (1 пункт).

12-го июня город был сдан.

14-го Петр ввел Преображенский полк (яко полковник оного) и сам расставил караулы. Потом молебствие и торжество. Апраксину дана Андреевская лента, генералам — деревни, офицерам медали золотые. Петр обедал и *ночевал* в ставке нового кавалера.

Петр не сдержал своего слова. Выборгский гарнизон объявлен был военопленным. Петр озлоблен был обидою, учиненною его белому флагу капитаном Лелием, захватившим недавно поручика Шмита, с письмами от шведских пленников посланного к их флоту; но раненых и больных офицеров, также вдов и детей убитых отпустил со всем их именем.

Задержанных в плену было 4 полковника (и комендант), 6 подполковников, 3 майора, 141 офицер (унтер-офицеров и рядовых 3726).

В начале осады гарнизону было 5000, взято мортир 8, гаубиц 2, пушек 151, ружей 5499 etc. Наших пушек было 80 (24- и 14-фунтовых) и 26 мортир.

Выбита медаль etc.

Петр оставил в Выборге Апраксина для исправления разорений, сделав комендантом бригадира Чернышева, генерал-майора Брюса с конницей и пехотой отправил взять Кексгольм и 22-го июня выехал в Петербург, а 23 имел торжественный вход.

Тогда заключен был брак Анны Иоанновны с герцогом курляндским, и повелел Шереметеву и другим начальникам контрибуцию с курляндцев не брать.

Петр отпраздновал день Полтавского сражения по повосочиненной службе и повелел праздновать оный в роды родов. 8-го июля получил он известие о взятии столичного лифляндского города.

В Ригу введена была целая шведская армия (22 полка), мещанство вооружено, дворянство стекло для за-

щиты города, укрепления были исправлены, начальство поручено генерал-губернатору Стрембергу.

Репнин осаждал и бомбардировал Ригу три месяца. 11 марта возвратился Шереметев.

Войска нашего собралось 24 пехотных полка и 8 конных (в том числе 2100 казаков). Город был окружен, сделаны всюду батареи, в двух верстах ниже города на урочище Гофемберге заложена малая крепость. Шереметев назвал оную *Александр-шницем* (шанцем?) в честь прибывшему Меншикову, который по указу Петра должен был не допустить к Риге шведского флота. Сия крепость пресекала сообщение Риги с Динаминд-шанцем и не допускала флота к городу. Неприятель производил сильную канонаду и частые вылазки. К Динаминд-шанцу подходили шведские корабли. Они были неоднократно отбиты от наших укреплений и наконец ушли и более не показывались.

30 мая шведы, выбитые из предместия, выжгли его раскаленными ядрами. В городе оказался голод, вскоре потом моровая язва; она перешла было и в наше войско, занесенная беглецами, но вскоре пресечена.

Шереметев предложил графу Стрембергу сдачу города на честных условиях, дав ему сутки на размышления. Стремберг просил более времени для совещания с дворянами и гражданами, на что Шереметев и согласился (двое суток до 14-го числа июня), после чего Стремберг требовал пропуска двух курьеров: одного в Швецию, а другого в Динаминд-шанц. Шереметев отвечал бомбами, в 10 дней брошено оных 3389. Стремберг просил 10 дней сроку. Даны ему 48 часов.

Из-под Риги меж тем генерал-поручик Боур отправился для взятия Пернова.

30-го присланные 9 депутатов подали Шереметеву свои условия; им предложили другие, на кои ни депутаты, ни Стремберг не согласились; в особенности они упорствовали в том, чтоб дворянство Петру не присягало. Наконец обе стороны согласились. Гарнизон вышел со всеми воинскими почестями. Духовные и гражданские права подтверждены были во всей силе, также и право магистрата.

Потом редуты с левой стороны Двины и апроши все заровнены. 4 июля Репнин вступил в город с шестью полками, приняв караул и всю артиллерию (567 пушек

etc.). Только 5132 человека вышли из Риги с храбрым *Стрембергом*, в том числе 2905 больных, до 60 000 погибло.

250 офицеров и рядовых были удержаны в силу капитуляции, как лифляндцы из завоеванных городов. Сверх того (как природные лифляндцы) генерал-майор Альфендель, 5 полковников, 12 подполковников, 19 майоров, 65 обер-офицеров, 22 члена магистратских, мещан 610 etc., etc.

12-го июля в лагере нашем происходило обычное торжество, и Шереметев вошел в город торжественно. У Карлусовых ворот магистрат поднес ему золотые ключи города весом в 3 фунта с латинской надписью. В королевском замке встретило его дворянство, магистрат и духовенство. Оттуда Шереметев отправился в кирку, где дворянство и духовенство присягнули Петру, оттоле в ратушу, где присягнули мещане; шведские гербы заменены российскими. Шереметев угощал потом в своем лагере новых подданных своего государя.

30 сентября Петр подтвердил капитуляцию в Петербурге двумя дипломами по ходатайству барона Левенвольда. Шведская *редукция* была уничтожена, и Лифляндия искренне радовалась торжеству россиян. Дворянство поднесло Шереметеву диплом на право гражданства в их земле.

Петр и тут удержал гарнизон рижский вопреки слова, данного его фельдмаршалом. Стремберг отправлен был в Петербург, где Петр принял его с честью, вскоре потом разменен он был на Вейде.

Наш урон, считая умерших от язвы, состоял в 9000.

Стремберг в своей капитуляции выговорил весь рижский архив с библиотекой, письмами и проч. Петр на сей пункт весьма подробное дал решение (см. Голиков. Ч. III—206).

На взятие Риги выбита медаль.

Язва рижская достигла и до Нарвы. Петр повелел взять всевозможные предосторожности, повелев вешать ослушников.

Тогда же Петр из Москвы вытребовал Рейншильда, Пипера и Циделгельма, также митрополита рязанского для свадьбы Анны Иоанновны и приказал новгородскому коменданту Татищеву их пропустить (через заставы и караулы).

Вскоре язва была прекращена.

Петр на работы петербургские потребовал 14 720 человек (с Азовской — 251, с уездов и посадов. *Письмо к Апраксину*), выслав их в Петербург на *вечное житье* (№3: дав им жалования по 12 р. в год, да по 10 на хлеб), поруча их в круглую поруку, чтоб дорогою не разбежались.

8-го августа сдалась крепость и Динаминдская отряженному от Шереметева генерал-майору Буку. Взято 198 пушек, 14 мортир, 14 гаубиц etc., etc.

На взятие оной выбита медаль.

Боур атаковал Пернов 22 июля. 14 августа город сдался, почти не супротивлявшись. Комендант вышел с воинской почестью, с 1000 человек гарнизону, изнуренного язвой и унынием; несчастные вступили в нашу службу (?); 183 пушки, 14 мортир, 4 гаубицы etc. взяты были тут.

Остров Эзель был без супротивления занят майором, отряженным от Боура. В Аренсбурге найдено 70 пушек, мортир etc.

В память того выбиты еще 2 медали.

Пользуясь оценением шведов, Петр осадил Кексгольм и Ревель.

Корела (или Кексгольм) от природы крепка. Государь повелея Брюсу крепость бомбардировать, не учиня приступа.

Брюс перешел Воксу, осадил город, послал коменданту предложения о сдаче и начал город бомбардировать. Через несколько времени гарнизон сдался на условия, подтвержденные Петром, и 8-го сентября вышел без знамен и музыки, и был отпущен.

В крепости найдено 6 старинных русских пушек, 9 шведских, 4 дробовика, 9 фальконетов, 75 чугунных пушек etc.

Ревель, осажденный Боуром, терпел от недостатка пресной воды, от тесноты собравшихся окрестных мызников и крестьян. К нему подоспело помощное войско, но граждане его не приняли, боясь тем продлить бедственную осаду. 29 сентября город сдался на тех же условиях, как и Корела. В городе и в королевской крепости Дум найдено 57 медных пушек, 10 мортир etc., чугунных пушек 174 etc., etc.

Выбиты медали.

Таким образом Лифляндия и Эстляндия очищены от шведов, и на левой стороне восточного моря Карл не имел уже ни одной степени земли (письмо Петра к Курбатову).

Петр при устье речки Черной заложил монастырь во имя Троицы и в честь Александра Невского. Феодосий назначен был архимандритом в оный и в присутствии Петра водрузил крест.

Потом Петр экзерцировал свой флот под главным начальством адмирала Апраксина (16 сентября).

17 сентября Петр поехал морем в Кексгольм.

Петр послал в Ригу тайного советника Левенвольда для учреждения гражданского порядка в Лифляндии, придав ему в помощь Зыбина и еще офицера, знавшего по-немецки и по-латыни. Сам Петр занялся исправлением крепостей и гаваней, вызовом иноземцев на заселение мест, опустошенных язвою, etc. Он составил 15 000-ый корпус лифляндский из природных тамошних дворян.

Штелина анекдот о Катаринентале (Ч. III—222).

Петр, заметя на чухонцах худую обувь, выписал из нижегородской и казанской губерний *лучших лапотников*, дав им один рубль в неделю кормовых денег, для обучения чухонцев плести лапти. Пасторы каждый месяц должны были доносить выборгскому правлению о их успехах. *Штелин, ibid.*

На завоевание Лифляндии и Эстляндии выбиты медали.

Петр предложил Австрии себя в члены империи, яко владельца Лифляндии, старинной вотчины цесарей. Он обещал за то 25 000 вспомогательного войска противу Франции. Австрийский император отговорился тем, что Лифляндия в силу мирных договоров может от России отойти, а что если она за ней останется, то Австрия принуждена будет вмешиваться во все споры и замешательства, могущие впредь произойти касательно княжества. Дело в том, что имперские чины боялись видеть между собою сильного северного царя.

Петр повелел Шереметеву на продовольствие войска денег с Литвы не собирать, а брать хлебом *побольше бочки*, ибо из Лифляндии взять его негде; буде же хлеба не дадут, то ставить у них войско на квартиры, а хлеб брать из Курляндии, *обходя маентности герцога.*

№3. Указ. Порции офицерские — 2 фунта хлеба в день, 2 фунта мяса, кварта пива, гарнец круп (соли гарнец на месяц) etc. каждый по чину.

Петр послал адъютанта Ушакова к Шереметеву, повелев фельдмаршалу слушаться и словесных его повелений.

31 октября совершилось бракосочетание царевны Анны Иоанновны с герцогом Фридриком-Вильгельмом. Торжество происходило в доме князя Меншикова, в первый день стол был царский, а во второй — княжеский. Праздник заключен балом и фейерверком.

Петр на Котлине в заложенном городе и крепости успел построить многие каменные дома, также дворец и гостинный двор (*в Петербурге?*), сам чертя планы и рисунки. Между прочим между Кроншлотом и Кронштадтом над фарватером сделал он план башни наподобие Родосского колосса, под которую подходили бы военные корабли, с подзорной светелкой и фонарем.

Петр с армянами заключил торговое условие. Персидский шелк через их руки шел частью в Турцию, частью через Россию в Голландию. Петр сделал шелк исключительною торговлею русской, и шах сии условия утвердил.

Петр запретил своим подданным продавать шелк иноземцам (кроме как армянам), облегчил сим последним пошлину, а с жемчугов и камней оную уничтожил, и повелев давать им конвой при проезде их в Астрахань или на Терек. В 1716-м году Петр отказал англичанам участие в сей торговле (см. Ч. III—229, примечание).

Султан готовился к войне, еще в мае разорвав мир.

Еще при выступлении Карла из Саксонии Порта послала к нему посольство для заключения с ним союза; потом бендерский сераскир Юсуф-паша писал от имени верховного визиря к воеводе киевскому о том же.

Крымский хан писал Карлу, что 50 000 татар готовы идти ему на помощь.

Победа Петра и дипломатия Толстого сделали все сие тщетным.

После своего поражения Карл отправил послов в Константинополь, и Порта повелела бендерскому сераскиру условиться во всем с шведским королем; несколько пашей получили повеление идти в Бендеры. Верховный визирь Али-паша писал Карлу, что Порта с радостью приемлет предлог начать войну с Россиею.

Карл сыпал деньги, доставляемые ему Мазепой (Вольтер говорит — визирем). Агент его Понятовский сильно за него действовал в Константинополе; нарочно посланный Десальер (Dessaleur) сильно ему помогал. Крымский хан и сераскиры бендерский и силистрийский были доброжелателями шведов.

Петр требовал у Порты уничтожения причины к нарушению мира, на 30 лет постановленного с Мустафою: т. е. отпущения Карла XII, обещая ему свободный пропуск через Польшу, и выдачи изменников etc.

Притом 2000 мешков шведских денег были Толстым выданы верховному визирю, что весьма подкрепило его дипломатические рассуждения. Толстой получил аудиенцию: султан объявил, что он готов подтвердить мир, заключенный братом его; и тогда договориться об отпуске шведского короля.

Карл, извещенный обо всем через Понятовского, в письме своем к султану сильно жаловался на визиря, который, обнадежив его помощью через Каплан-гирея и тем отвлекши его от выгодного мира, теперь оказывается подкупленным доброжелателем русского царя и изменяет Порте, уступая России более, чем она требовала.

Султан передал письмо визирю, а сей настоял на том, чтоб Каплан-гирея низвергнуть и сослать в Яникале.

Между тем Мазепа умер (говорят: приняв яд), а в диване, несмотря на происки Понятовского и Десальера, положено мира с Россией не нарушать, а шведского короля выпроводив до границы польской при 500 конвоя, а тут обще с российским офицером и приличным конвоем и честью проводить до его земель. Во время же проезда не иметь ему с поляками никакого сношения etc., etc. В случае же несогласия на то со стороны Карла, Порты, не заботясь о нем, предоставляет ему полную волю. О чем и Петру сообщено.

Вследствие сего мир был в декабре 1709-го года подтвержден, и к царю отправлена грамота (ч. III—238).

Карл, который вместо *приличного конвоя* надеялся получить вспомогательную армию, опять жаловался султану на визиря. Но сей о том не беспокоился. Он с честью отпустил в Крым нового хана Девлет-гирея, наказывая ему ненарушимо хранить мир с Россиею. Девлет, приехав, жаловался на своего предшественника, потерявшего 30 000 татар в безумном походе противу черкас (когда?),

и Мазепу погубил, обещая имепем султана ему вольность и вспоможение.

Султан потребовал объяснения от визиря, который во всем заперся. Султан послал к низложенному хапу тайно его допросить. Сей сложил всю вину на верховного визиря. Вследствие чего Али-паша был низвержен, а на место его возведен Кюпрюли-Оглы Нууман-паша.

Говорят, что было перехвачено письмо визиря к царю, в коем благодарил он его за 2000 мешков. Шведский король доставил оное султану. Визирю отсекли голову (?).

Новый визирь послал Карлу 800 мешков левков, и положено дать ему под видом конвоя 40 000 войска татарского и турецкого.

Ободренный успехом Карл продолжал стращать султана честолюбивыми замыслами Петра. Он представил, что, низвергнув Швецию, царь не замедлит завладеть Крымом и откроет путь себе к Константинополю. В доказательство представлял он выбитую в Амстердаме медаль с надписью: *Petrus I Russo-Graecorum Monarcha*¹, умножаемый непрестанно флот и гавань Таганрожская etc.

Призванный наш министр объявил, что флот отнюдь не умножается, а доделываются только корабли, стоявшие на штапеле до заключения мира, и то для предохранения от гнилости, все прочее назвал он клеветою завистников и уверял, что Россия не иначе как по принуждению самой Порты объявит ей войну.

Визирь противился войне; он был отставлен и послан пашою на Эвбейский остров. Балтаджа-Магомет-паша избран на его место, и шведскому королю посланы еще 500 мешков левков.

Карл именем Лещинского и всей Речи обещал уступить Порте несколько польских провинций и крепость Каменец, и 4 миллиона годовой дани. Порта стала приготовляться к войне.

Карл торжествовал. Он не прежде соглашался принять 40 000-ый конвой, как по началу войны России с Турцией, тогда думал он вступить в Польшу, соединиться с корпусом Красова и с партией Лещинского.

По тайному дозволению Порты крымские татары начали заирать Россию к войне. Они вторгнулись в Мало-

---

¹ Петр I — Греко-Российский монарх (лат.).

россию и дошли до Изюма, грабя и разоряя всё; другие напали со стороны Польши, соединясь с изменниками казаками и поляками. К зиме воротились они в Перекоп с добычей и 12 000 пленных.

Под Белой Церковью встретили они отпор; в ней было 500 русского гарнизона, кн. Голицын подоспел и прогнал их, побив до 5000.

17 июля Петр, желая мира, отправил к султану грамоту, коей жаловался на нарушения мирных условий, на своеволие татар, на покровительство, оказываемое изменникам, на признание вора Орлика малороссийским гетманом etc., etc.

Посланный с грамотою был схвачен на границе и ввержен в подземельную тюрьму, где и содержался он до Прутского мира.

Петр вторично грамотою требовал удовлетворительного ответа (18 октября), но второй посланный имел участь первого.

22 декабря получил Петр тайное из Цареграда известие (от Толстого) о разрыве мира. А вскоре потом через иностранные дворы уведомлен он, что Толстой *ограблен* и отведен в Семибашенный замок.

Петр повелел Шереметеву приготовить на Припяти мосты и послать к волошским границам для зауготовления провианта и фуража. В Ригу определить комендантом бригадира Чирикова etc., etc. и самому следовать к волошским границам.

Министру своему при польском дворе, коему было предписано взыскать со Гданска 300 000 ефимков за прекращение торгов со Швецией, велел Петр оставить на время требование, войска на краковские квартиры не ставить, а, приближась к границе, стать у Каменца-Подольска на кантонир-квартирах, куда свозить фураж и провиант. Предписал короля шведского с турецким конвоєм в Польшу не впускать etc. и наблюдать за Польшею etc.

Петр велел тогда судить фельдмаршала-лейтенанта Гольца за то, что он не поехал в Москву и что не выдал он шведского секретаря Книнштера, посланного из Бендер к Стокгольмскому сенату.

Он был осужден (вероятно, на смертную казнь), но Петр простил его, отпустил из своей службы.

В Лифляндии учреждена была комиссия. Наказ, Левенвольду данный (11 пунктов) (см. ч. III—269).

О Ижорской канцелярии, о ведомости доходам, городовым окладам etc.

О табели полкам гарнизонным, сколько где.

О высылке доходов в определенные места, т. е. в приказы Воишский, Адмиралтейский, в Посольский и в артиллерию.

О переписке крестьянских дворов (кроме черкас).

О 15 рублей пени с тех, у коих укрываются солдаты от службы.

О взятии с 80 (?) дворов по 25 коп., со служилых с 300 по 7 к., с неслужилых с 100 дворов — по 20 к.

О сыске беглых и недорослей, укрывающихся от службы.

О взятии 1200 матросов от 15 до 20 лет — в Петербург.

О высылке в Петербург 3000 работников: с 35 дворов по человеку и с 34 дворов и менее по два алтына с двора.

О расписании в губерниях по 5536 дворов на равные доли.

О правеже доимок по 1707 г.

Etc., etc.

Большею частью о сборах, о переписи книг, о новом порядке губернском.

1 января Петр обедал у князя Меншикова; вечером, при фейерверке, освещены два щита, на одном изображена звезда с надписью: «*Господи, покажи нам пути твоя*», т. е. господи, покажи нам дорогу в Турцию, на другом — столб с ключом и шпагой, с надписью: «*Иде же правда, там и помощь божия*». Однако бог помог не нам.

1-го января послано повеление Голицыну идти к волошским границам etc., в другом письме более всего предписывает турок не впускать в Каменец, учить солдат огню, а *палашам покой дать*, ибо турки не шведы: противу них действовать пехотою и рогатками. Петр почувствовал уже румянцовскую стратегию.

Румянцов действовал пехотой и карреями и уничтожил *рогатки*. Чему первый пример дан Шуленбургом.

К Шереметеву Петр отправил капитан-поручика Пысковского с следующим наказом:

1) Шереметеву тотчас отправить пехотные полки и полевую артиллерию; и самому ехать *до конного войска*.

2) Генералов торопить, куда кому велено.

3) Дивизиям идти, умножаясь рекрутами, и для того определить, где кому останавливаться.

4) Генералам идти к генерал-лейтенанту князю Голицыну; войскам поляков не обижать.

5) Телеги запрягать в две, три и четыре лошади, а не об одной. Ножи, рогатки etc. везти за полками. Князю Голицыну повелено от татар и запорожцев остерегаться и князю Михаилу Ромодановскому стать в Путивле с городовыми дворянами.

9 января (?) умер герцог курляндский в 40 верстах от Петербурга. Тело отвезено было в Курляндию, и Меншикову повелено ввести в оную войско для отвращения замешательств.

Перед отъездом из Петербурга Петр чрез Долгорукого (министра в Польше) обнародовал манифест в пользу поляков, находящихся в чужих краях, обещая прощение и забвение всем и всему.

Тогда же учреждена в Петербурге оружейная канцелярия (потом переведена в Тулу), также канцелярия главной артиллерии и фортификации и литейный двор (на артиллерию дал до 300 000 в год). Повелел углубить берега речки Мойки и вычистить ее, соединить Мойку с Нвоею (у Летнего и Старого дворца), построить новый дворец и завести типографию. Главным над всем завоеванным севером оставил он Меншикова и 17 января поехал в Москву. В феврале Петр повелел Шереметеву в Азов и к Апраксину отправить генерал-майора Келина; а *извозчиков* поверстать в солдаты, а в денщики и на их место в обозы дать новых рекрут.

Король датский представил Австрии и ее союзникам, чтоб они для безопасности общей взяли корпус Красова в свою службу или бы из Померании распустили, в противном же случае союзники северные войдут вооруженные в Померанию. Петр 15 февраля писал всем своим министрам о том же, а бригадиру Яковлеву повелел идти в Померанию, Долгорукому предписывал он, взяв у Яковлева пехоту, нужную противу Турции, дать ему драгунов, на Днестре же заготовить лодки. 22-го февраля Петр писал ему же, что татары начинают появляться, и советовал генералам войти в Яссы, *о чем тамошние бедные христиане зело просят*, в тот же день обнародован манифест о войне. 25 февраля было в Успенском соборе молебствие всенародное. Перед собором стояла гвардия с новыми красными (вместо прежних белых) знаменами с подписью: *«За имя Иисус Христа и христианство»*, а сверху крест в сиянии и подпись: *«Сим знаменем победиши»*. Знамена были тут же освящены, и полки выступили в поход к фельдмаршалу Шереметеву.

22-го же числа Петр (по предначертанию Лейбница) учредил Правительствующий сенат; первыми сенаторами пожалованы: граф Мусин-Пушкин, Тихон Стрешнев, князь Петр Голицын, князь Михаил Долгоруков, Григо-

рий Племянников, князь Григорий Волконский, Михаил Самарин и Василий Апухтин (8 человек).

2 марта сенаторы присягнули в Успенском соборе при рязанском митрополите *Стефане* (?). Сенаторы подписали присягу и приняли поздравления царя. В тот же <день> обнародован указ, коим повелено как духовным, так и мирским, военного и земского управления чинам повиноваться сенату, как царю самому etc., etc.

Того числа дано и сенату повеление:

- 1) Суд иметь нелицемерный etc.
- 2) Смотреть за расходами государственными; напрасные оставить.
- 3) Деньги копить, *понеже суть артиллерия войны*¹.
- 4) Дворян молодых собирать для запаса в офицеры, также тысячу человек боярских людей (см. примечание Голикова, ч. III—314).
- 5) Вексели исправить и держать в одном месте.
- 6) О осмотре товаров.
- 7) О откупе соли.
- 8) О откупе китайского торгу.
- 9) О персидском торге, об армянах etc.
- 10) О учреждении *фискалов* во всяких делах.

Также:

- 1) позволить *всякому чину торговать*, только с такой же пошлиною,
- 2) сделать опись отданных выморочных деревень,
- 3) объявить: кто сыщет скрывающегося от службы, или о таковом возвестит, тому отдать все деревни того, кто ухоронивался. № №.

5-го марта. Указ.

- 1) Всем сенаторам места иметь по списку, кто после кого написан.
- 2) Голоса иметь равные, определения подписывать всем; в определениях и приговорах быть единогласию. Один голос останавливает решение. Протестующий письменно объявляет свое мнение.
- 3) Избрать обер-фискала (обер-прокурора), а сему иметь под собою провинциал-фискалов у каждого *дела*

---

¹ В собственноручном повелении Петра сенату и в «Полном собрании законов», 1830, т. IV, с. 635 — «*понеже деньги суть артилерией войны*».

по одному. Все имеют права, равные обер-фискалу, кроме того что не могут в суд позвать *вышнего судью или генерал-штаба*.

Петр повелел, дополняя рекрутами лифляндский корпус, вести оный к турецкой границе.

Апраксину ехать в Азов и действовать с казаками и калмыками водой и сухим путем.

Генерал-майору Бутурлину с гетманом идти к Каменному Затону с 8 полками, надзирать и обороняться.

Получа известие, что хан с одной стороны, а Орлик с Белогорской ордою с другой (на Немиров) учинили набег, Петр писал Долгорукому, к Янусу и к князю Голицыну, повелевая отбить их, но не отдаляться, дабы в апреле около Каменца опять могли соединиться с главной армией (Долгорукому 2 марта).

Тогда явился к Петру некто Савва Владиславлевич, родом рагузинец; он был в Константинополе агентом Толстого; Петр принял его милостиво; Рагузинский (так он стал называться) советовал сослаться с черногорцами и прочими славянскими племенами; Петр и отправил им грамоту, приглашая их на оттоманов.

Кубанские татары прогнаны с их ханом.

Петр поручил царевичу верховное надзирание над государственным правлением, 6-го марта объявил всепородно о браке своем с Екатериной Алексеевной и в тот же день с нею отправился в Польшу по почте.

Он взял с собою Феофана Прокоповича, любя его разговор.

Из Смоленска Петр повелел сенату отлучившегося без указа генерал-майора Айгустова, сыскав, отправить к нему под караулом.

В Слуцке, куда прибыл 13-го марта, Петр оставался до 18-го по причине бездорожницы. Там находился тогда Шереметев. Петр послал его на реку Припять, повелев на лед положить *гаги*, чтоб он мог долее держаться, а войску переправиться. Здесь между прочим повелел он Посольскому приказу к будущему году из французских, английских и, *буде возможно*, венецианских прав <перевести> законы о первенстве детей и о наследстве (*от 14 марта*).

18-го Петр переправился через Припять за три часа до взломания льда и, поруча Шереметеву переправу войска, отправился дале.

В Луцк прибыл он 27 марта и 28 занемог скорбучикою с сильными пароксизмами (чего?). Но меж тем, узнав, что гвардия не тем путем идет, где остановлен Шереметев, звал его к себе для советов и приказал распустить польские подводы, *дабы им не досадить*. Голицыну приказывает отразить татар с воеводою киевским¹, вторгнувшихся в Россию, а за рекою Бугом близ Брацлава строить магазины и готовить волов; генерала Януса звал к себе для совета. Генералу Алларту повелел из Свинска быть в Дубне и к Острогу; таковые же указы посланы кн. Репнину и Вейду.

Апраксину писал Петр о кораблестроении.

В сенат о высылке 5000 нового войска в Воронеж, о сборе доходов к будущему сентябрю.

Меншикову о заводе ружей etc.

В Луцке Петр принял посла князя Димитрия Кантемира, врача-грека, по имени Поликола. Петр принял господаря в свое подданство и послал к нему диплом (17 статей).

13-го апреля, после воинского совета, Петр дал генералам свои повеления: 1) Шереметеву к 15 мая стать от Бреславля к Днепру, 2) чтоб провианту было на месяц при армии, а приготовить на три месяца etc., etc., 3) роток иметь полков на пять, каждому солдату сделать *на ножи* футляры (см. примечание, ч. III — 323) etc., etc.

В тот же день Петр отправился в путь и 16 апреля прибыл в Яворово.

17-го явились к нему Константин Собиеский и князь Рагоци, тогда же получил он от кн. Голицына известие, что воевода киевский разбит, что 5000 убито, а 10 000 взятых в плен отбил. (Русских изменников было 7000.)

В Яворове Петр пробыл до 1 июня, в ожидании Августа II. Отселе писал он Шереметеву, ускоряя его поход к Дунаю для предупреждения турков, и о заготовлении провианту. Он послал к нему подполковника гвардии князя Долгорукого с следующим наказом:

1) Как господари *мулянский* и *волошский* обещали не только не пойти к Бендерам (как то им от Порты приказано), но при появлении в их землях нашего войска тотчас с ним соединиться, на что глядя и сербы и

---

¹ Воеводство Киевское — в то время название одного из польских воеводств.

болгары и прочие славянские племена готовы взбунтоваться (в чем они уже и обещались): то ускорить походом, к Дунаю, и дать счастливую баталию, не то *малодушные* и против нас будут туркам служить. Петр, описывая, как Кантемир пришел в подданство, уверяет, что и валахский господарь скоро то же сделает. «Для того Шереметеву с корпусом Голицына и частию Янусовой дивизии и с полками Ингерманландским и Астраханским и с достаточным провиантом *туда* идти, взяв для совета надворного советника Рагузинского».

2) Князю Долгорукому (посланному к Шереметеву) послать для наведения моста на Днестре и, перейдя, тотчас послать к господарю, чтоб он соединился, то же и валахскому господарю и к *Кантакузиным*; а Шереметеву идти к Дунаю, пока турки не переправились, и стараться по возможности мостом их овладеть и разломить оный, не допуская их к переправе, пока все войско наше не подоспеет; все делать с совету генералов и в тайных советах с Долгоруким и Рагузинским.

3) Буде же турки со всею армией перешли, то стать за Днестром и стараться привлечь болгар, молдаван etc.

4) По входе в Валахию (Молдавию) сделать магазейн при помощи господаря. С жителями обращаться *приятельски* и, несмотря на лицо, казнить русских обидчиков *для прикладу*.

5) В Буджацкую и Белогородскую орду разослать татарские универсалы, обнадеживая милостию, в случае покорности, и разорением, в случае супротивления, меж тем получать с них провианту безденежно и строить магазейн.

Турки были в ужасе: выступая в поход, Махометово знамя было вихрем разорвано, а древко переломилось.

20 мая Петр поехал в польский Ярославль, куда 22-го прибыл и Август с кур-принцем. Здесь положено: 1) Августу идти в Померанию для атаки Стральзунда, 2) в силу оборонительного союза, заключенного при Собиеском, часть польского войска присовокупить к нашему.

19 мая пред сим полномощные поверенные от Речи Посполитой представили Петру следующие требования, надеясь на критическое положение царя.

I) Отдача Эльбпнга.

II) Отдача Украины Польской и Белой Церкви.

III) Отдача Риги и всей Лифляндии.

IV) Отдача пушек польских и литовских крепостей.

V) Контрибуций и провианту войску русскому в Польше не брать etc.

VI) Сполна заплатить обещанные миллионы как коренным, так и литовским войскам.

VII) Наказания учинить русским начальникам за вынужденные контрибуции etc.

VIII) Вознаграждения разоренным вельможам, освобождение некоторых пленных (ксендза Жебокрицкого) etc., etc.

IX) О полномочных, о раздаче будущих завоеваний над Турцией etc.

Быть тако, коль скоро не будет опасности Польше из Померании.

Первая отдается, Белая Церковь удерживается до окончания Турецкой войны, коли не будет опасности, то отдается и теперь.

О сем подробно послу Воловичу ответить: до окончания войны невозможно: осадить и одной сей крепости нет (у поляков?) довольно войск, хать по договору с Дзялипским должно бы 28 000 иметь в поле.

Согласен.

Контрибуций не берут, а без хлеба войску быть нельзя. Вывести же его, и по мнению самих гг. сенаторов, невозможно.

Выписка из договоров; 50 тысяч дадут войску по его выступлении, 50 000 придется в Польшу.

Учинено.

О Вишневецком стыдно и говорить (как о неприятеле etc.), в прочее царь не вмешивается, как не в свое дело (а Августово).

Полномочные назначены. Делено будет все поровну.

Статьи подписаны рукою Петра. В Ярославле объявлена война трубным гласом и назначен в начальники польскому войску литовский великий гетман Поцей. 30 мая Петр простился с Августом и прибыл в ту же ночь в Яворово.

Петр меж тем писал в сенат о 12 подьячих, нужных Шереметеву, о аптеке военной, о отправлении рекрут, о отпуске соболей из Сибирского в Посольский приказ etc.

Из Яворова Петр писал в Воронеж к Апраксину с разными поручениями: о кораблях, о арестовании плута Шидловского (генерал-майора), о разведении около Азсва

и Астрахани венгерского винограда etc. (В Астрахани был губернатором брат Апраксина.)

Ушакова послал он к генералу Бутурлину и к гетману, дабы их понуждать и доносить об них etc.

ПРУТСКАЯ КАМПАНИЯ

Шереметев с конницею под Рашковым беспрепятственно переправился через Днестр в виду татарского отряда и прибыл к Яссам, куда отрядил бригадира Кропотова для принятия господаря. Кантемир и Шереметев сидели на берегу Прута, где и учинил присягу со своими боярами. Он уведомил фельдмаршала, что 40 000 турок уже перешли Дунай и непрестанно переправляются.

1 июня Петр с Екатериною из Яворова поехали к молдавским границам через Львов и Злочево, до Брацлава (или Брацлавля) (*Анекдот о 29 000 рублей с комиссаром Шишковым. Ч. III — 340*). С дороги повелевал он Шереметеву непременно предупредить турков. Петр писал в сенат: пропущение времени, подобно смерти, — невозвратно. Он повелевает за взятие *Сергеевского для потехи* послать жалование бригадиру Осипову etc.

Царь предписывает сенату через Пипера и Реншильда вытребовать тело царевича имеретинского для препровождения к отцу (*дабы его бедную старость потешить*), приводя в пример, что принца виртенбергского тело с честью отпущено его матери.

9-го июня Петр из села Шпиков хотел было отпустить царицу в Польшу с ее дамами; но Екатерина упросила его остаться при нем.

12 июня прибыл Петр со своею гвардиею к Днестру и соединился с пехотными дивизиями Вейда, Алларта и князя Репнина. Армия стала переправляться по мостам. Отселе Петр писал Августу: *«Надеюсь, что у вашего величества кампания как морем, так и сухим путем уже началась»* etc. К Шереметеву написал он строгий выговор: *«Вы могли, — говорит Петр, — из Брецлава идти 16-го мая и к 20-му быть у Дуная, а вы пришли 30 (на Яссы, криво). Вы предупредили бы турков, ибо от Днестра до Дуная 10 или 13 дней ходу. Провианту нет; у Алларта пять дней как ни хлеба, ни мяса. Мы пришли к Днестру, где вся пехота стоит — мост будет готов дня через три; а меж тем перевозятся, ...когда до вас дойдем,*

будет ли что солдатам есть?.. а у нас ни провианта, ни скота...» etc.

Шереметев отвечал, что он шел не указным путем, потому что турки могли Молдавию разорить и вооружить противу нас; что прямым путем в степи нет воды и питать войска негде и нечем, что турки пришли на Дунай третьего числа (июня) и предупредить их было нельзя, что Кантемир весьма не советовал идти к Дунаю только с 15 000 противу около 70 000 татар и турок (Кантемир врал), что татары буджацкие всю скотину отправили к морю, что он поступал с совета всего генералитета. О провианте: что хлеба в *Валахии* совсем нет и земля разорена, что господарь *обязался* поставить 10 000 волов за деньги, да турецкой скотины до 4000, овец от 15 до 20 000, что сею скотиною можно 30 000 прокормить один месяц.

Хлеба советовал он достать оружием около Дуная и Буджака. (Письма Шереметева от 8, 16 и 18 июня.)

17 июня Петр переправился через Днестр близ *Сороки* на границах польской и молдавской; пока пекли хлеба, Петр писал сенату: об осмотре *впредь* рекрут губерпаторам; выслать *кожаную лодку* и ее мастера по почте.

Петр повелел больных оставить в нарочном укреплении и генерал-майора Гешева с 4 драгунскими полками оставить позади их в Польше.

Валахский господарь Бранкован (имевший сношения с царем прежде Кантемира, произведенного господарем в апреле сего года) обнадеживал Петра продовольствием (Миллер, «История Шереметева»), но впоследствии Бранкован уклонился от исполнения своего обещания.

Петр наконец послал в Валахию 3000 драгун с повелением требовать исполнения обещаний, в противном случае брать провиант насильно и безденежно. Шереметев с ними отрядил генерал-майора Волконского.

Петр отправился в Яссы, где находился и Шереметев. Кантемир встретил Петра за городом; тут находился и посланец Бранкована; Кастриот донес, что визирь приказывал патриарху *иерусалимскому* (?) проведать через Бранкована, нет ли у Петра желанья к миру; и буде есть, то Бранкован уполномочен от султана трактовать об оном.

Петр потом собрал совет; положено войску стать у Ясс, а запасаться провиантом (из Польши от генерала Гешева etc.).

Мултянский бояр Лупулл (Луппо?) послан был в Буджак для закупки провианта, будто бы от имееи султана. Но он сложил его (по тайному повелению Бранкована) в монастыре *Флорести*, будто бы за неимением подвод. Кастриот предлагал ежедневно услуги Бранкована, но описывал опасения его от визиря, уже близкого, и хана, тут находящегося. Между тем Бранкован был шпионом турецким, он звал визиря, ручаясь за победу, вывел в поле свое войско и дал знать Петру, что он не прежде может доставить ему провиант, как когда вся русская армия, или большая часть оной, приблизится к его княжеству.

Кантемир звал Петра к Дунаю, представляя, что за рекою Сыретью находятся магазины и провиант, собранный турками около Браилова (сие показывали Кастриот, Фома Кантакузин, вступивший в нашу службу генерал-майором, и духовная особа).

Петр повелел всему войску идти по правую сторону Прута (дабы река отделяла нас от турок) до урочища *Фальцы* и отголе *через леса командовать*. Для забрания показанного провианта отряжен Рен с Фомой Кантакузиным. Петр последовал за армией.

1 июля Рен пошел с восемью драгунскими полками (в числе 5056 человек) и с баталионом Ингерманландским, да с 5000 молдаван.

Генерал-майор Гешев (или Ешхов), за разлитием Днестра и Прута от дождей, не мог переправить 600 готовых возов (письмо его к гр. Головкину от 16 июля). Обоз с хлебом (?) отбит был татарами. В Буджаке *тайно* купленный скот был остановлен Бранкованом. Наконец измена его открыта уже 7 июля через перехваченное письмо его к Кастриоту.

Петр меж тем писал в сенат о получении соболей, о справке, чего стоит пуд соли на соляных заводах, о частных просьбах etc., etc.

Армия шла, но вечером 7-го июля от Януса, бывшего с конницей в двух милях впереди, вдруг доносят, что неприятель через Прут уже перешел. Петр повелел ему отступить, по известие было ложное, турки еще тогда не переправились. Янус мог их предупредить. Малодушие его доставило туркам безопасную переправу. Они атаковали Януса; Петр сам подоспел и неприятеля отогнал.

Таким образом турки не допустили нас занять Фальцы и отрезали Рена от русской армии: вся их армия перешла Прут. Петр хотел идти вправо от Сырети; но великие безводные горы и бескормица, от которой падали лошади, трава, съеденная саранчю, и оставшие дивизии Репнина и Вейде воспрепятствовали сему плану.

В совете положено отступить для соединения всей армии, а потом дать сражение. Вечером выступил обоз, потом и полки и в ту же ночь соединились с помянутыми дивизиями (8-го июля).

9-го утром напали на наш арриергард (Преображенский полк), но безуспешно. Войско все двинулось, турки, час от часу умножаясь, следовали за ним (*beau trait de bravoure et d'humanité de Шереметев*¹. Ч. III—358).

Нестерпимый зной и непрестанные нападения неприятеля утомили войско, особенно Преображенский полк, составлявший наш арриергард. Должно было остановиться у Прута, поддавшиеся волохи теснились в обозе, малороссийские казаки умножали помешательство. Между тем татарское и турецкое войско час от часу умножалось и со всех сторон окружило нашу малочисленную армию. Между ими находились шведы, бывшие в Бендерах при Карле XII, поляки и казаки, остаток шведской армии. Шпар и Понятовский, услыша, что турецкий предводитель Мехмет-паша намерен напасть на русских, умоляли его того не делать, а окружа русских, только тревожить их непрестанно при переправах и пресекать подвезы; таким образом голодная и утомленная армия без бою попадетя ему в руки. Визирь не послушался и ... июля со 100 000 пехоты и с 120 000 конницы (кроме татарской) часа за три до захода солнца напал на нашу армию *клином* — на дивизию Алларта; первая их пехотная ширинга в 300 или 400, а в длину близ мили. Конница, рассыпанная кругом, нападала отовсюду; но издали и с одним криком. Пехота, хотя и не стройная, но жестоко билась, и если бы атака ведена была во весь фронт, а не в одно место (которое мы могли укреплять свежими людьми и защищать восемью пушками и другими и двойными зарядами — картечью и ядрами), то все было бы кончено. Но турки были отбиты, потеряв до 7000 войска. Преследо-

---

¹ прекрасная черта храбрости и человеколюбия Шереметева (*франц.*).

вать мы их не могли: обоз не был окопан, и конница их могла ворваться и уничтожить последний наш провиант. Всего нас было 31554 пехоты да 6692 конницы, и то почти бесконной.

Турки ночью, там, где был приступ, сделали укрепление, апроши и батареи. За Прутом были также батареи и множество людей (татар?), которые мешали нашим запасаться водою. Русские имели одни рогатки, и то не кругом всего войска.

10-го визирь повелел опять атаку; но янычары не послушались, и только из батарей стреляли по нас без великого вреда.

В сей крайности Шереметев послал унтер-офицера Шепелева к визирю с предложениями о мире и в воинском совете положил, что ежели визирь на мир не согласится и будет требовать, чтоб мы сдались, то *идти в отвод против реки*, т. е. отступая пробиваться. Все генералы, сам фельдмаршал и канцлер граф Головкин под сим и подписались.

Петр повелел телеги в обозе сдвинуть и окопать, дабы идти противу турок, оставя обоз под достаточным прикрытием.

Турецкая стрельба усиливалась. (*Журнал его величества.*)

По другим известиям: Петр призвал к себе генералов, повелел им на другой день атаковать неприятеля, а сам ушел в свой шатер, повелев часовым никого не впускать.

Тогда Екатерина собрала совет и предложила трактовать о мире. — Она вошла в его шатер etc. Тогда послан унтер-офицер Шепелев, а царица отослала (тайно от Петра) деньги и алмазы в подарок визирю и *Калге*, его заместнику (все это вздор etc.)¹.

Визирь мешкал; Петр послал ему сказать, чтоб дал он скорее ответ: ибо ждть более некогда. Турок медлил; тогда Петр вывел свои полки, но едва они двинулись, как визирь прислал сказать, чтоб войско не трогалось и что он приемлет мир. Войско остановилось, и к визирю отправился Шафиров.

Ему было предписано согласиться на отдачу туркам всего нами завоеванного по Дону и Днепру; шведам же

---

¹ В действительности решение просить о перемирии было принято Петром самостоятельно после совещания с генералами.

все, кроме одной Ингрии, за которую, в случае крайности, уступать хотя Псков или другую провинцию; но визирь желал сам мира; войско нестройное и непослушное устрашало его, а 7000 убитых янычаров доказывали преимущество правильного оружия. Требования были не тягостны. Он заключил мир на следующих условиях:

1) Азов возвратить туркам в том виде, в каком мы его получили.

2) Разорить построенные на завоеванных землях крепости, уничтожить Таганрожскую гавань.

3) Шведскому королю позволить свободный проезд в Швецию и его тотчас с конвоем отпустить.

4) Вывести из Польши русское войско и не вмешиваться нам в польские дела.

5) Порте предоставлено право защищать изменников запорожцев и казаков (булавицев).

Условия подписаны. Визирь, с одной стороны, с другой — подканцлер барон Петр Павлович Шафиров и генерал-майор Михаил Борисович Шереметев. Визирь требовал, чтоб тут же подписался и сын Шереметева и чтоб он с Шафировым оставался в заложниках в турецком лагере до исполнения трактата. Петру было это тяжело, так же, как и последняя статья договора (Голиков), но припужден был согласиться.

13 июля (во время переговоров) Петр писал Шафирову в ответ на требования визиря, чтобы пропустить шведского короля через Россию и тотчас с ним учинить мир. Петр на первое соглашался охотно, вызываясь поставить 500 подвод; он не прочь был и от мира, но не мог оный заключить без согласия союзников своих etc.

Понятовский, не умевший сделать ничего, дал знать обо всем Карлу в Бендеры. Карл прискакал *о дву конь*, когда трактат был уже разменен. Понятовский, встретив его за лагерем, объявил ему, что он потерял случай, которого уже не найдет. В самом деле отсутствие Карла непозитно.

Визирь встретил его за лагерем как будто нечаянно. Карл грозно выговаривал ему, как смел он без его ведома кончить войну, начатую за него; турок отвечал, что войну вел он и кончил для пользы султана. Карл требовал от него войска, обещая русских разбить и теперь. Визирь отвечал: «Ты уже их испытал, и мы их знаем. Коли хочешь, нападай на них со своими людьми, а мы заключен-

ного мира не нарушим». Карл разорвал шпорою платье хладнокровного турки, лоскакал к крымскому хану, а оттуда в Бендеры.

По заключении мира русская армия вышла из укреплений своих с барабанным боем и распущенными знаменами и пошла по берегу Прута к Днестру.

Петр утешил письмом господж Шафировых, извещая их о пребывании виц-канцлера с Шереметевым в турецком лагере, а к ним отправил священника с дароносицею и сосудами и с книгами священнослужения.

Султан торжествовал мир и наградил визиря (так ли?).

Штелин уверяет, что славное письмо в сенат хранится в кабинете его величества при императорском дворце. Но, к сожалению, анекдот, кажется, выдуман и чуть ли не им самим. По крайней мере письмо не отыскано¹.

Визирь требовал выдачи Кантемира; Петр не соглашался, говоря: «лучше уступлю свои земли до Курска. Буду иметь надежду возвратить, но отступиться от своего слова значит перестать быть государем» etc., etc.

У турков было:	конницы	120 000
	пехоты	100 000
	татар	50 000
	пушек больших и полевых	444
	мортир	25

У нас было:	конницы	6 692
	пехоты	31 554

(Всего по журналу² 38 246; а по манифесту — 22 000. Пушек 28,-mortир 23, гаубиц 2, да при полках 3-фунтовых пушек 69.)

---

¹ О «славном письме» Петра сенату с берегов Прута см. в т. 7 «О русской истории XVIII века» и прим. к этому тексту, с. 162 и 339. Тогда Пушкин не подвергал сомнению подлинность письма. В 1835 г. Пушкин-историк склонен был считать это письмо историческим вымыслом. Мнения историков о подлинности письма расходятся.

² То есть по «Журналу Петра Великого».

У нас убито: генерал-майор Видман, штаб- и обер-офицеров 44, унтер-офицеров и рядовых 707. Взято в плен и пропало офицеров 3, унтер-офицеров и рядовых 729.

Ранены: генерал Алларт, генерал-майор Волконский, офицеров и рядовых 1203.

Между тем Рен взял Браилов. Паша вывел гарнизон безоруженный. Войска у Рена было 7000, убито 100, ранено 300.

Турок убито 800.

Петр пожаловал ему Андреевскую ленту.

Перемирие (штильштанд) учинено 10 июля. Сражение было 8-го.

От Прута Петр пошел до Жидавца (польское местечко).

Петр не очень скорбел о неудаче (см. письма его в сенат и к Апраксину. Голиков. Ч. III—383—384).

Предание гласит, что Петр на одре смерти жалел о двух вещах: что не отмстил Турции за Прутскую неудачу, а Хиве за убийство Бековича.

Петр вскоре после повелел Апраксину Азова не отдавать, а Таганрог не разорять, пока турки не выплюют короля. Петр думал, что турки, настаивая на том, чтоб Карла через Польшу проводить с 50 000 турок и столько же татар, желали, чтоб он продолжал там войну с Россией, возмутил опять Польшу, чтоб им оставаться в покое, и для того не выводил еще своего войска.

Петр приказывает в Азове разорить один полигон, прочего не трогать. Корабли в Азове и в Таганроге сжечь, кроме трех, о коих просил, etc.

Прибыв к Днестру, Петр наградил Кантемира и его свиту деревнями и деньгами и оттуда писал сенату о кораблестроении, которое из Воронежа переносилось к пристани Нерльской и Дубенской, где поручик Леонтиев строил суда.

Петр 28-го июля из лагеря писал ко всем своим министрам, а польскому, объявляя о том, что, хотя и невыгодным миром, но от Турции он совсем освобожден, повелевал торопить короля, чтоб он хотя один важный замок в сем году взял; обещаясь скоро прибыть с пехотой и проч.

В сенат писал о сборе педоимок, о новых кораблях для будущей кампании, о 8000 недоставленных рекрут (за что грозит губернаторам) etc., etc.

Здесь же (на Днестре) Петр учредил комиссарство. Для управления всего войска учредить обер-кригс-комиссара¹, придав ему трех или четырех кригс-комиссаров в канцелярии, и быть им всегда при главном войске. Должность их: 1) ведать жалование, смотреть за губернаторскими комиссарами в даче и вычете денег, 2) расписывать мушкетер, оружия, рекрут, лошадей, порции и рационы, 3) счет за офицерами держать, 4) быть им в команде государя и их генерал-кригс-комиссара, 5) имеют они власть считать генерал-фельдмаршалов и генералов, 6) военным обер- и рядовым *фискалам* (шпионам?) быть у них в команде (*указ 31 июля*).

Генерал-кригс-комиссаром был князь Яков Федорович Долгорукий. Шафирову Петр повелел выбрать обер-фискала и в каждом полку учинить по фискалу.

Велено армию к декабрю укомплектовать.

Также предписывает Шафирову иметь осторожность во время проезда шведского короля; Белую Церковь и Немиров повелевает разорить, казаков бунтовавших вывезть из Полонного гарнизона, ближе к Москве. И города и места, написанные в вечном мире с Польшею, сжечь и разорить.

Петр отказал прибавить жалования генерал-майору Бушу и генерал-поручику Остену (300 р. на месяц), жены их потеряли свой убор etc.

5 августа Петр с Екатериною отправился от Днестра в Карлсбад.

Перед отъездом повелел он Шереметеву стать в польских городах Полонном, Дубне, в Остроге и в окрестных местах. И если Карл пойдет в Польшу, то послать к Пруссии отряд, определенный в Смоленск, дабы, следуя по Бугу, смотрел за королем и за поляками. В случае задора или мешкания, Петр повелевал *не спускать* и двинуться в Польшу.

Но Карл не думал из Турции выезжать. Он в Бендерах строил дома для зимовья. С ним было 130 офицеров,

---

¹ Генерал-кригс-комиссар заседал в сенате. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

530 драгунов, 60 драбантов с 2000 запорожцев, да еще до 2000 конницы, с киевским воеводою Потоцким.

6-го августа Петр, захав в Камеиец, двое суток оставался там, осматривая крепость. Отселе писал адъютанту Ушакову и кн. Михаилу Ромодановскому, повелевая им осмотреть (*тайно*), кто из царедворцев в какую службу годен, и сделать им список. Шереметеву повелевает записать в службу лифляндского майора Кампенгаузена: «*Детина добр; языки знает польский и русский*».

8-го числа Петр прибыл в местечко *Злочев*, где ожидал уже его Преображенский батальон, коему Петр и велел следовать за собою. К морскому поручику Синявину писал он со станции, чтоб он обще с поручиком Мухановым взял у подполковника Долгорукого солдат, ехал в Ярослав (польский) и заготовил суда для его пути (10 больших или 15 малых).

15 августа прибыл Петр в Ярослав и 18 отправился водоу в Варшаву.

Петр получил ратификацию мира близ Сендомира на Висле. Петр был чрезвычайно доволен и повелел Долгорукому, послу при Августе, объявить о том его союзникам.

24 августа Петр торжественно въехал в Варшаву.

29 августа Петр прибыл в Торунь. Союзники (ибо гарантия была разрушена королем шведским) положили осадить крепость Стральзунд; шведы ушли из Демина, Грипсвальда, Анклама, Волгаста, Узедома с островом и Швейи-шанца, стараясь только спасти Штетин, Висмар и Стральзунд. Всю пехоту ввели они в сии города, а конницу перевезли на остров Руген. Их было 14 000 под командоу генерал-поручика Дикара (отпущенного нами на честное слово). Все сие узнал Петр на третий день по приезде в Торунь от генерал-майора Гольца, присланного королем Августом.

Петр отселе писал в сенат, повелевая распродать казенные товары с барышом; о китайском торге etc., выговаривая сенаторам за худые распоряжения (см. у Голикова умный ответ сената. Ч. IV—12, в примечании).

2 сентября Петр, оставя Екатерину в Торуне, с батальоном гвардии поехал по почте в Карлсбад. Из Познаня повелел Шереметеву иметь сношение с коронным гетманом, посланным на *Русь* для наблюдения за Карлом etc.

9 сентября Петр прибыл в Дрезден, отколе сзидил осматривать серебряные заводы в *Фрейберге*; потом был в замке курфюрста, куда пришли поздравить его рудокопы с музыкаю по их обычаю.

13 сентября вечером Петр прибыл в Карлсбад и с 15-го сентября до 3 октября употреблял воды.

Турецкий визирь не хотел удалиться прежде, нежели исполнены будут условия мира, а Петр не хотел их исполнять, пока шведский король не выехал из Турции. Визирь грозился разорвать мир и предать Шафирова и Шереметева янычарам, говоря, что и Карл имеет основательную отговорку, пока войска наши находятся в Польше. Петр писал Шафирову, что войска *будут* выведены, кроме 7000, ибо-де поляки зело сомневаются и опасаются, чтоб мы их не покинули; впрочем, соображаться с обстоятельствами etc. Однако от исполнения условий Петр всячески отговаривался, до *выезда шведа из Турции*.

Однако упрямство турка превозмогло. Петр негодовал и на Шафирова, давшего обязательство невозможное, будто бы убоясь *их* угроз. «Они, — пишет Петр, — на нас спрашивают *сверх силы человеческой, а сами одного человека выслать не могут*». Турки требовали еще, чтоб русское войско, *возвращаясь из Померании, не захватывало бы Польши*. Петр досадовал на *трусость Шафирова* и на *глупость Шереметева*. «*Ежели впредь так станете глупо делать, то не пеняйте, что на старости обесчещены будете*».

Петр меж тем писал Апраксину, не торопясь вывезти из Азова, что можно; разорять Таганрог и Троицкую крепость с рассмотрением и разбором, наконец не сдавать крепостей, прежде нежели не услышит о въезде короля.

Датчане одержали победу над шведским флотом (взяты 10 кораблей транспортных и 24 у *шонских* берегов сожгли).

Петр писал в сенат о сбережении коровьей шерсти etc. и пригоне в Петербург к будущему лету 40 000 работников (в прошлое по причине войны было 20 000).

Визирь, зная о происках шведского короля и опасаясь его вражды, не менес русских желал выпроводить его во свояси. Но Карл требовал 100 000 прикрытия и прежде не думал выехать. Визирь, вышед из терпения, отнял у него

переводчика, пресек его переписку с Польшею, Германиею и Портою, но Карл не выезжал. Визирь наконец предложил ему 30 000 войска; но Карл требовал и денег (сколько?). Визирь не только не согласился, но отнял у короля и 500 левков ежедневного содержания, определенного султаном, и хотел силою принудить его ехать. Карл объявил, что в таком случае он станет защищаться. Визирь начал опять его ласкать, извинился перед ним письменно, возвратил ему переводчика и задержанное жалование. Карл не отвечал. Визирь наконец послал ему требуемые деньги и так был уверен в его выезде, что объявил о том нашим министрам и назначил пашу, долженствовавшего его проводить. Но король объявил, что живой он не выйдет без требуемого конвоя; визирь отнял опять его кормовые деньги и вытребовал из Константинополя шведского посланника в свой лагерь, где и держал его под стражей.

22-го наши министры имели пространное рассуждение с визирем. Они головами ручались за безопасный проезд короля через Россию. Визирь ожидал указа султанского, чтоб выслать Карла и против его воли. 24 сентября в Совете, где присутствовали и наши министры, положено выслать короля, что было объявлено ему и султану. Но Карл упорствовал еще; русские министры приступили опять к визирю; визирь обещал, что Карл зимовать в Турции не будет, требовал сдачи Азова etc. Петр вследствие сего послал повеление Апраксину о скорейшем исполнении Прутского трактата.

3 октября Петр из Карлсбада поехал в Дрезден и, пробыв там от 7-го до 12-го, отправился Эльбою в Торгау, где находилась польская королева. Здесь 14-го октября Петр совершил бракосочетание царевича с принцессою Вольфенбительскою, Шарлоттою-Христиною. Царевичу было 22, а принцессе — 18. Петр объявил о том сенату: *«Слава богу, что сие счастливо совершилось: дом князей вольфенбительских, наших сватов, изрядный»*.

18-го октября дал он царевичу инструкцию: «что делать в небытии моем сыну моему в Польше» (см. Голицков. Ч. IV—25).

1) Устроить по рекам Вартам, которые текут в Померанию, магазины.

2) Приготовить плоты и суда для отправления провианта к *Стетину* по вскрытии рек.

3) Обиды и грабителей в Польше казнить смертью, *до полковника.*

4) Самому царевичу быть в Торуне etc., etc.

17-го октября Петр отправил Куракина в Голландию с предложением:

Понеже Петр, по просьбе английского посла, в войну французскую не вмешивался, то просит обещания со стороны *Соединенных* в Северную войну также не вмешиваться и признать наши завоевания, *особливо на сей стороне моря*; с своей стороны Петр обещал и помощь противу Франции, в случае мира со Швецией.

Петр отпустил новобранцев в Вольфенбитель, а сам 19-го октября поехал через польскую Пруссию в брандбургский город Кросен, *где* (в польской Пруссии) осмотрел Боурово войско, прибыл в Кросен 20. Там его встретил последний принц. 22-го имел Петр переговоры с датскими министрами *Выбеем* и Шаком.

Петр дал им следующие предписания (за своей подписью).

1) Стральзунд или остров Руген ныне же взять. Если нет артиллерии, взять две пушки с корабля.

2) Тою же зимою с курфирстом ганновским договориться о Бремене и Вердене (принадлежавших шведской короне).

3) Военные действия морем и землею начать ранее, в апреле.

Здесь получил он из-под Стральзунда жалобу от русского войска, терпевшего недостаток в содержании. Петр писал о том Августу, также и Долгорукому (министру).

После вод Петр не мог еще оправиться, и путешествия его утомляли. 27-го октября Петр поехал опять в Торунь, где ждала его Екатерина, и 28 их величества отправились Вислою в *Эльбинг* (где стоял русский гарнизон); в нем Петр пробыл 7 дней. Отселе его приказы: Шереметеву, чтоб он из Полонного гарнизона не выводил; если же вывел, то ввел бы снова под видом наемных людей князя Меншикова (как у польских вельмож). Межеричи и прочие места (платившие подати Меншикову) отдать вновь Любомирскому etc., etc.

Апраксину не отдавать Азова или отдать, взяв сперва подписку, что король непременно будет отправлен. Если же, озлобясь, турки объявят войну, то во избежание оной Азов тотчас отдать, а Таганрог разорить.

Шафирову на имя султана 2 грамоты: 1) что Азов не сдается, пока шведский король не выслан, 2) требование султановой расписки etc. (подать из оных по усмотрению). Во всяком случае до войны не допускать.

В сенат: о рекрутах, о печном мастере Шенпорте, о постановлении торговли с Голландией, об отдаче дома Александра Гордона Яну Фельтсуну (кухмистру его величества).

7-го ноября Петр с Екатериной отправился на яхтах в Кенигсберг. С пути писал Апраксину Азов туркам отдать и Таганрог разорить в ноябре и декабре.

В Кенигсберге Петр пробыл два дня. Оттоле писал в Гаагу Куракину и Матвееву, что как между Францией и союзниками восстанавливается мир, то бы нам крепче соединиться с Голландией¹. *«Извольте их обнадежить и всячески склонить к дружбе».*

Из Кенигсберга Петр сухим путем прибыл в деревню Шакен и оттоле на яхтах прибыл в Мемель. Здесь получил от Матвеева предложения от западных союзников о примирении его с Карлом. Петр повелел министрам не вызываться на то, отвечая нерешительно etc.

Из Мемеля сухим путем Петр прибыл в Ригу 18-го ноября, в коей встречен с торжеством. Здесь пробыл он до 7 декабря.

16-го октября визирь объявил нашим министрам, чтобы Шереметев и Голицын (киевский губернатор) письменно обязались о безопасности короля, и что тогда шведский король будет выслан силою. Обязательства сии тотчас были присланы; и визирь писал Петру, что король через 5 или 10 дней выедет непременно, говоря: *«как бог един, так и слово мое едино».* Вследствие сего Петр послал Шереметеву повеления: 1) принять короля и самому с ним ехать, пока придется для того особа, тогда ехать Шереметеву к государю, 2) путь короля замедлять всевозможно (дабы в Швецию приехал он к самой кампании), 3) везти его не прямою дорогою (под предлогом поветрия), а с Киева на Стародуб, на Ярослав, Калугу, к Москве — на Волоколамск (также по причине мора), на Великие Луки, на *Сабск*, Копорье и Петербург, оттоле в Финляндию, а тракт сей содержать тайно, 4) дорогой чинить всякое довольство, 5) обо всем чаще писать к Пет-

---

¹ Посланник голландский Кранембург. (Прим. А. С. Пушкина.)

ру. Если же шведский король поедет через Польшу, тогда отправить Вейдову дивизию etc., etc. (приказ писан в день ордена святого Андрея).

В сей день было торжество и горел щит с надписью: «Виват оборона Лифляндии». Апраксину Петр повелел, отдавая Азов, писать о *некрасовцах* etc., чтоб турки их близ Азова не держали.

Шафирову в Константинополь писал Петр, уверяя его в искренности своей etc.

В сенат о мундирах гвардейских полков; повелевает у архангельского губернатора принять *приборные* деньги (60 000 ефимков, 40 000 рублей да 829 червонцев). В другом письме повелевает *дворянских недорослей* 273 человека поставить в Семеновский и Преображенский полк.

Показания купца Стельса: издержано им на обучающихся в Англии школьников 30 000 ефимков.

№3. Стольника Алексея Юшкова Петр жалует в *окольничие* и приказывает записать в боярскую книгу в разряде.

№3. Подвод не давали без именного указа (см. ч. IV—42, в примечании).

Устраивая лифляндские дела, Петр 7 декабря отправился в Пернов и оттоле повелел *сенаторам* быть в Петербурге (двум или трем, с полными ведомостями, чтобы не останавливались дела). Если же король из Турции выехал, то быть им всем.

Другим указом повелевает *пряжки* на солдатских башмаках заменить ремешками, по примеру других государств.

В Ревеле (13 декабря) Петр был встречен с таковым же торжеством. Петр пробыл в нем до 23 декабря, упражняясь городскими делами. Отселе писал 3 указа в сенат, касающиеся до будущей кампании, а Апраксину подтверждает повеления отдать Азов etc.

В Петербург прибыл Петр 29 декабря и писал оттоле к Шереметеву, Апраксину и Шафирову о турецких делах.

Указы 1711

С января

О разделении полков по губерниям.

О бытии вместо *Разрядного* приказа при сенате *Разрядному столу*.

О табеле пехотным полкам и откуда дается им жалование.

О высылке из Москвы подданных турецких по причине войны.

О явлении беглых в течение полугода.

О учинении ведомостей приходу и расходу в губерниях.

№3. По сим ведомостям утверждено расписание полков на губернии *по долям*.

О вычетных деньгах на лекарства.

О жаловании лифляндским гарнизонам из доходов рижских и лифляндских.

О ведении 4-х разноязычных школ тайному советнику Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину.

О *сыске* скрывающихся дворян.

О присяге губернаторов и вице-губернаторов.

О корчемстве (подтверждение прежнего).

Апреля

О пожаловании *дьяка* Якова Былинского в обер-фи-скалы. № №.

О даче ямщикам во всех губерниях (кроме Петербургской, где годовое жалование) по деньге на версту.

О книгах из губерний.

О ведомостях из приказов.

О соли.

О китайском торге *etc.*, *etc.*

О делании вместо *мелких* денег рублевиков, полтинников, полуполтинников, пятикопеечников и алтынников.

О персидском и армянском торге *etc.*

О нешинковании шведским пленникам вином и табаком.

О продаже всей селитры в Москве.

О осмотре привозимых в Архангельск денег под русским гербом.

Приезжим из армии являться к губернаторам и о причине приезда доносить.

Об отсылке виноватых баб и девок в *Берг-* ⟨и⟩ в Мануфактур-коллегию.

Августъ

Наказ обер-фискалу (8 статей).

Беглым с начала войны являться к 1-му января и вину заслуживать в прежних чинах.

№3. Стольник Михаил Желябовский определен на место Якова Былинского.

1 января Петр получил известие о победе датчан над шведами и известил о том сенат.

Из союзных войск, осаждавших Стральзунд, отряжен был генерал-поручик Ранцау для осады Висмара. Висмарский комендант, узнав о 800 высланных им для фуражу, выслал противу их 3000 шведов, которые были атакованы, прогнаны и взяты в плен 1926 человек.

Карл меж тем успел объяснить султану ошибку или измену визиря. Хан и французский посланник говорили в том же духе. Султан приказал визирю явиться в Константинополь. Визирь медлил, полагая, что время и предстательство его друзей муфтия и селидара (селихтара?) Али-паши обезоружат гнев султана. Но медленность его приняли за ослушание. Султан повелел янычарскому аге Юсуфу, находившемуся в Адрианополе, взять визиря и привести в Константинополь. Визирь был низложен и сослан сперва в Лемнос, а после в Родос и, сказывают, тайно удушен. На место его возведен янычарский ага Юсуф-паша.

Карл усугубил свои происки; крымский хан, хотя вследствие Прутского мира и получил земли, лежащие до Самары, и право над запорожцами, но сильно помогал шведскому королю. 17 декабря 1711 года в диване снова заключена война, и сам султан хотел ею предводительствовать, о чем Шафиров и писал Петру 13 ноября 1711.

Петр вследствие того приказал Шереметеву: 1) умножить в Малороссии гарнизоны, приготовить фураж etc., 2) быть Шереметеву у Киева с конными дивизиями Янусовою и Реновою, пехотами Вейдовою и Аллартовою, с

артиллериею и с гетманским войском, 3) в Киеве заготовить магазин и запасов на 7 месяцев, 4) для охранения Украины казацкому губернатору П. Апраксину с полками Азовской губернии с 15 000 калмыками и 5000 донскими казаками быть при Изюме к 1-му мая etc., etc.

Петр отправил к Августу министра его графа Фицтума уговорить его, чтоб войско саксонское и польское выступило к волошским границам.

Петр повелевал Апраксину отдать Азов, несмотря на прежние предписания (что и учинено).

22-го Петр отправил султану грамоту (ч. IV—62), которую 18-го января предварительно читал *сенату* (№3. Князь Меншиков, князь Як. Ф. Долгорукий, Ив. Ал. Мусин-Пушкин, Тих. Ник. Стрешнев, князь П. Ал. Голицын).

25-го Петр писал своему польскому министру, чтобы он уговорил короля послать объяснения Порте насчет пропуска войск и обозов русских через Польшу etc., etc.

19-го февраля Петр торжествовал брак свой в церкви Исакия Далматского (см. ч. IV—68, примеч.).

26-го отправлен Матвееву в Голландию *кредитив* на торговый трактат.

Турки требовали: 1) чтоб царь отказался от всей Украины, которой быть под покровительством Порты, 2) из Польши вывести войско и никогда ни в каком случае оное не вводить, 3) учинить Петру перемирие на три года с шведским королем.

Шведа при Порте подкрепляли послы французский и венецианский. Хану дано было уже позволение вторгнуться в русские границы, велено было собираться войску etc. (см. письма *Шафирова* и *Шереметева*, декабрьские и январские). Карл и воевода киевский рассеял в Польшу свои манифесты, послал полковника Урбановича с 4000 червонцев для подкупления коронного войска; а за ним старосту равского Грудзинского; поляки начали шевелиться; уже Грудзинский имел у себя до 16 000 поляков, татар и казаков etc.

Карл повелел генералу Шттейнбоку, чтоб он из Швеции вступил в Померанию с 17 000 войска и, взяв тамошние войска, шел к Бендерам. Носился слух, что сильный транспорт из Швеции отправлен ко Гданску.

План Карла был завладеть Польшею, покорить Россию, и тогда обратиться к Германии. Но Штейнбок был не впущен союзными войсками; Грудзинский разбит, а

дипломатические козни Швеции, Франции и Венеции опровергнуты старанием Шафирова, Шереметева и Толстого, при помощи Англии и Голландии, также и подарков, которыми задарена даже мать султана, и 15 апреля мир подписан нашими министрами и Юсуф-пашою, на следующих условиях:

1) России вывести из Польши войска и в дела польские не мешаться. Если же Карл начнет Польшу возмущать противу России, то нам выступить противу шведов.

2) Выезд и путь шведского короля предоставляется воле султана.

3) Уступлена татарам и туркам вся земля от Самары к югу. Запорожцам подтверждено право доходов от перевозок по Днепру до устья Самары, и быть им под покровительством татар.

4) Между Азовом и Черкасском не строить крепостей ни турецкой, ни русской, а все разорить в четыре месяца.

5) При сдаче Азова отдать и 60 пушек, бывших при взятии оного.

6) Разоренных крепостей при Самаре и Днепре (Богородицкой и Каменного Затона) не возобновлять etc., etc.

№3 №3. *О происках Карла см. «Журнал Петра Великого» (ч. II—324), так же и письмо от 4 июня Фолиха у Голикова (ч. IV—76).*

9 мая гвардейский подпоручик Александр Румянцов привез Петру подтверждение мира. Петр пожаловал его поручиком (в Преображенский полк) и послал в Копенгаген, к послу нашему кн. Долгорукому.

Петр пред тем из предосторожности повелел к 1-му июня в Севск собраться царедворцам с их людьми (по 1 человеку с 50 дворов) с запасами на четыре месяца и вооруженных нерегулярно (см. о том *указ сенату от 3-го апреля*). Союзники за неимением артиллерии положили от Стральзунда отступить. Произошли несогласия. Август хотел, чтобы все войска зимовали в Померании, ибо неприятель, имея до 18000 в осажденных городах Штетине, Стральзунде и Висмаре, легко к весне мог воспрепятствовать вступить снова в Померию; датский король хотел зимовать в Голстинии (охраняя свою Зеландию во время замерзания Зунда) и тайно вел переговоры со Швецией через готорпского министра фон Дерна. Саксонские войска без датских оставаться опасались. Русские министры князь Григорий и Лука Долгорукие помирили их. Ав-

густ уступал Дании остров Руген (в случае взятия) и брался содержать 6000 датчан, оставляемых на зиму в Померании с русскими и саксонскими войсками.

Петр сам, положив отправиться в Померанию, дал следующую записку гр. Фицтуму:

1) О пропуске войск через Польшу в Померанию объявить туркам, что то делается по Ярославскому условию.

2) Царевичу помочь в собрании провианта в Померанию. Артиллерию под Стральзунд доставить, ибо датчане раз уже обманули.

3) Рейнина дивизия пойдет в Померанию.

4) Петр сам будет.

5) Всей Померании ключ, остров Руген, взять зимою по льду etc.

Но Фицтум сделал Петру следующие представления:

1) Так как Август более теряет, нежели выигрывает от союза, то просить у Петра обещанные 100 000 рублей,

2) снабдить Петру русское войско в Померании всем нужным,

3) по случаю отступления от Стральзунда Август требует военного мнения от царя,

4) что русские войска, стоящие в Великопольской провинции, Польской Пруссии и Вармии, не допустили саксонских комиссаров собирать провианту на союзное войско etc., etc.

Петр обнадеживал короля будущими выгодами, упоминал о 15 000 русского войска, единственно для Августа посланного, о сборе провианта обещал послать указ, о деньгах обещанных умалчивает etc.

Август еще требовал Лифляндии; Петр отвечал, что он се себе не прочит, а требует токмо Ингерманландию, Ингрию и Карелию, как старинные вотчины, etc.

О войне советует он Августу стать на молдавской границе, близ Каменца, и, в случае нападения турков на Россию, вредить им, дабы доказать им, что Польша с Россией заодно. Если ж турки пойдут в Польшу, то Шереметев нападет на них с тыла etc.

13 января Петр получил тайное извещение, вероятно, о заговоре или о сношениях шведов с их королем. Он послал в сенат указ с поручиком *Синявиным*.

1) Пипера и Рейншильда ему (*Синявину*) схватить и развести с Москвы.

2) У ипоземных солдат, кои в службе на Москве, ружья обобрать, а шведских подданных рассадить порознь под крепкую стражу.

3) Офицеров шведских взять под караул.

4) Сказать всяких чинов людям, чтоб смотрели строго за слугами (полбнениками) и много их на Москве не держать.

1 марта Петр отправил в Померанию князя Меншикова, а за ним повелел идти князю Репнину с 13 полками, а наконец (по просьбе Августа, опасавшегося вторжения шведов в Саксонию) и два свои гвардейские полка.

В Польше с корпусом находился князь Василий Владимирович Долгорукий. Петр, отказывая ему предложение поляков вместо провианту выдавать деньги, пишет: *«зело удивительно, как солдаты могут деньги есть в будущую кампанию?»* Подтверждает, чтоб никто не чинил обид обывателям, ибо не будет пощады ни делателю, ни тому, кто спустит.

Петр, намереваясь ехать в Померанию, писал Шереметеву и Апраксину, чтоб они приехали к нему в Петербург. Шереметеву приказал отправить в Петербург дивизию Вейдеву; а Апраксину — корабельных мастеров, кузнецов etc. Переведенных из Москвы мастеров оружейных ввел он в *Оружейный дом*. В то время повелел он (19 февр.) сделанное им из слоновой кости паникадило повесить в Троицком соборе. Тогда же пожаловал князю Як. Фед. Долгорукому две волости и две слободы (? доходы с оных собирать в казну и впредь). Марта 6 и 9 повелел сенату отдать 20 молодых дворян в артиллерийскую науку к генерал-майору Гинтеру, чтобы генерал Гинтер в пушки брал *охочих* людей.

Рагузинский учредил в Архангельске с голландским купцом Гутфелем купеческие конторы, из коих Петр доставал на монетный двор медь etc., etc. У Рагузинского был еще брат, претерпевший убыток от турков, за что Савва награжден поташом etc.

По причине дороговизны местной, Петр умножает жалование офицерам и рядовым.

См. Вейдово письмо в Голикове. Ч. IV—99, в примечании о солдатских нуждах.

Петр послал Нестерова и Кудрявцева осматривать дубовые леса по реке Волге, Оке etc. и указами повелел оные хранить. Сею же весною он в окрестностях Петер-

бурга заседал дубовые желуди. Он запретил *под жестоким наказанием* самим помещикам на их земле рубить дубовый лес без позволения лесного смотрителя Адмиралтейской коллегии.

(См. о дубках, о кронштадтских дубах, о заветной роще и о наказании вредителям дубов Штелина и Голикова. Ч. IV—102.)

В апреле прибыли в Петербург сенаторы и Шереметев с Апраксиным (несколько? сенаторов осталось в Москве для окончания дел). Петр занимался особенно *доходами*. Повелел брать пошлину без отволочек при складке товаров, а не с продажи оных, как было прежде (с рубля). Учредил обер-инспектора над Рижским магистратом (не в противность ли лифляндским правам?) московского купца Илью Исаева.

Петр вывел корабельный флот к гавани и к галерному флоту (к Выборгу), отправя провиант, 23 апреля отправился туда на шнаве «Лизете»; в Выборге оставался два дня и возвратился в Петербург.

В начале мая заложил в крепости каменный собор во имя Петра и Павла и тогда же повелел Морской академии профессору Феркварсону проложить прямую дорогу от Петербурга в Москву. По измерению нашлась она по прямой линии в 595 верстах. Петр вселел оную начать, и от Петербурга до Новгорода она была сделана.

Петр послал осмотреть Мститские пороги, желая доставить судам возможность оные миновать; также реки Уверью и Вилью и места из Мологи к Мсте или Сяси, а после ехать на Вытегру и Шексну, и планы всему подать в сенат (указ от 28 мая), «дабы будущею весною зачать дело неотложно».

В начале июня повелел сенату осмотреть реки Славянку, Мью и Ижору и места, где добывается глина и производится каменная ломка. Леса на государственное употребление повелел рубить на всех дачах.

10 июня Петр осмотрел школьников и недорослей из дворян, 26 послано в Голландию, 22 в Ревель для изучения немецкого языка, 16 записано в солдаты преображенские.

Все европейские права повелено перевести на русский язык, под главным надзором Андрея *Виниуса*.

Указом 11 июня Петр повелел сенату судить сенаторов, оставшихся в Москве и ослушавшихся указа государя

касательно высылки дворянина Головкина (чем дело кончилось? и кто был сей Головкин?).

12 мая писал Петр Шафирову о первом пункте трактата, *неосторожно* объясненного, ибо дается шведам *время возмутить Польшу* и потом уже etc.

22-го мая послан генерал-адъютант и камергер Кирилла Алексеевич Нарышкин в Вену (где наш министр был тайный советник барон Урбих) с грамотою к императору (см. Голикова, ч. IV—110 и письма Петра).

Послу при Августе, князю Долгорукому, писал, чтоб он уговаривал короля не возвращаться в Варшаву (ибо от Турции нет уже опасности) и отпустить артиллерию в Померанию, *дабы датчан вести в войну*. Если-де артиллерия пропадет, то бы Август надеялся: Петр доставит ему новую etc.

Петр знал о сношениях Дании и Августа с Карлом и о том, что Август имел тайных агентов при Порте — Каштеляна (?) и советника Гольца.

Петр 15 июня, спустя корабль «Полтаву» и отправя в Украину Шереметева, того же вечера отправился в Кроншлот, поруча главное правление Апраксину, на шнаве «Лизете» прибыл в Нарву (куда поехала сухим путем и Екатерина) 20-го июня.

21-го Петр отправился в Ригу на почте, куда прибыл 25-го, торжественно.

Здесь узнал он о нечаянном мире Франции с Англиею.

Петр предписывает адмиралу в рижских делах, относящихся *к уезду и дворянству*, относиться к Левенвольду, касательно торговли к Исаеву, а гарнизона — к Полонскому etc.

Петр, взяв в опеку Курляндию, определил к ее высочеству обер-гофмейстером Петра Бестужева, повелев ему 1) по силе условия с покойным герцогом выдавать 40 000 на содержание Анне Иоанновне, 2) хлеб во всей Курляндии описать и беречь до приходу русских шкиперов, 3) до времени *молчать* о сем etc.

Староста Грудзинский, разделив свой набранный отряд на две части, с первою напал на киевский полк в семи милях от Познани и оный разбил. Полковник Урбанович с другою частию напал на русских в местечке Шверине, но наши отступить успели через брандбургскую границу. Князь Меншиков отправил генерал-поручика

Боура, который напал на Грудзинского и Урбановича при местечке Лагорева и разбил. Грудзинский бежал в Шлезию.

Петр послал из Риги Шереметеву свои манифесты в ответ шведским, повелел ему идти к литовским границам и следовать к Торуню etc.

Петр повелел Шафирову жаловаться Порте на Карла и на восводу киевского¹.

Сенату повелевал он умножить рижский гарнизон; указом от 30 июня повелел Петр посланного при сем Веселовского² определить в помощь А. Винкусу.

Петр и Екатерина отправились в Эльбинг 30 июня, через Курляндию, Мемель и Кенигсберг.

В Эльбинге Петр оставался пять дней, осматривая гарнизон русский и приводя все в порядок.

Повелевает сенату послать слесарей в Ригу для починки старых ружей (молодых ребят заобычных к слесарному делу) и велеть учить *ствольному, замочному и ложному делу* etc., etc. Также и седельному ремеслу: если же хватятся, а мастеров не будет, то с губернаторов взывается штраф.

13-го июня Петр отправился водою к местечку Ландсбергу с батальоном при майоре гвардии Матюшкине. Здесь свиделся он 21 с Августом и пробыл с ним в дружеских совещаниях до 23. — 24 в местечке *Гагцах* встретил его князь Меншиков, а у Штетина *при* армии царевич. Отселе писал он Долгорукому, чтоб он велел Эльбинг, упраздненный в силу Прутского договора, занять немцами, а не поляками, из опасения шведов.

Петр осмотрел места, окружающие Штетин, повелел у реки сделать укрепления, чтоб отрезать сообщение городу с судами.

Должно было взять Штетин, и на то определена была датская артиллерия. Датский резидент объявил, что она находится на острове в семи милях от Стральзунда. Петр отправился в Анклам к датскому вице-адмиралу Сегестету, у которого в ведомстве артиллерия находилась; там встретили царя Сегестет и наш генерал Алларт. Сегестет объявил, что он артиллерию свою без указа короля <дать> не может, пока не прибудет артиллерия саксонская. Петр

---

¹ См. прим. к с. 192.

² Яков Веселовский.

писал о том польскому своему министру и поехал в Грибсвальд, где стоял русский гарнизон. Отселе педалеко, в заливе стоял датский флот, с транспортами к Ругену. Петр осмотрел оный, потом писал датскому королю, жалуясь на медленность и неусердие союзников, грозясь вывести свое войско etc.

Адъютанта своего Ушакова послал он в Польшу присматривать за офицерами, сколько и чего вывезут они из Польши, приказав тайно расспрашивать и записывать etc.

1-го августа Петр осмотрел саксонское и русское войска, стоявшие около Грибсвальда и Стральзунда под начальством Алларта. Тогда же прибыл и Флеминг и прусский генерал-майор Гакабор.

Петр осмотрел потом все места от Гарца до Стральзунда, начертал план военных действий и писал о том королю датскому etc. Послу свосму писал: «Наудачу, без глана я никогда делать не буду, ибо лучше рядом фут за футом добрым порядком неприятеля с помощью божию теснить, нежели наудачу отважиться без основания».

10-го августа Петр опять был в датском флоте и, посетив вице-адмирала, ночевал на яхте «Ульрихе».

11 августа Петр ездил навстречу своих трех кораблей (из города Архангельска) и прибыл на одном из них в большой датский флот, состоящий в 17 линейных кораблей под командой генерал-адмирала *Гульденлева*. Взаимные морские вежливости etc. Петр пробыл во флоте до 14 августа и своего капитана Рейса с двумя русскими и двумя датскими кораблями отправил в море для взятия судов с хлебом, какие они бы ни были.

13 августа датский король повелел своему флоту быть в полной власти у царя. Петр повелел Сегестету вести тотчас артиллерию под Штетин. (Кажется, говорит Голиков, власть эта продолжалась недолго.)

14-го Петр на датском бригантине пошел к Волгасту и вечером прибыл рекою Одером.

16-го прибыл туда же король Август. 17-го был совет, и положено Руген взять и Стральзунд бомбардировать.

Петр повелел Меншикову отрядить к Волгасту 6000 войска.

17-го Сегестет вошел в устье Одера с артиллерией, но тогда же датский король прислал ему повеление оной под Штетин не давать. Петр указал Меншикову, оставя при Штетине 4000 войска, идти с саксонской

артиллерией и с датскими понтонами и лопатами к Волга-
гасту.

17-го же августа капитан Рейс возвратился с судами любскими и голландскими, нагруженными хлебом. Петр повелел принять их мерою; и дал шкиперам *ассигнацию* получить столько же хлеба в Амстердаме от *комиссара* Соловьева.

24 августа Петр и Август прибыли в Грибсвальд. Здесь Петр дал прусскому генералу Гакабору следующее объявление: гор. Штетин отдается в полную власть королю прусскому, ибо на оный Петр никакой претензии не имеет, etc.

Между тем Штад, шведский город в Бременском (также и Вигершанц) округе, покорился датскому королю. Петр праздновал успех своего союзника.

Датский флот от острова Ругена (прежде уполномочения Петра) отошел к *Когебухту*; сие дозволило шведскому флоту выйти в море, и взятие Ругена было отложено (кажется, не с согласия Петра).

Петр просил датского короля праздное после взятия Штада войско отправить к Стральзунду. Пять шведских кораблей стояли в заливе, намереваясь пройти к Стральзунду. 3 сентября Август и Петр против их повелели взвести две батареи; одна из них принудила шведов удалиться. Сегестет получил указ их атаковать. Шведы, имея ветер попутный, пустились к Стральзунду, куда и пришли, потерпев от другой батареи великий вред: 600 человек убиты, и корабли повреждены.

4 и 12-го сентября Петр писал в Константинополь, оправдываясь в том, что войска будто бы еще Польшу не очистили. «Царевич сам (пишет Петр) их вывел».

В Эльбинге остается гарнизон, из опасения шведов и по просьбе короля. О 15 000 турецкого конвоя Петр пишет: «не думаю, чтоб поляки их пропустили. Это не конвой, а армия» etc.

9-го сентября введен в Эльбинг саксонский гарнизон. Намерение о взятии Ругена возобновлено, войско уже посажено на корабли, но шведы успели из Карлскрона доставить Ругену сильную помощь — и предприятие отложено.

В то время Шереметев донес Петру, что воевода Яблонецкий объявил ему через своего агента Гуденовича о происках Августа при Порте и о намерении помириться

с Карлом, дабы купно с датским королем потом объявить войну России etc.

Но Петр или сему не поверил, или не видел в том успеха, или хотел знаком доверенности обязать уже довольно обязанного Августа, как бы то ни было, он перед отъездом в Карлсбад поручил в верховное ведение королю свое померанское войско, дав Меншикову тайное повеление надзирать над королем, а 28 сентября праздновал Левенгауптское сражение и тогда же вручил королю следующие пункты:

- 1) О фураже и провианте (коего довольно),
- 2) бомбардирование Стральзунда отложить, ибо люди утомлены походом, а у неприятеля не менее 20 000 свежих и спокойных,
- 3) в Гривсвальде оставить гарнизон: половину русских и половину саксонских,
- 4) о квартирах,
- 5) Гаф очистить виц-адмиралу Сегестету,
- 6) ему же зимовать здесь,
- 7) датскую артиллерию разделить etc., etc.

Потом Петр отправился в Карлсбад.

Между тем из Гривсвальда писал он в сенат:

- 1) послать для перекручивания пороху мастеров во Псков,
- 2) чтоб на зиму в Петербург уготовили провианту на 30 000,
- 3) чтоб Апраксину дали подводы,
- 4) употребить вычитаемые из жалования офицеров и солдат деньги на поправление армейской аптеки etc., etc.

Петра Бестужева определил в комиссарство.

На денежных дворах велел перелить в деньги серебро светлейшей княгини Настасьи Голицыной.

Лан, посланный для собрания проб всех европейских монет, возвратился. Сенату велено их от него принять.

Апраксину Петр повелевает:

Умножить гребной флот и в финляндский поход вступить как можно с большею силою; там повелевает зимовать и Финляндию не разорять, а с жителей брать контрибуцию. «Ежели мы дойдем до Абова, то шведы припуждены будут заключить мир, ибо из Финляндии единственно получают пропитание» (*письмо к Апраксину*).

Подтверждает указ кровли в Петербурге крыть черепицей и дерном.

Посылает к нему корабли, купленные в Англии (всех 7), повелевает вылить для них 300 пушек.

Августа 30 и сентября 8 понуждает Петр Шереметева действовать не так медленно; повелевает ему отправить в Курляндию драгунский полк для предупреждения шведского транспорта; опасается *согласия* Риги с шведами etc.

Генерал-кригс-комиссару Бестужеву повелевает с Курляндии собирать хлеб и деньги при помощи солдат рижского гарнизона, а дворянству курляндскому выбрать для того двух человек etc.

Гвардии капитану Ушакову Петр писал о провiantе, в Польше собираемом, etc. Князю Долгорукому (польскому министру) пишет, чтоб он по причине слабого здоровья ехал с войском в Россию, ибо тут будут и доктора, один с Меншиковым, другой с моею *хозяйкою*, etc.

Апраксин вступил в Финляндию с галерным флотом. Шведы убежали, сожигая сами свои города. Шаутбенахт Боцис взял шнаву и три военных бота etc.

Петр заехал в Берлин и свиделся с королем. 3 октября прибыл в Виртемберг саксонский, здесь посетил он гроб Лютера, его библиотеку и горницу, где он жил, etc.

Потом был он в Лейпциге, отселе писал Апраксину, повторяя свое повеление заготовлять как можно более галер, бригантин и прам, коими безопасно и удобно действовать у берегов, уведомляет о покупке еще восьми кораблей etc.

8 октября Петр прибыл в Карлсбад, где гр. Вратислав (?) с батальоном австрийских солдат ожидали его.

Отселе писал он в сенат, чтоб через Савву Рагузинского отправили к послам нашим в Константинополь лисьих, горностаевых и заячьих мехов на 3000 рублей etc., о жаловании волохам и другим нерегулярным etc.

Для столовых припасов и дворовых потребностей требовал он через Пипера и Рейншильда свободного пропуску кораблю etc., etc.

Шереметеву в случае безопасности от турков повелевает приехать на свидание с ним в Ригу etc.

Апраксину предписывает, как действовать, настаивает, чтоб взять Абов и Гельсингфорс потому, 1) чтоб было что при мире уступить, 2) что Финляндия есть *матка* Швеции, откуда получают они не только скот и прочее, но и дрова etc. (см. Голиков, IV—154).

Петр употреблял воды с 9 по 31 октября. — 1 ноября прибыл к *Теплицам* (Töplitz). Здесь посетил он графов (князей) *Валдекских* etc. *Анекдот о кухне*.

Тут получил он от Меешикова (из Померании) известие, что шведский фельдмаршал граф Штейнбок с войском стральзундским и ругенским пошел из Померании в Мекленбургскую землю и что саксонские войска пропустили его из робости.

4-го ноября Петр писал о том датскому королю, прося его идти за Штейнбоком в Голстинию, куда и сам он поспешит, etc.

5-го ноября на судах Эльбою Петр отправился в Дрезден, куда прибыл 6-го. 12-го писал он вновь датскому королю, потом отправился по Эльбе ж до Виртемберга, а 16-го прибыл в Берлин etc., потом с наследным принцем ездил на яхте в Шарлоттенбург; 19-го имел конференцию с королем и 20 поехал в *Межленбургию* к своим войскам с прусским конвоем через Ораниенбург, Цеденихт, Теплин (близ коих были шведы) и прибыл в Домин.

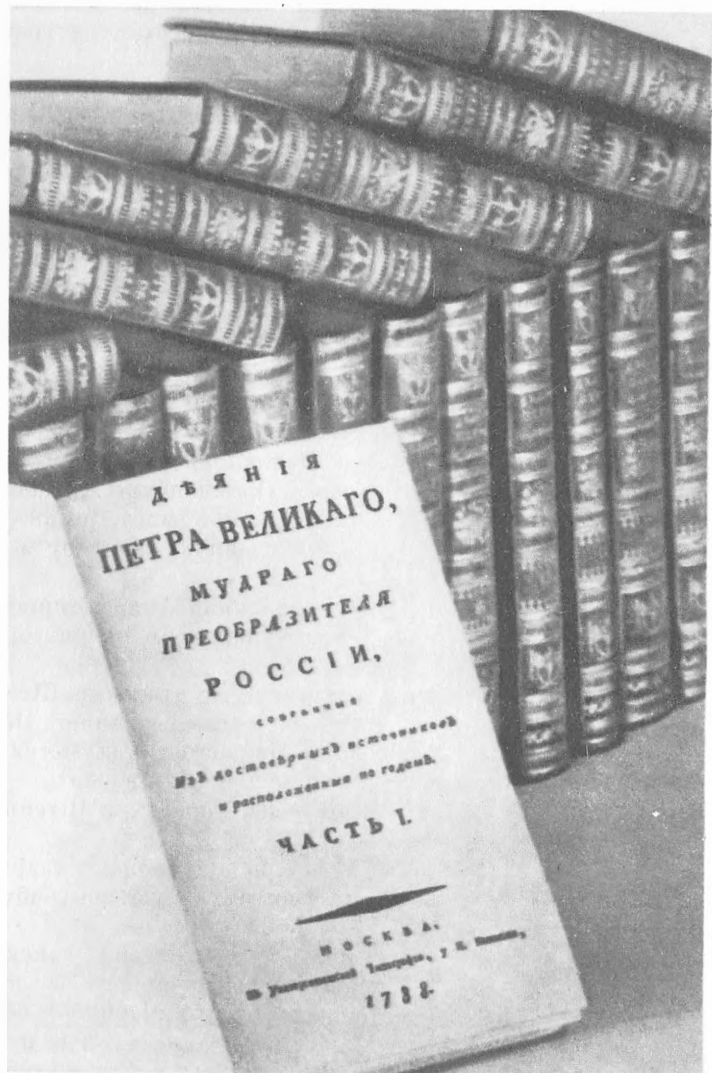
28-го ноября Петр прибыл в главную квартиру в местечко Лаго.

30-го, в день кавалерского праздника Андрея, приехал к нему король польский, оба государя обменялись орденами (Андрея и Белого орла).

28 ноября писал он Шереметеву, что атаковать Штейнбока не могли за бесконницею. — Шведы, пишет Петр, имеют намерение пробиться в Польшу и удаляются от сражения. — Везде мерзнет, и трудно их удержать — повелевает Петр стать с конницею на Украине и Штейнбока от Турции отрезать etc.

2-го декабря Петр с Екатериной и с полками гвардии прибыл к Гистроу и посетил вдовствующую мекленбургскую принцессу.

Датский король соединился с саксонским войском; Петр его благодарил, а сам заслонил Штейнбоку все пути в Польшу. Тут получил он известие, что Штейнбок обратился к Шверину с намерением напасть на датские и саксонские войска. Петр дал знать датскому королю, чтоб он дождался его, чтоб дать сражение, 8 декабря выступил в поход и с пути трех курьеров: Нарышкина, Монса и Левенвольда послал одного за другим к датскому королю с подтвержденнем своего совета.

ДѢЯНІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО,
МУРАГО
ПРЕОБРАЗИТЕЛЯ
РОССІИ,

составлены

Набъ достоерныхъ истовниковъ
и расположены по годамъ.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.

Въ Императорской Типографіи, у П. Пашова,

1788.

Но датский король и генерал-фельдмаршал Флеминг сразились с шведами близ местечка Гадебуша и были разбиты Штейнбоком, которого Петр уже почитал в своих руках.

Убито 1500, в плен взято более 2000 пехоты. Конница спаслась бегством etc. *Письмо к Апраксину 14 декабря.*

Петр обратился вновь к Гистроу и здесь узнал, что Штейнбок пошел в Голстинию. Датский король через своего генерал-адъютанта Месра просил у Петра помощи и свидания в Нейштадте. Петр туда и отправился.

Несколько времени пред сим Август отправился в Варшаву на сейм. Петр от венского своего посланника барона Урбиха узнал меж тем о разорвании турками мира и о заключении своих министров. Петр отправил тотчас на Варшавский сейм князя Юрия Трубецкого с требованием помощи, а сенату дал повеление приготовиться к обороне со стороны турок, а к наступлению противу Финляндии; Шереметеву повелевает снова не допустить Штейнбока соединиться с турками, а Апраксину готовиться к весне противу Швеции и вывезенную из Азова артиллерию доставить на Середу (крепость), вылив пушки и проч.

Петр, отправя Екатерину в Петербург с батальоном гвардии, прибыл в Нейштадт, где стоял Боур с конницею. Датского короля он нигде не нашел и воротился к своему войску. 24-го декабря в деревне Пампоу имел он со всеми своими генералами воинский совет. Положено соединиться с датскими и с саксонскими войсками и идти за неприятелем; тогда же Петр повелел пехоте своей переправиться через реку Штер, а сам поехал до местечка Гольденбоу. Здесь получил известие, что Штейнбок сжег Алтенау (датский город). Утверждали, что меркантильная зависть гамбургцев была причиною гибели Алтенау.

Петр пошел за Штейнбоком к Гамбургу.

Указы 1712

За беглого солдата взыскивать штраф с обер- и унтер-офицеров, с рядовых и с извозчиков.

Скрывателей по наказанию ссылать на каторгу; рекрутам натирать на руках *крест порохом.*

Харчевникам и торговцам при полках иметь оружие *огненное и студене*.

Офицерам за оставление больных солдат по 10 рублей штрафа. Во всех губерниях учреждены гошпитали для престарелых и увечных, также и для незаконнорожденных.

Деревни *фискалов* не ведать губернаторам, а сенату и государственному фискалу.

Суконные фабрики в России были уже в цветущем состоянии. Петр повелел в течение пяти лет брать на армию одни русские сукна etc.

Повелено размножить инженерную школу, а ученикам (двум третям) быть дворянским детям.

Мастерскую палату перенести на казенный двор и вестать оную князю Прозоровскому.

Учреждены богадельни, велено шатающихся ловить, записанных отсылать в богадельни, а не записанных, по наказанию, в их жилища.

№3. Новое расположение Украины для будущей войны.

На строения Кронштадта собрать работников *со всех* губерний.

По окончании шведской войны повелено переселиться в Петербург и Кронштадт и строить дома. Дворянских 1000, купеческих 500 (лучшим), средних 500, ремесленных 1000.

№3. Последнему в роде запрещено недвижимые имения отдавать кому бы то ни было etc.

Выморочных и за вины описанных имений без именного указа не раздавать.

Подьячих пересмотреть, старых настоящих оставить при деле, других отдать в писаря и в унтер-офицеры.

Офицерам давать везде первое место (?).

Генерал-губернаторам и губернаторам дано право избирать комендантов.

Предписано им осматривать мастеровых и плотников etc.

За неисполнение сенатских указов губернаторов арестовать.

Учреждена особая коллегия для управления купцов и торговли.

Указ о конских заводах, о покупке жеребцов и кобыл в Пруссии и в Шлезии.

Кабацкие и таможенные сборы отданы на подряд.

О торговле в указных рядах и на гостиных дворах, а не на дворах.

О даче дворов Кантемиру etc.

О строении в Москве *в линию*.

О посылке драгун и солдат по воров и разбойников etc., etc.

1 января Петр ночевал в Милене (в Ганновере), от курфюрста прислан для встречи его Фабриций; здесь узнал, что Штейнбок пошел от Алтенау в Голстинию.

3-го прибыл в Гамбург, где и пробыл до 5-го, для получения от датчан провианту. Отселе ездил он на пепелище Алтенау, роздал погорелым деньги и обещал им торговые выгоды. Потом пошел за Штейнбоком.

12-го числа прибыл в датский город Рендсбург, осмотрел крепость. Король датский прибыл туда же. Петр fit défiler les troupes devant sa majesté danoise;¹ 22-го оба государя последовали за войском. 24-го смотрели саксонское и датское войско. Потом Петр осмотрел Шлезвиг; здесь правитель Голстинии и опекун молодого герцога подарил ему *глобус*, сооруженный Адамом Бушем под присмотром Адама Олеария. Глобус отправлен был морем в Ревель, откуда на другую зиму и прибыл в Петербург.

Петр отправился в армию.

27-го войско перешло через Трену и пришло в Гузум; неприятель стоял в окрестностях Фридерихсштадта, окруженный болотами и близ моря. Шлюзы были разорваны, поля наводнены. Две узкие плотинки, укрепленные перекопами и батареями, вели к неприятелю.

В Военском совете, где Петр предлагал атаковать, предложено было, по несогласию на то саксонцев и датчан, королю датскому оставаться в Гузуме с четырьмя полка-

---

¹ приказал пройти войскам перед его величеством королем датским (*франц.*).

ми русской пехоты, не пропуская неприятеля через плотину в город, а нам идти противу шведов к местечку Швабстеду, от которого к Фридерихсштадту лежит другая плотина, укрепленная от неприятеля.

30-го Петр повел войско, осмотрел местоположения, и на другой день за три часа до свету русские вступили на плотину: впереди 4 гвардейские и 1 гренадерский батальон при майоре гвардии Глебове, за ним сам Петр с пехотою, и наконец Меншиков с конницею. На рассвете дошли до первого перекопа; шведы побежали из оногo. Второй перекоп был тоже оставлен. Петр велел засыпать тут же перекоп, отправил Меншикова по другой плотине вправо к деревне Коломбитель и пошел на неприятеля по узкой плотине, по коей едва в восемь человек идти можно было. Шведская батарея действовала вдоль плотины. Русские гренадеры бросились и ею овладели. Шведы бежали, но их нельзя было преследовать: должно было засыпать перекоп и скрыть батарею, занимавшую всю сушь; около ее были одни глубокие воды.

Меншиков, сквозь те же опасности, совершил тот же самый подвиг и остановлен был теми же трудностями. Наконец Петр с ним соединился в Коломбителе и пошел опять по узкой плотине противу выстроившегося неприятеля, под огнем батареи. Шведы не вытерпели натиска русских штыков; они бежали, теснясь на плотине, чрез водяной ров, бросались на луг, падали на колена и бросали ружья. Тех же, которые бежали по плотине, догнать было нельзя: грязь была глинистая, и не только у солдат стачила обувь, но даже у лошадей отдирала подковы. Шведский генерал-майор Штакельберг ушел из Фридерихсштадта с 4000 к главному войску, грязь помешала его отрезать.

1 февраля Петр вошел в Фридерихсштадт.

У шведов убито 13 человек; у нас только 7. В плен взято 5 офицеров, 295 унтер-офицеров и рядовых Зейблтова полку.

Неприятель отступил в угол к морю, к местечку Гардинку; у него сухой земли не более было, как мили на две вдоль и поперек (письмо Петра к Шереметову 3 февраля). Русские осадили его от реки до другой, впадающих в море.

Отселе Петр писал Апраксину, чтоб он начинал военные действия без него.

4 февраля Петр в Гузуме обменялся с датским королем орденами (Андрей и Белым слоном) и повелел Сивьявину (флотскому поручику) из Копенгагена идти к Ревелю с тремя кораблями; любопытно письмо Петра, доказывающее редкость денег и небрежение, с каковым выдавались жалования. (Ч. IV — 189).

Штейнбок отступил к Тонингу; Петр, полагая, что он переберется на судах через Эйдер, повелел через нее у Фридерихштадта сделать мост. Но узнал через беглецов (169 человек офицеров и рядовых), что Штейнбок решился держаться в Тонингской крепости. Петр узнал тогда, что Англия намерена у Финляндии дать шведам помощь. Слух разнесся, что английская эскадра собирается помочь им и в Голстинии. Петр решил ехать в Петербург и 12-го февраля пред отъездом послал королеве Анне грамоту, в коей угрожал ей в войну не мешаться и уверял в своем миролюбии.

Потом, поруча главную власть датскому королю, уехал в Россию.

На пути заехал он к курфюрсту Ганноврскому (будущему английскому королю), посетил его мать — герцогиню и, дружески расставшись, заехал к свату своему герцогу вольфенбительскому. Там получил он известие о смерти прусского короля и поехал к Фридериху-Вильгельму. Петр остановился в Шенгаузене, куда приехал к нему король в глубоком трауре. Здесь заключен следующий договор:

1) Коль скоро Штейнбок приведен будет в бессилие, то царю немедленно вывести свои войска из Германии и Польши.

2) Пруссия обещает хранить строгий нейтралитет, шведов не пускать ворваться в Польшу, а в случае нужды и оружием.

3) Петр обещается по окончании войны употребить всевозможные старания, чтоб Эльбинг с своею округою уступлен был Польшею Пруссии; но от принуждения оружием отказывается (1 марта 1713).

Отселе Петр послал генерал-майору Штафу повеление Анклам, Демин, Гарц, Вальгаст и, буде еще можно, Грибсвальд разорить и сжечь (кроме церквей), а самому идти в Мальхин (в Мекленбурге), где генерал Бук собрал магазины, и там остаться *зимовать* (?).

Смотри в Голикове (IV—197) сбивчивое его рассуждение о намерении Петра касательно померанских городов.

Петр писал Ушакову, чтоб он с батальоном гвардии, отправленным в конвое с Екатериной, шел бы в Петербург и повелел бы Апраксину *заготавливать квартиру*. По просьбе короля, Петр поехал с ним в Берлин *incognito*. Оттуда выговаривал он Апраксину, что из опасения турок не пошел он в Финляндию *etc.*, *иначе весь интерес потерян etc.*

Пробыв в Берлине с неделю, Петр 3 марта поехал в Петербург.

Между тем по проискам Карла XII султан низложил и Юсуф-пашу, избрав на его место Солиман-пашу. 14 ноября 1712 г. война с Россией была объявлена. Шафиров, Шереметев и Толстой посажены были в Эдикале; султан выступил к Адрианополю. Татары вторглись в Россию и доходили до Киева, а Станислав Лещинский вступил в турецкие границы. Карл послал генерал-фельдмаршалу Штейнбоку приказ идти через Польшу в Бендеры. Поляки бунтовали; запорожцы были готовы; Карл послал к ним по 500 ефимков на каждый курень и по коню каждому старшине.

Но надежды Карла вдруг обрушились. Султан повелел ему выехать из Турции, с конвоем 6000 *спагов* и 20 000 татар. Это не было его расчетом. Он стал отговариваться и потребовал 1000 мешков, недавно еще получив большую сумму.

Здесь произошло странное Бендерское дело (*смотри Вольтера*¹, *письма Шереметева. Ч. III — etc. Голиков, IV—203*).

Когда, после Варницкой битвы, Карл привезен был в Адрианополь, заключен в Демотику и потом, по представлению французского посланника, переведен в Демирташ, Порта надеялась избавиться от упрямого постояльца, но Карл был непоколебим.

Петр получил известие обо всем, сидя за столом, и тут же сообщил оное всем, тут находившимся. «Вижу,— сказал он *со вздохом*,— что бог его оставил, когда уж на последних своих друзей так нествозствует».

---

¹ Вольтер. История Карла XII, ч. III. М., 1804, с. 120—156.

Лецицкий, схавший к Карлу incognito, был задержан в Яссах в монастыре, потом отвезен в Бендеры, наконец соединился с королем.

Скоро султан раскаялся, он обещал короля во всем удовлетворить. Хан и сераскир Бендерский низложены. Визирь тоже, а на его место возведен капитан-паша Али-Ибрагим. Муфти и Рейс-эфенди сосланы.

1 января 1713 между французским послом и шведским королем установлен следующий договор:

1) Король французский обещает довести султана до войны с Россиею.

2) Король шведский, когда возведет вновь Станислава, обещает Каменец отдать туркам.

3) Порта обещает принудить Россию отдать Польше Киев и всю Украйну.

4) Полякам смотреть, чтоб Россия до казаков не касалась.

5) Французский король обещает два миллиона в Гданске заплатить шведским *помощникам* (?) etc. (сообщено Шереметеву из Каменца генерал-майором Ропом).

Голландский посланник и переводчик его *Тельз* успели, однако, облегчить участь наших министров. Турки, услыша о наших приготовлениях, снова к миру приступили. Министры наши в марте прибыли в Адрианополь. Турки требовали немедленного очищения Померании, ибо под предлогом перехода etc. царь никогда без того из Польши войска не выведет. Министры наши обвиняли французского посла в клевете etc. Между тем визирь и хан (и даже султан incognito) хотели иметь переговоры с Карлом и, приехав в его местопребывание, пригласили его обедать. Карл отказал спесиво. К нему прислали переводчиков для переговоров, он их к себе не допустил.

Вследствие всего этого Порта возобновила 25-летний мир. 3 июля трактат подписан и разменен.

Турки под видом построения крепости отправили в Хотин 100 000 войска и 150 пушек. При оной находился Станислав, Потоцкий и шведские генералы. Догадывались, что Польша имела намерение возвести Станислава на польский престол. Август требовал помощи у Петра.

Петр повелел Шереметеву в таком случае слушаться Августа.

Племянник Станислава, воевода Яблонский, вел интриги противу Августа. Но генерал Гольц и воевода Мазо-

вещий (министры Польши и короля) объявили Порте, что в случае нарушения Карловицкого мира Австрия и Россия примут сторожу Польши. Султан одумался и приказал хану смотреть за Станиславом и запретил туркам и татарам переходить Днестр вооруженным, хотя бы и поодиночке. Карлу снова предписано выехать. Станислав, воевода киевский и шведские офицеры отвезены в Бендеры. Карл лег в постелью и никого к себе не пускал. Турки перестали его уважать и отпускали ему по 70 левков в день на содержание.

Накопец Карл решился ехать. Он писал к султану, двусмысленно благодаря его за прием и угощение, объявлял о намерении своем ехать через Венгрию и Германию и через министра своего Гротгузена просил на дорогу денег, в которых ему отказано. 6 октября 1714 года он отправился в путь *incognito* с четырьмя человеками свиты, через Венгрию, мимо Вены и Ниренбурга, и 22 ноября прибыл в Стральзунд.

Петр ехал из Берлина в Петербург через Раценбург, Гендрихсвальд, Штаргард, Мариенбург, Эльбинг, Митаву, Ригу, Дерпт и Нарву и 22 марта прибыл в Петербург.

Разорения, татарами учиненные, были важные. 1554 были убиты; 14 340 взято в плен. 98 864 скота были отогнаны. Петр молчал, желая управиться сперва со шведами.

Петр осмотрел строения, 25 марта присутствовал при освящении церкви в Невском монастыре во имя благовещения пресвятой девы.

Он стал готовиться к финляндскому походу. Повелел Шереметеву отправить Вейдеву дивизию и три конные полка в Петербург. Между тем занялся устройением торговли. Он манифестом пригласил европейские народы в свою новую пристань, обещая льготу и выгоды. Несколько кораблей явились при Неве, и Петр ознаменовал сей случай выбитием медали (Голиков, IV — 226). №.

В Кронштадте заложены две великие гавани для военных и купеческих кораблей и вскоре окончены.

26 апреля Петр вывел в море галерный флот: 93 галеры, 60 карбусов, 50 больших лодок с 16 050 войска (кроме уже бывших на судах) и отправился в Финляндию, будучи в авангарде, как контр-адмирал, в кордебатании был Апраксин, в арриергардии — генерал-поручик князь Голицын и контр-адмирал граф Боцис.

Между тем в Голстинии союзники готовились с общего совета к блокаде Тонинга. Марта 6 начали готовить фашины и туры. Датские корабли в устье Эйдера взяли 15 шведских судов с амуницией и хлебом.

1 апреля датская артиллерия прибыла на судах. Положено русским перейти Эйдер.

От 1-го до 9-го Меншиков построил через болота и излучины реки мост на несколько миль. Пехота выстроилась в две линии между Олденсфортом и Герефортом, и положено шведов атаковать: датским и саксонским войскам идти противу их, а 3000 конницы и 5000 русской пехоты от Тонинга их отрезать. Русские тотчас пошли к плотине, по которой шведы могли уйти к Тонингу. Плотина имела по одну сторону Эйдер и по другую широкий канал. Но шведы не думали удерживаться в неприступном месте, а, разметав мосты, бывшие на канале, побежали к крепости, куда и ушли. Русские снова навели мост и у болверков крепостных захватили несколько пленных. В сие время прибыли саксонцы и датчане.

Шведы задыхались от тесноты, они выгнали несколько сот офицерских и драгунских лошадей. 4000 их померло в краткое время.

Положено было крепость бомбардировать, сделаны были апроши и кетели. Но саксонцы сему воспротивились.

27 апреля Штейнбок предложил о сдаче своей Меншикову, стоявшему в Олденсфорте, и приехал к нему с двумя генерал-майорами. (Датский король находился в Гузуме.)

При Меншикове был тогда Флеминг и датские генералы и министры. Штейнбок, отдаваясь в плен, требовал себе одних знамен и литавр; но и в этом ему отказано. 3 мая заключена ратификация; 4-го разменена; с 9-го по 15 выходили шведы из крепости: первая бригада при генерал-майоре Паткуле клала оружия перед русской гвардией; Штейнбок с генералами пеш шел к датскому королю. Более 1000 шведов разбежалось и перешло в датскую и саксонскую службу. Сдалось 11 489 (4 генерала, 300 штаб- и обер-офицеров), пушек взято 19; штабдартов, знамен 128 etc. Все было разделено между союзниками. Мы получили большую часть. Датский король подарил Меншикову свой портрет (с бриллиантами). Меншиков пошел обратно в Померанию и дорогою взыскал с Гамбурга 200 000 ефимков.

В силу II-й и XVIII-ой статьи договора пленные должны были быть разменены, а за остальных положен выкуп. Швеция охотно на то согласилась. В Гамбург присланы были деньги и полоненные в Померании россияне и датчане для размена на равное число шведов. Датский король потребовал *всех* русских пленных, иначе на выкуп не согласился. Штейнбок умер в датском плену.

Петр прибыл к Эльзингфору 8 мая. Бригадир Чернышев послан был проведать о неприятеле. Чернышев донес, что шведы в Эльзингфорсе укрепились. 10-го прибыл бомбардирский галиот, и началось бомбардирование. Генерал-майор Армфельд имел в городе 2000 пехоты, 300 конницы. Ночью на 11 мая он зажег город и ушел на соединение с генерал-поручиком Либекером в Бургоу, брал фураж и артиллерию. Мы пошли за ним со всем флотом, и 14-го мая при Бургоу в виду шведов вышли на берег. Приступив к городу, русские уже неприятеля в нем не нашли. Он ушел во время высадки к мызе *Мензола*.

В Бургоу оставили мы 3000-ый гарнизон при генерал-майоре Бутурлине. Положено сделать *в удобном месте* укрепление для сложения провианта, дожидаться генерал-майора Волконского с конницею из Выборга, идти на шведов и овладеть Финляндией. Для отыскания *сего удобного места* Петр отправился на своей галере и выбрал остров *Форзбин*; 28-го мая начались работы.

Купленные в Англии три корабля приведены были Наумом Синявиным к Кроншлоту. Петр отправился туда, дабы отправить те и прочие корабли в море, 6 июня заехал он в Выборг и отправил из магазина к Апраксину 20 000 четвертей хлеба. Повелел Волконскому поспешно следовать к нему же. 7-го ввечеру прибыл в Кроншлот; ночевал на корабле «Полтаве». Осмотрел утром новые корабли, нашед их в сравнении с русскими, *как примышей против родных детей*. Потом осмотрел и весь флот и работы и 12-го июня прибыл в Петербург и, уведомясь о прибытии в Ревель новых пяти кораблей с нанятыми английскими офицерами, послал к ним капитан-поручика Ивана Синявина и повелел вице-адмиралу Крейсу, коль скоро они прибудут к Кроншлоту и будут исправлены, выйти в море противу шведов; Шереметеву, повторяя

повеление выслать Вейде, повелевает оставаться еще в Украине etc.

27 июня, в годовщину Полтавской победы, Петр принимал персидского посла, отправленного для заключения дружеских договоров. Шах, услыша о вооружениях на Кубани, испугался etc. Петр принял посла на яхте и кончил день фейерверком etc., etc.

На другой день новгородскому губернатору Корсакову повелел, чтоб к 1 декабря все дворяне от 30 до 10 лет были к смотру под опасением лишения чести и живота (с похмелья, видно).

Шаутбенахт Боцис известил Петра, что шведских 9 кораблей, 2 фрегаты и 4 ластовых судна пришли к Эльзингфору под начальством виц-адмирала Лелия. Петр, извещая о том (2 июля) Апраксина, обещался прибыть к нему немедленно. Он поехал в Кроншлот, а за ним и персидский посол, коего посадили на военный корабль «Выборг», etc. и показывали эволюции.

Петр занемог и 8-го июля отправился в мызу Кипину для лечения; отпустил посла и повелел виц-адмиралу Крейсу идти противу неприятеля и привести в Кроншлот корабли из Ревеля. Тут получил он от Шафировва известие о мире, коим он был доволен (кроме X-го пункта). В письме к Шафирову Петр уведомляет его, что *уже имеем 13 линейных кораблей о 50 пушках и выше etc.* №3.

Крейс хотел действовать *один*, не в присутствии державного контр-адмирала. Сие предложение не понравилось Петру. «*Уже* вьще 18-ти лет служу сему государству,— писал он Крейсу,— и никогда о том не был прошен, дабы дома яко дитя остался». Крейс отговаривался тем, что не хотел государя подвергать напрасно опасностям (*см. ответ Петра в Голикове, IV—246*).

Петр повелел Апраксину выжить Лелия из Эльзингфорской гавани и потом укрепить город. Потом, захав в Петербург, отправил в Константинополь ближнего стольника Дмитрия Бестужева-Рюмина с ратификацией 25-летнего мира и повелевая ему и Шафирову немедленно по размене ехать в Россию etc.

Князь Куракин (министр Петра в Гааге) известил его, что Англия и Голландия берутся трактовать о мире. Петр предписал ему, по возможности, от их посредничества отговариваться и требовать: 1) чтоб они не предписывали

закона, но принимали только предложения с обеих сторон; 2) чтоб цесарь и ганноверский курфюрст вошли также в посредничество etc.; 3) уверяет их в своей умеренности etc. Петр повелевал сию негосиацию не иначе проводить к концу, как если заметна будет близость окончания дел с Францией и союзными державами; etc, etc. (Голиков, ч. IV — 251. №.)

31 июля Петр с батальоном гвардии отправился в Эльзингфорс на шнаве «Мукер» с пятью галерами etc., etc.

5 августа Петр, претерпев бурю, прибыл вечером в Эльзингфорс.

Апраксин из Боргау, а *Боцис* с галерами и с бомбардирским кораблем уже прогнали шведский флот, который и отплыл к Твереминду. Петр осмотрел укрепленный вход в гавань.

6-го августа генерал-адмирал и генералитет пожаловали Петру чин сухопутного полного генерала (генерал-поручика чин получил он за Полтаву).

Крейс, погнавшись за тремя шведскими кораблями, наехал двумя своими кораблями на подводный камень (клипу). Корабль его «Рига» спасся, а другой «Выборг» (капитан-командер Шхелтинг) был сожжен по снятии с него артиллерии. Шведские суда ушли. Петр предал суду Крейса, капитан-командоров Шхелтинга, Рейса и капитана Дейгрейтера. Они были *оштрафованы*, но продолжали службу.

14 августа Петр осмотрел устья Эльзингфорской гавани и повелел некоторые заметить камнями.

17-го, узнав, что неприятель стоит между Эльзингфорса и Абова у реки Карисланзбра, Петр пошел на него. У реки нашел он только 500 пехоты и 250 конницы при пслковнике Штершанце, стоявших в весьма крепком месте. Шведы зажгли мост; русские, бросив бревна на горящие мостовые клетки, перебрались *ползком*, шведов выбили из укреплений, 6 офицеров взяли, 68 унтер-офицеров и рядовых, а более 100 убили. У нас убито 10 драгун, ранено 5 офицеров и 31 рядовой.

Шведская армия следовала для обороны Абова. Петр пошел за нею того ж 17 августа и 8 сентября въехал в опустелый Абов без сопротивления. Здесь нашел он градскую библиотеку и отправил ее в Петербург. На взятие Абова и завоевание Финляндии выбита *медаль*.

На обратном пути Петр осмотрел свой галерный флот (при Боцисе), стоявший у кирки *Поя*, и на шлюпке подъезжал к шведской эскадре у Твереминда. «Место, где стоит неприятель, тесно, и он стоит zelo осторожно, нападение учинить опасно, особенно в нынешние темные ночи» etc. (*письмо к Апраксину*).

Прибыв в Эльзингфорс, Петр отправил к датскому королю секретаря его Горбоу с уверением в дружбе etc. О неприятеле (на суше) не имели известия. Петр, оставя у Эльзингфорса Апраксина, 10 сентября поехал в Петербург.

Слух о моровой язве, как видно из письма государя, подтвердился. Сам он *едва избыл*. 14-го сентября прибыл в Петербург. 15-го сентября Петр осматривал строения etc. 21-го ездил в Кроншлот и Котлин, осмотрел флот etc. и в донесении Апраксину писал: «Корабли, слава богу, здоровы, кроме „Афтона“» etc.

Потом спущен корабль «Св. Екатерина».

Между тем Апраксин 20-го сентября пошел противу шведов, стоявших при Товастсгусте. Шведы, брося в воду городские пушки, ушли за два озера, между коими течет Пелкин, и там укрепились. Апраксин сделал контрлинию, батареи и несколько плотов. 6-го октября он отрядил генерал-поручика князя Голицына с 6000 и с генерал-поручиком Бутурлиным и генерал-майором Чернышевым. Голицын переправился через озеро и вышел на берег в двух верстах от шведских окопов. Генерал-майор их Лабар силился нас не допустить, но был сбит с места. В то же время граф Апраксин с генерал-поручиком Брюсом и генерал-майором Головиным перешел Пелкин, едва не вплавь, и со всеми своими силами напал на укрепления. Шведы три часа оборонялись, наконец выбиты. Генерал-майоры Армфельд, Лабар и *Фитингоф* (в «Журнале Петра Великого»: *Рамз*) бежали. Войска у них было до 7000, взято 233 (офицеров 143), убиты 1 полковник, 19 офицеров, 562 унтер-офицера и рядовых, весь урон до 4000 (Венецианская история). Русские потеряли: 1 полковника, 1 подполковника, 4 офицеров, 112 унтер-офицеров и рядовых; ранено: офицеров 21, унтер-офицеров и рядовых 534 etc. Выбита медаль.

В Померании владения Швеции оставались без защиты. Шведский генерал-губернатор граф Веллинг 10 июня заключил с администратором Голштейн-Готорпским до-

говор в Гамбурге, по коему отдавал Веймар и Штетин в покровительство герцогу. А сей, не надеясь на свои силы, отдал их в *секвестрацию* королю прусскому, и с согласия графа Веллинга 22 июня в Берлине и заключен следующий договор.

Шведам выйти из городов, куда укажет идти король прусский.

Правление и гарнизон поручить Пруссии и Голштейну пополам.

Король и администратор будут их защищать и возвратят потом королю Швеции, получив плату за убытки etc.

Стральзунд и Руген приняты в ту же секвестрацию.

Штетинский губернатор граф Мейерфельд на сие не согласился, *без указа Карла XII*.

Король прусский не сносился с северными державами. Меншиков, уговорясь в Ванцбеке (9 июня) с министрами датским и саксонским, оставил часть союзных войск в Померании при Флеминге атаковать Стральзунд и Руген. Руген взят был (1700 русскими), и шведы отступили в Стральзунд.

Меншиков предлагал королю прусскому, взяв Штетин, отдать оный под его секвестр. Но переговоры не состоялись. Прусский король не дал обещанной артиллерии. Положено взять Штетин одними русскими войсками с саксонской артиллерией, а потом отдать его или Голштейн-Готорпскому герцогу и польскому королю, или прусскому королю etc.

Англичане желали мира между Швецией и Россией, но их медиация Меншиковым отвергнута, и он приступил к Штетину, где находилось 3900 пехоты, 160 драгун, 150 французов да мещан вооруженных 4000.

Меншиков послал к Мейерфельду для переговоров Башевича, голстинского посланника (Bassevitz), но тот его не принял и приготовился к обороне.

Меншиков повел фальшивую атаку на Штерншавц (от Штетина в четырех милях), крепость с четырьмя тайными подкопами, и с другой стороны взял его студеным оружием. Подкопы не были запалены оторопевшим неприятелем.

Штетин вскоре потом сдался и отдан королю прусскому в секвестр. 21 июня город сдался. Мейерфельд и

генерал-майор Стюарт с 2800 всѣска выступили, 1873 остались в городе и по уговору приняли голстинскую службу. Прусский король прибыл в Stetin, и Меншиков сдал ему оный при следующих условиях.

Прусский король возвратит Stetin Швеции *не прежде мира* и будет пещись о невпущении шведов в Померанию. Он заплатит царю 400 000 рейхсталеров, а герцог Holstein-Готорпский столько же королю польскому etc., etc.

Король датский и польский были тем недовольны. Король датский досадовал за то, что принят был в союз голстинский герцог, его неприятель etc.

Петр отвечал, что король датский знал обо всем (кроме последнего пункта) из договора, заключенного северными союзниками в Шведе, на коем подписался и Девиц (датский министр), что король Пруссии без секвестра Померании не вступил бы в союз etc., и последнее сваливал он на Флеминга.

Петр через посла своего князя Долгорукова обещал датскому королю не ратифицировать сего договора и через графа Александра Головкина делал и представления прусскому королю. До какой степени был он искренен, неизвестно, но переговоры длились до 1 июня 1714 года.

Петр повелел Меншикову возвратиться в Россию, наблюдая в Польше строжайшую дисциплину. Репнину же повелел послать в Померанию 6000 войска при генерал-майоре Яковлеве, а с остальными идти к границе.

В то же время по донесению фискалов предали суду ослушных судий и виноватых в злоупотреблении по провиантской части.

Прибывшие из Москвы сенаторы донесли Петру, что вопреки указу 1711 года многие дворяне от службы укрываются. Тогда Петр издал тиранский свой указ (от 26 сентября), по которому доносителю, из какого звания он бы ни был, отдавались поместья укрывающегося дворянина.

5-го ноября указ, повелевающий купцам новгородским, псковским и проч. возить все товары свои только в Петербург etc., etc.

Он повелел доктору Шоберу издать описания целебным водам терским.

Генерал-адъютанту Девиеру повелел устроить ревальскую гавань etc.

Боярину Петру Апраксину и генерал-аудитору Глебову повелел размежевать турецкую границу etc.

25-го в море Петр встретился с Апраксиным и с ним приехал в Петербург.

К датскому королю послал он генерал-адъютанта Ягужинского с подробной инструкцией (IV—283).

План Петра открыт был датским королем. Австрийский император назначил быть в ноябре съезду в Бруншвиге (Brunswick). Северные державы были приглашены. Но шведский король не согласился на посредничество Австрии, прежде, говорит он, мира с Францией. Он просил только цесаря, чтоб он заставил прусского короля и голстинского администратора возвратить Швеции Померанию. Конгресс остался в бездействии, а Петр стал готовиться к войне. Между тем рассеял по Швеции свои манифесты.

В Стокгольме оказались волнения. Они были прекращены; но сенат, по просьбе мещан, обратился к принцессе Ульрих-Элеоноре, прося *ее присутствия* в сенате.

Принцесса, с общего совета, решилась вступить с Россией в мирные переговоры. 14 декабря назначено быть государственному съезду. Карл, узнав о том, прислал грозный указ сенату, и благие намерения остались без следствия.

Указы 1713

О браке пеньки etc.

О небытии в подьячих распопов etc.

О курении помещиками виба про свой обиход, а не в продажу.

О 300 000 медных денег (сверх 200 000).

О выборе из царедворцев в ратушу (?).

О делании поташа из сучьев дерев, негодных на корабельное строение.

О переписи лошадей (кроме жеребят) и о пошлине по 10 коп. с лошади.

О беглых солдатах и крестьянах.

О невступании фискалов в челобитчиковы дела, а ведаться челобитчикам в сенате.

Крестьян, изувечивающихся во избежание матросства, бить кнутом etc.

О подрядах etc.,

Объявить казанским и азовским магометанянам (владельцам крестьян) повеление креститься через полгода, а коли не пожелают, отписывать дома и крестьян в казну etc.

О прогонах от Петербурга до Новгорода по копейке на одну версту, а от Новгорода до Москвы по деньге. Без прогонов подвод никому не давать.

О взятии с Дерпта по 25 000 ефимков в год (с округа).

Петр, узнав, что несколько полков саксонских вступили в Курляндию, писал рижскому губернатору Голицыну, чтоб он от них остерегался; ибо подозревали Августа в тайном сношении с Карлом. Гетман Синявский извещал Шереметева, что король прусский и польский готов был заключить со Швецией союз противу царя (Голиков, IV—299, примечание).

2 февраля Петр в Ревеле (с Апраксиным) заложил гавань.

3-го отправился один в Ригу через Пернау и прибыл туда 6-го.

Он повелел Репнину из Смоленска выслать ко Пскову семь полков — к марту.

Получив от Ягужинского из Копенгагена неудовлетворительный ответ от датского короля, Петр сам писал ему свои жалобы и проч.

Голстинский администратор предлагал союз Петру.

Между статьями одного замечательно:

Предложение Финляндию отдать Голстинии.

В случае восшествия на шведский престол молодого герцога отдать ему *наследственные владения*.

(На первый пункт Петр согласился, на второй — нет: *«сей пункт есть зело деликатный, и сенс¹ одного»* зело на тонких ногах носит свое седалище.)

Предложение молодого герцога жениться на старшей царевне Анне. Петр писал: *без воли ее того сделать не могу, хотя и отец.*

¹ смысл (англ.— sense, франц.— sens).

Иггрию и Ингерманландию Петр решительно прочит себе. О Тонинге и проч. предоставляет решить на Бруншвейгском конгрессе.

В Риге Петр пробыл пять дней. С обер-инспектором Исаевым сделал разные положения о торговле и проч. (*смотри истинный анекдот о мощах девиц фон Грот*).

Из Риги Петр выехал 11-го и прибыл в Петербург 15 февраля. 16-го перевезены трофеи победы над Штейнбоком.

В отсутствие Апраксина князь Михаил Михайлович Голицын был главнокомандующим в Финляндии. Он пошел к городу Вазе, где стоял генерал-майор Арсфельд с 8000 войска. 19 февраля у деревни *Лапола* войска сошлись. Шведы ударили в штыки, но русские приняли их мужественно, 5135 неприятелей положено, в плен взято 500 (24 офицера), 7 пушек, 20 знамен и проч.

В честь сей битвы выбита медаль.

Сею победою Финляндия очищена. Петр был в восхищении.

Дан указ Сянявину ехать в Ревель для смотра кораблей, найма иноземцев и проч.

Петр в Гаагу писал послу своему, чтоб он ехал на Бруншвейгский съезд, а английскому посланнику барону Дешаку повелел покаместь быть в Голландии при Штатах.

Но конгресс не имел никаких следствий.

Издана инструкция полная фискалам.

Для детей дворянских и приказных учреждает арифметические школы в домах архиерейских и в монастырях.

Славный указ о наследстве *одному* из сыновей по воле отцовской издан был в сем году. Петр долго его обдумывал и изъяснил самым подробным образом.

Учреждена новая пошлина по 10 денег с 1 руб.

Позволяет просить государя только на сенат, а ниже — по инстанциям.

Заведены везде *протоколы*. Дела велено решать по большинству голосов.

Производство в чины положено по старшинству и по засвидетельству начальства. В полковники производить одному государю.

Изданы постановления торговые: иностранцам за их товар платить их же монетою (вероятно, пслорченной).

О строении печей, крышек и проч. Указы велено печатать.

По кончине любимой сестры своей Наталии (Korb) ¹ повелел, пристроив чулан с улицы к богадельне, находившейся в ее доме, принимать незаконных детей и проч., и проч. (Голиков, IV—322).

Указом от 6 мая повелено губернаторам осматривать *опустелые жилища*, с коих пошлин и рекрут не берется, под опасением лишения чести и живота и проч., а места переписать и проч. (№. Люди бегали на Дон и в Сибирь, также и от помещика к помещику). Главным исследователем — гвардии майор Андрей Иванович Ушаков.

Из указа о лоскутках и тряпичах (для бумажной фабрики) видно, что пуд стоил 8 денежек.

За привод живого лося давать по 5 руб.

Шведам, умеющим по-русски, повелено переводить книги с шведского языка.

Книги, переведенные в то время, см. ч. IV—327. Анекдот о переводчике Пуфендорфа и проч. Штелин (вранье).

9-го мая Петр из Петербурга вывел великий флот (по иным показаниям — 30 линейных кораблей, 80 галер, 100 фрегатов; а по другим — 16 линейных, 180 других судов и проч. Сам же Петр: *«ныне есть линейных 20»*).

20-го мая с сим флотом Петр отправился в Финляндию и писал гетману Скоропадскому о беглых и проч.

Сибирский губернатор князь Гагарин донес о золотом песке, находимом в малой Бухарии, в калмыцком владении при городе Эркети. Царь повелел у Ямышева озера построить крепость и 2000 войска послать на овладение Эркети и взять в рудокопные мастера шведов. Начальником экспедиции назначен гвардии капитан Бухольц («Ежемесячные сочинения», 1760 года).

О сем Петр сообщил бывшему тогда в Петербурге хивинскому посланнику. Сей подтвердил тобольское известие и прибавил, что при реке Аму-Дарье находится таковой же золотой песок в большой Бухарии.

Сие подало повод к исследованию той стороны, а со временем дало мысль о торговле с Индией.

22 мая Петр с корабля «Св. Екатерины» дал инструкцию Ушакову: I) осмотреть московские подряды, что не без кражи производятся, и уведать хотя одно дело,

---

¹ Кorb Иоанн. О его «Дневнике путешествия в Московию» см. «Примечания», с. 418.

II) осмотреть военную канцелярию, III) в Московской губернии разведать тайно ратушные и иные дела и проч., IV) о беглых, об укрывающихся от службы и проч.

Синявину тогда же дан приказ разведать о шведском флоте.

22-го же мая был совет и положено: государю (яко шаутбенахту) идти с корабельным флотом к Ревелю, а с ним и галерной эскадре при генерал-майоре Головине. Флоту же галерному идти с Апраксиным к Або и, в случае встречи со шведским флотом, дать знать государю.

Петр послал Выборгскому губернатору Шувалову повеление идти взять Нейшлот.

11 июня Петр прибыл в Ревель и нашел там два корабля, один из Англии, другой из Архангельска.

В то же время приказал Петр на содержание лазаретов собирать с вечных памятей пошлины *вдвое*.

Указ о приводе беглых отсрочен до 1-го апреля, а потом до 1-го сентября.

Петр указал всем казенным подрядам быть гласным.

Дома в Петербурге велено строить: дворянам 150—один дом; купцам и проч. 300—один дом, и все было бы к осени готово.

30 июня писал Петр датскому королю, прося у него эскадры из пяти или семи кораблей. Петр ему пенял за его бездействие, припоминал свои заслуги, советовал не надеяться на Бруншвейгский конгресс и проч. (Голиков, IV—344).

14 июля Петр при польском дворе вместо Долгорукого определил Матвеева (тайного советника).

Того же 14-го оказалась на царском корабле чума. Это спасло пять шведских кораблей от преследования. В тот же день дан указ сенату решить дела по *точному смыслу* Уложения. 16 июля, осматривая новоприбывший из Голландии корабль, Петр получил от Апраксина известие, что шведский флот у Ангута, а что адмиралу пройти туда невозможно. Апраксин требовал от господина шаутбенахта или диверсии, или его прибытия во флот. Петр с общего совета отправился в Эльзингфорс к Апраксину, но за противным ветром воротился в Ревель.

20-го числа прибыл Петр в Твереминд к Апраксину; на другой день осмотрел неприятеля. 22-го ездил по берегу для того же. Шведских было 13 кораблей, 6 крьюисеров, 4 фрегата, 1 блокгаус, 2 бомбардирных галиота,

2 шнавы, 6 галер да видны были за островом еще 3 *корабля*. Флот был под командой адмирала Валтранга, вице-адмирала Лелия и двух шаутбеахтов (см. примечание Голккова, ч. IV—350).

Твереминдская гавань имеет узкий выход. Вывести из оной флот в глазах неприятеля было опасно, к тому же неприятель мог оный и запереть. Петр положил до 80 легких галер перетащить через перешеек и воспользоваться диверсией. Петр ездил с Апраксиным осматривать место (длиною 1170 сажень) и повелел делать приуготовления. Между тем слышали на море пальбу. Известилось, что Лелий отделился от флота и в 14 парусах направился, вероятно, к Ревелю или против наших галер. Петр с 35 галерами пошел к ближним островам и удостоверился в истине первого предположения; у Лелия были и бомбардирные галиоты. Петр потребовал к себе Апраксина. Лелий вышел из шхер и поворотил к Твереминдскому устью; тогда дано повеление нашему галерному флоту выходить из гавани, а 20 галерам велено проехать мимо шведского флота; по них встревоженные шведы стреляли, но за безветрием погнаться не могли. После того и остальные 15, бывшие при самом государе под начальством *бригадира Лэфорта*, счастливо же прогребли.

Шведский адмирал поднял белый флаг, давая знак Лелию возвратиться. Тут узнали, что у перешейка явились девять неприятельских судов. Велено Змаевичу (капитан-командору) с галерами атаковать сию эскадру; ночь тому помешала. 27 июля весь наш галерный флот выступил, дабы пробиться сквозь шведский (на коем было до 1127 пушек). Он прошел благополучно под страшным огнем; одна только галера села на мели и взята. Апраксин соединился с Змаевичем и послал к командиру шведской эскадры (девять судов), чтоб он сдался. Получа отказ, Петр с генералом Вейдом напал на эскадру: бой продолжался от третьего до пятого часа, эскадра была взята, командир оной шаутбеахт Эрншильд был взят в плен, на которой хотел уйти (Голиков, IV—354).

Пушек взято 116. Шаутбеахт, капитан-командор, 3 капитана, 3 лейтенанта, 10 офицеров, матросов, рядовых и проч. — 913; убито 9 офицеров и 352 унтер-офицеров и рядовых. У нас убито: 1 полковник, 7 офицеров, 132 унтер-офицеров и рядовых; ранено: бригадир Волков, 16 офицеров и 309 солдат и унтер-офицеров.

Сия победа и завоевание Аланда привели в ужас Швецию. Двор готовился к выезду в Дротнинггольм, стали Стокгольм укреплять, но Петр не хотел разделить войско и отправился с флотом к Абову.

13 августа в Военном совете на Адмиралтейской галерее положено: идти флоту *по Норд-Бодену от оста* и, прогнав от берегов шведа, овладеть всею Финляндиею.

15 августа Петр отправился на пяти галерах с пленной эскадрою в Петербург.

Полковник Шувалов меж тем осадил Нейшлот, который и сдался 29 июля (медаль).

Петр с Апраксиным расстался в Эльзингфорсе, положено прежде корабельному флоту идти на зимовье к Кроншлоту, а части оного остаться в Ревеле. На пути узнал он об окончании разграничения с Турцией и о смерти английской королевы. Петр потребовал Апраксина в Петербург.

29-го августа ревелские военные корабли соединились с Петром. Петр перешел на корабль «Св. Екатерина». 31-го между Кроншлотом и Березовыми островами сделалась буря; 1-го сентября усилилась (см. «Журнал Петра Великого»). Венецианский историк говорит, что Петр сел на шлюпку и в самую ночь переехал на Березовые острова, дабы, дав оттоле сигнал, ободрить своих людей etc. (*невероятно*).

Петр торжествовал морскую победу свою, как Полтавскую. Екатерина родила ему 12-го сентября дочь Наталию.

Петр прибыл в Кроншлот 4 сентября. Его приняли с пушечной пальбою, на которую он отвечал. Меншиков и прочие вельможи прибыли к нему на корабль. На Котлине Петр пробыл три дня для исправления флота, поврежденного бурей. 6-го отправился в Петербург на шести галерах и с пленной эскадрой. Двое суток еще противный ветер, дождь и туман препятствовали его въезду. Эскадра отправлена к устью Невы. В Екатерингофе встретила Петра Екатерина.

9-го сентября был торжественный въезд, народ кричал *Ура!*, перед знатными домами палили из пушек etc. (см. Голиков, IV—362).

Триумфатор, остановясь перед дверьми присутственной палаты (в сенате), велел доложить о себе его вели-

честву князю-кесарю и подал ему рапорт. Князь-кесарь пожаловал его в вице-адмиралы, а на Вейде возложил Андреевскую кавалерию. Офицерам даны медали. *См. письмо Петра к Апраксину от 12-го сентября* (были мы все у руки его величества).

Тут помещен у Голикова анекдот из Штелина о решении адмиралтейской коллегии etc.

Петр, возвратясь на свой корабль, выкинул флаг вице-адмиральский. Потом обедал у князя Меншикова, угощал Эрншильда etc.

Целый месяц Петр каждый день присутствовал в сенате, принимая отчет в управлении государственном. Указ о дворянских детях подтвержден был с тою же строгостию, а доносы по оному повелел подавать самому себе.

28 сентября спустил военный корабль «Шлиссельбург».

В сие время издан тиранский же указ о запрещении во всем государстве каменного строения под страхом конфискации и ссылки. О французских мастерах писал он в Париж, обещая им льготу на 10 лет, готовые дома etc.

Здесь Голиков поместил манифест 1702 года об иностранцах и о свободе вероисповеданий.

В сие время прибыл в Петербург посланник от Мехмета-Баядур-хана¹. Он просил царя повелеть Аюке-хану² жить в согласии с ним, а за то обещал он 50 000 вспомогательного войска и свободный путь русским караванам в Китай.

Петр повелел Шереметеву *всех* офицеров, а равно и детей офицерских от 7 до 20 лет выслать к нему на смотр в Петербург по зимнему пути и к 1 января и самому фельдмаршалу быть в Петербурге же.

26 октября спустил корабль «Нарва», и послал гвардии капитана Румянцева в Архангельск набрать опытных мастеров 500 чел.

Финляндия была очищена. Шведы нигде уже не показывались. Апраксин послал генерал-майора Головина в самую Швецию. Сей в местечке Умы с 800 войск вышел на берег и напал на генерал-майора Рамзо, который

---

¹ Киргизского. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

² Калмыцкому. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

бежал, брося обоз. На обратном пути Головин во время бури потерял 5 галер, 6 шлюпок etc.

Апраксин поручил галерный флот князю Голицыну, а конницу генерал-поручику Брюсу. 18-го сентября поехал в Петербург — на море и у него разбило бурей 11 галер, 5 лодок etc. Петр повелел ему из Выборга ехать в Петербург сухим путем как можно скорее.

24 ноября Петр возложил на Екатерину орден св. Екатерины.

К Невскому монастырю приписаны из других монастырей (наипаче из Троицкой лавры) 1654 двора.

Из Царьграда прибыли барон Шафиров и граф Толстой. Граф Михаил Борисович Шереметев умер в Киеве.

Тогда же дан указ московскому коменданту Ивану Петровичу Измайлову, дабы с шведскими пленниками поступать в России, как с русскими поступлено в Швеции. (Голиков, IV—390).

Провиант некогда доставляли *натурою*, но Петр положил собирать соразмерную подать. Злоупотребления завелись, с году на год увеличивались, и наконец государственные доходы видимо уменьшились, между тем как угнетаемый народ роптал и жаловался втуне. Ушаков и фискалы открыли источник беспорядков. Петр в гневе своем повелел Ушакову прислать к нему преступников: московского вице-губернатора Ершова, Артиллерийского приказа судью Зыбина, комиссаров и секретарей того приказа etc., etc., забрать все таможенные и кабацкие книги, счетные выписки etc., фискальские книги etc.

Новгородскому губернатору Ивалу Юрьевичу Татищеву приказывает описать Корсакова пожитки, грозя смертною казнию укрывателей etc.

Измайлову с многими преступниками повелевает выслать дело *артиллерийского извозчика* Золотопрядова, употребившего из архангельских сборов 6000 рублей на домашние расходы Брюса, дела о недоимках etc.

Петр в начале 1715 года учредил следственную комиссию под председательством князя Василия Володимировича Голицына (генерал-поручика и гвардии подполковника). Преступниками явились князь Меншиков, граф Апраксин, генерал-фельдцейхмейстер Брюс, президент адмиралтейский Кикин и вице-губернатор Корсаков etc., etc.

Многие општрафованы денежно, другие сосланы в Сибирь, некоторые наказаны телесно, другие смертью etc. *Кикин* и *Корсаков* наказаны жестоко (?).

С другими Петр примирился, празднуя их помилование пушечной пальбою, etc., etc.

Указы 1714

Издан указ о лихоимстве, ибо прежде противу оного ничего не было указано. До того дошло, что были и подряды вымышленные.

Лифляндские пленники возвращены на их жилища. Заведен аптекарский сад.

Изданы 16 морских карт Балтийскому морю. См. «Ежемесячные сочинения», 1761.

Указ о фискалах:

Должность их состоит во взыскании безгласных дел:

- 1) всякое преступление указов, 2) взятки и кражу,
- 3) дела, на коих нет челобитчика.

Обер-фискалу иметь четыре помощника (2 из купцов).

Во всяком городе быть по 1 по 2 фискала.

№. №. Указ о майоратстве.

Быть протоколам во всех присутственных местах и в полках. Голоса подавать с младшего чином, о решении дел по большинству голосов и о подписывании решений всем судьям.

О строении каменном на городском и адмиралтейском острове (в Петербурге), а в прочих местах деревянном по плану архитектора Трезина etc.

№. №. О дворянских детях.

О строении на каменном фундаменте.

О привозе дикого камня, на больших судах по 30, на других — по 20 и 10. Также и на возах по 5 фунтов (?пудов?), за непривоз брать по 10 коп. на камень.

Зачитать в рекруты *переведенцев* из господских крестьян.

Запрещение возить товары в иные порты, как Петербургский, отменяется.

О непродаже *русского* платья и сапогов; ослушников лишать имения и ссылать на каторгу.

Карл XII выехал из Турции 6 октября 1714-го года и 22 ноября (*Voltaire, 21 novembre*)¹ прибыл нечаянно в Стральзунд.

Он стал приготавливаться к войне, послал генерал-майора Ливена в сенат со строгим указом набирать людей и денег и отправить все в Померанию, повелел своим *каперам* нападать на *все* чужие корабли, входящие в *Северное* море, а от прусского короля требовал возвращения Штетина. Прусский король требовал сперва заплаты денег и обещания не беспокоить земель датских, польских и саксонских. Карл XII отвечал, что он денег никаких платить не намерен, потому что, вероятно, и король ничего не истратил.

Любский епископ и администратор голстейнский прислали в Стральзунд поздравления. От последнего явился *Герц*, франконец, впоследствии любимец Карла XII.

Король принял предложение от Фридерика, наследника гессен-кассельского владения, о браке его с *Ульрикою-Элеонорою*, который и совершился 4 апреля, а принц объявлен генералиссимусом шведских войск.

Следствие о лихоимстве и других беспорядках было окончено, виновники наказаны или прощены. Петр повелел ближней своей канцелярии сосчитать все губернии, все канцелярии, приказы, денежные дворы, соляной сбор и армейских комиссаров с самого 1710 года, т. е. со дня открытия губерний. Начали с канцелярии военной, ад-

---

¹ Вольтер, 21 ноября (*франц.*).

миралтейской, артиллерийской и Московской ратуши. Повелено во всех присутственных местах быть по секретарю и подьячему и им вести ежедневный счет, казну держать за печатью секретаря, не счеши в чины не производить etc.

По третям повелено ведомости отсылать в ближнюю государеву канцелярию.

Положено новое жалование, именно губернаторам — 1200 р., 600 четвертей хлеба (петербургскому вдвое).

Вице-губернаторам — 600 рублей и 300 четвертей (петербургскому 3000 и 300 четвертей).

Ландрихтерам по 300 (петербургскому 600).

Обер-провиантмейстеру 400 р. (каждому 150 четвертей).

Обер-инспекторам таможенным, петербургскому и рижскому — 1200 р.

Комиссарам, с.-петербургскому и *из губерний, при сенате находящимся*, по 120 рублей и по 60 четвертей, губернским — в половину того. Секретарям 120 и 60 четвертей, подьячим *старым* 60 руб. и 30 четвертей, *средней статьи* 40 р. и 20 четвертей, *молодым* 15 руб. и по 10 четвертей (петербургским и *завоеванных* провинций вдвое). Петр указал в городах, где нет гарнизонов, быть *ландрату* на 5536 дворов и при нем комиссару, 4 подьячих и 12 конных рассыльщиков, а на их содержание устанавливается сбор по гривне с двора. Жалования ландратам по 120 р. и по 120 четвертей (подьячим см. выше). Рассыльщикам по 12 р. и по 12 четвертей. На дрова, бумагу и проч. 100 р., тоже и комендантам. (№. Остальные деньги делить меж собою.)

Ландратам съезжаться раз в год для счетов к губернатору.

Посадских людей повелено судить *выборным* бургомистрам etc.

Повелено по вершении дел брать *за труды* с правого по 3 процента, а с виноватого по 10 etc.; за неправую апелляцию истчик платит вдвое. См. ч. V—13, примечание.

15 января указом велено подметные письма тому, кто подымет, не читая жечь на том же месте.

Утверждает безопасность доносчика и ставит в пример фискалов, повелевая приходить к царскому двору и

объявить караульному сержанту, что он имеет нужное донесение etc.

Петр заступился в Польше за Огинского, воеводу троцкого etc. у короля Августа.

Петр указал достроивать Петропавловский собор и прежде колокольню, для которой выписал он из Голландии часы с курантами за 45 000 р., также каменный гостиный двор на Петербургской стороне, почтовый двор для приезжих иностранцев и при нем залу для ассамблей. В Петергофе заложить дворец и выкопать канал от моря до дворца etc.

Тогда же велено на Выборгской стороне строить военную госпиталь и при оной анатомический феатр.

Петр учредил Морскую академию для обучения гардемаринов (*aspirants*) в описном доме Кикина, близ Адмиралтейства.

Кубанские и ногайские татары, соединясь с некрасовцами под начальством Бахты-гирея и Нурадина, учинили набег под Астрахань, разорили до 10 000 кибиток калмыцких и астраханских татар etc. Но астраханские полки их нагнали и отбили пленных мурз и ясачных татар.

Работы в Петербурге и на Котлине продолжались etc.

Петр дал отсрочку еще на год беглым солдатам и матросам и возобновил строгий об оных указ; повелел принимать у подрядчиков сухари сухие и добрые весом по 4 пуда с $\frac{1}{4}$; рубить на дрова лес еловый, осиновый и валежник, а во всей Ингерманландии дубу, ясеня, вязу и липы не рубить etc. Повелено доносить о взятках, по сколько и за что, под опасением за утайку наказания и разорения.

№3. Петр повелел *крон-принцессе* отпустить за треть года 10 250 р. (следственно всего 30 750), треть из оных серебром, а 2 трети медью.

№3. Червонец шел в 2 рубля. (Голиков, V—25).

12 марта Петр отправил в Женеву коммерции советника *Лефорта*.

17-го марта посланника в Польшу князя Григория Федоровича Долгорукова (в Пруссии был тогда граф Головкин). В инструкции, данной ему, Петр предписывает наблюдать за королем, стараться иметь хотя Республику на своей стороне, повелевает ему в силу 9-ой статьи мира в 7194 (1686), заключенного с Польшей, заступается за свободу греческой веры в польских владениях etc.

26-го марта Петр отправил в Ревель Ягужинского для *тайного* заготовления провианта и под оный шнав и фрегатов. А капитану Бредалю крейсировать между Готландом и курляндских берегов. Бредаль в апреле вышел в море, напал на три шведских капера, взял их и сжег etc.

В апреле Петр отправил Ягужинского в Копенгаген и между прочим повелел тамошнему посланнику нашему, князю Василию Долгорукову, достать учреждения и устав коллегиям и чинам, каждого члена также и земских и других правителей, *«ибо мы слышали, что и шведы у них взяли»*. (См. ч. V—33, примечание.)

Госпиталь заложена тогда же, и отдал ее в ведомство Адмиралтейской коллегии и Кригскомиссариату.

Петр роздал в награждение, как своим, так и иноземцам, завоеванные земли и определил *полный* пенсион вдовам офицерским.

(?) Госпиталь для гражданских чиновников учреждена не прежде, как в 1718 году (Голиков, по словам Неплюева). В конце 1714 года ландграф гессен-кассельский предложил в Ораниенбурге, что он беретя выплатить прусскому королю 400 000 рейхсталеров с тем, чтобы Штетин возвращен был Швеции и чтобы Пруссия не позволяла Швеции и Саксонии вступать, первой — в Саксонию, а второй — в Померанию. Прусский король не согласился под различными предложениями (V—38—39).

Австрийский император писал от 14 марта к Карлу, чтоб он для мирных переговоров прислал бы своих министров на Брюнсвицкий конгресс: французский двор прислал графа de Croix (de Croisy?) для примирения шведского и прусского короля. Карл упрямылся и готовился на войну со *всеми* своими врагами.

Вследствие сего короли прусский, датский и польский решились осадить его в Стральзунде и просили Петра о помощи, на что он охотно и согласился. А как военные суда шведские нападали в Балтийском море на купеческие, то союзники склонили и курфюрста ганновского, в 1714 году вступившего на престол Англии, пристать к их же стороне. Княжества Бременское и Верденское, завоеванные у Швеции, были ему уступлены от датского короля.

1 мая Петр, спустя 64-пушечный корабль «Ингерманланд», занялся устройением своего флота, а князю

Репнину повелел с тремя полками войти в Курляндию и, расположась по морскому берегу, наблюдать за неприятельским флотом. А сам отправился осматривать работы Кроншлота и Котлина. 27-го мая скончалась царица Наталия Петровна, от роду было ей 2 года и 3 месяца.

Петр 29-го был уже опять в Кроншлоте, оттуда ездил в Петергоф, писал Апраксину об отправлении крейсировки к Готланду etc.

27-го июня в Котлине спущен еще новый корабль, и отправлен в Персию послом Артемий Волынский, придав ему в свиту нескольких ученых.

В Китай отправлен медик англичанин Лоренс Ланг.

Черногорский митрополит Даниил Негуш, приезжавший к Петру с жалобами и просьбами, отпущен с обещаниями и деньгами. Петр советовал черногорцам, бунтовавшим в 1711 году, помириться с Турцией, а в случае войны опять взбунтоваться etc., сношения с Черногорией продолжались и потом.

Петр осматривал молодых дворян, высланных на смотр в Петербург и представленных Ушаковым. Некоторые записаны в солдаты в гвардию, другие посланы в чужие края (в том числе было 213 обучавшихся в Московской академии).

Петр подтвердил перед отъездом из Петербурга тиранский свой указ о явке дворян на осмотр в Петербург, положив последним сроком 1 сентября.

6-го июля флот наш под начальством Апраксина и Петра вышел в море.

20 июля Петр отлучился с эскадрою своею осмотреть Гапсаль.

В Балтийском море находились эскадры: 1) английская при адмирале Норисе и 2) голландская при шаутбенахте Дефете.

Петр повелел: 1) князю Репнину со всеми полками идти к Ковне и оттоле к Торупю на прусскую границу. 2) Генерал-поручику Боуру туда же идти с драгунскими полками. 3) Фельдмаршалу графу Шереметеву ехать к армии туда же и потом следовать в Померанию. 4) Генералу Вейду, стоящему в Лифляндии, укомплектовав свои полки, идти за фельдмаршалом.

От Гапсаля Петр прибыл в Рогервик и определил быть там военной гавани.

Петр писал в Ревель к тайному секретарю Остерману об адмирале Норрисе, заботясь об его салютовании в честь нашего флота, просит задержать его до своего приезда etc.

26 июля государь посетил адмирала английского, а 28-го шаятбенахта голландского. 31-го угощал он их у себя на корабле.

Потом государь и государыня кушали у адмирала, а матросам повелел дать по две бочки французского вина на каждый корабль.

11-го августа писал Петр к Шереметеву, понеже союзники одни хотят нашего войска, а другие — нет, то ждать решения их, а покаместь вести войско как можно тише. В Англию к капитан-поручику Снявину писал он о высылке Ф. Салтыкова, яко подданного, под арестом за злоупотребления.

21 августа приказывает Шереметеву идти немедленно.

30-го Петр прибыл в Петербург.

На другой день издал указы: 1) о неподбивании сапог гвоздями и скобками, ибо таковые портят полы. Купцам торговать оными запрещено под страхом ссылки, 2) о строении всяких судов по данной форме, 3) о том, чтобы перенятое на воде оставлять неделю на берегу (в пользу хозяев), а за переём брать пятую часть, 4) строиться в дозволенных местах с указа князя Черкасского и по данной форме, за ослушание конфисковать дом, а штрафу взять в госпиталь по 10 рублей за покой.

Облегчены средства к строению домов в Петербурге (см. ч. V—59, также Штелина) etc.

Екатерина приказывает в отсутствие Петра выстроить Саркосельский дворец.

От 8-го сентября Петр писал в Англию к капитан-поручику Снявину о закупке пушек etc., о найме людей, что с колоколами в воду ходят etc.

Тогда же к Ушакову о списке недорослям, записавшимся в Московскую латинскую школу.

В Польше вспыхнуло возмущение, коему поводом были утеснения, чинимые Августом, и самовольные сборы, им налагаемые для продовольствия саксонских войск. Петр спешил предупредить междуусобие, писал к Потю (литовскому гетману), уговаривая его повиноваться, а к Августу, советуя ему умеренность etc.

Петр в сем случае заступился сильно за *вольности и конституцию* Польши, но междуусобия не прекратились. Составилась конфедерация, в коей маршалом избраи ротмистр Гуржинский, и в октябре были некоторые схватки между конфедератами литовскими и драгунами саксонскими.

3-го октября Петр опять издал один из своих жестоких указов: он повелел готовить *юфть* новым способом, по обыкновению своему за ослушание угрожая кнутом и каторгою.

9-го октября Петр в Шлиссельбурге праздновал взятие оногo. Там узнал он <о> рождении внука своего Петра Алексеевича (впоследствии Петра II).

Приехав в Петербург, нашел он невестку на смертном одре. Он прогневался на сына и писал к нему (11-го октября) укоризненное письмо, в коем, однако ж, отдает справедливость его *разуму*.

Петр больной в карете приехал проститься с умирающей царевной, которая ему поручила своих детей Наталью и Петра. В девятый день по своим родинам она скончалась. 27 октября было погребение. Ей было 21 год от рождения. Замужем была она 4 года и 6 дней.

Между тем (21 октября) Петр издал указ о делании широких полотен, вместо узких, за ослушание положив конфискацию полотна в пользу доносителя и по гривне штрафу за аршин. К московскому губернатору писал Петр о смотре боярских людей (?) и о записании годных в солдаты; Ушакову — о выборе из оных 2000 в матросы; Шереметеву — о том, чтоб вступить в бранденбургские границы не прежде, как 10 декабря (т. е. в конце кампании).

Октября 29-го родился царевич Петр Петрович. См. три письма Петра, помещенные у Голикова. Ч. V—77.

7 ноября крещен царевич. За праздничным обрядом карлица вышла из пирога и вышила здоровье новорожденного. За дамским столом такой же пирог начинен был карлом. Вечером фейерверк, и на щите надпись: *надежда с терпением*.

№3. Петр писал угрозы своему сыну во время поздней беременности жены своей, надеясь на рождение сына.

Заклучены были договоры касательно вспомогательного войска нашего. Под Стральзундом (6 сентября) с датским королем через князя Василия Долгорукова, с полно-

мочными гг. Вибием, Голстеном и Девизиом. В Петербурге с прусским королем (29 октября) и с Англией (28 октября). В Грибсвальде — через кн. Куракина. В сем последнем договоре обязывались при замирении со Швецией оставить за Россией Ингрию, Карелию, Эстляндию и г. Ревель, а за Англией Бремен и Верден.

21 октября Петр послал генерал-адъютанта своего Девьера и морского капитана Бредалья в Копенгаген для закупки хлеба etc. Шереметев при пути своем в Польше терпел недостаток. Конфедераты побивали саксонцев, взяли Варшаву, перекопали в ней улицы, оградилась. Князь Долгорукий, фельдмаршал Флеминг и гетманы польские упросили Шереметева податься к Варшаве.

Петр, узнав о том отовсюду, писал Шереметеву, чтоб он поляков старался как можно более щадить, не приводя их в ожесточение, и стараться о медиации, о чем объявлено и Лосу, посланнику польскому при русском дворе. Между тем кампания кончилась. Остров Руген был взят; Стральзунд должен был немедленно сдаться. Петр (по просьбе союзников) приказал Шереметеву на зиму расположиться в Польше от Вислы до границ бранденбургских (*Сие содержит в тайне до времени*). При сем послано королю прусскому в подарок 100 человек рослых солдат.

Стральзунд сдался 13 декабря, в нем находилось 9000 охранного войска, осаждающих было 36 000.

Когда Шереметев остался в Польше, то Петр (кажется, притворно) сердился за то и писал Ягужинскому и к самому Шереметеву, угрожая своим гневом в случае неудачи в Померании и приказывая идти вперед. *«Что ж о штуках Флеминговых, — пишет он Ягужинскому, — тому не дивлюсь, ибо то их плуг и коса».*

(О взятии Стральзунда и о бегстве Карла в Швецию см. Вольтера¹.)

Петр, будучи болен, занялся воинским сухопутным уставом. С 1 ноября по 17 присутствовал в сенате и коллегиях ежедневно. Также занялся и новым уставом для коллегий.

Повелел в то же время во всех городах учредить богадельни для приема зазорных младенцев — и мазанки,

---

¹ Вольтер. История Карла XII, ч. IV. М., 1804, с. 86—87, 102—105.

подобно как учреждены в Новгороде митрополитом Иовом.

Повелел прибавить севу льна — *кто сеял четверть, прибавь четверик etc.* для пользы народной. Запрещен вывоз семян льна и пеньки, а делать из одного масло.

Повелел купчие, закладные etc. писать и женскому полу.

Петербуржским жителям велено сваи вбивать под опасением взятия домов в казну.

Выписаны в Петербург солодовники и пивовары.

Ушакову Петр писал о крыше изб черепицами и дерном etc., etc.

Гвардии капитану Румянцову и генерал-майору Чекину приказал взять город Каябург в восточной стороне Ботнического залива. *См. инструкцию.*

Петр занялся географическими картами. Шведские пленники поднесли ему карты России и северной Европы и Азии.

24 декабря скончалась царица Марфа Матвеевна, вдова государя Феодора Алексеевича, при ее погребении запрещено *выть как ныне, так и впредь.*

Заведены в Петербурге хрустальная и стеклянная фабрика.

Граф Растрелли вылил статую Бухвостова (из потешных, в то время майора артиллерии). Хранится в Академии Наук, в кунсткамере.

Петр во все время был болен и вознамерился отправиться в Пирмонт.

Указы 1715

(Главные)

Приказано сосчитать присутственные места и присылать к государю месячные и годовые ведомости.

Учреждение ландратов.

Повелено жечь подметные письма, их не распечатывая, а доносить только по трем первым пунктам и о похищении казны¹.

Учреждение Морской академии.

---

¹ То есть о важнейших государственных преступлениях (исречень их см. на с. 283).

Учебный
Указ 1915

Принимая во внимание значение
судебной — и особенно в
Санкт-Петербурге и в
близлежащих.

Принимая во внимание

важность дела и необходимость
судебной, а также в
а также в отношении
к делу.

Принимая во внимание значение
судебной, а также в
отношении к делу.

Запрещено рубить лес строевой на дрова etc.

Солдат и матросов у себя не держать без письменного виду под смертной казнию.

Указ о жаловании *крон-принцессе* 30 750 руб. (треть серебром, 2 трети медью).

Повеление о полотнах.

Сухопутный воинский устав.

Новый устав коллегиям.

Учреждены во всей России дома для приема незаконнорожденных.

Указ о вытье.

Петр в новый год писал к рижскому губернатору Петру Михайловичу Голицыну, приказывая учредить в Курляндии для него подводы (50 или 60) от Риги до Митавы; до Либавы отправил он своих лошадей и конюхов.

По случаю посвящения архиереев в епархии Вологодскую и Астраханскую дана им инструкция. Архиереи обязывались:

1) никого не проклинать и от церкви не отлучать, кроме как явных преступников и разорителей заповедей божиих, и то проклинать их *единолично*, а не *вседомовно*,

2) с раскольниками и противниками православия поступать кротно,

3) монахам не давать бродяжничать,

4) церковей *свыше потребности* новых не строить,

5) попов и диаконов не умножать,

6) паству свою посещать два или 3 раза в год, смотреть за благочинием священников, гробов неведомых не свидетельствовать, беснующих, в колтунах, босых и в рубашках ходящих наказывать etc.

7) *в мирские дела и обряды не входить.*

Инструкция разослана *при указе* всем губернаторам и архиереям.

Петр повелел представлять дворянских детей для обучения и отсылки в чужие края, под опасением описания имения в пользу доносителя, хотя бы и холопа. В минувшем году было их представлено 1006. 26 января имена их напечатаны и разосланы *при указе о недорослях* (см. ч. V—112).

Также подтвердил указ о детях подьяческих; на гошпитали повелено вычитать из жалования, от генерала до последнего солдата etc.

Петр предписал поручику Кожину ехать на Каспийское море и сделать оному карту, осмотреть *карты и описи Бековичевы* (№3).

Судей, не осудивших капитана Елагина за грабеж, повелевает послать на каторгу (галеры), описав их имение.

От 19 января Петр писал царевичу (см. суд над царевичем) второе письмо в ответ на его ответ. *Или исправься, или будь монах*. Царевич вторично просил государя о дозволении постричься, а за болезнь извинялся, что не мог дать пространный ответ. Петр посетил сына перед отъездом, дав ему (26 января) шесть месяцев на размышление.

На другой день (27) отправился Петр к водам. Екатерина следовала за ним с царевной Екатериной Ивановной, которую хотели выдать за герцога Мекленбургского. 29-го из Риги Петр писал к Апраксину, извещая его, что дорога ему пользует, и повелевая поручить навигационную школу Матвееву.

В Риге, негодую на капитана Сиверса, не исправившего поручения касательно канатов, пишет он Апраксину — *лучше бы взял на себя сие дело*.

Петр повелел исповедоваться ежегодно, под опасением штрафа (втрое против доходу); раскольников же описать, кроме пограничных (из опасения побега) etc.

Из Митавы Петр заехал в Либаву, где зимовала гвардия и 40 галер. На пути Петр два раза занемогал. Петр назначает датскому королю свидание в Стральзунде.

В Либаве к Петру явился князь Черкасский-Бекович. Он был в 1714 году послан в Астрахань и на Каспийское море для разведования о золотом песку, находящемся в Аму-Дарии, в Хиву посланцем и шпионом послан был... (?)

Бекович донес Петру о том, что Порта и хан крымский стараются преклонить горцев и другие племена от Черного моря до Персии себе в подданство etc., etc. (см. «Журнал», ч. II—350).

Петр отослал гвардии капитана Бековича в Хиву, прикомандировав к нему поручика Кожина. (Главная цель была открытие *водяного* пути в Индию. См. ч. V—124, инструкцию Петра etc.)

В Либаве Петр дал Петру Бестужеву, определенному к особе царевны и герцогине курляндской Анне Ивановне, инструкцию, дабы истребовал он у курляндского дворянства княжеские маетности в полное распоряжение герцогини. *А сборы с привозных и отпусковых товаров, прежде собираемых на князя, ныне собирать на нас etc.* Указ государя.

Сенат отправил Бековича, исполнив в точности повеления Петра.

14 февраля Петр с императрицей и племянницею из Риги отправился к своей армии, к Гданску, через Мемель и Кенигсберг.

19 февраля Петр прибыл в Данциг, в полдень в воскресенье, и тотчас отправился в церковь, где слышал проповедь. Анекдот о бургомистровом парике.

Между тем Карл решился с 20 000 войска вторгнуться в Норвегию, зная о намерении союзников напасть на него в Швеции.

Петр осмотрел свои полки и жаловался Августу на убиение четырех русских подполковником Каванаком, требуя за то удовлетворения.

Поручик Мяснов послан был в Копенгаген для испрошения позволения осмотреть все гавани от Штетина до польской границы для укрытия русской эскадры (либавской) в случае бури, что и было дозволено.

Петр писал к Долгорукову, послу своему при датском дворе, что с огорчением видит он, что нет со стороны Дании никакого приготовления для *десанта в Шконю*, что пекутся только о взятии Висмара, чем война не может быть еще окончена, что, дабы принудить Карла к миру, надобно вторгнуться в Швецию и отвлечь его от Висмара, который тогда и будет принужден сдаться, что он (Петр) для того и лучшую часть своего войска привел etc. Петр представлял, что на следующий год ему будет невозможно понести столь великие издержки, что время к десанту будет упущено, умалчивая о могущих встретиться препятствиях etc., также просит о свидании с датским королем в Померании или Мекленбургии, ибо-де он болен и спешит пользоваться кислыми водами, а потому в Киль, Шлезвиг или Гликштадт приехать не может.

Король назначил местом свидания Гамбург.

На Данциг Петр положил штраф немалый (?) за торговлю с неприятелем и за неисполнение условий. А своим офицерам повелел в гавани осматривать суда, и шведские или приходящие из Швеции арестовать (кроме английских и голландских). 8 марта прибыл герцог мекленбургский, жених царевны Екатерины Ивановны.

Союзники просили Петра о вспомоществовании во взятии Висмара, в 1648 Вестфальским миром уступленного Мекленбургией. Петр *охотно* согласился, нетерпеливо желая учинить вторжение в Швецию. Он повелел Репнину следовать с частью пехоты к Висмару. Но Висмар сдался на капитуляцию прежде прибытия Репнина (? №3), который не был впущен в город датским генералом Девицем и уклонился в Стерлицкое княжество. Петр досадовал и жаловался, но это не имело никакого последствия.

23 марта прибыл в Данциг и Август.

30 марта кончен начатый в Петербурге воинский устав и отослан в Петербург для напечатания.

Петр купил у доктора Готвальза собрание минералов и других редкостей для своей кунсткамеры и отправил в Петербург.

1 апреля в день пасхи Август посетил Петра, и оба провели вечер у бискупа князя Потоцкого.

8 апреля совершился брак царевны Екатерины Ивановны с герцогом. Петр принял на себя медиацию между королем польским и Речью Посполитою. Положено Долгорукому ехать в Ярославль и дело вершить. Петр, извещая о том Апраксина, посылает ему картуз, *которые выучил делать своего человека.*

В инструкции, князю Долгорукому данной, Петр тайно приказывал включить себя, как единственно надежную гарантию противу королевских притязаний. Он предписывает Долгорукому стараться склонить одного из маршалов на сторону нашу etc., также и стараться о сатисфакции над подполковником Каванаком, угрожая в случае отказа все делать в пользу одних конфедератов.

Генералу Рену повелено в случае несогласия на Ярославском конгрессе вступить в Польшу и действовать по предписаниям Долгорукого.

Петр приказал Апраксину в Венецию, Францию и Англию отправить по 20 лучших дворянских детей для обучения.

Петру Михайловичу Бестужеву пишет о том, чтоб он тайно подговорил курляндцев не выбирать себе князя (герцога) без предварительного с ним сношения.

Шафирову, просившему деревень, назначает *покаместь* 3000 р. из оклада Леволдова (?) сверх жалования.

В сенат послано 4 указа.

1) О рекрутах — о приеме их, об отдаче в гарнизон и взятии из гарнизона в полевые полки. №3.

2) О наследстве мужа после жены etc., etc.

3) Противу плутовства русских купцов, кладущих посреди льна и пеньки товар гнилой и даже камни.

4) О переведенцах в Петербург.

18-го апреля Петр поехал навстречу своей галерной эскадре, оставя Екатерину в Данциге.

Он прибыл в Кенигсберг и 23 апреля дал аудиенцию персидскому послу, между тем в библиотеке нашел радзивильскую (?) рукопись *Нестора*.

Петр, узнав, что Август не соглашается на претензии наши касательно Данцига, писал к Шереметеву не отступать никак от требований. В случае несогласия он обещал вылечить город *через пургацию, для чего уж и привезены сюда и пилюли.*

Получено тогда же известие о вторжении 6000 татар в Казанскую область. Полковник Шварц их разбил, 1500 лошадей взял, а сына ханского повесил.

Город Камянбург сдался. Найдено в нем 20 пушек.

27 апреля Петр возвратился с эскадрою в Данциг, а 30-го отъехал к Мекленбургу, попировав на море с Августом.

Август согласился взять на себя контрибуцию, наложенную на Данциг (*sic*), и Петр приказал Шереметеву идти в Мекленбургю. Петр оставил государыню при войске, а сам отправился по почте в *Stetin*, куда прибыл 4-го мая, а Екатерина — 5-го. 6-го приехал сюда *incognito* король прусский.

7-го мая Петр, узнав, что к Копенгагену пришли шведские корабли, повелел Бутурлину идти туда с галерною эскадрою.

8-го Петр поехал на Шверин, куда и прибыл 12-го.

Король прусский обещал войску нашему во время прохода через Пруссию дать луга безденежно; но комиссары прусские вели Шереметева и Вейде песками и болотами

и чуть не переморили всех лошадей. Наши жаловались, но втуне.

15-го мая Петр осмотрел Висмар и писал в Петербург, повелевая послать в черкесскую землю мастера для отыскания серебряных руд, и приказывал удержать в Петербурге до его приезда бухарского посланника.

16-го отправился он к Пирмонтским водам.

17-го был в Гамбурге.

18-го прибыл в Алтону, куда на другой день приехал и король датский. Петр оставался тут до 23-го (смотри инструкцию князю Василию Долгорукому, V—170).

В то же время писал Петр в Петербург о злоупотреблениях армянской торговли.

26-го мая Петр прибыл в Пирмонт и остался там до 14 июня. Оттуда писал в Петербург об укреплении берегов Невы сваями и землею, а Шереметеву о провианте etc.

15-го июня Петр отправился в Ганновер и Шверин.

19-го в Ревель послал он к капитан-командору Сиверсу Румянцова и Франца Вильбуа с повелением город запереть, а эскадру послать к Копенгагену через пять часов, не более.

Сие было сделано вследствие переговоров Англии с стокгольмским сенатом, кои состояли в сих пунктах:

1) Прекратить Швеции пиратство на море.

2) Не вступаться за претендента.

3) Остановить завоевания в Норвегии и прочих датских областях.

Петр с беспокойством ожидал, чем кончатся переговоры, и жалел о том, что флот его не зимовал в Ревеле, как то он предполагал.

В Росток пришли пять купленных в Англии кораблей и два сделанных в Архангельске. Туда же, по повелению Петра, прибыли и Шереметев, Вейде и Глебов (генерал-майор).

Петр прибыл в Росток 23 июня. Петр держал совет. Положено генералу Вейду стать у Ростока лагерем etc., etc., майору гвардии Матюшкину велено ехать в Любек для заготовления судов для переправы войск в Данию.

27-го праздновал у герцога мекленбургского годовщину Полтавы, а 29-го, в день своих именин, дав войску повеление ехать к Копенгагену, отправляется на галере туда наперед, а Екатерина сухим путем через Любек.

5 июля Петр прибыл к Копенгагену.

В тот же день писал он к Ушакову о высылке 2500 тулупов в Копенгаген, также и Апраксину, жалуясь на медленность датчан etc. 12-го прибыла в Копенгаген и царица.

17 июля Сиверс привел из Ревеля к Копенгагену 13 кораблей (семь линейных) и соединился с 10 кораблями, уже там находившимися под начальством капитан-командора Шелтинга (всего 16 линейных и 43 галеры). Петр прибыл на свой корабль «Ингерманланд» и поднял синий флаг, к нему приехали английский адмирал и голландский командор, и государь потом обедал у адмирала Норриса.

20-го опять церемонии, посещения, пальба etc. Петр стал настаивать на том, чтоб учинить вторжение в Шоны; но датские министры отговаривались под предлогом, что должно им дожидаться сперва прибытия их вице-адмирала Габеля из Норвегии, также и уборки хлеба с полей, дабы не повредить ему лагерем.

Петр в ожидании Габеля захотел высмотреть неприятельские берега. 22-го июля на трех шнавах объехал он шонский берег от Эльзенбурга до Карлскрона и далее. Все удобные к высадке места были укреплены. Шведы стреляли по шнавам, а Петр с своей стороны пальбою вытеснил роту конницы из приморского дома и возвратился к Копенгагену. 23-го прибыл он на шлюпке к своему флоту.

27-го в годовщину Ангутской морской битвы Петр пировал со всем флотом и увидел идущего наконец Габеля из Норвегии с эскадрою шести кораблей. Петр повелел Шереметеву отправить 4000 драгун, приведенных Матюшкиным из Любека, немедленно в Зеландию к Нейштадту, а судам воротиться пока для переправления достальной конницы к Копенгагену.

Но датский король медлил или был затруднен другими державами (см. Миллера в «Истории Шереметева» и Гебгардия II часть *Датской истории*).

2-го августа Петр отправил поручика Дена осмотреть Борнгольм и шведское войско.

От нечего делать соединенные флоты конвоировали торговые суда всех наций; их было в Зунде более ста.

Так как датский генерал-адмирал Гулденлеве и английский Норрис спорили о начальстве, то Петр по просьбе их решил их несогласие, приняв на себя звание главнокомандующего всеми четырьмя флотами. На сей случай

выбита медаль (V—191). Петр принял сие звание 5 августа. Флот состоял из 26 кораблей русских, датских 19, английских 19, голландских 25, не считая галер.

По данному сигналу флот сей пошел к Борнгольму.

Петр приказал датскому виц-адмиралу Юдикеру послать транспортные суда в Росток за войском.

6 августа праздновано известие о победе австрийцев над турками.

Флот отправился, но море было уже свободно. Шведы скрылись в Карлскронскую свою пристань. Петр занялся одними эволюциями, чем и ограничилась сия кампания.

Петр, посылая Апраксину ордер баталии и известие о своем наименовании, пишет: «чаю, не забудешь свою поговорку: *отроду впервые*», притом жалуется на датчан etc.

11-го августа Петр, уведомясь, что море точно свободно, отправил купеческие суда. Положено крейсировать. Норрис предлагал идти всем флотом к Карлскрону. Петр был того же мнения, но датчане отказались под предлогом, что не имеют на то позволения от своего короля.

Беспокоясь о медленности датчан, Петр решился отправиться в Копенгаген торопить транспорт войска из Мекленбургии. 14 августа прибыли к нему адмиралы английский и датский: Петр решил иметь им совет на корабле Шелтинга и, насилу сладя с ними, отправился к Стральзунду. Настали бури; 17-го августа Петр стал на якорь у острова Ругена, а 18-го на шлюпке прибыл к Стральзунду и явился *incognito* к коменданту в сопровождении Ягужинского. Он повелел тут изготовить транспортные суда для переправы войска из Померании; 18-го писал к Шереметеву, чтоб он с войском из Ростка отправил на тех судах и дрова etc.

Осмотрев город и отправя при себе суда к Ростку, Петр на «Ингерманланде» отправился 20-го августа к Копенгагену. 22-го туда прибыл и отправил к царевичу кабинет-курьера Сафонова, повелевая ему прибыть в Копенгаген.

Петр осмотрел кунсткамеру, измерил море etc.

28-го Петр опять осматривал шонский берег *издали*, влезал на мачту и с шнавы своей послал графу Шереметеву повеление идти скорее к Копенгагену.

Наконец 29 августа прибыл Вейде. 30-го граф Шереметев.

Того числа Петр ездил опять осматривать шонский берег с генералом Вейдом. Шведы стреляли по ним, ядро пробило его шнаву. Петр возвратился в Копенгаген, а казаки, сделав высадку, поймали трех языков, которые объявили, что берег укреплен и охраняется 20 000 шведами.

1-го сентября Петр созвал совет, и намерение учинить высадку было оставлено (см. ч. V—206).

4-го прибыл и последний транспорт войск под начальством Репнина. Всех регулярных полков было приведено до 21 полка, около 24 000.

Петр созвал опять совет, но первые положения были подтверждены. На что 10-го сентября согласился и датский король. Высадка отложена до следующего года.

Петр осмотрел опять шонский берег и писал Апраксину, с печалью извещая его об отложенной высадке, полагая на следующий год, не полагаясь уже на датчан, самому вторгнуться в Швецию.

Датские министры были недовольны. Они предлагали учинить высадку. Петр спросил их, где будет зимовать войско? «В окопах при Есеморе, в землянках», — отвечали датчане. «Это значит губить людей», — возразил Петр (смотри *Венецианскую историю Петра Великого*).

Голиков полагает причиною неохоте датчан коварное недоброжелательство мекленбургца *Бернсдорфа*, любимца английского короля и врага герцога (см. «Журнал Петра...»). Бернсдорф успел поссорить короля английского с Петром, а датчан уверить, что Петр вступил в тайные переговоры с Швецией (см. также Миллерову «Историю Шереметева»). Датчане уже приготовились к обороне и укрепили Копенгаген; Бернсдорф посылал и Норрису повеление напасть на русский флот, ежели не будет высадки (?). Норрис не согласился, не имел на то разрешения своего короля. Тогда Бернсдорф с угрозою от имени английского короля объявил датчанам, что отложение высадки приемлется им за обиду.

Петр, однако, умел рассеять сомнения датского короля; им было положено на Генеральном совете (20 сентября) войску русскому не отдаляться. Пехоте и одному драгунскому полку стать на зиму в Мекленбургии и в Стрелицком княжестве; драгунам — в Польше на границах; артиллерии — там, где останется флот, транспортным судам оставаться в Ростке, галерам — там же; корабельному флоту идти в Ревель.

Транспорт оставался в Копенгагене по причине бурной погоды. Бернсдорф хотел силою оружия принудить войско русское отправиться не в Мекленбурггию, а в Россию. Норрис опять на то не согласился. Бернсдорф обратился к приморским германским властителям, стараясь вооружить их на Петра.

По наущению ганноверцев Англия и просьбой и угрозой думала принудить Петра вывести войска свои из Германии. Но он остался тверд и старался только не ссориться с Данией. Он повелел транспортным судам идти с войском в Мекленбурггию, а флоту под командой Шелтинга — в Ревель.

Между тем русские недоросли, присланные Апраксиным, прибыли в Копенгаген. Петр их осмотрел и распределил, кого куда послать (V—218, примеч.). Указ о том князю Долгорукому от 12 октября.

16 октября Петр отправился в Мекленбурггию.

24-го прибыл он во Фридерихсштадт, где пробыл 6 дней, до 27-го. В Любек въехал 30-го, откуда отправился в Ниренберг, где велел одному живописцу снять с себя портрет в профиль и отослал оный в Петербург с повелением вырезать его на рублях, кои и появились на следующий год (Штелин).

В Шверине встретили его герцог и герцогиня мекленбургские. Петр пробыл тут 5 дней, распоряжая квартиры для войск etc.

Между тем начиналась страшная политическая интрига. Барон Герц, новый любимец Карла XII, вздумал переменить все сношения, дотоле существовавшие между европейскими государями, склонив короля своего к миру с Россиею. Возведение на польский престол Станислава, а на английский Якова III было целию этой интриги, еще довольно темной и коей агенты были весьма мелкие и незначащие люди (см. Lemontey) ¹.

Карл XII прислал на Бруншвейгский конгресс декларацию, в коей изъявил он свою склонность на мир с тем, чтобы отъятые земли были ему возвращены. Разумеется, что никто из союзников на то не согласился.

10 ноября Петр отправился путешествовать. Екатерина, будучи брюхата, осталась в Шверине. Петр имел в Габельсберге свидание с прусским королем. *«Мы здесь*

---

¹ О Лемонте см. в «Примечаниях», с. 419.

с прусским королем,— писал Петр к Апраксину,— *нечто бесполезное учинили*» (?).

Петр между тем писал в Воронеж вице-губернатору Колычеву, чтоб он велел наловить разных птиц и *диких быков*.

Петр заехал в Бейценбург, где стоял Шереметев, а оттоле отправился водою в Гамбург, куда прибыл 20 ноября. В Алтенау Петр оставался до 26-го. В сие время магистрат гамбургский выдал ему Войнаровского (V—234, также «Жизнь Шереметева»).

Апраксин в то время посылал немалые партии из Финляндии и устрашал шведа даже в Стокгольме.

26-го Петр Эльбою поехал далее. В Бремене принят он был торжественно.

2-го декабря Петр прибыл в Амерсфорт, где встретил его князь Куракин и резидент Брант etc.

6-го декабря Петр прибыл в Амстердам, куда на другой день приехала и свита его, а именно: канцлер граф Головкин, подканцлер барон Шафиров, тайный советник Петр Толстой; генерал-поручики: князь Вас. Долгорукий, Ив. Бутурлиц, князь Куракин, гофмаршал Шепелев.

27-го Петр осматривал недорослей, прибывших из Копенгагена, определив им по червонцу в неделю кормовых (весьма много), потом отправил их в Венецию, дав им по 25 червонцев на дорогу. Тамошний наш агент Беклемишев записал их в галерную службу.

Петр графу Шереметеву повелевает расположиться квартирами, переговора о том с герцогом, и выговаривал за то, что Шереметев послал в Травеминд 500 человек для приема небывалых галер и тем всех перетревожил. Апраксина Петр уведомлял, что шведы сильно идут на Норвегию, отчего датчане трепещут, да и *другие* шарашатся.

Петр продолжал свои переговоры с датским королем о вторжении в Швецию. Он опасался союза английского короля со Францией и Голландией. Для того предлагал он вторгнуться в Швецию с двух сторон, датчанам со стороны Шон, а русским со *старой Швеции*; он соглашался прислать датскому королю 20 батальонов вспомогательного войска, но требовал за то по 100 (или по крайней мере по 70) матросов за батальон etc.

Петр, осматривая Амстердамскую верфь, простудился 27-го и лихорадкою болен был до 10 февраля 1717-го.

2-го января царица родила в Везеле великого князя Павла Петровича. Петр был обрадован и уведомил о том всех государей. См. письмо его князю П. М. Голицыну. Ч. V—255.

Но новорожденный скончался 3 января. Петр как ни был тем огорчен, но не перестал заниматься делом.

Он повелевает между прочим выдать гофмейстерине Матвеевой (при курляндской герцогине) 1000 руб. жалованья: письмо к Бестужеву.

За рубку казанских и нижегородских лесов определяет жестокое наказание.

Шереметеву пишет, дабы он собрал совет, где бы решились, как кончить сию войну, «да чтоб отнюдь не было *как изволишь*».

Герц с успехом продолжал интригу, начатую в прошлом году¹. Он сам ездил в Мадрид для переговоров с Альберони² и положил там основание заговора Селлмара;³ потом явился он в Рим к претенденту, удалившемуся туда из Авиньона (после тройственного союза). Претендент обещался к марту 1718 собрать 10 000 войска в Шотландии.

Король шведский должен был туда же привести столько же войска и доставить военные припасы. Герц тайно был потом во Франции, а оттоле в Голландии. Он получил

¹ См. на с. 272.

² Кардинал Альберони возглавлял испанское правительство.

³ Челломаре Аптонио — испанский посол в Париже.

тут до 80 000 фунтов стерлингов (?), собранных англичанами недовольными; приуготовлены перевозные суда, куплены шесть военных кораблей и проч. Граф Гилленбург, посол шведский, в Лондоне ободряет недовольных, кавалер Follard¹ во Франции подговаривает французских и ирландских офицеров. Претендент пишет Петру, прося от него помощи; а граф Гилленбург предлагает ему мир... Петр приказывает своим министрам трактовать с Герцем. Вдруг заговор Герцов разрушается! (см. Lemontey)².

Гилленбург арестован в Лондоне, а Герц в Амстердаме. Петр радуется исподтишка. «Не правда ль моя,— пишет он Апраксину,— что я всегда за здоровье сего начинателя пил? никакого ценою не купишь, что сам сделал...»

Король английский напечатал переписку агентов с Герцем и Гилленбургом. Имя Петра было тут замешано. Петр через секретаря своего посольства Веселовского³ жаловался на сию обиду и отрекался от всякого участия в замыслах шведского министра. Он оправдывал и своего доктора Арескина, тут же замешанного. Он давал заметить, что никогда не хотел бы главному своему врагу придать сильное вспоможение, возведши на престол Англии претендента и проч. и проч. Ответ английского короля был удовлетворителен. Он отвечал, что никогда не имел подозрения в участии Петра в заговоре Герца; признавался, что, как ганновский электор, он должен был стараться о выводе русского войска к Германии и проч.

Карл тогда был в провинции Шонен. Ему подали напечатанные письма. Он прочел их, усмехнулся и спросил, не напечатаны ли и его письма? Потом приказал арестовать английского и голландского (?) посланника; и через Францию объявил, что в интриге Герца участия не имеет и готов, буде они виновны, министров своих наказать. Они были освобождены через полгода.

2-го февраля царица приехала в Амстердам.

Тогда же Петр получил от князя Долгорукого известие о примирении короля польского с конфедератами на Ярославском съезде вопреки *посторонним* стараниям. Войско

---

¹ Фоллар Жан-Шарль — француз, состоявший на шведской службе.

² Лемонте — о нем см. в «Примечаниях», с. 419.

³ Веселовский Федор — секретарь русского посольства в Лондоне.

удалилось из Польши и по приказу Петра употреблено в работу и проч. (указ сенату).

Петр по выздоровлению своему занялся обыкновенными своими трудами. Он посещал охотно живописцев, на аукционах накупил множество картин фламандской школы, коими впоследствии украсил *покои своей супруги в Монплеzure* (см. Штелина, известие о Кселе).

Петр купил за 30 000 гульденов анатомический и натуральный кабинет Рюйша (см. любопытное письмо его, Голиков, ч. V—283).

Он вывез также модели корабельные и проч. Заключил также договор с типографщиком Даниилом Леейвенном о напечатании Ветхого и Нового завета на голландском языке, *на половине листа*, дабы припечатать потом и славенский текст, что и исполнено в 1721 году.

Боуру объявлено полное генеральство.

Морская академия поручена Матвееву, вместо *Сент-Илера* (?), коего отпустили *для его прихотей* и проч. и проч.

27-го февраля Петр с супругою ездил в Саардам и посетил своих старых товарищей.

28-го в Утрехте посетил своего резидента Бранта в загородном доме его «Петербурге» (см. V—291).

В сие время Петр получил известие о побеге царевича и, прибыв в Амстердам, поручил резиденту Веселовскому¹, а потом гвардии капитану Румянцову отыскать укрывшегося сына, дав ему следующий указ:

1) Сыскав известную персону, тотчас везть в Мекленбург и отдать под крепкий караул одному Вейду в величайшей тайне.

2) Узнать от него, кто участник в его побеге, видно уже давно умышленном, ибо в два дня к оному приготовиться невозможно, и тех особ, ежели они в Мекленбургии или Польше, арестовать самому.

3) Исполнить, несмотря на оную персону, всякими мерами, какими бы ни были.

Всем генералам, штаб- и обер-офицерам указ слушаться во всем капитана Румянцова.

Между тем он писал Апраксину о недорослях; Ушакову о наборе рекрут; Петру Михайловичу Голицыну — о буковых деревьях, для насаждения оных в приморских

---

¹ Веселовский Абрам — резидент в Вене.

окрестностях Петербурга; Шереметеву — о его беглом холопе, записавшемся в рекруты; Ушакову — о выдаче сего холопа; Долгорукову о сатисфакции за Кановакова; Колычеву — о приискании мамонтовых и других костей и проч. Голиков, по обыкновению своему, восклицает: удивительно! что за попечение, что за присутствие духа! Голиков прав.

Петр получил от Румянцева известие, что царевич находится в Тироле в крепости *Эренсберге*. Петр требовал сего выдачи; цесарь тайно переслал царевича в Неаполь, где и скрыл его в тамошнем замке.

7-го марта Петр из Амстердама отправился и прибыл в Гаагу 8-го, где остановился у Куракина.

Здесь 14-го марта Мор писал с него портрет.

Отселе повелел, между прочим, в Петербург: ехать одному кораблю со смолою, юфтью и воском в Венецию, о чем уже с сенаторами списался.

Голицыну о недорослях и проч. и проч.

17-го Петр прибыл в Лейден, осмотрел университет, записывая, что ему казалось нужно или замечательно; потом фабрики и проч. и возвратился в Гаагу, а 19 поехал в Роттердам, где и пробыл до 24-го.

24-го марта из Роттердама, отправя Екатерину в Гаагу, сам на яхте поехал Петр во Францию. При нем находились: Толстой, князь Куракин, Шафиров, князь В. Долгорукий, Иван Бутурлин, генерал-поручики: генерал-адъютант Ягужинский, кабинетные секретари Макаров и Черкасов, лейб-медик Арескин, духовник и проч. и команда гренадер.

Петр, дорогою осмотрев шлюзы и канал города Флисинга, писал (от 28-го марта) Апраксину, объявляя ему, что неприязненные действия между Англией и Швецией начались и что должно ожидать войны. Петр приказывает ему быть в море при флоте у Дагерорта, также меж Рогервика и Финского берега. «Неприятелю страх, а людям сбучение; в случае нужды все готово, а ретирада безопасная: место узкое, обойти флот нельзя».

30-го Петр отправился в *Брабандию*.

31-го вошел в Шельду (*Escaut*¹) у Алтверпена.

Здесь Петр посетил езуитские монастыри и нанял в свою службу шаутбенахта Падона (V — 309).

---

¹ Эско.

Петр из Брюсселя писал П. М. Голицыну, советуя иметь ему предосторожность о нечаянном вторжении шведов и проч.

Петр осмотрел Гольт, Ган и Остенд, где простил одного преступника, ведомого на казнь; 10 апреля прибыл в Дюнкерк, первый французский город.

Петр пробыл в Кале от 17 до 23-го апреля (дня пасхи), здесь смотрел экзерцицию и взял с собою в Россию великана, по имени Николая.

Между письмами Петра есть одно к Румянцову. Он еще не знает, где подлинно находится царевич, и повелевает ему, Румянцову, ехать самому в Тироль и incognito следовать всюду за царевичем.

Петр не принял ни услуг знатных особ, ни обеда, заготовленного для него епископом (?...), и, когда ему заметили, что негде ему будет в другом месте порядочно отобедать, отвечал: *хлеб да вода, солдатская еда*.

24-го апреля Петр, проехав Montreuil¹, обедал в Abbeville², где и осмотрел суконную фабрику.

26-го в Алвеве³ (? à Beaumont. Duclos⁴) встретил Петра маршал de Tessé⁵ с эскадроном гвардии и с экипажем, и вечером в 10 часов Петр прискал в Париж — для него приготовлен был старый Лувр, но он остановился в Hôtel de Langres⁶ (Голиков); Lesdiguières proche de l' Arsenal (Duclos)⁷.

(О пребывании Петра в Париже смотри *Вольтера и Дюкло*⁸.)

6-го июня ст. ст. Петр отправил в Италию рагузанца Савву Владиславлевича, дав ему вместо паспорта грамоту, в коей именовал его графом *иллирийским*.

Писал Шереметеву о содержании солдат, о полковнике Каванаке, о прежних претензиях на Данциг и пр.

Видя неохоту датчан, Петр вознамерился свои войска из Германии вывезть и писал о том князю Голицыну.

---

¹ Монтрейль.

² Аббевиль.

³ Эльбеф.

⁴ в Бомоне. Дюкло (*франц.*).

⁵ де Тессе.

⁶ Отель Лангр (*франц.*).

⁷ Ледигиер, близ Арсенала (Дюкло) (*франц.*).

⁸ В о л ь т е р. История Российской империи при Петре Великом (ч. II, кн. I, гл. VIII). Д ю к л о. Сочинения (т. III, ч. I. 1821).

В сенат Петр послал указ дозволить опять вывоз хлеба за море, с пошлиною со ржи и ячменю по полуефимку с четверти, а с пшеницы по ефимку.

Апраксин донес Петру, что крейсировка производится с успехом, что галеры в Аbove готовы до 100 судов и пр. и пр.

Петр принял медиацию французского двора и оставил в Париже уполномоченными барона Шафирова, П. Толстого и князя Долгорукова¹. Смотри Голиков. V—337.

9-го/20 июня Петр выехал из Парижа.

Петр ехал через Суассон, Реймс, Шарлемонт, Намур и Лиеж.

16-го приехал он в *Спа*, и в тот же день приехал к нему Румянцов, с донесением о открытии местопребывания царевича в Тироле.

Петр тогда же отправил к цесарю Толстого и Румянцова с просьбой о выдаче ослушного сына и с ними писал и к самому царевичу (см. *введение*).

Апраксину писал он, назначая новых полковников, приказывая лить новые пушки и проч.

Франц Вильбуа произведен в капитан-поручики, и ему поручены русские матросы, определенные на датские фрегаты, *которые должны были прийти* (и которые, кажется, не бывали).

Петр пользовался водами от 21-го июня до 14 июля. В сей день отправился он в Аахен. (Анекдот о деревенском священнике, V—349.)

22-го Петр прибыл в Амстердам.

24-го с царицей ездил к ост-индскому флоту, за пять миль от Амстердама, и 28-го воротились.

Адмирал Норрис и министр Wittford² приехали в Амстердам с дружескими предложениями. Петр их не принял. Но ратификовал союз с Францией и заключил трактат с прусским королем.

Петр ездил в Лоу, куда явился и Герц, освобожденный из-под ареста. Он имел о мире переговоры с князем Куракиным и получил пропуск для проезда через Эстляндию в Швецию.

---

¹ Третьим уполномоченным был в действительности князь Куракин, а не Долгоруков,

² Витфорд.

Петр возвратился в Амстердам. Тогда куплены им часы с курантами и отправлены в Москву. (Анекдот о живописце Никитине.)

Петр в Амстердаме поручил торговлю резиденту своему Бранту на место комиссара из купцов *Соловьева*, кзего, неведомо за что под караулом отправил в Россию, что сильно поколебало доверие к русским купцам и повредило успехам нашей торговли и кредиту.

22-го августа Петр с Екатериной отправился из Амстердама и 31-го прибыл в *Везель*, отселе приказал Долгорукову прислать в Петербург описание адмиралтейства датского, доставленное ему Юдикером, и потом, отпустив Куракина и гг. Нарышкиных и оставя здесь Екатерину, поехал один. В Магдебурге встречен был мекленбургскими герцогом и герцогинею (6-го сентября).

В Бранденбурге имеет свидание с своим посланником при прусском дворе графом Головкиным. В Гессен-Касселе генерал Ранг, возвращаясь из Швеции, доносит ему о готовности короля к миру; и объявляет, что везет повеление трактовать о том с русскими министрами. Петр пишет о том Куракину.

8 сентября прибыл Петр в Берлин, где и провел время с королем. Отселе послал он Шереметеву приказ, чтоб Репнин шел с третьей частью пехоты к своим границам; а он, фельдмаршал, оставался бы у Данцига до совершенного удовлетворения, несмотря на поляков.

Екатерина прибыла в Берлин. 14-го сентября Петр (один) отправился в Данциг, куда прибыл 18-го сентября.

20 сентября Петр утвердил князем Долгоруким заключенные с городом условия. Данциг обязался:

- 1) Пресечь все сообщения со Швециею.
- 2) Вооружить против нее три фрегата, на коих быть русским офицерам и частию матросам.
- 3) Заплатить в три срока 140 000 голландских ефимков.

Петр за древнюю картину, изображающую Страшный суд, давал до 50 000 ефимков, но город отказал. Сие повествует Татищев, коему редко должно верить.

Пишет Петр в Копенгаген о вымерении фрегата и проч.

№3. Веселовский еще в Англии.

Екатерина присехала в Данциг, и 21-го Петр с ней отпраздновал водною до Келигсберга, повелев Шереметеву в Петербург идти с войском.

В Митаву прибыл Петр 27-го сентября. Анна Иоанновна встретила дядю своего за городом.

28-го Петр прибыл в Ригу; отселе писал он Ушакову об облегчении судьбы шведских пленников (29-го). 30-го выехал в Петербург.

3-го октября за Ревелем встретили государя Апраксин и войско. Царь и подданные его плакали от радости.

Здесь пробыл он до 5-го или 7-го октября и в Нарве (8-го), дождавшись Екатерины, снова ее оставил и 9-го прибыл в Кроншлот, где встретил его князь Меншиков, а 10-го прибыл в Петербург.

Здесь за столом произошел разговор о царе Алексее Михайловиче, см. Татищева (верить не во всем этому краснобаю).

Мнение Петра о <лакеях>¹ (V—375).

Домашний быт Петра. (Там же.)

Петр писал Ушакову в Москву, приказывая ему не решенные им дела немедленно доставить в Петербург. С 12-го октября Петр ежедневно был в сенате. Был строгий перебор.

Петр писал к Бековичу (уже умерщвленному) о пути в Индию и возвращении *знающего человека* в Бухарию через Китай.

Основана в Туле оружейная фабрика.

В Ярославле заведены *Заграпезновым* полотняные и бумажные фабрики.

Указ I. Всем торгующим юфтью (исключая Смоленской и Архангельской губерний) привозить две доли в Петербург, а третью в Архангельск.

Указ II. Запрещено носить золото и серебро, пряденое и волоченое, а донашивать позволено старое.

В деньги не играть.

Носить платья из китайских, персидских и русских материй (без золота).

Указ III. Просьб не писать и не подавать и никаких дел *по домам* не производить, а кроме как в приказах, а

---

¹ О прислуживающих за столом и подслушивающих разговоры (см. у Голикова).

людям приказным по утрам не ходить по домам с поклонами или по делам.

Указ IV. Дозволил наем повольный (рекрутский) с тем, чтоб наемщик отвечал за наемника.

Указ о беглых:

В первый раз сквозь строй, во второй — кнут и галеры.

Указ сенату: войску, идущему из Германии, определены заранее квартиры.

Между тем 29-го ноября получено письмо от Герца к Шафирову из Лундена¹. Карл XII предлагал вступить в переговоры на острове Аланде. Петр назначил генерал-фельдцейхмейстера Брюса и канцелярии советника Остермана полномочными послами и сам занялся инструкцией. Петр звал к себе Шафирова.

Петр тогда же думал выдать Анну Иоанновну за герцога Саксен-Вейсенфальского и писал о том Бестужеву (см. о сем любопытное и *умное* изложение в Голикове, V—389).

Кубанские татары стали шевелиться. Русское войско, в 5000 состоящее, выступило на линию с донскими казаками. Порта сама остерегала царя.

15-го декабря Петр, отправляясь в Москву, издал манифест о переговорах со Швецией.

---

¹ Город в Голштинии,

Петр в январе прибыл в Москву, осмотрел фабрики, дал привилегию купцу Воронину и 5000 р.

5 января Петр писал Вселовскому в Лондон, объявляя о переговорах, начатых с бароном Герцем и пр.

Петр занялся гражданским управлением, присутствуя в разных приказах и проч.

Ушакову повелено: 1) набрать 400 молодых людей и доставить в С.-Петербург.

2) Набрать плотников, столяров, кузнецов и проч., также для Петербурга.

3) Выдать князю Прозоровскому для адмиралтейства 150 000.

4) Взять протопопа суздальского и сыскать Авраама Лопухина человека. Петр уничтожил правож и повелел *колodников*-должников отсылать в с.-петербургскую работу; а старых баб и детей в прядильный дом, зачитая по рублю на месяц.

Уничтожил выдачу головою за долги.

От выбора в службу увольняет мануфактуров и их работников.

Приказывает юфть для обуви делать не с дегтем, а с ворваньим салом под страхом конфискации и галер, как обыкновенно кончаются хозяйственные указы Петра.

Доносы Петр ограничил тремя первыми пунктами:

1) О замысле на здоровье государево.

2) О бунте и измене.

3) О похищении казны; доносителям по двум первым пунктам велено являться к двору его величества, к

караульному офицеру, а по третьему в Москве к Ушакову, а в Петербурге к Кошелеву (полковнику).

Петр отменил или смягчил указ о пенoшении золота и серебра (V—401).

Устанавливает собирать пошлину с возов *у земляного города в воротах*; с дров, с сена и проч.

Дал указ о чеканке денег.

Веселовскому Петр приказывает арестовать какого-то *Шпиноля*, яко русского подданного, за своевольную отлучку и за дерзостные речи.

(Анекдот о ябеднике, V—404.)

В феврале начался суд над царевичем.

Петр уже в 1715 году явно изъяснялся относительно несчастного Алексея (V—406, смотри письмо австрийского посланника).

Царевич родился 1690, февраля 29 (высокосный год), до 699 находился подле царицы. Петр определил к нему в наставники фон Гизена (царевичу было 10 лет) и поручил его князю Меншикову.

Петр записал его сержантом в гвардию, держал при себе; водил в сражения, посылал путешествовать, *уважал его ум* (см. письмо его, писанное в октябре 1716), несколько раз давал ему важные поручения, в 1708 при Долгоруком посылал на бунтующий Дон, в 1711 — в Польшу. Женил его на принцессе Вольфенбительской (смотри Moreau de Brasey)¹. Она, кажется, изменила мужу с молодым Левенвольдом. Царевич ее разлюбил и взял себе в наложницы чухонку (см. *Брюса*: описание царевича, и *Кокса*)².

Царевич был обожаем народом, который видел в нем будущего восстановителя старины. Оппозиция вся (даже сам князь Яков Долгорукий) была на его стороне. Духовенство, гонимое протестантом царем, обращало на него все свои надежды. Петр ненавидел сына как препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания.

Царевич привезен был в Москву в конце января Толстым и Румянцовым. 3-го февраля велено было гвардей-

---

¹ Моро-де-Бразе. О «Записках» его см. в «Примечаниях», с. 418 и 427—429.

² У Голикова дапы извлечения из запрещенных в то время в России «Записок» капитана Брюса (см. о них в «Примечаниях», с. 424) и из книги Вильяма Кокса «Путешествие в Польшу, Россию и Данию».

ским полкам и двум ротам гренадер занять все городские ворота. Знатные особы собрались в столовой Кремлевского дворца. Туда прибыл и Петр. Царевич без шпаги был приведен и, пав к ногам отца, подал ему повинное письмо, в коем просил помилования.

Петр принял письмо и объявил сыну прощение, но приказал ему объявить о всех обстоятельствах побега и о всех лицах, советовавших ему сию меру или ведавших об оной. Буде же утаит, то прощение будет не в прощение.

Потом Петр объявил его от наследства престола отрешенным и требовал от царевича, чтоб он ныне присягою утвердил прежнее свое отрицание. Царевич прочел заготовленную присягу.

Тогда Петр повелел прочесть манифест, в коем он, объясняя преступления царевича, лишает его престола, и потом все министры, генералы, офицеры и знатные граждане присягнули царевичу Петру Петровичу, яко законному наследнику престола.

Потом царь, сын его и все присутствующие особы пошли в Успенский собор. Манифест был прочитан вторично. Духовенство и народ присягнули. Царевич учинил вторичную присягу... он причастился... и тут же объявил о двух своих письмах, писанных им из Неаполя, будто бы по наущению Карла VI — одно сенату, другое архиереям. Потом отвезли его в Преображенское.

В тот же день обнародован Манифест (VI—3).

4-го начался суд.

Петр предложил несчастному следующие запросы, угрожая уже лишением живота:

1) Притворно намереваясь постричься, с кем стал советоваться и кто про то ведал?

2) Во время болезни царя не было ли *слов для забегания* к царевичу, в случае кончины государя?

3) Давно ли стал думать о побеге и с кем? с кем и для чего писал *обманное письмо*? Не писал ли еще кому?

4) В побеге с кем имел переписку или сношение?

5) Поп гречанин что, когда и где с ним говорил?

6) Какое письмо писал из Неаполя и кто из цесарцев принуждал его оное написать?

7) Объявить сие и все, что есть на совести, или впредь не *пенять*.

Через четыре дня царевич подал ответы свои письменные же:

На 1 пункт.

Письма государя читаны были им Александру Кикипу и Никифору Вяземскому; они советовали отречься от наследства, *чего и сам желал*, Кикин ему советовал идти в монастырь. Вяземский тоже. Кикин, *отъезжая в Карлсбад*, обещался найти для него *какое-нибудь место*. Федор Матвеевич Апраксин и *Василий Владимирович Долгорукий* (№3) ободрили его намерение идти в монахи. Князь Юрий Юрьевич Трубецкой — тоже.

Сибирский (князь) дал ему денег — писем царя они не видали. Алексей пересылался с Кикиным через Барыкова *тайно* из опасения шпионов. Алексей писал духовнику отцу Якову и Ивану Кикину, объясняя, что идет в монахи по принуждению и пр.

На 2.

Отрекался от всяких слов и проч.

На 3.

О побеге советовался многократно с А. Кикиным. Решась на побег, объявил о том одному Ив. Афанасьеву и выскал, сам не ведая, куда укрыться, в Либау, свиделся с Кикиным, и они решились ехать в Вену.

На 4.

Что к нему писал только граф Шонбурн в Эрпсберг, приложив копию с письма Блеера, австрийского резидента при русском дворе, с ложными известиями о бунте войска, в Мекленбургии находящегося, и проч.

На 5.

Отрекается.

На 6.

Письмо в сенат, также к архиереям Ростовскому и Крутицкому, писано им по принуждению Кейля, секретаря графа Шонбурна. Письма сии писал прямо набело, 8-го мая.

На 7. Объявил, у кого сколько взял денег (у Меншикова, у сенаторов, у Исаева в Риге и пр., всего около 6000 червонцев и до 4000 руб.) ... разные сплетни. Замешаны царевич Сибирский, Самарин, Василий Долгорукий и проч.

Петр учредил следственную комиссию. Алексей подал дополнительные признания. Он запутывает Федора Дубровского и Семена Нарышкина.

Начался розыск. Дворецкий И. Афанасьев показал, что царевич гневался на графа Головкина и его сына

Александра да на князя Трубецкого за то, что навязали они ему жену чертовку, грозясь посадить их на кол и проч.

Федор Еварлаков донес на неохоту, с которой царевич ездил в поход.

Царевич оправдывался тем, что был пьян, когда то говорил — в прочем во всем признался.

Петр послал в Вену к резиденту Веселовскому с требованием объяснения касательно *Кейля*.

Девка царевича не была еще привезена.

У Кикина был подкуплен камер-паж Баклановский. Он подсмотрел указ, писанный в С.-Петербург Меншикову о высылке Кикина. Баклановский тотчас бросился, дабы обо всем уведомить Кикина. Петр это заметил. Баклановский был схвачен, а курьер государев предускорил посланного к Кикину.

Петр на всех ямах учредил караулы. Никого не велено было пропускать без подорожной за подписанием государя или всего сената.

В сие время другое дело озлобило Петра: первая супруга его, Евдокия, постриженная в Суздальском Покровском монастыре, привезена была в Москву вместе с монахинями, с ростовским епископом Досифеем и с казначеем монастыря, с генерал-майором Глебовым, с протопопом Пустынным. Оба следственные дела спутались одно с другим. Бывшая царица уличена была в пошени и мирского платья, в угрозах именем своего сына, в связи с Глебовым; царевна Мария Алексеевна в злоумышлении на государя; епископ Досифей в лживых пророчествах, в потворстве к распутной жизни царицы и проч.

15 марта казнены Досифей, Глебов, Кикин казначей и Вяземский.

Баклановский и несколько монахинь высечены кнутом.

Царевна Мария заключена в Шлиссельбург.

Царица высечена и отвезена в Новую Ладогу.

Петр хвастал своею жестокостию: «Когда огонь найдет солому, — говорил он поздравлявшим его, — то он ее пожирает, но как дойдет до камня, то сам собою угасает».

Государственные дела шли между тем своим порядком. 31 января Петр строго подтвердил свои прежние указы о нерубке лесов. 1 февраля запретил чеканить мелкие серебряные деньги, 6 февраля подновил указ о

монстрах, указав приносить рождающихся уродов к комендантам городов, назнача плату за человеческие — по 10 р., за скотские — по 5, за птичьи — по 3 (за мертвые); за живых же: за человеческий — по 100, за звериный — по 15, за птичий — по 7 руб. и проч. *Смотри указ.* Сам он был странный монарх!

Жители Данцига из 140 000 ефимков, наложенных на них с 1717 г., между тем собрали первую треть, и секретарь нашего посольства Людвиг Ланчинский писал о том Петру, который сделал о том свои распоряжения и писал 6 февраля Бестужеву и Ланчинскому (смотри конвенции, VI — 50, в примечаниях).

7-го дал привилегии купцам Савельеву и Томилиным.

Следствия и казни продолжались до 18 марта. Петр роздал множество указов, касающихся торговли, монеты и проч.; золотые и штофные материи продавать разрешил до 1720.

Приказал ежегодно исповедоваться, по праздникам ходить к обедне под опасением штрафа от 5 до 15 руб.

Публиковано о целительных водах, открытых в Олонецком уезде.

Петр писал Бестужеву: «В княжеских маестностях, на кои имеет претензии принцесса Анна, хлеб опиши и перевези оный в Либаву».

Румянцову, посланному в Вену, приказано воротиться; за Афросиньей, находящейся в обозе царевича, послано.

11 февраля писал Петр к патриарху константинопольскому Иеремии о неперекрещении лютеран, кальвинистов и проч., в случае их обращения в православную веру, ибо иноземцы неохотно соглашаются на тройственное погружение.

Патриарх согласно с желанием Петра решил, что довольно тайны миропомазания, и в январе 1719 Петр о том обнарудовал указ.

Между тем поручик Кожин прибыл из Астрахани с известием (?) о гибели Бековича. Петр отдал его под суд за *ослушание*. Кожин объявил в своем оправдании, что из Каспийского моря в реку Аму-Дарью нет исхода. Для сего Петр остановил суд (из любопытства) и послал его же, Кожина, с флота-поручиком князем Василием Урусовым исследовать сие на месте.

(О Бековиче смотри «Ежемесячные сочинения», 1760 года.)

Неверность тогдашних географических сведений была главною причиною гибели Бековича. Петр послал его удостовериться, точно ли река Аму-Дарья имела прежде течение в Каспийское море, но отведена бухарцами в Аральское. Также слух о золотом песке прельщал корыстолюбивую душу государя. Более достойна его гения была мысль найти путь в Индию для нашей торговли. К несчастью, Бекович был легковверен, упрям и несведущ, и предприятие великое с ним вместе погибло. Бекович набрал в Казани эскадрон шведских пленных, дав над ними начальство майору Франкенбергу (шлезвигцу). Бекович имел уже при себе Крутоярский полк. Он взял в Казани же Пензенский; в Астрахани — Риддеровский; сверх того 1500 яицких казаков, 500 гребенских да татар 500. Из Астрахани пошел он в море, взяв с собою морских офицеров Лебедева, Рейтеля, Кожина, Давыдова и *штурмана* Бранта. С ним был трухменец Хаджи-Нефес (автор проекта сего) и князь Саманов, персидский *князек* из Гиляпи (перекрест, живший в Астрахани и *comprèe ou dure de Hadji-Nefese*¹).

Бекович взял с собою 3 полка и шведов, а казаков и драгун оставил в Астрахани.

Бекович заложил крепость *Тук-Караганскую* (при мысе *Тук-Карагане*) и оставил в ней Пензенский полк. В 120 верстах оттоле при заливе поставил он другую, Александр-Байскую, и оставил в ней три роты. Потом при заливе *Красноводском*, где мнил видсть прежнее течение Аму-Дарьи, заложил главную и в ней оставил Крутоярский и Риддеров полк (в 300 верстах от Александр-Байской и в столько же от Астрабата).

Бекович пошел отселе по мнимым следам реки Аму-Дарьи и на следующее лето вознамерился идти мимо Аральского моря в надежде найти *плотину!*

Он возвратился в Астрахань, оставя в Красноводской полковника фон дер Вейдена. Он послал к хивинскому хану трех посланцев с предуведомлением о своем посещении и требованием вспоможения, но они не возвратились.

В июле 1717 Бекович выступил в поход с одним эскадроном драгун, с двумя ротами солдат (с пушками и запасами), с 1500 яицких казаков, 500 татар, 500 гребенских казаков, 200 купцов — русских и татар. Кожин

---

¹ подручный или шут Хаджи-Нефеса (*франц.*).

остался в Астрахани противу воли Бековича. На пути Бекович получил указ царский об отправлении *купчина* через Персию в Индию, а оттоле в Китай и Бухарию. Бекович избрал мурзу Тевкелева, впоследствии генерал-майора (см. *Оренбургскую историю Рычкова*). Тевкелев бурною занесен в Астрабат, посажен в тюрьму и освобожден уже по смерти Бековича старанием Вольнского, нашего посла в Персии, и возвращен в Астрахань без всякого успеха в предполагаемом деле.

Бекович достигнул Хивы. Его окружили 24 000 войска под начальством самого хивинского хана *Ширгази*.

Три дня продолжались безуспешные их нападения. Бекович шел все вперед. Жители уже выбирались из Хивы. Бекович в сие время получил известие, что жена его (урожденная княжна Голицына, дочь Бориса Алексеевича) утонула с двумя своими детьми в Волге. Он впал в уныние и обезумел. Ширгази меж тем прибегнул к хитрости. Он успел заманить к себе Бековича будто бы на переговоры. Франкенберг был также обманут по троекратному повелению пленного Бековича. Все россияне были захвачены или умерщвлены. Бекович и Франкенберг погибли. Хан хивинский послал к хану бухарскому голову несчастного Бековича, хвалясь, что избавил себя и своего соседа от опасного врага. Бухарский хан, пользуясь плодами его коварства, изъявил негодование и назвал Ширгази человеком дцем, чем угодил Петру, который через него думал возобновить свои предприятия и для того послал к нему Флория Беневени, Иностранной коллегии секретаря.

Комиссия (?) была разрушена. Крепости опустели. Гарнизоны оных приехали в Астрахань, кроме нескольких сот солдат из Красноводска, которые потонули.

Петр оставил Москву 18 марта и 24-го прибыл в Петербург.

Князь Куракин писал ему, что английский агент Ренар всячески старается помешать миру России со Швецией. Война загорелась в ведомостях голландских. Несмотря на то, конгресс на Аланде начался. Барон Герц и граф Гилленбург прибыли на оный. Петр отпустил из плена одного шведского генерала (?), а шведы отпустили в Россию кн. Трубецкого и графа Головина, взятых под Нарвою (см. VI — 70, примеч.).

Инструкция Петра о мире со шведами:

- 1) Ингрия, Ливония, Эстляндия с городом Ревелем, Карелия *вся*, город Выборг — да будут уступлены России.
  - 2) Княжество Финляндское будет возвращено шведам, границе быть от Выборга до Нейшлота на реке Кюмени.
  - 3) Свободный путь русским судам.
  - 4) Торговле быть свободной, с платежом узаконенных пошлин.
  - 5) Король Август да будет признан; и мир да будет между Польшей и Швецией.
  - 6) Штетин да уступится Пруссии.
  - 7) Датского короля (коли пожелает) включить в сей же трактат.
  - 8) Король английский, яко курфирст ганноврский, во всяком случае не помеха сему трактату.
- Петр из оного уступает *несколько* (что?).
- Петербург, по обстоятельствам, утвержденный уже надежно за Россией, быстро отстраивался. Петр прибыл прямо на Васильевский остров, который должен был быть обстроен на манер Амстердама.
- Заметя, что каналы уже амстердамских, и справясь о том у резидента Вильда, он закричал: «Все испорчено», — и уехал во дворец в глубокой печали.
- Петр жестоко пенял за то Меншикову. Архитектор Леблонд советовал сломать дома и завалить каналы и строить все вновь. «*Я это думал*», — отвечал Петр и после уж никогда о том не говорил (Штелин).
- Петр указал снять заставы и чинить свободный пропуск по-прежнему, по за границу без подорожных, подписанных им или сенатом, никого не пускать. (Следствие побега царевича.)
- Указ о неостановлении подвоза провианта за староманерными судами, но с 1719 их отнюдь уже не употреблять.
- Указ о печах; о пожарной команде.
- Розданы всем жителям *безденежно* парусные и гребные суда, а для починки оных учредил верфь у Летнего саду под распоряжением комиссара *Потемкина*.
- Велено *всем* жителям выезжать на Неву на *эзерсацию* по воскресениям и праздникам: в мае — по 3½ часа, в июне — по 4, в июле — по 3½, в августе — по 3, в сентябре — по 2½, в октябре — по 2. Смотри тиранский о том закон. Петр называл это *невским флотом*, а Потемкина — *невским адмиралом*.

Холсты новоманерные отсрочены еще на год.

Князь Голицын в июне уведомил Петра о взятии шведского капитана, взявшего десять <наших> малых судов; пленный капитан уведомил нас о намерении Карла напасть в Норвегии на датчан.

7 июня учреждена в Петербурге полиция. В генерал-полицеймейстеры пожалован генерал-адъютант Девиер. Пункты полицейского устава подписаны 25 мая (см. VI—80).

Девиер был прежде у государя денщиком. (Анекдот о неисправном мосте.)

По вечерам Петр сочинял различные регламенты.

К работам адмиралтейским приставил он своего Ушакова (см. его записку, VI—86).

22 мая 1718 в первый раз *Котлин остров* назван от Петра *Кронштадтом* в письме к Апраксину.

Флот исправленный Петр выслал в море (23 военных и 5 фрегатов). Царевна Екатерина Алексеевна скончалась 1 мая. Петр велел было ее привезти, но московский обер-комендант медлил (вероятно, за болезнь), а Петр за то ему пенял. Узнав об ее внезапной кончине, Петр ему же приказывал тело бальзамировать. *Кажется*, царевна была замешана в семейственных его печалях.

Дело царевича, казалось, кончено. Вдруг оно возобновилось... Петр велел знатнейшим военным, статским и духовным особам собраться в Петербург (к июню).

В мае прибыл обоз царевича, а с ним и Афросиния.

Доказано было, что несчастный утаил *приложение*, что писано о нем из *Москвы*. Дьяки представили черновые письма царевича к сенаторам и архиереям. Изветы ее¹ были тяжки, царевич отпирался. Пытка развязала ему язык; он показал на себя новые вины. Между прочим письмо к киевскому архиерею (?).

14 и 16 мая царевич подал новые признания.

16-го же даны ему от царя новые запросы: думал ли он участвовать в возмущении (мнимом).

Царевич более и более на себя наговаривал, уstraшенный сильным отцом и изнеможенный истязаниями. Бутурлин и Толстой его допрашивали. 26 мая объяснил он слово *ныне* в письме к архиерею, им написанное, зачеркнутое

---

¹ Афросинии.

и вновь написанное. Несчастный давал ему по возможности самое преступное значение.

28-го получено донесение от Веселовского из Вены. Шонбурн отпирался во всем и представил письма царевича не только неотосланные, но и нераспечатанные. Что за доказательство!

14 июня Петр прибыл в сенат и, представя на суд несчастного сына, повелел читать выписку из страшного дела (см. подлинник).

16-го Толстой прибыл к судьям и объявил волю Петра, чтоб царевича допрашивали, в случае нужды, лично. Вследствие сего даны ему запросы.

Царевич подтвердил прежние признания, объяснил незначашие обстоятельства. Толстому, Меншикову, Бутурлину и Шафирову, отведши их в сторону, объявил особо некоторые злоумышления (несчастный! своим врагам!).

Того же дня приказали судьи выписать из св. писания и из светских законов статьи, идущие к делу.

Авраам Лопухин, замешанный в последних показаниях царевича, был допрашиван, заперся было во всем, но, отведенный в застенок, признался в речах с Блесром и с *Акинфьевым*.

Гражданские чины, порознь, объявили единогласно и беспрекословно царевича достойного смертной казни.

Духовенство, как бабушка, сказало надвое.

24 июня Толстой объявил в *канцелярии* сената новые показания царевича и духовника его (расстриги) Якова. Он представил и своеручные вопросы Петра с ответами Алексея своеручными же (сначала — твердою рукою писанными, а потом после кнута — дрожащею) (*от 22 июня*).

И тогда же приговор подписан.

25-го прочтено определение и приговор царевичу в сенате.

26-го царевич умер отравленный.

28-го тело его перенесено из крепости в Троицкий собор.

30-го погребен в крепости в присутствии Петра.

Есть предание: в день смерти царевича торжествующий Меншиков увез Петра в Ораниенбаум и там возобновил оргии страшного 1698 года.

Петр между тем не прерывал обыкновенных своих занятий. 15-го июня спускал корабль и рассматривал ответ наших архиереев на представление Сорбонской академии

(VI—162). 18-го рассматривал голос духовенства о деле царевича. 19-го повелел из купцов в фискалы избирать не первостатейных, а средней и меньшей статьи (дабы тем не мешать первым заниматься торговлею?).

20-го запрещает бедным просить милостыню (см. о том указ жестокий, как обыкновенно).

Тогда же смотрел он за постройкою военного корабля (90-пушечный «Старый дуб»), который и спущен при нем — 26-го! При сем Петр пировал с корабельными мастерами. На сем пиру пожалован сын кн. Федора Юрьевича Ромодановского, кн. Иван, ближний стольник, в князья-кесари.

Голиков, вкратце предлагая мнение Сорбонской академии и возражение наших фсологов, замечает, что мнение о первенстве папы, что и есть католическая мысль, сильно не покровительствует Петру, который и установил шутовской праздник, в коем осмеивал папу вместо прежнего патриарха.

Петр отправился в Кроншлот. 6 июля вывел 23 корабля из гавани на рейд.

9-го умер шаутбенахт *Шхельтинг* на корабле «Molbruntz» и погребен в присутствии Петра.

16 июля отправился Петр в море со всем флотом.

19-го прибыл в Ревель.

22-го Петр положил основу загородному саду в Ревеле.

Отправил капитан-командора Гордона на крейсировку и послал указ князю Репнину приблизиться к Данцигу, дабы принудить их исполнить данные обязательства.

Петр прибыл к Аланду со флотом 2 августа, дабы ускорить ход переговоров.

5 августа Петр послал на смену Гордона капитан-командора Сиверса.

6-го прибыли к Петру на 39 галерах князья Голицыны (Михаил и Петр).

Петр на сих галерах отправил генерал-адмирала Апраксина и шаутбенахта Меншикова в галерный флот, стоявший у острова *Ашгерлота* (у Абова).

17-го августа Петр сам туда прибыл.

18-го августа Петр объявил еще один из тиранских указов: под смертною казнию запрещено писать *запершись*. Недоносителю объявлена равная казнь. Голиков полагает причиною тому подметные письма.

Следствие над соучастниками Алексея еще продолжалось.

19 и 22 августа Петр обучал свой галерный флот (124 галера). Тогда прибыл к нему Остерман и, три дня пробыв с Петром, отправился обратно.

26-го Петр узнал о рождении царевны Натальи Петровны. Он пировал и повел флот свой в Петербург.

Петр легко мог разорить Швецию, ибо войско шведское все находилось в Норвегии¹, но он не велел тревожить мирных переговоров (? не ошибка ли, не хитрость ли тут была со стороны Карла?).

Первое заседание на Аланде между шведскими и русскими министрами было 12 мая.

13 мая положено министров иных держав на конференцию не допускать.

Сначала хитрили с обеих сторон. Шведы требовали себе обратно Лифляндию и Эстляндию; русские не хотели о том и слышать, а соглашались трактовать только о Финляндии. Остерман умел подружиться с Герцем. Герц, нетерпеливый и погруженный в свои замыслы, открылся ему, что Карл XII на уступку Финляндии и Эстляндии может согласиться, и объявил, каким образом он его к тому может склонить: обольстить его мыслью о союзе с Петром, что сделает его страшным пуще прежнего. Настоящие требования или желания Карла состояли в том, чтоб от Дании вознаградить свои потери на западе, возведши на польский престол Станислава, все это, разумеется, при содействии царя.

Герц ездил 2 июля к королю и возвратился 9-го. Рейншильд был освобожден. Переговоры шли довольно успешно: шведы спорили только о Выборге.

Во время отлучки Остермана Герц ездил опять к Карлу. Оба возвратились к 1 августа.

Завязались новые переговоры, новые затруднения: шведы требовали Кексгольма, а границу по реке Вокшне. За Штетин также хотели чего-нибудь. Секретарь посольства Штамкен был подкуплен Остерманом. Напоследок Герц на все согласился. 26 августа написан был мирный трактат, и Румянцов повез его на апробацию Петра, а Герц сам поехал к королю.

---

¹ Норвегия являлась тогда владением Дании, с которой Швеция в то время вела войну.

Вот сей славный трактат:

1, 2, 3 статьи. Быть дружбе и союзу и проч.

4. О границах.

5. Финляндию возвратить Швеции по ратификации через 6 недель.

6 и 7. Из Финляндии России все вывезти, туда завезенное, а в ней ей принадлежащее все оставить.

8. Не собирать с Финляндии более контрибуций.

9. Для вывоза взять шведские подводы.

10. Границы: быть за Выборгом, от *Пителакса* в пяти милях от залива до озера, отколе вытекает Вокса, оттоле мимо Кексгольма (который остается за нами) и Ладожским озером до *старой границы*, через Олонецкий дистрикт до конца оного; оттоле между Белого моря и старой границы: сторона к Белому морю будет наша, а вторая до озера Кола и до границ — шведская.

Русским жителям позволено оставаться или выходить (*приписано Петром*).

11. Ингрия, Эстляндия и Лифляндия, также часть Карелии с городами Ригою, Ревелем и Выборгом уступлены России.

Архивы и документы возвращены будут России.

12. Шведский король всегда может закупать хлеб, пеньку и в год по 100 мачт на 100 000 ефимков.

13. Свобода вероисповедания обеим сторонам.

14. Привилегии подтверждаются.

15. Конфискованные имения возвращаются законным наследникам.

16. Вольно жителям оставаться или выезжать — срок на 6 месяцев.

17. Учинить каждому суд и правду в долгах.

18 и 19. Устанавливается свободная торговля (*см. приписку Петра*).

20. Этикет морской.

21. Об освобождении пленных.

22. Предоставляется всем державам к сему трактату приступать (*приписано к сему Петром*).

23. О скорейшей ратификации (хоть в три недели).

Статьи *сепаратные* состояли в следующих пунктах:

1) Послику король шведский не может и не хочет помириться с королем Августом,
а Петр им весьма недоволен,

а король Август думает сделать престол польский наследственным

(что явно противно правам и вольностям Речи Посполитой),

то — принудить его к отрицанию от престола, а на оный возвести короля Станислава, взяв с него обещание о генеральной <амнистии> и проч. и проч.

Король шведский и русский царь обещают друг другу помогать оружием в сем случае.

2) Царь от союза с Пруссией отлучиться не намерен, но берется помирить королей. *Изъяснено особливим письмом* (приписка царя).

3) Петр обещается помогать королю 20 000-ым войском противу курфюрста брауншвейг-люнебургского (короля английского). Приписано Петром: *пункт сей, по резону, учинить прежде польского.*

4) Англии и Голландии объявить тотчас о мире, чтоб не было им предлога на море вредить.

5) Хотя царь и принужден отступить от союза с датским королем и особенный мир со шведским заключить, но воевать противу Дании не намерен, предоставляя шведскому королю самому получить желаемое удовлетворение, но и то в единой Норвегии.

Вместо (?) 6-го. О неотдалении русского флота во время морских действий и проч. и проч.

7) О помощи шведу в морских действиях в случае воспрепятствия от других держав.

8) О титулах.

9) Склонить Францию принять на себя гарантию сего трактата.

10) Уверения в дружбе и проч.

Петр утвердил все сии пункты.

Способ к произведению в действо сего трактата был следующим образом постановлен.

1. Шведский король в следующий год идет в Германию, а царь готов ему помогать транспортными судами и восемью военными кораблями, не более.

2. Соединить в Германии *в одно время* вспомогательное 20 000-ое войско со шведской армией.

3. Ганноврское дело кончить сперва.

4. Царь весною вступает в Польшу для возведения на престол (мирно) короля Станислава, коли же Август будет тому противиться, то Карл шведский вступит в

Саксонию и с русским корпусом, у него находящимся. Стараться, чтоб другие державы в польские дела не мешались; а в том случае действовать обще противу той, которая вступится.

Герц с трактатом, подтвержденным от Петра, вновь отправился в Швецию. Старый фельдмаршал Рейншильд прибыл на Аланд и отпущен 20 октября (смотри в Голикове разговор его с министром, ч. VI — 214). Рейншильд единомышленно с Герцем желал мира, но барон Миллер, министр шведский и личный враг Герцу, был мнения противного. Шведы ненавидели Герца и явно называли его предателем, подкупленным царем. Англия, Франция и Саксония старались также ему препятствовать. Миллер утверждал, что уступки, требуемые Англией, менее тягостны, нежели изложенные в трактате, что, помирясь и вступя в союз с царем, король поставит себя в крайне опасное положение, ибо:

- 1) Австрия, заключив с турками мир, усилилась,
- 2) что Испания побеждена,
- 3) что регент (французский) предан Англии,
- 4) что и царь будет принужден пристать к сильнейшей партии; к тому ж нечего было торопиться, ибо зима наступала. Прежде всего, говорил Миллер, должно условиться в том, чтоб царь обязался помогать Карлу в войне противу датчан и взятии Стральзунда и Ругена, как плацдарм и пункт коммуникационный.

Миллер был, конечно, прав, и король, несмотря на свою доверенность к Герцу, настоял, чтоб последний пункт был первый приведен в действие. Герц воротился на конгресс, но Остерман остался тверд в своих требованиях, ибо знал, что Карл и Герц равно желали союза. 12 ноября Герц опять поехал к королю, надеясь через четыре недели воротиться и все кончить, но судьба судила иначе.

Петр прибыл в Петербург (3 сентября), положил основание первой шпалерной фабрики в подражание французским (на Литейной).

В сие время Петр начал Ладожский канал. 19 сентября по указу велено отовсюду собирать работников с 20 дворов по одному, а с *стрельцов* и *копейщиков* с 7 дворов — по одному; работы начались в апреле 1719 и должны были кончены быть в 1721.

Он замыслил еще два канала (VI—226).

28-го заложен военный корабль. Со 2 октября по 17-е осматривал Петр работы в окрестностях Петербурга.

Петр подтверждал указ о контрибуции Данцига и повелел Репнину стать на зимние квартиры близ сего города и проч.

Взята шведская шнава о 14 пушках.

Был в С.-Петербурге пожар и тотчас потушен, Петр находился между пожарными офицерами, что и делал обыкновенно.

23 октября издал он указ о строении каменных домов в Москве, о мостовой, о крыше домов черепицею, о печах и проч. в предосторожность от пожаров (под опасением штрафа и галер).

Повелено указом в церкви стоять смирно и не разговаривать.

В ноябре в Киевской и Азовской губерниях и в некоторых городах Малороссии оказалось чума. Гвардни капитан Горохов послан был для учреждения застав.

По свидетельству Вебера, ганновского резидента, флот наш состоял из <40 кораблей и> 300 галер кроме малых судов. Матросов было — 14 960; пушек — 2406.

В декабре из Персии возвратился Волинский. Он был отправлен туда в 1715 к шаху Гусейну с предложением помощи противу бунтовщика Мирвейса (?) и для заключения торгового трактата (смотри *описание Каспийского моря* в «Ежемесячных сочинениях», 1763, ч. 1—100).

Волинский был потом губернатором в Астрахани.

Петр наподобие шведских и датских учредил коллегии. Вместо Посольского приказа *Коллегию иностранных дел*, в двух департаментах: внутренний и внешний. *Камер-коллегию* для сборов и доходов государственных. *Юстиц-коллегию*, подчинив оной *Вотчинную коллегию* (Поместный приказ).

Ревизион-коллегию (centrale) ¹.

Военную коллегию (вместо Военного приказа), подчинив оной Кругс-комиссариат, Казначейскую, Провиантскую и Артиллерийскую *конторы*.

Адмиралтейскую коллегию, при оной 14 контор (см. VI—234).

Коммерц-коллегию (часть оной потом отделена, и составлен главный магистрат). Подчинены ей таможни.

---

¹ центральную (*франц.*).

Для ведения государственных расходов — *Статс-контролю*, *Берг-коллегию* и *Мануфактур-коллегию* (отделена от оной потом артиллерийская канцелярия). Подчинен оной *Монетный департамент*.

В коллегии определены президенты, вице-президенты, советники, ассессоры и проч. и проч. (VI—236) — в трех первых и другие разные чины (?).

Президенты сии были:

В Иностранной — канцлер граф Головкин.

В Военной — Меншиков и Вейде.

В Адмиралтейской — граф Апраксин.

В Камер-коллегии — князь Дмитрий Михайлович Голицын.

В Берг-коллегии — Брюс и проч. (?).

Петр повелел, однако, не прежде начать новое коллегияльное управление, как с 1720, а до той поры управлять *губернаторам с товарищи* по-старому.

22 декабря Петр издал указ о небитии челом самому государю, объявляя учреждение надворных судов и порядок апелляционный; поистине сей указ трогателен, хотя и с примесью обыкновенной жестокости (которая выражалась более принятою формулой, чем в настоящем деле).

В декабре учреждены везде высшие и нижние надворные суды (состоялись 9 генваря 1719), подчиненные Юстиц-коллегии.

(Смотри №. VI—243; записка Петра.)

9 декабря обезглавлены приговоренные к колесованию: Авраам Лопухин, Пустынный (духовник Евдокии), Ив. Афанасьев, Федор Дубровский и гофмейстер царевича Воронов, и четыре слуги; другие (?) наказаны кнутом; киевский архиерей¹ на дороге в Петербург отравился. Князь Василий Владимирович Долгорукий, царевич Сибирский, князь Львов и Семен Нарышкин сосланы в заточение; девка царевича объявлена невинной.

Через час после сей казни Петр явился в сенат и объявил новую следственную комиссию над беспорядками и злоупотреблениями властей по донесению фискалов.

К суду сему позваны Меншиков, граф Апраксин с братом, кн. Яков Долгорукий и многие другие.

Но из числа сего пострадал один только знатный: кн. Матвей Петрович Гагарин. Он лишился имения и жиз-

¹ Иоасаф Краковский.

ви. Кн. Яков Долгорукий оправдался один. Обрадованный Петр его расцеловал.

Купец Милютин учредил в Петербурге ленточную и позументную фабрику (в Калинкиной слободе у Фонтанки и проч.).

Анекдот о Борисе Шабликине. VI—253.

В 1717 из Амстердама подрядил Петр, между прочим, плотинного мастера и послал его к калужскому купцу Гончарову, заведшему по его воле полотняную и бумажную фабрику. Петр писал Гончарову. VI—255.

К Бестужеву Петр писал заплатить из курляндских доходов 6575 ефимков за выписанные для его племянницы вещи и уборы (см. и другие письма Петра там же).

Карл, полагаясь на Герца и не опасаясь Петра по причине зимы, пошел противу датчан в Норвегию и в ноябре осадил Фридерихсгаль.

Там 30 ноября (11 декабря) вечером в траншее убит был картечью Карл XII на 37 году своей жизни (см. «Histoire de Charles XII». Voltaire¹).

Петр оплакал его кончину.

Герц в Стокгольме был арестован прежде нежели узнал о смерти короля; он был казнен, приказав написать на своем гробе: *Mors Regis, fides in Regem, mors mea*². С ним рушились его замыслы. Проект Аландского мира был обнародован. Август и король английский вознегодовали на Петра. Они обратились к Австрии. Петр смотрел на все спокойно и занимался внутренним устройством государства.

Вместо набора работников для Ладожского канала (см. выше) повелел он собрать по 70 коп. с двора к марту 1719.

Повелел кликать охотников для сих работ и проч. и подрядчиков и проч.

Невский проспект открыт и пошлина учреждена: с верхового 3 коп., с телеги — 5, с двух лошадей — 10, с четверки — 20, с цуга — 30.

---

¹ Вольтер. История Карла XII, ч. IV. М., 1804, с. 154—158, 161.

² Смерть короля, верность королю — смерть моя (лат.).

1719¹

Скончался царевич и наследник Петр Петрович:
смерть сия сломила наконец железную душу Петра.

1-го июля Петр занемог (с похмелья?).

...Указ весьма благоразумный, с малой примесью самовластия и с тою вольною системою, коей ознаменовано последнее время царствования Петра.

---

¹ Под 1719—1721 гг. печатаются строки, исключенные цензурой в 1840 г. из тетрадей Пушкина, до нас не дошедших, и сохранившиеся в виде отдельных выписок.

Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости; вторые жестоки, своеправны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего; вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика.

№3. (Это внести в *Историю Петра*, обдумав.)

По учреждении синода духовенство подписало Петру просьбу о назначении патриарха. Тогда-то (по свидетельству современников — графа Бестужева и барона Черкасова) Петр, ударив себя в грудь и обнажив кортик, сказал: «Вот вам патриарх».

В синоде и сенате объявил себя президентом.

Сенат и синод подносят ему титул: Отца Отечества, Всероссийского Императора и Петра Великого. Петр недолго церемонился и принял их.

Сенат (т. е. восемь стариков) прокричал три раза *vivat*. Петр отвечал речью гораздо более приличной и рассудительной, чем это все торжество.

Указ о возвращении родителям деревень¹, и проч., принадлежащих им и невинным их детям, также и о платеже заимодавцам.

№3. Сей закон справедлив и милостив, но факт, из коего он проистекает, сам по себе несправедливость и жестокость. От гнилого корня отпрыск живой.

---

¹ которых лишились по указам Петра дворяне, уклонявшиеся от государственной службы («петчики»).

Петр был гневен. Несмотря на все его указы, дворяне не явились на смотр в декабре. Он 11 января издал указ, превосходящий варварством все прежние, в нем подтверждал он свое повеление и изобретает новые штрафы. *Нетчики поставлены вне закона.*

19-го января учреждена в Москве полиция; дан указ обер-полицмейстеру (кому?).

Дан срок на исправление несостоятельным казенным должникам, потерпевшим по торговле (*как то учинено для иностранцев*).

С мордвы и черемис брать рекрут наравне с русскими, а с татар брать малолетних, из коих $\frac{1}{3}$ в денщики.

24 января издана *табель о рангах (оную изучить)*.
№ №.

28-го было третье торжество.

(№. Мнение Петра о царе Иване Васильевиче¹ по случаю иллюминации герцога Holstein.)

27 (или 29) января Петр создал должность генерал-прокурора (*изучить*). №.

5 февраля Петр издал манифест и указ о праве наследства, т. е. уничтожил всякую законность в порядке наследства и отдал престол на произволение самодержца.

По его воле напечатана была книга: «Правда воли монаршей в определении наследника державе своей».

¹ «Сей государь есть мой предшественник и образец... Глупцы только, коим не известны... великие его заслуги, называют его мучителем».

Петр поехал на железные заводы купца Вернера Миллера, на коих открылись минеральные воды в 90 верстах от Москвы в Истии по калужской дороге. Там он вытянул 18 пудов железа и взял за них 18 алтын.

Петр определил посланником во Францию князя Александра Куракина, в Испанию — князя Сергея Дмитриевича Голицына, к прусскому <двору> — графа Головкина (меньшого сына канцлера).

Герцога Holstein Петр обласкал и, обещав ему свою дочь (но повременив, ибо дела его были еще неблагоприятны), отпустил его из Москвы.

Петр учредил герольдмейстера при сенате, дав ему (5 февраля) инструкцию (кто был сей?).

Должен он был иметь списки дворянству прежнему и новому; стараться об изучении дворян, особенно экономии (?), и для того, в ожидании Академий, иметь школу, etc.

Петр повелел принимать иностранных офицеров с понижением чина против российских etc.

Учрежден при сенате генерал-рекет-мейстер для порядку подавания прошений. См. *наказ оному*.

Учреждены смотрители над лесами. Дана инструкция. Штраф за дуб 15, за прочее дерево 10 р. — также кнут, поздри etc.

Петр повелел из монастырей прислать в синод рукописи хроник, обещав подлинники возвратить.

Беглым за вины или *иначе* Петр даровал прощение как внутри государства, так и за границами оногo.

Повелел осмотреть рекрутские недоимки и половину оных простить.

Положено одному сенатору ежегодно объезжать губернии, взяв из каждой коллегии по члену.

Указ о дураках и дурах (фамильных): в брак не вступать, к наследству не допускать, у женатых уже не отымать (6 декабря).

Повелевает быть всегда зеркалу (т. е. указу, наклеенному на доске, *которая, яко зеркало*¹ etc).

Повелевает по всем приказам не задерживать колодников и для правежа доимки учреждает особый стол в Ревизион-коллегии.

---

¹ должна стоять на столе «пред очьми судящих», напоминая о необходимости твердого соблюдения законов.

О побеге колодников по потворству подъячих издан указ — жестокий.

Должников на правеже не бить и не задерживать, а отсылать на галеру.

Ссылаемых повелел посылать прямо на серебряные заводы в Дауры.

Повелевает полосное железо клеймить тремя пробями сверх заводского клейма.

Должность прокурора (см. VIII—124).

Дела шкиперов во всех судах решить первые, под штрафом цены судна и товаров etc.

О бродягах и нищих etc.

27 апреля Петр во всех цехах учредил старшин алдерманов, *без клейма коих* ничего не продавать, etc. Они же подчинены магистрату.

Для мелочного дела (не свыше 15 руб.) судить велено губернаторам, воеводам etc.

Указ о возвращении владельцам беглых холопов etc.

О злоупотреблении в продаже казенной соли etc.

Кабачкии сборы отданы на откуп etc.

№ №. Сборы с судов и подвод велел остановить. Оные были: *на сухом* — с найму подвод 10-ую долю и мостовые (за мосты), *с водяного* — привальное, отвальное, прикольное¹(?), пропускное (через мосты, реки и каналы), с потесей и весел и с обоих от свидетельства отписей.

В пользу мелочных продавцов запрещено на фабриках продавать товары *в розницу*.

Главная мысль и занятие Петра была перепись народу и расположение по оной своему войску.

Пазначена подушная с посадских и прочих 120 коп.

Для положения в подушный оклад оказалось всего 5 794 928 мужских душ — по 80 копеек. № № №.

Армия была расположена по сим душам.

На пешего солдата — 36 душ без 16 доли.

На конного — 50 $\frac{1}{2}$ душ + 8 доля.

И более никаких подвод, податей и прочего не будет, *разве* (что за деньги)² etc. (приписано Петром).

¹ Сбор за стоянку судна на приколе.

² по и то по указу, подписываемому самим царем или всем сепатом.

Предоставляется на волю помещиков строить новые усадьбы для солдат или разместить их по избам. Но и тут закорючки своевольтва и варварства. См. VIII—138.

В сии пять миллионот и проч. не включены ямщики, купцы, одностворцы, дворовые, вся Малороссия, завоеванные провинции, иноверческие народы и дворцовые и церковные крестьяне (коих, однако, включили туда после).

Прямая дорога от Петербурга в Москву оказалась менее 600 верст. Она была начата. Петр ныне издал оный новый указ.

Москву велено мостить каждому хозяину перед своим домом.

Петр разделил власть духовную от светской и под суд последней обратил следующие дела:

- О любодействе.
- О насилии.
- О кровосмешении (*с согласия синода*).
- О похищении ко браку.
- О незаконных детях.
- О детях от родственников брачных.
- О браке детей без согласия родителей.

См. VIII—145.

Определил над иконами иметь смотрение живописцу Иваку Зарудневу.

О приемлющих иную веру из православной Петр повелел докладывать в сенат, а решение дела предоставил себе.

За бороду (купцам) положено платить 50 р. и проч. двойной оклад и вышивать на платьях красные и желтые лоскуты.

См. анекдот о раскольнике. VIII—153.

В апреле дал Неплюеву (нашему резиденту в Константинополе) инструкции, как стараться сохранить мир с Турцией при наступающей войне с Персией.

Также повелел в случае смерти Августа ехать в Польшу послом кн. Григорию Долгорукову для избрания нового короля etc.

См. инструкцию Иностранной коллегии. VIII—154.

Примириться с Англией было необходимо.

Петр предположил учинить сие при медиации Австрии и потому Ягужинскому и были отправлены жалобы его —

(кому?) — также и прелиминарные пункты: 1) вывести из Мекленбургии ганновские войска, 2) зундские пошлины таковыми, как *прежде войны* были, учинить.

3) Отдать Веселовских.

4) Помочь герцогу Holstein в его деле (о наследстве).

5) За издержки наши дать вознаграждение.

6) О корабельных английских мастерах.

7) Помогать нам в курляндском деле (весьма тайно).

Мекленбургского принца звал Петр (по возвращении своем) в Ригу.

Сватовство герцога Holstein продолжается.

Жалование, назначенное нашим министрам:

Во Франции кн. Василию Долгорукову —	11 000 р.
кн. Александру Куракину —	5 500
в Испании кн. Сергею Голицыну —	5 500
— Польше князю Григорию Долгорукову —	7 000
князю Сергею Долгорукову —	4 000
— Пруссии графу Александру Головкину —	6 000
графу Михайле Головкину —	4 000

(Мая 2).

Князю Кантемиру велено ехать с царем и взять с собою *азиатскую* типографию.

Вместо Поместного приказа (коим он очень был недоволен) учредил Петр *Вотчинную коллегия* и назначил президентом *Сухотина*.

Мануфактур-коллегия отделена от Берг-коллегии, назначена президентом Новосильцова.

Петр прибыл в сенат и представил ему своего генерал-прокурора Павла Ивановича *Ягужинского*, потом повелел Апраксину ехать с ним в поход и

15 мая, отслушав молебен в Успенском соборе, отправился на москворецком струге при пушечной пальбе etc.

17 мая в Коломне решил дело между Меншиковым и Скоропадским.

В Нижнем-Новгороде Потемкин (интендант) донес, что насады¹ готовы. Петр их осмотрел, велел некоторые исправить, обедал у барона (№) Строганова; на другой день у губернатора, осмотрел суда и, нашед их все староманерными, издал опять о том указ (30 мая).

Учреждена в Нижнем-Новгороде верфь, на Волге велено строить морские суда.

¹ Н а с а д а — судно («для ходу на Волге»).

Петр отправился в Казань.

Здесь осмотрел он леса и учредил казанского вице-губернатора главным над оными.

В Казани принял он Евреинова и Лужина, возвратившихся из Камчатки и с Курильских островов, осмотрел их карты etc.

8 июня отправился в путь. Осмотрел развалины болгарские.

В Саратове явился к Петру 80-летний Аюк, хан калмыцкий.

Петр обласкал его и старую ханшу. Подарил ему часы, парчу etc., а у него попросил несколько тысяч калмыков в поход свой.

Напечатал манифест на персидском и татарском языке (VIII—188).

15 июня Петр прибыл в Астрахань, и там оный манифест обнародован.

Петр повелел поправить болгарские развалины.

Писал Кудрявцеву о лесах.

Дозволил фабрикантам покупать *дубовый* лес.

За необорону бурлаков на Волге, а ямщиков на путях — чинить суд по указам.

О отставных офицерах (кроющих свои чины и называющихся просто дворянами) строгий указ.

Приказал переписать всех подьячих, старых и молодых.

Подтверждено о перспективной дороге от Волхова до Москвы etc.

По смерти Скоропадского учреждается вместо гетмана Малороссийская коллегия.— 20 июля. См. Бантыша-Каменского.

ДЕЛА ПЕРСИДСКИЕ

Гусейн-шах в то время тиранствовал, преданный своим евпухам, изнеможенный вином и харемом. Бунты кипели около него. В поминутных мятежах истребился род Софиев.

На отдаленных границах Персии, близ Индии, кочевал дикий и воинственный народ: афганцы, происшедшие из Ширвана, близ Каспийского моря. Тамерлан (ум. 1405) поселил их в царстве Кандагарском; Мирвейс, происшедший из их рода, умел при дворе шаха снискать его дове-

ренность, и он был назначен главным начальником над своими единоплеменниками во время наместничества Мансур-хана. Грузинец Джюрджи-хан, заступивший место Мансура, отрешил Мирвейса от команды. Мирвейс бежал в Испагань и там при покровительстве евнуха Ахмуд-аги Хадце (государственного казначея) получил вновь начальство над афганцами. Джюрджи-хан долго противился, но принужден был уступить. Мирвейс притворно с ним помирился. Несколько времени после Мирвейс возмутился, убил Джюрджи-хана, истребил всех персиян, находившихся в Афганской земле, и объявил себя кандагарским ханом.

Шах посылал противу мятежника свои войска. Они были разбиты, и Мирвейс умер в 1717 г., быв спокойным властителем похищенной области.

Мир-Махмуд, сын его, ему наследовал. В 1720 году он с 15 000 афганцев вторгнулся в Персию и, вскоре умножив свое войско 50 000, пошел прямо на Испагань.

Испуганный шах отправил к Петру трех посланников, одного за другим. Он послал Махмуд-бека к шамхалу и Усмею (?) с деньгами и подарками, требуя немедленной помощи. Войска их были собраны и поручены начальству Сурхая, казикумыцкого хана.

В Дербенте содержался тогда под стражею Дауд-бек. Он убежал, под видом службы набрал до 1000 человек войска и, нагнав Сурхая в Ширване, предложил ему свое товарищество в бунте и грабеже. Сурхай, старый его знакомец, с охотою согласился. Оба обнародовали, что они богом посланы для избавления правоверных от ига. Племена, подвластные шаху, возмутились. Дауд-бек и Сурхай разграбили Ширванскую область и Кубу и осадили Шемаху, которую взяли, шемахийского хана убили, также всех индийских, персидских и русских купцов (последних 300 человек).

Весною 1722 Мир-Махмуд осадил Испагань.

У шаха были 3 сына и дочь. Старший — Мирза-Зефи был его любимец. Шах взял его из харема и сделал его своим наместником. Евнухи, опасаясь деятельности и властолюбия молодого человека, нашли способ его низвергнуть. Мирза-Зефи по повелению отца был заключен в темницу и ослеплен. Наследником избран второй сын, Тахмасиб (или Тахмас). Он успел с 500 воинов пробиться сквозь афганцев, осаждающих Испагань, и поспешил (в

марте) в окрестных областях набрать войско для освобождения столицы.

Тогда-то Петр прибыл в Астрахань. Устрашенные мятежники Дауд-бек и Сурхай искали покровительства Порты, <что им со стороны султана и обещано>, обещая ему за то области, близ Каспийского моря лежащие (*Наставление Петра гвардии подпоручику Толстому, посланному им к Вахтангу, царю грузинскому*). Сие-то предложение и повудило Петра спешить и ускорить поход целым годом.

25 июня Петр писал к Семену Аврамову, консулу в Испагани, чтоб он с шахом вступил в переговоры и предложил ему помощь с тем, чтоб близкаспийские области были ему уступлены.

2 июля отправлен в Грузию князь Борис Туркестанов, предписывая Вахтангу:

Напасть на лезгинцев в их земле и дать о том нам знать в Астрахань, к Теркам, или Дербенту, где будем, и ждать приказа, куда быть.

Когда пойдет на соединение, то бы заказал под смертною казнию не грабить, не разорять, не обижать etc., etc. (политика тамошних войн. См. действия Паскевича в Армении, Турции etc.). Хлеб и скот брать не иначе, как через комиссаров etc.

Коннице Петр повелел идти из Царицына *горами*, под начальством генерал-майора Кропотова.

5 июля дан ему собственноручно указ о сбережении здоровья солдат сообразно климату.

Число судов было 274 (3 шнавы, 2 больших бота, 1 гукор etc.). На флот посажено регулярной пехоты 22 000 и 5000 матросов. Сухим путем отправлено: драгун 9000, казаков донских и малороссийских 20 000, татар 30 000 (?), калмыков 20 000 (?). Голиков замечает, что калмыки в походе не были, но соединились с нами в числе 40 000 уже в сентябре, на обратном пути, при реке Сулак.

17 июля велено выступить в море. См. VIII—240.

Волынский, Кантемир, Апраксин, кабинет-секретарь Макаров поехали с Петром. Капитан 1-го ранга Гослер и Вильбуа остались в Астрахани с провнантом.

Петр в сие же время писал в сенат о фабричных учениках etc., о староманирных судах (*с скобками*) (грозный). Демидову (Никите) о железных трубах для Петергофа etc.

18-го июля Апраксин поднял генерал-адмиральский флаг (в первый еще раз) при пушечной пальбе etc. Петр приехал его поздравить. Апраксин плакал... За сим пошли в путь.

20 июля был на море совет. Положено: 1) если буря разнесет корабли, то соединиться при устье реки *Терки* (№3), 2) Петру командовать авангардом, малым и островским судам следовать за ним, вдоль берега, 3) фон Вердену с ластовыми судами идти к острову Чекеню — до указа, 4) Кантемиру и Толстому ехать вдоль берегов.

21-го на якорях при острове Четыре-Бугра Петр получил от терского коменданта письмо шамхала Абдул-гирея (о подданстве). Петр послал кабинет-курьера Чеботаева в Гилянъ для разведования etc. В Ряще находился консул Семен Аврамов.

Смотри о шамхале VIII—217.

23-го Петр прибыл к устью реки Терки.

24-го послан к шамхалу поручик гвардии Лопухин, с манифестами в Дербент, Шемаху и Баку.

Петр ездил в город Терки (худо расположенный).

Он думал высадить войско на Агра-Ханский мыс. Соймонов осмотрел оный.

27 июля (день Гангутской баталии) Петр осмотрел берег, избранный Соймоновым для лагеря.

28-го войско вступило в укрепленный лагерь, названный Агра-Ханским ретраншементом.

Тут простояли неделю. Петр окупал весь генералитет.

Жители деревни Эндери (Андреевской) напали на передовое наше войско (конное), отправленное из Астрахани под начальством бригадира Ветерани 23 июля. Неприятель в числе 5000 встретил русских в ущелии и убил 70 драгун и ранил более. Ветерани и полковник Наумов, однако, их отразили, деревню взяли и сожгли, 300 человек положили etc.

Ветерани прибыл в лагерь с лошадьми, отправленными из Астрахани, и мы вновь приготовились к походу.

Петр послал Соймонова отыскивать броду в реке Сулак (20 верст от лагеря), но дно было илистое.

Петр указал переправляться на камышовых плотах. Меж тем островские лодки были оставлены у острова в Аграханском заливе. См. VIII—232.

В лагере оставлены больные и 200 солдат гарнизону и 1000 казаков под начальством подполковника Маслова,

и 5 августа Петр пошел к Дербенту, повелев Соймонову идти с судами, оставленными в заливе, к острову *Чеченю* и, соединясь с фон Верденом, идти к Дербенту.

6-го августа армия начала переправляться через Сулак (6-го и 7-го).

В сие время Петр послал сенату указ о строении крестьянских изб и дворов во избежание пожаров etc., а фискалам доносить в Вотчинную коллегию. №3.

Султан (?) Махмуд из Аксая и шамхал из *Тарху* прислали послов к государю, который их и принял на берегу Сулака. Первый прислал 6 персидских лошадей и 100 быков, а второй 600 быков с телегами и 150 на пищу и трех персидских аргамаков с богатой сбруей.

Петр подтвердил их права; а шамхалу дал 12 солдат и одного унтер-офицера с барабанщиком («Ежемесячные сочинения», 1760, ч. II—38).

11 августа Петр с передовым войском пошел в поход, остальное осталось дожидаться Кропотова и провизанта.

12 августа шамхал встретил Петра за пять верст от Тарху. Здесь Петр остановился лагерем, через три дня собралась армия. Петр обедал у шамхала etc.

В лагерь явились депутаты от наиба, дербентского наместника, с приветствиями и просьбами о покровительстве.

Петр послал к наibu полковника Наумова с 12-ю казаками. К Дербенту в то же время прибыл фон Верден, и русские расставили в городе свои караулы.

16-го августа армия выступила из Тарху.

18-го прибыл Петр на границу утемиш и хайтаков. Султан (*утемишский*) Махмуд велел изрубить посланного к нему есаула и трех казаков. У него было до 10 000 своих и 6000 *усмевских* (Хайтацкого султана).

Они вышли было противу нас, но бежали тотчас и преследуемы были 20 верст до самого Утемиша, которое взяли и сожгли, также и шесть других местечек. 1000 человек убито, 7000 быков, 4000 баранов взято — пленники казнены смертью. Издан татарский манифест.

21-го армия снова пошла в поход. Переход был труден. Жар, вихрь и пыль были несносны. Петр весь день был верхом. См. Беля, III—171.

Петр обрел свои длинные волосы и сделал из них парик, ныне видимый на его кукле¹.

¹ Восковая статуя Петра, хранившаяся в кунсткамере (ныне — в Государственном Эрмитаже).

Жители из Баку прислали Петру депутатов.

Наиб встретил Петра за версту от Дербента и подал ему ключ от города и произнес очень умную речь. Дербент был обнадежен, лавки открыты, и жители с русскими обходились, как со своими.

Пехота стала лагерем близ моря, а конница при реке Милукенте за пять верст от устья. Фон Верден стал при устье той же реки, ибо рейда была небезопасна от ветров.

В Дербенте, между прочим, взято 230 пушек.

Петр укрепил город двумя крепостцами при Милукенте и Артабугаме.

Наиб сделан генерал-майором и командиром персидской ланд-милиции.

30-го Петр известил обо всем сенат. (См. VIII—248.)

Петр, узнав о покушении Августа сделать корону польскую наследственной, предписывает сенату всячески тому препятствовать и князя Сергея Долгорукова отправляет послом и дает ему *кредитив*.

Старый шах был в осаде, сын его скрывался в отдаленных провинциях от преследования Мир-Махмуда. Шемаха была в руках Дауд-бека и Сурхая.

Петр отправил с войском на шнаве поручика Лунина в Баку с манифестом к начальнику города.

Петр в Дербенте повелел послать в Венгрию за винодельцем и смотреть за разведением шафрана, также заботился он и об овечьей шерсти и разведении стад.

Петр на устье Куры думал построить торговый главный город, центр азиатской торговли.

Дербентский округ занят был русским войском, также и Мушкура, богатая и хлебородная страна, разоренная бунтовщиками.

Лунин возвратился. Начальники Баку его не приняли, говоря, что от бунтовщиков обороняться могут сами, а провианта и гарнизона не примут.

Петр для похода в разные стороны приказал печь хлеба и сухари. Провиант с ластовых судов, стоящих при устье Милукенти, начали выгружать.

Вдруг сделалась буря. Суда стали течь. Отрубили якоря, дабы сесть на мель; все 13 судов посажены были на мель в течение двух часов. Мука промокла вся. Суда разломали на дрова для хлебопечения. Из Астрахани ждали провианта на 30 судах. Петр послал о них наведаться к Низобату (10 миль от Дербента). Их не было видно.

Тогда получено известие от капитана Вильбуа, что прибыл он в Аграханский залив, но что испорченные суда далее идти не могут.

Хлеба оказалось только на один месяц. Собран был совет. Положили, оставя гарнизон в Дербенте, возвратиться в Астрахань.

Итак, план Петра овладеть Бакою, заложить город при устье Куры, идти к Тифлису по сей реке, возобновить в Грузии христианство и утвердить Вахтанга в союзе и оттуда идти на Терки — не состоялся!

Капитан-лейтенант Бернارد, а вслед за ним лейтенант Соймонов посланы к Вильбуа с приказанием в море уж не пускаться, или, коли он уже вышел, то возвратиться к ретраншементу. Но Вильбоу (или Вильбуа) пустился в море и у конца Аграханского мыса потерпел бурю и сел на мель. В сем положении нашли его Бернارد и Соймонов; к счастью, провианту еще было достаточно для возвратного похода и для гарнизонов.

В начале сентября Петр выступил из Дербента, оставя гарнизон под начальством Юнгера (полковника).

20 сентября прибыл Петр с армией к Сулаку. Там заложил он новый город на месте, где Аграхань от Сулака отделяется, в 20 верстах от ее устья. Город назван крепостью Св. Креста (от имени древнего оной земли — Ставрополь или татарского — *Хучь*).

В сне время прибыли к Петру 40 000 калмыков, высланных старым их ханом. Петр повелел Краснощекову, донскому наказному атаману, с ними и с 1000 казаками разорить Утемышскую и Хайтацкую область.

25-го Краснощеков выступил в поход etc.

Петр осмотрел минеральные терские воды, освидетельствованные доктором Шобером. Возвратясь, Петр повелел в крепость Св. Креста перевести гарнизон и жителей терских и поселенных близ него черкес Нижней Кабарды (Ахочинская слобода, 300 семей — старшина Эльмирза, брат Бековича).

Петр повелел переселить туда же 1000 семей донских казаков (сии казаки пазваны *семейными*, их селенья Кузминка, Каменка, Прорва).

Петр послал гвардии поручика Ивана Толстова к Вахтангу с грамотой.

Грузинский царь получил от арзрумского паши предложение признать турецкое владычество. Петр опасался,

чтоб шах в надежде на помощь не уступил бы км Грузию. Петр через Вахтанга предлагал персидскому шаху то, что уже мы видели, а Грузию старался склонить под свое владычество. Таковое же письмо было послано и к армянскому патриарху Исаию (на Эчмиадзин?).

26-го сентября Петр выступил далее к ретраншементу, оставя в крепости полковника Леонтия Соймонова с пехотой и казаками, с повелением строить оную по данному плану. Крепость окончена была генерал-майором Кропотковым.

4000 под начальством бригадира князя Барятинского пошли вперед.

См. письмо к Апраксину — VIII—274.

Петр в Аграханском ретраншементе занялся исправлением оного. Апраксин между тем прибыл туда же. Петр, оставя его, сел на бот и 4 октября прибыл в Астрахань.

Апраксин и граф Толстой отправились через 3 дня и претерпели бурю, но все суда прибыли в Астрахань благополучно.

Петр занемог и несколько дней не выходил из своей комнаты.

Петр, слыша о болезни Августа, писал к графу Головкину заблаговременно думать о избрании короля. Август пережил Петра. Но кто *персона*, предлагаемая Петром в преемники польского престола? (16 октября).

17 октября писал ему же. «Писали сюда *Аврам Арап*, Гаврило Рсзанов и Степан Коровин, что они по указу в свое отечество ехать готовы, токмо имеют на себе долг у каждый ефимков по 200, да сверх того им всем вообще надобно на проезд триста ефимков» etc. VIII—278.

Генерал-майор де Геннин донес, что на реке Исети медные и стальные заводы строятся, также и Екатеринбург *там же*.

Подтвержден указ об инвалидах, увечных и престарелых etc.

Из Астрахани Петр послал двух венгерских виноделцев в Дербент.

Краснощеков возвратился из своего похода к Аграхани 30 сентября, разорив и разграбя владения Усмея и Махмуда.

20 октября Петр отправил в Казань гвардии майора Румянцова для заготовления новых *морских* судов для будущей кампании, а майора гвардии Юсупова в Пиж-

пий-Новгород, с таковою ж порукою — каждому велено изготовить 15 гекботов и весною отправить в Астрахань.

Осматривая учуги, Петр получил от консула Аврамова из Гилани донесение и письмо *визиря* (?), в коем жители приглашали русских к себе на помощь.

Петр на другой день имел на учуге совет с Апраксиным и с Толстым, и положено в ту же осень послать в Гилань войско.

В Астрахани Петр приказал Соймонову (капитан-лейтенанту) и корабельному мастеру Пальчикову осмотреть суда для перевоза войска в Гилань. Мало нашлось их годных. Петр назначил два только батальона пехоты, с полковником Шиповым. Петр повелел генерал-майору Матюшкину, князю Юрию Трубецкому, Дмитриеву-Мамонову и бригадиру Левашеву и князю Барятинскому неусыпно смотреть за исправлением судов etc.

26 октября Петр повелел Казанской и Нижегородской канцелярии выслать осенью *торговые* суда, нагружая чем ни попало: товарами, лесами etc.

Старомодные суда велел *заормить* (заклеймить) etc.

На реке Куре для торговли Тифлиса с Каспийским морем Петр предполагает с Соймоновым заложить торговый город etc. VIII—289.

См. разговоры <Петра> etc. о Гилани с Банианом Абдураном¹. VIII—289 и примеч.

Петр думал развести шелк и в Терской области (казаки терские обрабатывали оный).

Шипов, получая инструкцию Петра, спросил, довольно ли двух батальонов? Петр отвечал: «*Стенька Разин с 500 казаков их не боялся (персиян), а у тебя два батальона регулярного войска*».

6-го ноября Шипов и Соймонов отправились в поход в присутствии царя.

27 октября Петр повелел, по старанию архиепископа Питирима (нижегородского), раскольников нижегородских, посланных в Сибирь, поворотить на работу в Рогервик.

В Стокгольм поехали наши мужички с орехами, деревянными ложками etc. Шведы смеялись. Бестужев (наш резидент) писал о том графу Толстому. Петр повелел их

---

¹ С индийским купцом, сообщившим Петру об обширном производстве шелка в Гилани и ежегодном вывозе его на сумму почти в шесть миллионов рублей.

не пускать, «а ежели нарочитые купцы с товаром своим повезут и таковой, то дозволить».

Изданы указы о вывозе юфти в Шлезию etc.

Меж тем сын шаха, Тахмас, бесполезно скитался в окрестностях Тавриса и Ардевила.

Еще до осады шах отправил к Петру посланником Измаила-бека с просьбой о помощи и с уверением уступки провинций приморских. Но Измаил-бек замешкался и Петра уже в Дербенте не застал.

Между тем в Испагани оказался голод. Шах (23 октября или ноября) сложил с себя власть и сам явился в лагерь афганцев.

Мир-Махмуд, овладев престолом, посадил шаха в темницу и поспешил заключить союз с Турцией.

С своей стороны Дауд-бек и Сурхай отправили жалобы свои на Петра в Турцию же, требуя защиты и предлагая Порте Ширван.

Муфти и крымский хан желали войны с Россиею, и Порта думала воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Великий визирь желал мира. Отправлен посол к Петру Махмет-паша. Он прибыл в Астрахань, и Петр с ним объяснился (разумеется, неискренно).

Турки вновь послали к Петру Капиджи-пашу; они требовали, чтоб *Дауд-бек*, уже признанный ими владетелем Ширвана и пожалованный *хвостом*, оставлен был в покое (о Дауд-беке и Сурхасе см. VIII—299—примеч.).

Петр на то согласился. Австрийский император Карл VI дал знать с своей стороны, что он, в случае войны, вступится за Россию, что и успокоило Порту.

Но меж тем русское войско отправлено для занятия *Ряца*, и приуготовления военные продолжались.

Вахтанг был согласен на все; он послал к шаху предложение Петра. Но уже было поздно.

Петр присутствовал в Астраханской канцелярии; сделал распоряжения касательно Св. Креста о заселении оной крепости; предписал Матюшкину, дождавшись 15 гекботов, с 4 полками идти в море и взять Баку. Гр. Толстого оставил в Астрахани для решения азиатских дел, не терпящих замедления. Надо всем поручил главное наблюдение Апраксину и 13 декабря выехал водою из Астрахани с императрицею. Не доезжая до Царицына 113 верст, Петр поехал сухим путем. Волга стала 15-го. 20-го Петр прибыл в Царицын.

Петр повелел Житкову (?) населить тот край мало-россиянами etc.

Шипов и Соймонов, претерпев бурю, прибыли в залив *Зинзили* и стали в виду Ряща, куда Шипов тотчас послал известить о своем прибытии *визиря* и Аврамова. Переводчик Петричи явился от сего последнего к Шипову с объявлением о после низверженного хана. Измаил-бек ездил к молодому Тахмасу (или Тахмасибу) и, уведомляя его об участи отца, взял от него уполномочение, и прибыл с оным в Рящ.

Визирь не хотел принять русских и отказал капитану Языкову лошадей для перевоза тяжестей. Шипов поспешил к реке *Перибазар* предупредить визиря и там укрепился.

Однако ж Аврамов успел визиря уговорить. Он приехал к Шипову, принял императорский указ, поцеловал оный и впустил русских в Рящ.

Шипов известил терского коменданта о занятии Ряща, и Волынский донес о том государю.

Рящинский визирь помышлял сделаться самовластным и независимым. Он боялся сношений Тахмаса с Петром и всячески задерживал Измаил-бека, надеясь заставить шаха переменить мысли свои. Аврамов это проник, и Шипов предложил послу перебраться на судно и ехать в Астрахань.

Визирь ожидал уже от шаха повеления послу остаться. Аврамов поехал на встречу курьера, дождался его и задержал, сколько нужно было времени. А Соймонов между тем выпроводил посла под предлогом счастливого положения звезд; и Измаил поехал в начале января 1723 года, и визирь получил указ шаха уже поздно.

Петр приготовил полицмейстерскую инструкцию.

Приготовлены были триумфальные врата с хвастливой надписью¹.

18-го декабря Петр въехал торжественно в Серпуховские ворота.

В триумфальных вратах встретил Петра синод, а Феофан произнес речь (VIII—314).

В отсутствие Петра издано 56 указов в сенате, синоде и коллегиях.

¹ На взятие Дербента. Основание этой крепости приписывалось Александру Македонскому. Петр, — «храбрый» или «сплывнейший» — было сказано в этой латинской надписи, — взял ее.

Об искоренении фальшивых денег.

О затворении кабаков во время крестных ходов.

О переписи великорослых для Военной коллегии.

О позволении русским купцам записываться в барвские.

Подтверждение брить бороду, кои подстригают — считать *за бородачей* (брать с оных оброк).

Обер-комендант с.-петербургский Бахмотов завел при гарнизонах школы для солдатских детей.

Примечание к Голикову (ч. VIII, стр. 281).

Припадок¹ — accident. (*Петр I в донесении сенату в октябре 1722 г.*).

---

¹ Так Петр называет шторм, разбивший суда.

Петр застал дела в беспорядке. Он предал суду между прочих князя Меншикова и Шафирова; последний обвинен и осужден на лишение чинов, имущества и жизни.

Что было их преступление? Одна ли непослушность и высокомерие? Должно исследовать. А за то, что Шафиров при всем сенате разругал по-матерну обер-прокурора Скорнякова-Писарева (31 октября 1722), кажется на смерть осудить нельзя.

Обвиняли его в том, что брата своего произвел он в чин и дал ему жалование без указа государя, что не записывал всех своих определений в протокол, что, будучи главным управителем почт, установил прибавочные деньги на письма etc., но все это в то время было бы еще весьма неважно. То ли делал Апраксин!

Он был помилован уже на плахе и сослан в Сибирь со всем семейством.

У Меншикова отняли деревни, приписанные к гор. Почепу, коим он владел уж 11 лет (дело сие было решено Петром в его пользу; Шафиров возобновил его, не смотря на то).

Шафирова Петр неоднократно увещевал и наказывал *келейно*; что случалось со всеми его сподвижниками, кроме Шереметева и, может быть, князя Якова Долгорукого.

Меншиков писал московскому обер-полицмейстеру указ строить впредь деревянные дома на каменном фундаменте. Сенат, напротив, остановил оный указ (яко противный царским указам?), см. 5 октября 1722 г.

Петр дал инспектору Потемкину инструкцию о судах (см. VIII—332), изъяснение, в чем состояли староманирные суда со *скобками*.

Петр рассмотрел ревизские сказки, и полки расположены по душам.

Петр смягчил строгость указа об утайке душ: вместо 100 р. штрафа — положено 10 р. Генерал-майор Чернышев донес, что некоторые из посланных от воевод, также и земские управители сами велели утаивать и брали взятки. Петр определил таковых смертью казнить.

Синоду дан указ впредь никого не постригать, а на убылые места ставить старых отставных солдат.

Подтвердил указ 1701 *о нежитье* вместе с монахами дьячкам и мирянам, о недержании в келиях чернил и бумаги без дозволения настоятеля. (См. указ.)

В полки указом ставить попов ученых.

В церковь своих икон из дому не носить.

Не целовать икон и мощей во время службы и штрафу брать в церкви же по одному рублю.

Архиереям и прочим в церкви челобитен не принимать и приказных к себе не допускать, кроме как в делах государственных (в бунте и измене?).

Петр запретил делать гроба из выдолбленных деревьев, дубу и сосны (из экономии), а из досок указанной меры. Еловые, березовые и ольховые позволено и долбить.

9 февраля указ о том, что коли на новую надобность денег не случится, то разлагать сумму на всех чинов, по мере жалования (кроме иностранных), по обще, *а не вырывом*, и о том для генерального вычета посылать указ из сената.

В сей год был неурожай, и вышеприведенный указ возымел свое действие.

Смотри сенатский указ *в апреле* и перемены, сделанные в оном Петром.

См. другой государев указ об описке чужого хлеба — *в неурсжай* (опять тиранство нестерпимое).

Петр учредил в Военной коллегии всем генералам, по очереди, присутствовать; а президентам переменяться каждые пять лет.

Прибавление к табели о рангах.

Петр строение головинского (купленного у детей покойного Федора Алексеевича Головина) дворца с *огородом* поручил доктору Бидлоу.

23 февраля Петр отправился в Петербург, повелев сенату следовать за ним немедленно.

Между тем в Реште визирь тайно готовился выжить русских. Ежедневно входили в город вооруженные персияне. Визирь кескерский и астаринский прибыли туда. Собралось до 15 тыс. Рештский визирь послал сказать Шипову, чтоб он отваливал. Шипов, взявший свои предосторожности, отвечал, что того не может учинить.

Соймонов готовился ехать на Куру для осмотра места города предполагаемого. Визирь надеялся, что артиллерия нагружена будет на его суда. Он притворился довольным и успокоенным, но продолжал коварствовать и старался укрепить пролив Зинзили.

В марте Соймонов пошел в море. Персияне узнали, что артиллерия оставлена на берегу и что для защиты гавани осталось три суда. Они возобновили свои требования. Шипов упорствовал. Ему угрожали. Он остался тверд.

Персияне решились напасть на русских. Они открыли огонь из четырех пушек по караван-сараяу, 5000 атаквали три суда, на коих находились капитан-лейтенант Золотарев с 100 человеками. Золотарев отразил их в $\frac{1}{4}$ часа.

Шипов дождался ночи. И, отрядив капитана Шиллинга с одной ротой гренадер с повелением обойти персиян и напасть на задние ворота, сам пошел в передние с двумя ротами. Персияне бежали и усмирились. Из Астрахани пришло прибавочное войско.

Соймонов осмотрел западный берег Куры и назначил место для города.

Капиджи-паша и Дауд-бек возмутили Турцию. Муфти и прочие настаивали, чтоб быть войне. Верховный визирь все еще противился; положено послать еще спросить у Петра его решительный ответ и требовать очищения Дербента и прочих городов. Франция, имея нужду в Турции касательно Австрии, сильно старалась о соблюдении мира. Кампредон и маркиз де Бонак¹, согласно с Неплюевым, действовали при Порте. Простодушные турки успокоились. Но вдруг разнесся слух, что 4000 русских дошли уже до Тифлиса. Ага поехал к Петру и в марте прибыл в Петербург с французским курьером, присланным от Кампредона к Бонаку, вместе.

---

¹ Французский посол в Константинополе.

3-го марта Петр приехал в Петербург. Здесь нашел он герцога Holstein и двух гессен-гомбургских принцев и с их принял в свою службу капитанами гвардии, с 6000 руб. жалования.

Как Нева вскрылась, Петр со льдом вместе поехал в Кронштадт и ветшающие корабли разослал в приморские свои города для торговли etc.

Швеция признала Петра императором, а герцогу Holstein дала титул его королевского высочества.

Петр требовал от Дании того же и других пунктов, а для поддержания своих требований велел вооружить 26 кораблей и 40 галер (в Кронштадте).

Петр учредил в Украине ландмилицкий конный корпус (в полках 10 рот, в роте 150 человек).

Петр занялся Малороссией; облегчил подати etc.

Решил запросы магистрата касательно капиталов выходящих из общества купцов etc.

Петр отправил турецкого посла с тем же прежним ответом, но предписал генералу князю Голицыну, находящемуся в Украине, расположить свои 70 или 80 тысяч по границам крымским и турецким (при том подробная инструкция).

Указов состоялось множество, касающихся до торговли рыбной, шелковой etc., подтвердительный о милицейских (полках) etc., etc.

Апраксин и Толстой прибыли из Астрахани. Петр благодарил Румянцева и Юсупова за суда etc. (30 апреля).

Матюшкину Петр повелел ехать в Баку, кой час суда придут.

Герцог вейсенфельский назначен был женихом Анне Иоанновне. Петр писал Петру Михайловичу Бестужеву в Митаву, чтоб по смерти Фердинанда¹ (больного в Данциге), избрали бы его, вейсенфельского герцога², а Эртману, генералу-аудитору нашему, по смерти герцога арестовать его имение *по претензии ее высочества* (16 мая).

Петр со флотом поехал до Ревеля (для экзерсии). Датчане весьма встревожились и вооружились наскоро.

---

¹ герцога Курляндского.

² Курляндским герцогом.

Петр пошел в Балтийское море, оттоле приезжал на время в Петербург, издал указы о новой медной монете, о рубке лесов для гуляния etc.

16-го июля Петр опять на море пишет к де Геннину о Екатеринбургской <крепости> etc.

Матюшкин посадил четыре полка на вновь прибывшие суда, разделив эскадру на три части под начальством 1) своим, 2) генерал-майора князя Трубецкого, 3) князя Барятинского. Артиллерию отдал майору Герберу, судами управляли князь Урусов, Пушкин и Соймонов, и 20 июня вышли из Астрахани, а 6-го июля прибыли в Баку.

Матюшкин послал в город султану приглашение их принять. Ему отказали. Он велел солдатам высесть на берег. Конница персидская вышла было из города, но была прогнана. Город был бомбардирован. 25 июля определен штурм, но не состоялся по причине бури на море (?). Город сдался и 26-го июля был занят. 80 пушек взято. 700 человек гарнизону и начальник их взят в нашу службу.

Матюшкин возвратился в Астрахань, оставя в Баку комендантом князя Барятинского.

Петр 27 июля прибыл в Петербург, куда прибыл и посланник шаха, Измаил-бек (см. VIII—373), 10-го августа.

10-го же триумф старого Ботика, дедушки русского флота (см. Голикова, Ломоносова, Сумарокова etc.).

14-го дана аудиенция персидскому послу (речь его etc. См. «Ежемесячные сочинения», 1767 г. Ч. I—387).

15-го Петр писал де Геннину благодарственное письмо. Начались конференции. Наши министры требовали себе провинции, нами уже занятые, также Мезандерана и Астрабата. О Шемахе велено объявить, что она уже под властью турок, и так и ее просили в придачу; за то обещали мы вспоможение и покровительство.

Петр повелел обмежевать Ингерманландию.

Поташ и смольчуг отдать в ведомство Коммерц-коллегии.

О цене хлеба из всех провинций присылать ведомости в Камер-коллегию понеделньо и помесячно.

12-го заключен с Персиею трактат.

Дагестан, Ширван, Гилань, Мезандеран и Астрабат уступлены России (VIII—389, весь оный трактат).

14-го сентября дана послу отпускная аудиенция и тогда же Петр получил известие о взятии Баку.

Обрадованный Петр послал к Матюшкину курьером князя Мещерского объявить ему чин генерал-поручика с приказанием князю Барятинскому послать к Куре команду и ту страну завоевать и ехать ему (?) с Соймоновым в Петербург.

Семен Аврамов, привезший сие известие, послан обратно в Гилань (16-го сентября) с подробной инструкцией.

Вахтанг, угнетенный турками, просился в Астрахань. Волынский к великой досаде Петра то и дозволил ему.

Волынскому велено быть в Петербург вместе с Матюшкиным для переговоров о будущей кампании.

Турки повелели крымскому хану готовиться к войне.

В сие время малороссияне, оскорбленные в своих правах учреждением Малороссийской канцелярии, прислали к Петру депутатов. Петр посадил их в крепость.

Петр повелел в Воронеже приготовить тамошних кораблей для учинения диверсии на Азовском море в случае нападения.

Петр повелел от Киева до Черного моря и от Самары до Крыма строить редуты и думал о заселении сих мест сербами, кроатами и другими славянскими народами, и 31 октября через майора Альбанеза послал к ним призывную грамоту.

Матюшкин и Соймонов прибыли в Петербург. Петр посетил больного Матюшкина. Через несколько дней получил от князя Барятинского донесение, что полковник Зимбулатов занял близ Куры лежащие места со всею Салианскою провинцией с одним батальоном. Петр повелел оный умножить (потому-де, что салианская княгиня превеликая воровка). Петр был прав, ибо Зимбулатов и все его солдаты коварно его умерщвлены.

Петр осмотрел карту и согласно с мнением Соймонова избрал место при устье Куры в Гилане для построения нового города. Он писал казанскому губернатору Салтыкову нарядить черемис и татар для рытья каналов и для построения сего города.

Турки думали притом отобрать обратно у Персии земли, некогда им принадлежавшие. Петр вступил с ними в переговоры, обещая им *эквивалент*.

Петр повелел президентам коллегий выбрать себе асессоров, ни сродников, ни креатур, ни членов иных коллегий.

Издад странный указ о дряхлых, малолетних etc. (VIII—410).

Печется о мануфактурах.

В Малороссии завел овчарные заводы.

Думает о шелковой мануфактуре.

Заводит компанию китового промысла и для того у города Архангельска повелевает быть пяти кораблям. Мастеров выписать из Голландии.

Учреждает обер-валдмейстера для сохранения лесов (3 декабря дает инструкцию).

Попам запрещено хоронить в неуказанных гробах.

Запрещено винокурение в местах, отколе хлеб водою вывозится.

Учреждает фонари на улицах.

15 ноября указ о короновании императрицы. Он намеревался ехать для того в Москву, но занемог тою болезнию, от которой и умер: запором урины.

Переговоры наши с Турцией шли успешно. Положено было:

1) Персидскому шаху Тахмасибу прислать в Константинополь послов *pour sauver les apparences*¹.

2) России владеть землею между кавказскими горами и Каспийским морем — Дербентом, Баку, Гилянем, Мезандераном и Астрабадом до реки Оссы.

3) Границе быть между Шемахою и Баку.

4) Турции владеть (сверх ею завоеванного?) Эриванию, Тавризом и Касбинской областью, до древних турецких границ.

5) О прочем трактовать после.

В первый раз еще мусульмане соединялись с христианами противу своих единоверцев.

Петр сверх города при Куре думал завести еще пристань в Зинзилинском заливе для Гиляни, другую — для складки товаров, третью в Астрабаде для торгов с Хоразанью, Бухарой, Самаркандом и *Индией*. Он приказал их

¹ чтоб сохранить внешнее приличие (*франц.*).

и строить, а между тем отправил (тайно?) к индейскому моголу в Бенгалию вице-адмирала Вильстера, капитана Мясова и капитан-поручика Кошелева на трех фрегатах (5 декабря).

Велено было им заехать и в Мадагаскар и предложить *королю* наше покровительство.

См. добродушное примечание Голикова (VIII—434).

Успешные труды де Геннина в Сибири продолжают.

Петр заводит в Петербурге стеклянную и зеркальную фабрику.

Точит паникадило из кости, что ныне в Петропавловском соборе.

Выстроены у Галерной гавани и в Литейной *замком* постоянные дворы.

Сочинен устав для Невского монастыря.

Пошлины таможенные в Петербурге в сем году

дошли до — 218 844 р.

кабацкие — 128 077

мелочные — 110 333

Указы

Быть обер-секретарям только в сенате, в синоде и в трех первых коллегиях.

О золоте *китайском* и *нерчинском*.

Зачесть в рекруты 16 456 человек, взятых с Московской губернии в 1704 и 1705.

Завести на польской границе заставы. Таковые же по большим дорогам, малые дороги засечь и перекопать.

Давать 2 р. награждения тому, кто отыщет мачтовый лес.

Калмыкам хана Аюки дозволено рубить лес (кроме дуба).

То же новгородцам и псковичам.

Заонежцам то же.

Нарвским жителям торговать мачтовым лесом.

Иностранцы неохотно являли паспорта в полицию. Петр отменил сие.

Бородачам, сидящим под караулом за неимением чем заплатить пошлину, выбрить бороду и выпустить.

За утайку в переписи мордву и черемис прощать, если окрестятся.

В церквах деньги собирать в два кошелька *в разные пения* (для церквей и для богаделен).

Супер-интенданту надзирать, чтоб не продавали портретов государевых, безобразно писанных.

На могилах покойников буток не иметь (?) etc., etc.

1724 и начало 1725-го года

1724

Петр во время праздников занялся с Феофаном учреждениями, до церкви касающимися.

Еще в 1701 году отдал он монастырские и церковные имения (*тунегиблемые*) в управление светских людей, обратя главные доходы на школы, гошпитали etc.

При установлении синода (для задобрения монахов?) возвратил он духовенству управление имениями.

20 января повелел он описать доходы монастырские.

22-го учредил при синоде комиссию для расположения сборов, повелев учинить казначея, цалмейстера и провиантмейстера.

Президентом в сию новую коллегия назначен Кирила Чичерин.

Указ синоду о монашестве. Петр сим указом превратил монастыри мужские в военные гошпитали, монахов в лазаретных смотрителей, а монахинь в прядильниц, швей и кружевниц (выписав для них мастериц из Брабандии).

Учреждены две семинарии — в Москве и в Петербурге.

Сей указ, подписанный Петром, остался без исполнения.

Указ о вольности брака. Родители должны были давать присягу, что детей не принуждают (т. е. дворяне. Слуги давали господам расписку; а крестьян сей закон не касался).

13-го января инструкция полковничья.

Не писать в партикулярных письмах о государственных делах (с изъятием однако ж).

№3. Цена поденщикам в летнее время
мужику с лошадыю 10 коп.
_____ без _____ 5 —

В зимнее _____ с _____ 6

_____ без _____ 4

Незаконнорожденных записывать в художники.

С подушного окладу убавлено 6 коп. (вместо 80—74).

Инструкция генерал-провиантмейстеру о магазинах etc. — 22 статьи.

О доносах по службе подчиненного на начальника.

За бранное слово, крик etc. — штраф (в присутственном месте).

Порядок судопроизводства учрежден.

№3 №3. Неведением указа не отговариваться.

Петр занялся планом Академии наук и списывался о том с Лейбницем, Вольфом, Фонтенелем и аббатом Биньоном.

См. письмо Лейбница (IX—56).

Петр 22 января на Академию определил доходы с Нарвы, Дерпта, Пернова и Арнсбурга (таможенные) 24 912 р.

Библиотекарю Шумахеру для угощения посетителей кунсткамеры определено 400 р. (IX—72, примечание).

Петр учреждает пошлину на железо: 1 коп. с пуда.

В секретари (коллегий) повелено производить одних дворян.

Издан новый морской регламент касательно пошлин etc.

Установлен тариф.

В Петербург из Константинополя прибыл господин d'Alion, племянник Бонака.

Петр, издав множество еще указов, отправился в феврале к Олонецким водам и лечился с 1 марта по 15.

Сочинялось *новое уложение*; Петр новые указы велел печатать, которые в *регламент*, которые в *уложение*.

Запрещает ввозить бакан.

Сенату повелено ехать в Москву для коронации императрицы, также знатным светским и духовным; из провинции — прислать *от всех чинов и народа* депутатов (инструкция дана Курбатову).

Паникадило его повешено в Петропавловской церкви в Олонце (*14 марта*).

См. о прочих его костяных работах (IX—86).

Петр отправился в Москву, куда прибыл в апреле.

Служивых казанских татар Петр определил на работу судов в Каспийском море.

В Москву прибыли герцогини курляндская и мекленбургская.

7-го мая назначено торжество. Накануне Меншиков подал просьбу государю о отпуске повинных штрафов через руки старой своей наложницы. Петр согласился на всё.

Учреждены для сего дня кавалергарды (*их мундир IX—92*), начальником *капитан* (генерал-поручик) Ягужинский.

Поручик (генерал-майор) Дмитриев-Мамонов.

Подпоручик (бригадир) Леонтьев.

Прапорщик (полковник) князь Мещерский.

7-го мая. Екатерина коронована новгородским архиепископом *Феодосием*. Феофан произнес речь.

Одно обстоятельство замечательно. За обедом *Вольнский* стоял за стулом Петра, а за императрицей камергер *фон Монс*.

Меншиков раздавал медали.

Праздники продолжались до 16-го мая.

Петр в сие время послал по просьбе сербского архиерея Моисея Петровича ризницы, книги церковные etc., учителей также. Для учения детей славянскому и латинскому языку послан синодский переводчик Максим Суворов.

Китайцы притесняли русских. Они успели выгнать русских купцов, торговавших с монголами из Урги. На жалобу нашего агента Ланга ответили они другою жалобою; именно требовали возвращения 700 (?) семейств, ушедших в Россию. Ланг принужден был выехать и явился в Москву.

Старый богдыхан Камхи меж тем умер. Петр повелел сибирскому губернатору помириться с китайцами. Ушлецы (всего 84 человека) были им выданы, и дружелюбие, по-видимому, восстановлено.

Запор возобновился. Петр поехал опять на воды, получил облегчение и возвратился в Москву.

Шталмейстер Алабердсев и инженер (поручик) Любрас осмотрели водяную коммуникацию от Волги до Ладожского озера (22 мая).

Родственникам судьям велено *всем* выходить ¹.

Запрещено башкирцам рубить леса.

Де Гснину велено строить по липпи (Оренбургской восточной) крепости etc.

Раскольники объявлены бесчестными (infâmes).

Указом повелено малороссиянам разводить овец.

См. (IX—129) в замечании, сколько денег выходило па полки. № №. *Все замечание выписать.*

Гвардия содержалась от доходов Сибирской губернии:

на рационы — 196 764

на амуницию — 12 186

27 июня Неплюев заключил трактат с Портою.

5-го августа привезена ратификация.

11-го Петр отправил и свою (*все сие через секретаря Бонака*).

Неплюев получил чин и поместья. Румянцов определен чрезвычайным послом в Царьград, но сперва послан он в Персию для распределения границ (*см. инструкцию*) 24 августа.

Повелевает синоду запретить понам ходить незванным по домам со св. водою etc. *никогда*.

Осматривает Ладожский канал при надзоре генерал-поручика Миниха.

Лифляндцам и эстляндцам отсрочено окончание спорных дел (на пять вместо трех лет).

Начинает строить полковые дворы.

Указано брать вместо рекрут с купечества деньгами (по 100 р.).

1 августа уничтожено много мелочных податей, с бань, с ульев, с клейма платьев, с попов, с сидельцев etc., etc., прощены посему и недоимки 146 631 р.

Невский монастырь окончен. Петр из Владимира перенес мощи князя (*30 августа*).

Петр повелевает описать Балтийское море.

№. От С.-Петербурга до Астрахани прогонных 9 рублей, 23 алтына (IX—144).

---

¹ Указ о воспрещении судьям участвовать в разборе дел в присутствии своих родственников.

Крепость Терек и Аграханский ретраншемент Петр повелевает разорить и перевести всё в крепость Св. Креста. Кн. Голицыну велено идти за Днепр и оттоле пригнать ушедший народ.

Болезнь Петра усиливалась. Английский оператор *Горн* делал операцию.

Петр почувствовал облегчение и поехал осмотреть ладожские работы. Лейб-медик Блументрост испугался, но не мог его уговорить.

Петр поехал в Шлиссельбург, оттоле на олонцекие железные заводы. 12 октября вытянул железную полосу в 3 пуда, оттоль в Старую Ладогу, в Новгород, в Старую Русь для осмотра соловарен.

Матюшкин опасался в позднее время (в октябре) пускаться в море. Петр послал его.

Матюшкин 9 ноября пустился в море и прибыл в Баку. Здесь застал он солдат убитого Зимбулатова.

Матюшкин осмотрел устье Куры, потом поехал в Решт, где 20 000 персиян под начальством кескерского визиря готовы были напасть на русских (6 батальонов пехоты, 500 драгун и легкое войско из казаков, армян etc.) под командой Левашова, генерал-майора.

В Реште под защитой русских остался несчастный Измаил-бек, признанный шахом изменником.

Аврамов был при шахе в Ардевиле. На него нападала чернь, но он был счастливее Грибоедова. Он отстрелялся и бутылкою вина утушил все сие дело.

В течение двух месяцев персияне атаквали при Реште россиян, но всегда были прогнаны.

5 ноября Петр на яхте своей прибыл в Петербург и, не приставая к берегу, поехал на *Лахту*, думая посетить Систербетские заводы.

Перед вечером Петр туда пристал. Погода была бурная, смеркалось. Вдруг в версте от Лахты увидел он идущий от Кронштадта бот, наполненный солдатами и матросами. Он был в крайней опасности, и скоро его бросило на мель.

Петр послал на помощь шлюпку, но люди не могли стащить судна. Петр гневался, не вытерпел и поехал сам. Шлюпка за отмелью не могла на несколько шагов приблизиться к боту. Петр выскочил и шел по пояс в воде, своими руками помогая тащить судно. Потом, рас-

кто не может написать
Коммунар спекулянт
не бонус - М. Веконты,
и меня анонимно,
хотят, чтобы я
ему написал письмо
слова. Намного лучше
предст, беспомощно
каждому из друзей
интересно и важно

Но сейчас это не
возможно. Да и не
есть у меня слов -
и выдумать их не
хочу. Да и не умею.

порядясь, возвратился на Лахту, где думал переночевать и ехать далее.

Но болезнь его возобновилась. Он не спал целую ночь и возвратился в Петербург и слег в постель.

(В тот же день указ о жаловании валдмейстеру.)

В сие время камергер Монс де ла Кроа и сестра его Балк были казнены. Монс потерял голову; сестра его высечена кнутом. Два ее сына — камергер и паж — разжалованы в солдаты. Другие оштрафованы.

Императрица, бывшая в тайной связи с Монсом, не смела за него просить, она просила за его сестру. Петр был неумолим.

Вольтер ссылается на Бассевича, министра герцога Holstein, бывшего тогда в Петербурге.

Оправдалась ли Екатерина в глазах грозного супруга? по крайней мере ревность и подозрение терзали его. Он повез ее около эшафота, на котором торчала голова несчастного. Он перестал с нею говорить, доступ к нему был ей запрещен. Один только раз, по просьбе любимой его дочери Елисаветы, Петр согласился отобедать с той, которая в течение 20 лет была неразлучною его другою.

13 ноября Петр издал еще один из жестоких своих законов касательно тех, которые стараются у приближенных к государю, покупают покровительство и дают *покулы*.

24 ноября обручена старшая царевна Анна Петровна с герцогом Holstein.

Петр почувствовал минутное облегчение.

Он повелел полкам называться не именами полковников, но по провинциям, на коих содержание их было расположено.

Полкам, не имеющим *гербов*, учинить таковые.

Казнить смертию: унтер-офицеров генералам; офицеров — Военной коллегии; штаб-офицеров — государю докладывать.

Знатных дворянских детей записывать в гвардию, а прочих в другие.

Военная коллегия спросила, что такое знатное дворянство? и как его считать? по числу ли дворов или по рангам. Разрушитель отвечивал: «*Знатное дворянство по годности считать*».

Петр дозволил служащим в Петербурге третий год употреблять на житье в деревнях.

Опять указ о раскольниках: носить им медные знаки, а женам *опашни* и шапки с рогами, старинные.

Дозволил вход в Петербург и староманирным судам.

Татищев говорит о разных степенях духовенства, предлагаемых Петром, но Татищеву верить нельзя.

О доходах сего года см. IX—182, в примечании.

1725

1 января Фесфан говорил проповедь в присутствии Петра.

1-го же издан указ о снятии лишних караулов.

Король испанский Филипп V заключил торговый союз с императором австрийским Карлом VI и женил Дона Карлоса на эрцгерцогине Марии-Терезии.

Георгий I был недоволен. Он подозревал тайные статьи в пользу претендента. Франция завидовала выгодам торговым Австрии.

Фридерик-Вильгельм неохотно платил Австрии магдебургские пошлины. Отселе ганновский договор, оборотительный.

Франция и Англия обязывались поддерживать права на *Бергское* наследство короля прусского.

Швеция, Дания и Голландия приступили к тому же союзу.

Австрия вступила в союз с Россией. Петр начал переговоры с Пруссией...

Петр послал в Архангельск корабельному мастеру Баженину приказ строить 3 корабля *груландских*, 3 бота и 18 шлюпок.

Он назначил *Беринга* (капитана) для открытия пути в восточную Индию через Ледовитый океан. Петр получил известие от Матюшкина. Шамхал, собрав 30 000 войска, осадил крепость Св. Креста. Генерал-майор Кропотов его разбил и землю его разорил. Петр уничтожил звание шамхала (см. «Ежемесячные сочинения», 1760, II—38 etc.).

Петр (по свидетельству Катифора) на Иордане простудился и занемог горячкою.

Петр повелел сало, юфть, воск etc. в чужие края сухим путем не возить.

Издан полицейский указ о продаже съестных припасов.

О размещении солдат, где есть пустые строения в городах.

Объяснен указ об утайке душ.

О сборах.

16-го января Петр начал чувствовать предсмертные муки. Он кричал от рези.

Он близ своей спальни повелел поставить церковь походную.

22-го исповедовался и причастился.

Все петербургские врачи собрались у государя. Они молчали; но все видели отчаянное состояние Петра. Он уже не имел силы кричать и только стонал, испуская мочу.

При нем дежурили три или четыре сенатора.

25-го сошлись во дворец весь сенат, весь генералитет, члены всех коллегий, все гвардейские и морские офицеры, весь синод и знатное духовенство.

Церкви были отворены: в них молились за здравие умирающего государя. Народ толпился перед дворцом.

Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала в обморок, она не отходила от постели Петра и не шла спать, как только по его приказанию.

Петр царевен не пустил к себе. Кажется, при смерти помирился он с виновною супругою.

26-го утром Петр (?) повелел освободить всех преступников, сосланных на каторгу (кроме двух первых пунктов¹ и убийц), *для здравия государя*.

Тогда же дан им указ о рыбе и клее (казенные товары).

К вечеру ему стало хуже. Его миропомазали.

27-го дан указ о прощении не явившимся дворянам на смотр. Осужденных на смерть по Артикулу по делам Военной коллегии (кроме etc.) простить, дабы молили они о здравии государевом.

Тогда-то Петр потребовал бумаги и перо и начертал несколько слов неясственных, из коих разобрать было

---

¹ предусматривающих наказания за важнейшие государственные преступления.

можно только сии: *«отдайте всё»*... перо выпало из рук его. Он велел призвать к себе цесаревну Анну, дабы ей продиктовать. Она вошла, но он уже не мог ничего говорить.

Архиерей псковский и тверской и архимандрит Чудова монастыря стали его увещевать. Петр оживился, показал знак, чтоб они его приподняли, и, возведши руки и очи вверх, произнес засохлым языком и невнятным голосом: *«сие едино жажду мою утоляет; сие едино услаждает меня»*.

Увещевающий стал говорить ему о милосердии Божиим беспредельном. Петр повторил несколько раз: *«верую и уповаю»*. Увещевающий прочел над ним причастную молитву: верую, господи, и исповедую, яко ты еси etc. Петр произнес: *«верую, господи, и исповедую; верую, господи: помози моему неверию»*, и сие всё, что весьма дивно (сказано в рукописи свидетеля), с умилением, лице к веселию елико мог устроявая, говорил, — по сем замолк...

Присутствующие начали с ним прощаться. Он приветствовал всех тихим взором. Потом произнес с усилием: *«после»*... Все вышли, повинувась в последний раз его воле.

Он уже не сказал ничего. 15 часов мучился он, стонал, беспрестанно дергая правую свою руку, левая была уже в параличе. Увещевающий от него не отходил. Петр слушал его и несколько раз силился перекреститься.

Троицкий архимандрит предложил ему еще раз причаститься. Петр в знак согласия приподнял руку. Его причастили опять. Петр казался в памяти до четвертого часа ночи. Тогда начал он охладевать и не показывал уже признаков жизни. Тверской архиерей на ухо ему продолжал свои увещевания и молитвы об отходящих. Петр перестал стонать, дыхание остановилось — в 6 часов утра 28 января Петр умер на руках Екатерины.

Екатерина провозглашена императрицей (велеием Меншикова, помощью Феофана и тайного советника Макарова).

В тот же день обнаругован манифест.

Полкам в Петербурге роздано жалование. Генерал-майор Дмитриев-Мамонов послан в Москву к сенатору графу Матвееву.

2 февраля напечатана присяга и разослана по всему государству.

Труп государя вскрыли и бальзамировали. Сняли с него гипсовую маску.

Тело положено в меньшую залу. 30 января народ допущен к его руке.

4-го марта скончалась 6-летняя царевна Наталия Петровна. Гроб ее поставлен в той же зале.

8-го марта возведено народу погребение. Через два дня оное совершилось. *См. Голикова.*

ЗАПИСКИ
БРИГАДИРА МОРО-ДЕ-БРАЗЕ
(касающиеся до турецкого похода 1711 года)

В числе иноземцев, писавших о России, Моро-де-Бразе заслуживает особенное внимание. Он принадлежал к толпе тех наемных храбрецов, которыми Европа была наводнена еще в начале XVIII столетия и которых Вальтер Скотт так гениально изобразил в лице своего капитана Dalgetty¹.

Моро был родом французский дворянин. Вследствие какой-то ссоры принужден он был оставить полк, в котором служил офицером, и искать фортуны в чужих государствах. В начале 1711 года, услыша о выгодах, доставляемых Петром I иностранным офицерам, приехал он в Россию и принят был в службу полковником. Он был свидетелем несчастному походу в Молдавию и после Прутского мира был отставлен от службы с чином бригадира. Он скитался потом по Европе, предлагал свои услуги то Австрии, то Саксонии, то Венецианской республике, получал отказы и вспоможения; сидел в тюрьме и проч.

Он был женат на вдове, женщине хорошей дворянской фамилии, и которая для него переменяла свое вероисповедание. Она, как кажется, была то, что французы называют *une aventurière*². В 1714 году г-жа Моро-де-Бразе была при дворе государыни великой княгини, супруги несчастного царевича, но не ужилась с молодым графом Левенвольдом и была выслана из Петербурга.

В 1735 году Моро издал свои записки под заглавием: *Mémoires politiques, amusants et satiriques de messire J. N. D. B. C. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casan-*

---

¹ Дальгетти.

² авантюристка (франц.).

Записки Бригадира
Моро-де-Бразе

Казанский де Турецкого
показа 1711 года.

ski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne, à Veritopolis chez Jean Disant-vrai. 3 volumes¹. В сих записках слишком часто принужден он оправдывать то себя, то свою жену. Они не имеют ни прелести Гамильтона, ни оригинальности Казановы; слог их столь же тяжел, как и неправилен. Впрочем, Моро писал свои сочинения с небрежной уверенностию дворянина, а смотрел на их успех с философией человека, знающего цену славе и деньгам. «Qui que vous soyez, ami lecteur,— говорит он в своем предисловии,— quelque élevé que soit votre génie, quelques supérieures que soient vos lumières, quelque délicate enfin que soit votre manière de parler et d'écrire, je ne vous demande point de grâce et vous pouvez vous égayer en critiquant ces amusements, que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes dépens et aux vôtres, car il vous en coûtera votre argent pour lire mes ouvrages, souvenez vous qu'un galant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue, serait bien à plaindre, s'il ne savait pas se servir d'une plume pour se désennuyer en écrivant tout ce qui se passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'écrire finement.

---

¹ Записки политические, забавные и сатирические господина Жана Никола де-Бразе, графа Лнонского, полковника Казанского драгунского полка и бригадира войск его царского величества, в Веритополисе у Жана Дизанвре (в Истиннограде, у Ивана Правдивого). 3 тома (Франц.).

Sur ce pied vous m'excuserez, s'il vous plaît, s'entend, par la raison qu'il y aurait bien des gens desœuvrés et inutiles, s'il n'y avait que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût raffiné qui s'en mêlassent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus, que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas familières. Adieu, lecteur mon ami, critiquez; plus il y aura de censeurs, mieux mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il débitera mon livre et qu'il retirera les fruits de son travail¹.

Sunt sanis omnia sana»².

Записки Моро перемешаны с разными стихотворениями, иногда чрезвычайно вольными, большею частию собранными им, ибо он, вероятно по своей драгунской привычке, располагал иногда чужою литературной собственностью, как неприятельскою.

Впрочем, он и сам написал множество стихов. Выпишем несколько строф из его оды к королю Августу, как образец его поэтического таланта.

En quittant le Brabant j'épousai la querelle
Du Czar votre allié, je crus le bien servir,
J'ai même cru longtemps pouvoir lui convenir.
Et quoiqu'il agréât mon zèle,
Je fus contraint de revenir.

---

¹ Кем бы вы ни были, друг читатель... сколь бы ни был возвышен ваш ум, сколь бы вы ни были просвещены, сколь бы, наконец, ни была изысканна ваша манера говорить и писать,—я вовсе не прошу у вас снисхождения, и вы можете повеселиться, критикуя эти безделицы, которые я отдаю на суд публики. Но, давая себе в этом полную свободу на мой счет, а также и на ваш,—ибо вы же за свои деньги будете читать мои сочинения,—помните, что порядочный человек, находящийся в глубине северной страны, среди людей по большей части варварских, языка которых он не понимает, был бы весьма достоин сожаления, не умея он пользоваться пером, чтобы разогнать скуку описанием всего происходящего перед его глазами. Вам известно, что не всякому дано тонко мыслить и писать. На этом основании вы извините меня,—если, разумеется, пожелаете, потому что если бы этим занимались только умеющие мыслить и писать изысканно, то оказалось бы слишком много праздных и бесполезных людей. Вы тогда лишились бы доставляемых мною сведений об этих глухих странах, где искусные перья не часто встречаются. Прощайте, друг мой читатель, критикуйте: чем больше будет критиков, тем выгоднее будет моему издателю — это послужит залогом того, что он распродаст мою книгу и извлечет пользу из своего труда (*франц.*).

² Для здоровых все здорово (*лат.*).

*

Le sang que j'ai versé, les pertes que j'ai faites
D'un équipage entier que je n'ai point gagné,
Qui fut par le Turban dans le combat pillé,
Furent les tristes interprètes,
Qui m'annoncèrent mon congé.

*

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,
Etranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un prince généreux,
A qui je viens offrir ma vie
Egalement comme mes vœux.

*

Ne croyez pas, grand Roi, qu'ardent en espérance,
J'ose vous demander plus que mon entretien,
Dans mon état présent, que je ne me sais rien,
Un peu d'honneur pour ma naissance,
Un peu de bien pour mon soutien ¹.

Эти стихи доказывают, что финансы отставного бригадира находились не в цветущем состоянии. Впрочем, Август велел выдать ему триста гульденов, и Моро был очень доволен; должно признаться, что ода и того не стоила.

---

¹ Покинув Брабант, я принял участие в войне
На стороне царя, вашего союзника, и надеялся, что хорошо
ему служил;

Я даже долго думал, что мои услуги ему угодны.
И однако, хотя он принял мое усердие,
Я был вынужден вернуться.

Кровь, мною пролитая, понесенная мною потеря
Всего обоза, отнюдь мною не приобретенного
И разграбленного людьми в чалмах во время сражения,—
Таковы были печальные вестники,
Сообщившие мне о моей отставке.

Отосланный без денег из глубины России,
Иностранец без покровителя и вечно несчастный,
Я ищу помощи у великодушного государя,
Которому предлагаю свою жизнь,
Равно как и все мои пожелания.

Не подумайте, великий король, что, питая пылкие надежды,
Я дерзаю просить о большем, нежели о пропитании, —
Нет, в моем нынешнем положении, без гроша за душой,
Я прошу немного чести ради моего происхождения
И немного средств ради поддержки моего существования
(франц.).

Рассказ Моро-де-Бразе о походе 1711 года, лучшее место из всей книги, отличается умом и веселостию беззаботного бродяги; он заключает в себе множество любопытных подробностей и неожиданных откровений, которые можно подметить только в пристрастных и вместе искренних сказаниях современника и свидетеля. *Renvoyé sans argent du fond de la Russie*¹, Моро не любит русских и недоволен Петром; тем замечательнее свидетельства, которые вырываются у него поневоле. С какой просто-душной досадою жалуется он на Петра, предпочитающего своих полудиких подданных храбрым и образованным иноземцам! Как живо описан Петр во время сражения при Пруте! С какой забавной ветреностию говорит Моро о наших гренадерах, *qui, quoique Russes, c'est à dire peu pitoyables, voulaient monter à cheval pour secourir ces braves Hongrois*², на что чувствительные немцы, их начальники, не хотели, однако, согласиться. Мы не хотели скрыть или ослабить и порицания и вольные суждения нашего автора, будучи уверены, что таковые нападения не могут повредить ни славе Петра Великого, ни чести русского народа. Предлагаем «Записки бригадира Моро» как важный исторический документ, который не должно смешивать с нелепыми повествованиями иностранцев о нашем отечестве.

Начинаю с замечательнейшего и самого блестящего из событий, коим был я свидетель в этой глухой стороне: именно с войны, объявленной султаном Петру Алексеевичу, императору Великой и Малой России. Но дабы представить ее в истинном виде, мне должно будет описать предшествовавшие обстоятельства. Позвольте мне³ обратиться к тому времени, как шведский король Карл XII, восторжествовав над Фридриком-Августом (королем Польским и курфирстом Саксонским) и над его

---

¹ Отосланный без денег из глубины России (*франц.*).

² которые, хотя и русские, то есть мало жалостливые, хотели сесть на лошадей, чтобы броситься на помощь храбрым венгерцам (*франц.*).

Тринадцать венгерцев, кинувшихся в средину турецкой копницы. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

³ Моро-де-Бразе относится в своих записках к неизвестной даме. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

царским величеством¹, бросился в Саксонию, возвел на польский престол Станислава и принудил Августа отказаться от короны с сохранением единого королевского титула. В это время шведский король мог заключить честный и выгодный мир, предлагаемый ему царем. Положение его было самое счастливое: у него было до 40 000 прекрасного войска, обыкшего к боям и целые десять лет избалованного победами; у войска всего было вдоволь: оно обогатилось в Саксонии, не без обиды и притеснений обывателям. Главная цель шведского короля была им достигнута. Фридерик-Август был низвержен. Он мог отделаться от прочих своих неприятелей миром, которого они сами домогались. Вспомним, что Карл XII был главным посредником при заключении Ризвицкого мира. Он мог обезоружить Европу, воюющую за испанское наследство, если бы только объявил себя противником стороне, не согласной на общий мир. Даже было о том и предположение, устроенное г-ном де Бонаком, французским чрезвычайным послом при его дворе; но герцог Марлбруг отвратил удар, прибыв в Саксонию и успев задарить г-на Пипера английским и голландским золотом². Сей министр из благодарности разрушил меры, уже принятые для утверждения общего мира, и завлек Карла XII в преследование Петра в пределы областей его царского величества. Роковое предприятие, дорого ему стоившее!

Шведский король вышел из Саксонии со всеми своими полками. Он оставил в Польше для поддержания Станислава, им коронованного, 20 000 войска (в том числе

---

¹ Должно было прибавить: и над датским королем Фридериком IV, который начал Северную войну и первый почувствовал когти шведского льва. (Прим. А. С. Пушкина.)

² Так вообще думали в Европе. Вольтер с этим не согласен: Il est certain que Charles était inflexible dans le dessein d'aller détrôner l'empereur des Russes, qu'il ne recevait alors conseil de personne et qu'il n'avait pas besoin des avis du comte Piper pour prendre de Pierre Alexiowitz une vengeance qu'il cherchait depuis si longtemps. *Histoire de Charles XII.* (Прим. А. С. Пушкина.)

Достоверно, что Карл был непоколебим в своем намерении свергнуть с престола русского императора, что он ни с кем тогда не советовался и не нуждался в советах графа Пипера, чтобы отомстить Петру Алексеевичу, чего он так давно добивался. *История Карла XII (франц.).*

9000 новоприбывшего из Швеции) под начальством генерала графа Крассау; а сам пошел к Днепру, переправился через него, несмотря на все препятствия, и приблизился к самой Полтаве, где его царское величество остановился и укреплялся, предав огню и разорению собственную землю, дабы отнять у неприятеля способы к пропитанию.

Вся Европа видела конец несчастного похода и падение короля, дотоле непобедимого. Войско его было уничтожено или захвачено в плен. Его совет, чиновники, за ним последовавшие, имели ту же участь; сам король, дабы не попасться в руки своим врагам, пробился с тремястами конных в турецкую землю, за Днестр, в соседство буджацких татар и искал убежища в Бендерах.

Это удивительное поражение изменило все его дела не только в Польше, но и в собственном его государстве. Крассау, получив о том известие и не будучи в состоянии держаться долее в Польше, поспешно удалился в Померанию. Станислав за ним последовал, страшась попасться в руки приверженцам Августовым.

Польский король обнародовал манифест, в котором отказывался от мира, им заключенного с Карлом XII, объявляя, что принужден был на оный согласиться, дабы избавить свои наследственные области от насилия шведских войск, разорявших Саксонию, и что министры, им употребленные для переговоров, нехотая обязали его и преступили его предписания. Потом явился он в Польше, и, поддерживаемый великим гетманом Синявским, имея в своей власти коронное войско и множество приверженцев, он снова вступил на престол и по-прежнему признан законным королем.

С другой стороны, король датский, видя, что Карл в Турции, а что войско его уничтожено, и полагая, что ему легко будет завоевать Сканию¹ и далее вступить в Швецию, обратил туда свои войска. Генералы его вторгнулись в сию соседственную область, предмет всегдашней его зависти. Но шведы, большею частию кое-как и кой-где набранные люди, разбили их наголову. Датское войско бежало, подрезав жилы ног у лошадей, дабы не могли они служить неприятелю, и бросив казну, обоз и артиллерию.

---

¹ Шоны. (Прим. А. С. Пушкина.)

Его царское величество, пользуясь разбитием неприятеля, двинул поспешно полки свои в Лифляндию. Между тем короли датский и польский должны были в одно время войти в Померанию, дабы произвести диверсию и облегчить царю завоевание провинции, которой он давно добивался и от которой он уже успел *отлупить*¹ Нарву, дабы защитить Петербург—новый укрепленный городок, выстроенный им на реке Нерве (Nerva) в начале войны.

Сего не довольно; новое бедствие поразило Швецию, где в отсутствие короля учрежден был Совет из лучших и благоразумнейших голов всего государства: явилась чума в Стокгольме, в Скании, в Померании и во всей Лифляндии, где свирепствовала во всей своей силе. В сие-то время его царское величество вознамерился овладеть Лифляндией и начал свои завоевания осадю Риги. Город принужден был к сдаче более чумою, нежели силою оружия и бомбами, которые без сего божьего наказания не принесли бы царю великой пользы.

Около сего времени прибыл я в Ригу проситься в службу к его царскому величеству, твердо решившись скорее умереть с голоду, нежели воевать противу отечества моего и вредить его пользе.

Царь после взятия Риги поручил князю Меншикову взять Ревель и Пернау, города укрепленные, имеющие гавани на Балтийском море.

Князь Меншиков завоевал их тем же средством, каким взята была Рига: чума предала их в его руки и увенчала его лаврами, меж тем как осыпала кипарисом несчастную Лифляндию, Курляндию, Литву и Пруссию.

После Ревеля и Пернау князь Меншиков, не нашед Выборга достойным своего личного присутствия, отрядил к оному генерал-лейтенанта Брекольса (Brecols)² с достаточным числом войска, а сам отправился в Петербург отдать во всем отчет его царскому величеству³. Он привят

---

¹ Dont il avait déjà écorné Narva. (Прим. А. С. Пушкина.)

² Беркгольд, генерал-майор. (Прим. А. С. Пушкина.)

³ Все это писано наобум. Выборг взят был не Беркгольцем, но сдался генерал-адмиралу графу Апраксину в присутствии самого царя 11 июля 1710 года. Пернау взят 14 августа того же года не князем Меншиковым, а генералом Боуром, отряженным из-под осажденной Риги. Ревель взят им же, Боуром, 29 сентября, и проч. (Прим. А. С. Пушкина.)

был как победитель; его пожаловали губернатором Лифляндии (он уже был герцогом Ингерманландским).

Порта испугалась быстроте сих завоеваний. Султан и его сановники предвидели, что сосед их, если усилится, то нанесет им со временем большие огорчения. Завоевание Азова¹ лежало у них на сердце, тем более что царь в укреплении оного сделал значительные улучшения и содержал в нем морское войско, притесняя тем турецкую торговлю на Черном море, если уж не вовсе ее уничтожая. Сверх того для защиты Азова и окрестностей оного Петр выстроил новые крепости. Все это при помощи происков шведского короля понудило Порту объявить войну его царскому величеству. Царь получил о том известие по прибытии князя Меншикова и по распределении войск по квартирам после столь многотрудной кампании. Он стал не на шутку заботиться о приготовлениях к будущему походу, дабы предупредить, буде возможно, опасного неприятеля, который на него навязывался.

Генерал-лейтенант Беркгольц взял Выборг, но не без потери и не без труда. Царь, однако ж, в знак благоволения, прислал ему свой портрет, осыпанный алмазами, и повелел войска, осаждавшие Выборг, Ревель и Пернов (кроме конницы), распределить по сим городам. Всей же коннице, кроме нескольких драгун, приказано идти в Верхнюю Польшу и в Польскую Россию (*dans la Haute Pologne et dans la Russie Polonoise*), где легче было ее продовольствовать, нежели в Лифляндии, коей все почти селения опустошены были чумою².

Около ноября месяца курьер от князя Меншикова привез уполномоченному генерал-комиссару лифляндскому барону Левенвольду приказание собрать рижских дворян и объявить им, что князь через месяц прибудет в Ригу для принятия от них присяги в верности и подданстве его царскому величеству. Между разными новостями князь прислал Левенвольду и условия, недавно предложенные Портою царю во избежание войны, неминуемой в случае несогласия с его стороны. Я жил у Левенвольда. Мы провожали вместе часы веселия на

---

¹ Azof, sur la Mer-Noire, пишет Моро. (*Прим. А. С. Пушкина.*) (Азов, на Черном море) (*франц.*).

² Отселе рассказ Моро становится достоверным. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

досуге. Он показал мне эти условия; они состояли из семи статей:

I. Возвратить Азов, а укрепления, вновь приложенные к прежним, также и новые крепости, выстроенные по берегам *Черного моря*, — разорить.

II. Расторгнуть совершенно союз, заключенный с Фридериком-Августом, курфирстом Саксонским, и признать Станислава королем Польским.

III. Возвратить всю Лифляндию и вообще все завоеванное русскими шведскому королю, а Петербург разорить и скрыть до основания.

IV. Заключить наступательный и оборонительный союз с королями Карлом XII и Станиславом противу Фридерика-Августа, курфирста Саксонского, если курфирст возобновит притязания свои на Польский престол, им уступленный Станиславу.

V. Казакам возвратить их прежнюю вольность и имущества.

VI. Возвратить *наатурой или иначе* все, что король шведский потерял через Полтавское сражение.

VII. Морское войско и флот отвести к Воронежу и с ним к Черному морю не приближаться.

Если б его царское величество находился в положении шведского короля, то и тут Порта не могла бы предложить ему условия, более притеснительные. Зато их и не приняли. Стали сильно готовиться к войне, дабы доказать Порте, что его величество не дошел еще до того, чтобы мог выслушивать таковые предложения.

Между тем как царь созывал совет за советом для определения мер, нужных противу столь опасного неприятеля, повсюду приготавливали войско к выступлению в поход по первому приказанию. Посреди сих приуготовлений и в самое то время, как государь более всего казался озабоченным, курляндский герцог женился в Петербурге на племяннице государя. Брак сей праздновал князь Меншиков и праздновал по-царски. Но молодой герцог так был неводержан на пирах, данных по тому случаю, и так много пил венгерского (к чему русские привыкли), что шесть дней после свадьбы он занемог на обратном пути в свои владения на первом ночлеге и умер через пять дней. Об нем очень жалели его подданные и все те, которые имели честь быть с ним знакомы. Многие полагали, что не одно венгерское вино было причиною его

смерти, но и наслаждения брачные. Герцог был любезный молодой человек и много обещал.

Несколько времени спустя после погребального его шествия через Ригу в Митаву, столицу курляндского герцогства, где должен был он быть похоронен между гробами герцогов, его предков, князь Меншиков из Ревеля и Пернова, где принимал он присягу дворянства, прибыл в Ригу для той же церемонии. В три дня князь привел к концу препоручение, на него возложенное, и возвратился в Петербург.

Его царское величество отправил из Петербурга своих генералов, каждого к своей дивизии, и повелел генерал-фельдмаршалу графу Шереметеву вывести в поле полки, назначенные к походу, и самому следовать за ними к Днестру, где вся армия должна была собраться.

С другой стороны, повелел он адмиралу и вице-адмиралу, находившимся при его особе, ехать в Азов, а сам отправился в Москву. Там осмотрел он рекрутов, набранных по его повелению, и отправил их к Смоленску, где их ожидал отряд, дабы препроводить в Подолию для распределения по полкам. Царь потом занялся последними приготовлениями, отправил казну и сам наконец поехал в Польшу, поручив князю Меншикову надзор над неприятелем в Лифляндии.

24 февраля 1711 года дивизия князя Решнина, стоявшая около Ревеля и Пернова, выступила в поход к Подолии, назначенной сборным местом для всех войск. Барон Алларт, один из искуснейших генералов его царского величества, выступил из Литвы со своею дивизией; то же сделали генералы Вейде и барон Денсберг.

Имея честь быть принятую полковником Казанского драгунского полка и бригадиром войска его царского величества, получил я приказание ехать в свой полк и к своей бригаде, находившейся в Польской России на зимних квартирах. Я имел дозволение взять из Курляндии драгунов, сколько мне их понадобится, для доставления всего нужного мне и людям моим во все время столь долгого пути: от Риги до Сороки, что на Днестре, к стороне Молдавии, где соединилась армия, считается 266 немецких миль, или 532 французских льё. Я повиновался данному мне приказанию и отправился в эту дальнюю дорогу с двадцатью только драгунами. Я ехал на

Митаву, Вильну, Новогрудек, Слуцк, Давидогродек (от коего в шести французских льё переправился через Днепр, реку опасную, не имеющую берегов и разливающуюся направо и налево, на расстояние нескольких льё), потом на Полон, Осторог, Мазибуш¹, Леополь², Замосц³, Тарнаполь⁴, Сатаноп⁵ и Шарград (Разград?)⁶, где настиг я армию. Сей последний город был некогда весьма обширен и имел знатную торговлю. Но во время войн Польши с Портою турки его опустошили; теперь одни развалины свидетельствуют о том, чем был он прежде.

Генерал-фельдмаршал граф Шереметев, вследствие своих повелений, нашел в Бродах всю свою кавалерию, собранную начальником оной генералом Янусом. Фельдмаршал пошел к Могилеву с нею и с пехотными полками Ингерманландским и Астраханским, сопровождавшими его от самой Риги. Тут и переправился он через Днестр в трех разных местах и занял Молдавию. Господарь отложился от Порты, передался фельдмаршалу и привел к нему до шести тысяч плохой молдавской конницы; их всадники большею частию вооружены стрелами или полупиками, подобно казакам; все они ужасные воры.

Дивизия генерала Алларта достигла Днестра, первая из всей пехоты. Вслед за ним прибыли в тот же день генералы Брюс и Гинтер со всею артиллерией и своими полками. Барон Алларт переправился через Днестр на понтонах и поспешил занять укрепление в Сороке, чему никто и не думал воспротивиться.

Сорок пять лет перед тем крепость эта выдержала славную осаду. 40 000 турок и 40 000 татар под предводительством сераскира принуждены были после шестимесячных тщетных усилий со стыдом отступить, покинув лагерь и всю артиллерию, за что сераскир заплатил своею головою.

Генерал Алларт нашел хорошие подземельные погреба, несколько сабель, несколько бочонков пороху, но мало съестных припасов. Il y ordonna des ouvrages extérieurs, qu'il traça lui-même, et un pont sur le Niester qui eut pour

---

¹ Меджибуж.

² Львов.

³ Заложце.

⁴ Тернополь.

⁵ Сатанов.

⁶ Шарград или Шаргород.

tête le château fort bon pour le pays et deux doubles tenailles en queue¹. Генерал Алларт, сверх многих других достоинств, есть один из лучших инженеров своего времени. Он умеет искусно разведать местные обстоятельства, расположиться лагерем, воспользоваться выгодами и начертать верную карту театру войны.

Покамест по его приказанию войско занималось работами, генерал-лейтенант Брюс переправил артиллерию под прикрытием неразлучных с нею полков канонерских и бомбардирских; он расположил свой парк влево от укрепления, на полуострове, образуемом рекою.

30 мая дивизия генерала Адама Вейде заняла днестровские высоты в получасе от Сороки, в прекрасной долине, куда прибыл в тот же день генерал барон Денсберг. На другой день, 31 мая, генерал князь Репнин стал там же, на левой стороне линии.

Его царское величество из Москвы отправился в польский Ярослав, где по просьбе его собраны были королем польские сенаторы с тем, чтобы принудить, если возможно, Республику соединиться с Россиею противу неверных. Но сенаторы решили иначе: положено было Республике, держась условий Карловицкого мира, никаким образом не мешаться в эту новую войну, ибо довольно было ей и своих междоусобий.

Не успев в своем намерении, государь отправился в армию в сопровождении генерала Рене, остававшегося в окрестностях Ярослава с частию конницы для охранения особы его величества.

12-го июня² (ст. ст.) государь прибыл на берег Днестра с императрицею, с своими министрами, с казною, с преображенцами и семеновцами (*les Brebresenski et Simonoski*), своею гвардиею; полки сии, хотя пехотные, но в походе садятся на конь и идут с литаврами, штандартами и трубами (тож и Ингерманландский и Астраханский). В лагере или в городе им возвращают барабаны.

---

¹ Он приказал соорудить внешние укрепления, по собственноручным его планам, и мост через Днестр, упирающийся в достаточную для этой местности крепость, замкнутую сзади двумя двойными теньальными укреплениями (*франц.*).

² У Моро поставлено здесь 2 июля: ошибка или опечатка. В Журнале Петра Великого сказано: «во 12 день (июня) прибыли (их величества) с гвардией к реке Днестру, где случились с пехотными дивизиями генерала Вейде и Алларта»; отसेле и от того же числа Петр написал несколько писем. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

13-го июня поутру его величество делал смотр пехоте; после обеда посетил он мост, уже оконченный попечениями генерала Алларта, также и новые укрепления Сороки. Государь был очень доволен. Потом осмотрел он артиллерию и возвратился в свой лагерь.

14-го был у его величества большой военный совет; на нем присутствовали все генералы, которые могли только приехать. И на сем-то совете предприняты были государем по внушению его министров и русских генералов меры, произведшие бедствия, которые можно было избежать, если б обратили порядочное внимание на положение, в коем находилось войско, на местные обстоятельства и на состояние земли, в которую готовились вступить; одним словом, если бы его величество согласился с мнением своих *немецких* генералов¹, которые, кроме его славы и пользы, ничего в виду не имели.

Прежде нежели опишу то, что произошло на знаменитом этом совете, я должен дать вам понятие о состоянии армии. Трудно поверить, чтобы столь великий, могущественный государь, каков, без сомнения, царь Петр Алексеевич, решившись вести войну против опасного неприятеля и имевший время к оной приготовиться в продолжение целой зимы, не подумал о продовольствии многочисленного войска, приведенного им на турецкую границу! А между тем это сущая правда. Войско не имело съестных запасов и на восемь дней и могло, если оных не находилось в Молдавии, быть уничтожено не неприятелем, а голодом. Это затруднительное положение известно было всем; генералы, министры, сам государь это знал: комиссары посланы были им в Венгрию для закупки быков, а в Украину для забрания баранов и муки.

Совет, собранный его величеством на берегу Днестра и который решил судьбу всей кампании, составляли: великий канцлер граф Головкин, барон Шафиров и господин *Сава* (Рагузинский) — все трое тайные советники (то же, что во Франции министры); генерал Рене, князь Репнин, Адам Вейде, князь Долгорукий и Брюс (все генералы или лейтенант-генералы). Они составляли партию *русских*. Партию *немцев* составляли генералы: барон Алларт и барон Денсберг и лейтенант-генералы барон

¹ Иностраных. См. далее объяснение самого Мора. Как заметно, что здесь говорит иностранец, приверженный к своей партии. (Прим. А. С. Пушкина.)

Остен и Беркгольд. Это разделение на две партии в России признано всеми. Русские, когда им везет, и слушать не хотят о немцах; но коль скоро по своей неопытности попадут они в беду, то уже ищут помощи и советов у одних немцев, а русская партия прячется со стыдом и унижением; ее не видать и не слышать.

Стали рассуждать о том, что надобно было делать? Войско было соблаго, а о турках было не слышать, как будто бы в мирное время. Правда, несколько тысяч буджацких татар несколько времени пред сим учинили набег на русскую Украину и на Землю казаков (en Cozaquie), где они пожгли и ограбили селения, отогнали скот и захватили людей; но при приближении наших полков они уже не смели показываться, и лагерь наш был в совершенном спокойствии. Генерал-фельдмаршал граф Шереметев, стоявший близ Ясс, в самой Молдавии, был точно в том же положении.

Совет начался. Немецкие генералы первые имели честь предложить свое мнение. Они полагали нужным оставаться на берегах Днестра по двум важным причинам: во-первых, для узнания неприятельских намерений; во-вторых, дабы дать армии отдохнуть после долгого похода. Они представили, что съестные запасы, без которых никакая армия не может существовать, могут быть без больших расходов доставляемы по Днестру; что можно будет устроить магазины в Польше; что, занимая берега Днестра, не должно, однако, оставаться в бездействии, но что, напротив того, надобно идти к Бендерам, которые взять можно в скором времени, укрепить и сделать из них и крепость и военный магазин, en y établissant un pont de communication;¹ что Сорока, находясь уже во власти его величества и будучи укреплена, есть также крепость и магазин; что то же самое можно сделать и в Могилеве (на Днестре), и что таким образом его величество будет иметь три входа в Молдавию при всех трех переправах через Днестр и три магазина для своих войск; что турки, будучи принуждены проходить степью, потеряют лошадей, прежде нежели до нас достигнут; что им почти невозможно будет взять наши крепости, защищаемые многочисленным и исправным войском; что, вероятно, не решатся они их осадить и того менее

---

¹ соорудив там коммуникационный мост (франц.).

переправляться через Днестр и строить мосты в присутствии войск его величества; что если его величество в настоящих обстоятельствах захочет ввести армию свою в Молдавию, то он может ее лишиться и помрачить славу свою; что, по показанию сорокинских жителей, должно по крайней мере пять дней проходить необитаемую степь, где нельзя найти ни воды, ни хлеба; что сторона, находящаяся за степью, не изобилует хлебом, ибо оного недостаточно даже на продовольствие жителей, хотя та часть Молдавии мало заселена; что если в Яссах и по ту сторону сего города и было чем продовольствоваться, то наша конница, стаящая там, в три недели, вероятно, все уже потребила; что пример шведского короля слишком еще свеж, и что не должно отваживаться сделать ошибку еще важнейшую, углубляясь в незнакомую землю, о коей все доселе получаемые сведения ничего благоприятного не предвещают.

В заключение немцы просили его величество быть уверену, что, представляя ему дело, каково оно есть, они не имели ничего в виду, кроме его собственной славы; что, когда займем мы берега Днестра и устроим магазины, турки, покусь на что бы то ни было, утратят свои силы все или отчасти; между тем как его величество, имея тыл свой свободным, усилит свои войска, будет в состоянии с пользою употребить полки, оставленные в Польше, и после кампании уже безо всякого препятствия проводит неприятеля в его собственную землю и там расположится по своей воле и приготовится к завоеваниям, прежде нежели турки успеют выйти из зимних своих квартир.

Мнение сие было самое здравое; но русские ему воспротивились. Генерал Рене, хотя родом и курляндец, но по положению своему придержающийся стороны министров, возразил, что неприлично было бы его величеству защищать реку с такими прекрасными войсками; что в случае истощения запасов должно будет их достать в самой неприятельской земле; что области греческие, по примеру молдавского господаря, готовы были возмутиться при первом вступлении наших полков в турецкие границы; что по донесениям генерал-фельдмаршала графа Шереметева за степью до Дуная армию можно будет продовольствовать; что стыдно было бы тратить деньги на построение магазинов, когда можно делать это на счет неприятеля; что надобно войти и углубиться в турецкие

земли; что турки будут полууничтожены уже и тем, что увидят сильное войско его величества посреди их областей, готовое предписывать им законы; что пример шведского короля здесь вовсе нейдет; что полки наши те же самые, которые разбили его и готовы разбить турков; что таково его мнение и что славнейшего и полезнейшего способа его царскому величеству избрать невозможно.

С сим мнением согласились русские министры и генералы, и как оно льстило и честолюбивым видам государя, ему охотно последовали, и, вопреки благоразумному мнению немцев, положено было переправиться через Днестр и войти в степи.

Рассуждая об сем движении, все мы сильно обвиняли тех, которые его присоветовали его величеству. Ясно было, что государь принужден будет отступить от своих намерений. Но зная, что русский народ склонен к спокойствию, ленив и не любит военных трудов, мы уверены были, что царские министры, опасаясь слишком продолжительной войны, нарочно завлекали государя в неудачу, дабы уменьшить в нем пыл воинский и принудить его к покою. Таково было по крайней мере мнение почти всех иностранцев.

16-го июня, рано утром дивизии генералов Алларта и Денсберга выступили в поход. 17-го его величество с преображенцами, семеновцами, своими министрами и всею свитою пошел в авангард и вступил в степи. За ним следовал генерал-поручик Брюс с артиллерией. Арьергард составляли дивизия генерала Вейде и конница, приведенная из Ярославля генералом Рене и которую его величество поручил в мое начальство, приказав мне следовать за ним. Дивизия князя Репнина осталась в Сороке для окончания работ и для принятия запасов, которые по приказанию его величества должны были быть туда доставлены¹.

Генералы Алларт и Денсберг, вышед из степей, прибыли в лагерь генерал-фельдмаршала, который находился в трех милях от Ясс на выгодном местоположении.

Его величество недолго томился в пустынях: маршируя днем и ночью, достигнул он прекрасной долины, орошаемой Прутом, где и расположил свой лагерь тылом

¹ В Журнале Петра Великого сказано: «и стояли тут (при родке Сороке) Аллартова дивизия до 20-го (июня), а Вейдева и князя Репнина до 22». (Прим. А. С. Пушкина.)

к реке. Он тотчас отправил бочки с водою на собственных подводах и на лошадях свиты своей полкам, идущим по степям. Но сие пособие принесло им более вреда, нежели пользы. Солдаты бросились пить с такою жадностию, что многие перемерли. Мы лишились множества людей от безводицы. Жары нестерпимы в сих местах, где видно только небо да горы раскаленного песку, без деревьев, без жителей и без воды¹.

Дивизия Вейдова и артиллерия после шестидневного перехода через ужасные сии пустыни соединилась с лагерем его величества. 23 июня государь ездил осматривать лагерь генерал-фельдмаршала и принял в подданство молдавского господаря. С ним было только триста рейтаров. Он пожаловал господарю свой портрет, осыпанный алмазами (что впоследствии времени пригодилось сему турецкому даннику). В тот же вечер его величество возвратился в свой лагерь, а на другой день приказал наводить два моста на Пруте.

Здесь спокойно оставались мы от 22 до 29 июня, как будто в самое мирное время, ожидая запасов, которые князь Репнин должен был доставать и привезти. 26-го фельдмаршал и господарь посетили его императорское величество. Войско стояло в строю. Им отдали честь по всему фронту, и сам государь салютовал саблею, стоя перед Преображенским полком, как генерал-поручик своей армии.

Они приглашены были на торжество, празднуемое ежегодно его величеством в память Полтавского сражения, случившегося 27 июня по старому стилю.

Все генералы с утра явились к его величеству, дабы вслед за ним отправиться в артиллерийскую церковь, где отслушал он обедню и где придворный священник² целых полтора часа говорил проповедь, им сочиненную на случай сего счастливого дня.

Полки выстроены были в боевом порядке и составляли три фаса одного карея; артиллерия занимала четвертый. После обедни стрельба началась с правой стороны артиллерии и продолжалась по всем фаса́м; полки стреляли по

---

¹ Степи Буждацкие не песчаные: они стелются злачной, зеленой равниною, усеянною курганами. Моро здесь пользуется правом рассказчика. Правда, что в 1711 году эти степи были голы; трава съедена была саранчою. (Прим. А. С. Пушкина.)

² Феофан Прокопович. (Прим. А. С. Пушкина.)

мере приближения к ним огня. После того все генералы следовали за его величеством к его палаткам, где в земле был утвержден стол необыкновенной длины, и за которым насчитал я до ста десяти кувертов с каждой стороны.

Его величество находился в центре стола. По правую руку сидел молдавский господарь, по левую граф Головкин, министры, барон Шафиров и Сава (Сава Владиславович Рагузинский) на углах стола. Генералы, генерал-поручики, генерал-майоры, бригадиры и полковники и прочие, каждый по своему чину, поместились за этим же столом. Кроме венгерского вина, ничто мне не понравилось. Оно было отличное, то есть то, которое доходило до меня, ибо полковники, сидевшие ниже, пили другое, а подполковникам подносили особливое, капитанам еще хуже, и так далее (что показалось мне скупостию, недостойной великого государя). Капитаны преображенские и семеновские разносили вина: каждый прислуживал шести персонам, имея в своем распоряжении трех слуг для перемены стаканов и бутылок.

Тут-то, милостивая государыня, вино льется, как вода; тут-то заставляют бедного человека за грехи его пить, как скотину. Во всякой другой службе пьянство для офицера есть преступление; но в России оно достоинство. И начальники подают тому пример, подражая сами государю¹.

Императрица, с своей стороны, угощала армейских дам. Почти все иностранные генералы имели с собою своих жен и детей, по той причине, что в случае разлуки срок свидания неизвестен и что по недостатку почты никто от своих не получает известия. Если же и придут письма, то генералы и министры имеют похвальную привычку никогда их не отдавать. Можно переписываться только чрез министров иностранных, но не всегда можно быть с ними в сношении. Я говорю по собственному опыту: в течение четырнадцати месяцев я только мог однажды писать к моей милой графине (которая осталась в Данциге), и то через барона Лоца, посланника короля польского при дворе его царского величества.

---

¹ В старину пили не по-пашему. Предки наши говаривали: пьян да умен — два угодыя в нем. Впрочем, пьянство никогда достоинством не почиталось. Петр I, указав содержать при монастырях офицеров, отставленных за болезнями, именно исключает больных от пьянства и распутства. (Прим. А. С. Пушкина.)

Мало дам явилось к императрице. Генеральша Алларт и генерал-майорша Гинтер одни представились к ее величеству и были милостиво приняты.

Обед государя продолжался целый день, и никому не позволено было выйти из-за стола прежде одиннадцатого часу вечера. Пили, так уж пили (*on y but ce qui s'appelle boire*). Всякое другое вино, наверно, меня убило бы, но я пил настоящее токайское, то же самое, какое подавали и государю, и оно дало мне жизнь.

Около пяти часов вечера один из адъютантов князя Репнина привез письма к его величеству. Генерал давал знать, что 4000 быков, 8000 баранов и 300 маленьких польских тележек с рожью, мукой (*et de grit*) отправлены были к нам. Государь тут же распределил, что куда доставить, и приказал тот же час отправить часть в лагерь генерал-фельдмаршалу.

28 июня мосты были готовы. Артиллерия потянулась через Прут по мосту, назначенному для двора. Вейдова дивизия переправилась по другому, назначенному для войск, и расположилась лагерем в ясской долине, в двух милях от прежнего лагеря.

29-го июня (по-нашему приходится 10-го июля, ибо русские держатся еще старого стиля) в день святого Петра, в именины его царского величества, я, следуя обычаю, со всеми генералами пришел поздравить государя. Он принял милостиво наши приветствия и всех нас оставил у себя обедать. Государь празднует и этот день и обедает с своими министрами и офицерами, когда находится в своей армии.

Около пяти часов генерал-фельдмаршал граф Шереметев приказал мне, чтоб я послал моего адъютанта, стоявшего за мною, посадить кавалерию мою на коня, и велел ей идти вперед к своему лагерю с моим экипажем. Фельдмаршал сказал мне, что мне нужны будут только мои лошади, что я останусь при нем и что он берется быть моим вожатым. Я отдал приказ адъютанту. Кавалерия была в порядке, а экипаж мой заложен. У русских обыкновенно употребляются телеги, ибо вьючные лошади и лошаки не могли бы выдержать обыкновенные походы их войск (5 à 600 lieues).

Накануне знали, что близ лагеря фельдмаршальского произошло маленькое сражение. 20 000 татар показались на утренней заре и ударили (врассыпную, по своему

обычаю) на передовой пикет, составленный из 600 человек конницы, под начальством подполковника Ропа (de Roor) конно-гренадерского полка моей бригады. Неприятель пробился сквозь отряд, несмотря на все старания командира. Число превозмозгло, отряд был окружен отовсюду: Один капитан, родом из Лотарингии, наделал тут чудеса и был убит, к сожалению всех офицеров, знавших его. Подполковник взят был в плен, и убито 250 рядовых. Все это произошло в виду бригадира Шенсова¹ (Chensof), родом русского, который был отряжен с 2500 человек конницы на подкрепление Ропа и не сделал ни малейшего движения.

Генерал Янус, начальствовавший в отсутствие фельдмаршала, при сем случае сделал все, что только было возможно, чтоб исправить сию неудачу и предупредить большее несчастье. Он велел выехать четырем конногренадерским полкам и всячески старался уговорить бригадира Шенсова, чтоб он по крайней мере хоть показался неприятелю. Но офицер сей отвечал, что он получил приказание охранять лагерь, а не искать неприятелей. Наши конногренадеры рассеяли эту сволочь и освободили лагерь (le front du camp).

Никогда генерал Янус не говорил мне без бешенства об этом происшествии и о маневре бригадира Шенсова. А еще должно глотать такие пилюли, не морщась и не жалуясь, потому что его величество и фельдмаршал неохотно выслушивают жалобы и не любят видеть ясные доказательства, чтобы у кого-нибудь из русских недоставало ума или храбрости².

Как войска скоро соединятся, то позвольте, милостивая государыня, исчислить вам их силы и познакомить вас с генералами, которые начальствовали полками.

Главногокомандующий — генерал-фельдмаршал граф Шереметев. (Его величество во время дела занимает место генерал-лейтенанта.)

---

¹ Таковой фамилии нет ни в книгах нашего дворянства (старинного), ни в списках офицеров того времени. Кажется, дело идет о Шневищеве, одном из начальников драгунских полков, набранных в 1699 году. (Прим. А. С. Пушкина.)

² Благодарим нашего автора за драгоценное показание. Нам приятно видеть удостоверение даже от иностранца, что и Петр Великий и фельдмаршал Шереметев принадлежали партии русской. (Прим. А. С. Пушкина.)

Дивизия Вейдова состояла из 8 пехотных полков, каждый из 1400 человек состоящий. Всего 11 200 человек; начальниками оной были: генерал Вейде, генерал-лейтенант Беркгольц (Bresols), генерал-майоры Голосин (Golossin) и де Буш, и бригадиры граф Ламберти и Боэ.

Дивизия Репнина, состоящая из такого же числа полков и людей; начальники оной: генерал князь Репнин, генерал-лейтенант князь Долгорукий, генерал-майоры Альфендель и Бом и бригадиры Буш и Голицын.

Дивизия барона Алларта, во всем равная двум первым, была под начальством генерала Алларта, генерал-лейтенанта барона Остена и бригадиров Стафа и Лессе.

Дивизия барона Денсберга, также равная другим, находилась в команде генерала барона Денсберга и бригадира барона Ремкимга (Remquimgue), его зятя.

Не худо заметить, что русские дивизионные начальники имели комплектное число подчиненных им генералов; немцы же оного не имели; особенно барон Денсберг, у которого не было ни генерал-лейтенанта, ни генерал-майоров, а только один бригадир, зять его. Это происходило от черного коварства генерал-фельдмаршала, не любившего иностранцев, какой бы нации ни были, и не подавшего им никакой помощи, нарочно для того, чтоб вводить их в ошибки и чтоб иметь случай упрекать его царское величество за привязанность его к иноземцам. Однако ж барон Денсберг есть тот самый, который с таким великодушием и храбростию защищал Кельскую крепость, осаждаемую герцогом Вилларом в начале прошедшей войны. Он доказал, что был достоин начальствовать не только двенадцатитысячным отрядом, но и целыми армиями.

Полки Преображенский, Семеновский, Ингерманландский и Астраханский составляли 15 батальонов, всего 15 000 человек, и были под начальством самого его царского величества, генерал-лейтенанта князя Голицына и бригадира графа Шереметева (сына фельдмаршала); сюда же принадлежали полки канонерский и бомбардирский, каждый из 1500 человек состоящий.

Дивизия генерала Януса, составленная из 8 полков, каждый из 1000 человек, была под начальством помянутого генерала, генерал-майоров Волконского и Вейсбаха и бригадиров Моро-де-Бразе, графа Лионского, и Шенсова.

Дивизией Рене, равной по числу полков и людей, начальствовали генерал Рене, генерал-майоры Витман и Шариков (Cherikof), самый образованный, вежливый и любезный из всех мне знакомых русских, и два бригадира.

Еще один драгунский полк, составлявший гвардию князя Меншикова, не соединился с армией и остался в Яссах с 2000 избранных фузилиров, между тем как войско двинулось в Молдавию.

Гвардейский эскадрон его царского величества, состоящий из 300 рейтаров (*maîtres, reîtres?*), сопровождал государя в его поездках и другой службы не нес.

Все сии отряды составляли на Днестре 79 800 наличного войска. Каждый полк был укомплектован пригнанными рекрутами.

Артиллерия состояла из 60 пушек разного калибра, от двенадцати- до четырехфунтовых, из 16 понтонов на телегах и из 200 подвод с ящиками пороховыми, не считая телег, нагруженных бомбами и ядрами.

Кроме сей артиллерии, в каждом полку пехотном и конном находились четыре малые орудия, двух- и трехфунтовые. Они всегда следуют за полком с малыми своими ящиками и с нужными офицерами. Их зовут корпусными детьми (*ce qu'ils appellent les enfants des corps*)¹.

При каждом полке находятся также малые телеги с амуницией, которая в случае нужды всегда под рукою, что очень хорошо придумано и достойно похвалы.

Таковы были силы его царского величества. Здесь не считаю 10 000 казаков и 6000 молдаван, годных только для опустошения земли, как и татаре. Сей армии было бы весьма достаточно, чтобы управиться с турками, если б ею хорошо предводительствовали, если б вовремя ввели ее в неприятельские земли и если б ее не разделили, как вы впоследствии увидите.

29 июня его царское величество сидел за столом до семи часов вечера. Встав из-за стола, держал он совет. Генерал Рене предложил отрядить 15 000 человек в Валахию, хорошую сторону, в которой всего было много и которая могла продовольствовать армию. Он утверждал, что валахский воевода, будучи одной нации и одного

---

¹ Кадеты? (Прим. А. С. Пушкина.)

исповедания с молдавским господарем, не замедлит покориться, соединит войско свое с войсками его величества и доставит нам жизненные запасы¹.

Генерал-поручик Беркгольц был единственный немец на сем совете. Он сильно воспротивился предложению генерала Рене, по причине той, что турки побеждали всякий раз, как против них войска действовали отдельно. Он привел в пример принца Карла V (Лотарингского), который во второй поход после снятия Венской осады разделил на четыре отряда свое войско, дабы удобнее оное продовольствовать, и видел, как турки разбили все четыре отряда один за другим, не могли подать им никакой помощи. Но все его рассуждения пропали втуне. Было положено отрядить войско, а начальство поручено генералу Рене, как подавшему первый на то совет. Кроме сих 15 000, отряженных в Валахию², 4000 должны были оставаться в Сороке, дабы сберегать нам отступления и для сопровождения провианта в случае, если б мы остались в Молдавии; 2000 в Могилеве, через который можно было бы воротиться в случае неудачи, да 3000 в Яссах для охранения Молдавии и для удержания жителей в повиновении.

Фельдмаршал в 9 часов вечера сел верхом, и я вслед за ним прибыл в его лагерь. Господарь остался с его царским величеством. Он был среднего роста, сложен удивительно стройно, прекрасен собою, важен, и с самой счастливой физиономией. Он был учтив и ласков; разговор его был вежлив и свободен. Он очень хорошо изъяснялся на латинском языке, что было весьма приятно для тех, которые его разумели.

Мы догнали мою конницу в версте от фельдмаршальского лагеря, куда и прибыли в 4 часа утра. Тут увидел я в первый раз летучих кузнечиков (саранчу). Воздух был ими омрачен: так густо летели они! Не удивляюсь, что они разоряют земли, через которые проходят, ибо в Молдавии видел я иссохшее болото, покрытое высоким тростником, который съеден был ими на два вершка от земли.

---

¹ Бранковап, господарь валашский, еще прежде Каптемира, был с Петром в переговорах и обещал ему с ним соединиться. (Прим. А. С. Пушкина.)

² У Рене было восемь драгунских полков (5056 ч.), батальон ингерманландцев да 5000 молдавап. (Прим. А. С. Пушкина.)

Остальной лагерь его величества перешел через Прут 30 июня. Мост, через который переправился государь со своею свитою, был тотчас разобран; другой оставлен под охранением 500 гренадеров для дивизии князя Репнина, которую ожидали.

Фельдмаршал, возвратясь в свой лагерь, велел призвать бригадира Шенсова и высказал ему все, что заслуживало его гнусное поведение, о котором донесено ему было при его приезде одним драгунским полковником моей бригады. Он приказал бригадным майорам отрядить по 20 человек с каждой бригады для устройства двух мостов, находившихся в тылу нашего лагеря, дабы ему беспрепятственно можно было в случае нужды идти соединиться с его величеством. Это стоило труда, потому что мосты наведены были на малых челнах из выдолбленных пней, кое-как собранных по берегам Прута. Медные понтоны оставались при его величестве для надобностей его собственных.

Того же самого числа (30 июня) генерал Рене прибыл к фельдмаршальскому лагерю и собрал полки, долженствовавшие идти в Валахию под его начальством. Он выступил на другой день поутру и уже в армию не возвращался. Он соединился с кавалерией уже в Польской России после кампании, когда армия там отдыхала.

В лагере его царского величества и в фельдмаршальском оставались в бездействии до самого 7 июля. В сей день фельдмаршал получил от государя приказание оставить постепенно лагерь и перевести свою малочисленную армию за реку, находившуюся у него в тылу. Фельдмаршал ездил осматривать долину, назначенную им для нового лагеря, и, возвратясь, в тот же день отдал в приказе, что полки станут переправляться один после другого во избежание смятения, могущего произойти на мостах в случае, если войска выступят все в одно время.

Генерал Янус, на которого возложено было исполнение сего, взял с собою бригадира Шенсова, дабы в случае нападения от неприятеля во время переправы иметь достаточную причину не употреблять офицера столь ненадежного. Он оставил его у моста с двумя майорами и 20-ю драгунами для надзирания за исправностию в исполнении приказов.

8-го июля на утренней заре экипажи барона Денсберга с несколькими полками переправились по мосту,

назначенному для пехоты. Между тем экипажи генерала Януса потянулись было по мосту, назначенному для кавалерии. Но фельдмаршал, сам за благо рассудив оставить лагерь, приказал переправить прежде свои; а остальным экипажам генерала Януса не позволил переправиться прежде полков Астраханского и Ингерманландского с их обозами. Фельдмаршал во всяком случае рад был сделать неприятность иностранным генералам.

9-го июля с утра войско и обозы потянулись, и только малая часть успела переправиться, как более 30 000 татар явились перед лагерем. Войско остановили и тотчас выстроили в боевом порядке под прикрытием рогаток. Пикет отозвали; по приказанию генерала Януса два батальона grenадер поставлены были на оба фланга и в сем расположении стали ожидать приближения татар, дабы угостить их картечью из тридцати орудий. Фельдмаршал, генерал барон Денсберг, генерал-лейтенант барон Остен и бригадир барон Ремкинг приехали из нового лагеря, где они находились с прошедшего дня. Фельдмаршал был очень доволен мерами, принятыми генералом Янусом для защищения старого лагеря в случае нечаянного нападения. Он отослал генерала Денсберга с его бригадиром к новому лагерю для охранения оного, а в старом оставил только генерал-лейтенанта Остена под начальством генерала Януса с полками, не успевшими еще переправиться. Их было довольно против и вдвое большего числа татар.

Но как они час от часу умножались, то фельдмаршал приказал казакам и молдаванам (находившимся в новом лагере) прогнать и преследовать неприятеля. Они пустились с быстротою невероятною, но которая час от часу более и более ослабевала. С обеих сторон все кончилось скаканием да кружением.

Один капитан, родом венгерец, вступивший в службу его царского величества, так же как и многие из его соотечественников, после падения его светлости принца Рогоци находился в лагере с несколькими венгерцами в надежде быть употребленными в дело. Он уговорил отряд казачий поддержать его, обещаясь доказать, что не так-то мудрено управиться с татарами. Казаки обещались от него не отставать. Он бросился с своими двенадцатью венгерцами в толпу татар и множество их перерубил, пробиваясь сквозь их кучи и рассевая кругом ужас и

смерть. Но казаки их не поддержали, и они уступили множеству. Татары их окружили, и все тринадцать пали тут же, дорого продав свою жизнь: около их легло 65 татар, из коих 14 были обезглавлены. Всех менее раненый из сих храбрых венгерцев имел 14 ран. Все, бывшие, как и я, свидетелями их неуместной храбрости, сожалели о них. Даже наши конные гренадеры, хоть и русские, то есть хоть и не очень жалостливые сердца, однако ж просились на коней, дабы их выручить; но генерал Янус не хотел взять на себя ответственность и завязать дело с неприятелем¹.

Пока татары привлекали на себя наше внимание, генерал Янус, предвидя, что наше отступление могло быть обеспокоено еще большим числом татар и даже самими турками, приказал переправить все корпусные экипажи, всех лошадей драгунских и прочей кавалерии и остальные экипажи офицеров, дабы тем удобнее отступить до нового лагеря теснинами, ведущими к мостам, что и происходило во весь тот день и в ночи.

Между тем татары, не видя никакого движения в лагере, где полки наши стояли всё еще в боевом порядке за рогатками, ожидая смело их нападения, около третьего часа пополудни отступили, наскочившись вдоволь, и таким образом дали генералу Янусу возможность безопасно переправиться в новый лагерь, куда вступил он самый последний (10 июля).

Он приказал разобрать оба моста и караулить лодки по нашу сторону реки: они могли пригодиться. К ним нарядили капитана с двумястами гренадер.

Того же дня фельдмаршал отдал приказ отрядить по 200 человек с бригады для делания фашинных мостов через большой и глубокий ручей, называемый Малым Прутом и протекавший во сте шагах от нашего нового лагеря, дабы в случае нужды можно было тотчас выступить.

Мосты успели к полудню 11-го июля. В 5 часов вечера один из генерал-адъютантов его царского величества привез фельдмаршалу приказ, вследствие коего мы 12 июля оставили лагерь и в одной миле от оною нашли

---

¹ Кажется, русские варвары в этом случае оказались более жалостливыми, нежели иностранцы, ими предводительствовавшие. (Прим. А. С. Пушкина.)

его царское величество. Вся армия там соединилась и, таким образом, расположилась вся на одной линии. Царь с полками Преображенским, Семеновским, Астраханским и Ингерманландским стоял по левую сторону и, следовательно, в авангарде. Дивизии Алларта, Дезсберга, Януса со всею остальнсю кавалерией, Брюс с артиллерией и Вейде стояли на правой руке лицом к горе и имея Прут у себя в тылу.

13-го армия пошла в поход, принимая влево. Экипажи составляли вдоль Прута вторую колонну. Мы прошли три мили до ночи и расположились лагерем, приняв вправо (*en faisant à droite*). Пространство между рекою и горами не позволяло нам расширяться и составить две линии. Мы стали в том порядке, как стояли накануне и как целый день маршировали (то есть в одну линию).

14-го мы продвинулись еще на три мили, не видав ни города, ни деревни, но кое-где близ лесов рассеянные лачужки, которые показались нам жалкими обителями. Это нас удивило, тем более что на наших картах по берегам Прута назначено было множество городов и деревень. Мы стали лагерем так же, как и в предыдущие два дни.

15-го армия прошла еще три мили; но переход через крутую гору, находящуюся на самом берегу реки, остановил войско. Мы достигли места, назначенного для лагеря, не прежде как в три часа пополудни. Мы в тот день видели за сей горою старинную могилу одного молдавского государя. Она имела вид четвероугольной пирамиды, будучи гораздо шире в основании, нежели в высоте (*car elle allait en diminuant à mesure qu'elle prenait de la hauteur*). Молдаване, следовавшие за армиею, из коих многие хорошо говорили по-латыни, рассказали нам о ней следующее предание.

Государь, покоящийся в сей могиле, был великий воин, но несчастный во всех своих предприятиях. Учнив нападение на земли одного из своих соседей, он привлек его в свои собственные владения. Оба войска сошлись и сразились в той долине. Кровавопролитная битва длилась два дня. Молдавский государь остался победителем; неприятельское войско было им истреблено или захвачено в плен, а противник его найден был между мертвых тел, пронзенный одиннадцатью стрелами. Но победитель в то самое время, как приносил богу благодарения, умер от раны, полученной им в том сражении

и которой он сгоряча не почувствовал. Он не имел детей, и войско избрало себе в государи одного из своих начальников. Первым повелением нового государя было каждому воину, каждому молдавскому жителю и каждому рабу принести на три фута земли на сие место. Он после того воздвигнул эту земляную пирамиду, в середине коей находится комната со сводом. Там похоронено тело его предшественника, а комната наполнена сокровищами, принадлежавшими его врагу. Потом вход в комнату был заделан, и пирамида окончена. На вершине ее находилась площадка, сохранившаяся донныне; на ней возвышался трофей из оружия убитых, ныне уже не существующий. Повествователь присовокупил, что все из государей, властвовавших потом, которые хотели проникнуть в сокровенную комнату, умерли прежде, нежели могли вынуть хоть один камень загражденного входа. Курган показан нам тщательно покрытым дернsem. Мы спросили у нашего молдавана: кто смотрит за могилою? Он отвечал, что жители, поселенные кругом в трех милях отселе, ежегодно в марте и в сентябре месяце приходят стричь могилу ножницами, подобными тем, кои употребляются нашими садовниками. Он прибавил, что когда того не делают, тогда бывает неурожай. В заключение он нас уверял, что с тех пор, как саранча напала на их землю, все было ею разорено, кроме пространства, заключенного в этих трех милях окружности, куда она не залетала, хотя была везде, и с боков и сзади.

Этой истории и ее последствиям мы поверили только отчасти, хотя повествователь и хвалился быть дворянином и военным человеком.

16-го его царское величество приказал выслать 1000 человек конных гренaдер под начальством г. полковника Ропa с двумя вожатыми, данными царю самим господарем, следовавшим за его величеством со всем своим молдавским двором. Полковник Роп имел повеление изъездить всю сторону, находившуюся влево от армии вдоль Прута, дабы удостовериться, возможно ли неприятелю напасть на нас с тыла. Он возвратился вечером и объявил нам, что капитан, наряженный с двумястами гренaдерами для охранения лодок, составлявших мосты фельдмаршальского лагеря, и который подвигался вместе с армией, был убит, а с ним и все его люди. Жители, бывшие при полковнике, видели его за две мили от

лагеря и показали ему побоище. Они сказывали, что татаре в числе 20 000 переправились через реку, каждый держась за хвост своей лошади, и неожиданно напали на капитана в одной теснине, где он и погиб с своим стрядом.

Это заставило его царское величество расположить вдоль реки гренадерские взводы в некотором расстоянии один от другого, имевшие между собою коммуникацию и начальствуемые одним подполковником, двумя капитанами и четырьмя поручиками.

В тот же день генерал князь Репнин, сделав усиленный переход, стал на той же линии и занял правую руку или арьергард.

Армия наша, вся вместе состоявшая из 79 800 человек, не считая казаков и молдаван, и, по отряжении войск в Валахию и на охранение Сороки, Могилева и Ясс, все еще составлявшая 55 000, уже не составляла и 47 000, как то оказалось на смотре, сделанном 17 июля по приказанию государя: следствие беспрестанных трудов, перенесенных полками, из коих пехотные шли без отдыха от самого 24 февраля (нов. ст.). По счастью, смертность пала по большей части на одних рекрут, которые видимо таяли. Это могу я доказать моими табелями, которые я сохранил. Из всех четырех полков моей бригады, составлявших 4000 человек на сем смотре, 724 оказались убывшими, из коих только 56 убиты в помянутом сражении при пикете.

17-го генералу Янусу повелено быть готову выступить рано утром со всею нашею конницею и с генералами, ею начальствовавшими, и явиться за час перед светом в палатки его царского величества, дабы получить от него приказания касательно того похода. Как я имел честь приносить ему приказы и всякий день приходил узнавать от него, не было ли чего прибавить для бригады, то я явился к нему. Он просил меня приехать за ним на другой день за полтора часа до свету и сопроводить его к царю, к чему я с охотою и приготовился. Итак, 18-го перед светом явились мы к его царскому величеству. Государь отдал генералу свои повеления, и как ни он, ни я по-русски не разумели, то его величество повелел их объяснить на французском и немецком языке и вручил нам тот же приказ, писанный по-русски с латинским переводом на обороте.

Приказ состоял в том, чтобы нам идти по реке Пруту восемь миль (или 16 льё) до того места, где турки по донесениям скороходов или шпионов (*coureurs ou espions*) должны были наводить свои мосты. Если бы генерал их нашел, то должен он был на них ударить и уничтожить их работу, коли только мосты не могли нам пригодиться и остаться в наших руках. Во всяком случае он должен был известить обо всем государя через четырех драгун, посланных пол часа один после другого. В случае же, если турков не встретим, то идти к Дунаю и там остановиться, о чем также донести.

Выслушав приказ и хорошо его поняв, мы приступили к исполнению оного, хотя генерал и я не без смеха видели, что употреблены были драгуны и кавалерия на атаку укрепленных мостов (*tête-de-pont*). Мы выступили из лагеря в 5 часов и пошли по одной линии, эскадрон за эскадрон. Экипажи наши тянулись в другую линию вдоль берега Прута. Во избежание нечаянного нападения мы отрядили вперед на довольно большое расстояние двух конных гренадер с обнаженными палашами, за ними шестеро других с одним унтер-офицером и подкрепили их двумястами рейтаров (? *maîtres*), дабы могли они выдержать первые выстрелы и дать нам время с выгодою атаковать неприятеля. В таком порядке как мы, так и наш обоз шли без помешательства и довольно скоро. Около 11 часов утра, пройдя не более как 2 мили (или 4 французских льё), вдруг очутились мы совсем неожиданно в теснине весьма узкой, ибо река протекала ближе к горе, около которой мы всё еще тянулись. Генерал Янус, г. Видман (генерал-майор) и я поехали к передовому отряду гренадеров, которые остановились и дали нам знать, что чем далее они ехали, тем уже становилась дорога. Генерал Янус приказал войску остановиться для отдыха, и мы отправились высматривать местоположение. Земля, неприметно возвышаясь, закрывала от нас сторону, находившуюся перед нами. Когда достигли мы последней точки сего возвышения, мы увидели перед собою широкую долину и, казалось, весьма гладкую; а вдали множество белых голов, скачущих по долине с большою ловкостью и быстротою. Мы тотчас съехали влево в густоту дерев, растущих на берегу Прута. Мы подъехали как можно ближе к неприятелю и наконец усмотрели два укрепления (*deux têtes-de-ponts*

fraisées et palissadées en forme de demi-lune) ¹, защищаемые множеством пехоты, которую признали мы впоследствии по ее колпакам за янычаров. За ними увидели мы два готовые моста, через которые крупной рысью переправлялась конница и соединялась с тою, которая находилась уже в долине.

Высмотрев все добрым порядком, все вместе и каждый особо, генерал Янус, Видман и я возвратились рысью тою же дорогою и соединились с нашими полками. Тут мы держали совет все трое между собою, ибо генерал не имел никакой доверенности к князю Волконскому и к Вейсбаху (генерал-майорам), а того менес к бригадиру Шенсову.

Нечего было терять времени. Мы решились спешить нашу конницу и выстроить ее в каре, поставя экипажи в середине. Генерал написал письмо к государю. Мы перенесли нашу маленькую артиллерию в арьергард и на оба фланга между третьим и четвертым рядом (войско выстроено было в 4 шеренги). Мы приказали артиллерийским офицерам зарядить пушки картечью, а конным гренадерам, составлявшим наш арьергард (или фронт карея со стороны турок), не стрелять без приказанія, что бы ни случилось, и лечь на брюхо при первой команде. Когда наши 32 орудия были уставлены, тогда мы вывели из рядов слабых и больных солдат, большею частию рекрут, и приказали им держать лошадей, находившихся, как и экипажи, в центре карея. Мы препоручили авангард князю Волконскому, правый фланг авангарда Вейсбаху, величайшему трусу во всей Германии, а левый бригадиру Шенсову. Видман и я по воле генерала остались при его особе.

Отроду мы не видывали офицеров столь смущенных, как наших трех авангардных генералов. Беспокойство их очень забавляло нас в арьергарде и вселяло в нас истинную к ним жалость.

В сем порядке мы двинулись, дабы возвратиться туда, отколе мы пришли (?). Генерал Янус, Видман и я дивились исправности сведений, доставляемых его царскому величеству его шпионами; в двух милях от лагеря находили мы два моста, наведенные и укрепленные, когда

---

¹ два предмостных укрепления, огражденные частоколом в форме полумесяца (франц.).

MEMOIRES
POLITQUES,
AMUSANS
ET
SATIRIQUES,

DE MESSIRE
J. N. D. B. C. de L.
Colonel du Regiment de Dragons de
Cafanski & Brigadier des Armes
de Sa M. Czarienne.
TOME PREMIER.

A VERITOPOLIE,
Chez JEAN DISANT VRAI.

M. DCC. XVI.

предполагали найти их еще только начатыми в 8-ми милях, и то не наверное. Вдруг драгун, оставленный нами в тылу, выстрелил вместо сигнала и прискакал к нам. Мы скомандовали полуоборот направо арьергарду, полуоборот вправо и влево флангам и таким образом составили фронт со всех четырех сторон. Только что успели выстроиться, как увидели мы две толпы в чалмах, скачущие треугольником и ревушие во все горло как бешеные, думая нас уничтожить. Но как скоро они приблизились, первый ряд наших гренадеров лег наземь, и мы встретили их залпом из 12 орудий миниатюрной нашей артиллерии, что удержало их стремление, охладило их пылкость и лишило их очень многих товарищей. Однако ж это не помешало им нас окружить. Но, встретя со всех сторон отпор и видя, что нападать на нас опасно, они довольствовались тем, что издали досаждали нам и огнестрельным оружием и своими стрелами.

Здесь, милостивая государыня, должен я вам чисто-сердечно признаться, что, будучи приучен к огню шестью генеральными сражениями и четырнадцатью осадами, при коих присутствовал я с тех пор, как служу, между прочими при осаде Монмелияна в 1691 и Намюра в 1692, я столько опасаясь огня, сколько то надлежит человеку доброму и твердому; но мысль о стрелах была для меня столь ужасна, что я внутренне боялся их, того не показывая. Однако ж, когда я увидел их малое действие, я к ним привык и стал смотреть на них, как на чучела, стыдясь моего панического страха.

Было два часа пополудни на наших часах, как турки к нам приблизились и с нами поздравствовались. С той поры до десяти часов вечера более пятидесяти тысяч их сидели у нас на шее, не смея ни ударить на нас, ни расстроить нас. Единственный их успех состоял в замедлении нашего марша. Они так часто нас останавливали, что от двух часов до десяти прошли мы не более, как четверть мили. Ночью, однако, сделали они важную ошибку, которой мы и воспользовались, не имея никакой охоты пропустить случай соединиться с нашим центром, то есть со всею армией: они все без изъятия при наступлении ночи ретировались в ту сторону, откуда явились. Заметив сие, генерал отправил адъютанта на лучшей своей лошади с донесением государю обо всем, что произошло с тех пор, как имел он честь писать его величеству. Он ре-

шился идти ночью как можно поспешнее, и мы прошли более мили довольно скоро и безо всякого препятствия. Теперь признайтесь, что, если бы господа Белые Колпаки отрезали нам дорогу, выставя перед нами толпу своей конницы и оставя таковую же у нас в тылу, то мы принуждены были б ночью стоять и, может быть, не успели бы на другой день соединиться с нашей армией и были бы принуждены уступить усталости, если уж не силе.

Турки догнали нас на рассвете в большей силе, нежели чакануне; но всё без пехоты и без артиллерии. Они беспокоили нас стрельбою непрерывною. Около 5 часов утра увидели мы пехоту, приближающуюся к нам на помощь и которая гордым и медленным своим движением вселила робость в скакунах и наездниках: генерал барон Денсберг со своею дивизией шел на обеспечение нашего отступления. Корпус его соединился с нашим; он сменил наших конных гренадер, находившихся беспрестанно в арьергарде, двумя своими гренадерскими батальонами и дал почувствовать неприятелю непрерывным и сильнейшим огнем, что не так-то легко было нас смять и помешать нам соединиться с армиею¹.

Армия его царского величества не ожидала, когда мы выступали, чтобы мы к ней возвратились с таким прекрасным и многочисленным обществом. Однако так случилось, к величайшему нашему сожалению, и едва вступили мы в лагерь, как увидели противоположную гору покрытую неприятельскими полками.

Генерал-фельдмаршал тремя пушечными выстрелами дал сигнал всей линии выстроиться в боевом порядке, что и было тотчас исполнено. Как турки подступали с левой стороны, то преображенцы, семеновцы и полки Ингерманландский и Астраханский вытерпели по большей части огонь неприятельский и во весь тот день почти не имели покоя.

Я не говорил, милостивая государыня, о потере, претерпенной нами во время отступления, и, может быть,

---

¹ Петр негодовал на генерала Януса; в Журнале его сказано: «и конечно мог опый Янус их задержать (турков), ежели б сделал так, как доброму человеку падлежит». Но, как замечает генерал Бутурлин в истории русских походов, ничто не могло помешать визирю перейти Прут повыше того места и стать в тыл русской армии. (Прим. А. С. Пушкина.)

полагаете вы, что мы никого не потеряли. Это было бы слишком счастливо. Довольно уж и того, что мы не погибли под усилиями пятидесяти тысяч человек, сражавшихся противу восьми и менее. Мы лишились одного подполковника, двух капитанов, трех поручиков. Ранены были: подполковник моего полка, два поручика и триста с чем-то драгунов и других конных рядовых; раны большею частию были легкие. Генерал барон Денсберг потерял одного пехотного полковника, о котором весьма сожалели, семь или восемь раненых офицеров, 160 рядовых убитыми и 246 ранеными — все это менее чем в два часа с половиною времени. Нет сомнения, что весь наш отряд был бы истреблен, если бы неприятель ранее мог нас заметить. Но он дал нам время выстроиться в каре, что и способствовало нам удержаться и спасло нас от смерти или рабства.

Около пяти часов вечера 19 июля его царское величество приказал призвать своих генералов, дабы советоваться с ними о том, на что надлежало решиться. Генералы Янус, Алларт, Денсберг, генерал-поручики Остен и Беркгольц явились, но ни один из генералов русских, ни из министров его величества не показались. Даже и генерал-фельдмаршала тут не было. Генерал Янус взял меня с собою, и таким образом был я свидетелем всему, что ни происходило. На сем-то совете генерал Янус упрекнул его величество в небрежении, оказываемом иностранным его генералам, к которым прибегали только тогда, как дела были уже в отчаянном положении. Он сказал, что неслыханное дело, чтобы он, будучи начальником всей кавалерии и первым генералом армии, не был заранее уведомлен о предположениях всего похода. Он жаловался потом на неуважение министров и русских генералов и в заключение сказал его царскому величеству, что те же самые люди, которые завлекли армию в лабиринт, должны были и вывести ее. Все иностранные генералы с большим удовольствием слушали генерала Януса. Царь всячески старался обласкать его и так убедительно просил от него советов, что стали не на шутку думать об исправлении запутанного положения, в котором находилась армия.

Турок, слишком приближившийся к нашему левому флангу во время нашего отступления, схвачен был шестью нашими конными гренадерами и приведен к ге-

пералу Янусу, который приставил к нему строгий караул и тотчас по вступлении в лагерь отослал его к государю.

Пленного допросили. Он показал, что турецкая армия состояла из ста пятидесяти тысяч, то есть из 100 000 конницы и 50 000 пехоты, что вся конница должна была к вечеру соединиться, но что пехота, при которой находилось 160 артиллерийских орудий, не могла прибыть прежде, как к завтрашнему дню около полудня.

По сим известиям, после оказавшимся достоверными, приняты были в совете следующие меры: положено было армии воротиться назад, устроясь в каре и оградясь рогатками; экипажи, конница и артиллерия должны были оставаться в центре, и в таком порядке надлежало было стараться по возможности совершить небесславное отступление. Недостаток конницы более всего мог нам повредить. Наши лошади были совсем изнурены, а турецкие свежи и сильны.

Отдан был приказ вследствие сих положений. Армия все еще находилась в боевом порядке, на одной линии с своими рогатками перед собою. Повелено было всем генералам и офицерам уменьшить по возможности свои экипажи и жечь все ими бросаемое.

При наступлении ночи государь, государыня-императрица, министры и весь двор перенеслись на правую сторону с левой, которая стала авангардом. Между тем готовились устроить батальон-каре, что и сделано было в ночь. Гора, по которой рассеяна была турецкая конница, явилась нам вся в огнях, разложенных неприятелем.

Не нужно сказывать вам, что ночь эта прошла в смятении и беспорядке. Мы видели, что турки на горе то подвигались вперед, то шли назад, и не могли судить о их намерении иначе, как наугад. Генерал барон Алларт, генерал барон Остен и я занимали тот же пост и находились близко друг от друга. И как главным предметом была для нас гора, занимаемая неприятелем, то мы только и старались понять, что происходило там и к чему клонились эти марши и контрмарши, замеченные нами перед наступлением ночи. Мы подумали, что намерение неприятеля было окружить нашу армию и напасть на нее со всех сторон. Это казалось нам очевидно по движению полков, которые возвращались к тому месту, откуда пришли, дабы обойти левый наш фланг и растянуться

вдоль берега Прута, с коего имели предосторожность снять все наши посты.

Неприятелю легче было судить о наших движениях. Он стоял над нами на высоте, и лагерь наш был освещен, как среди белого дня, бесчисленным множеством фур и телег, сожигаемых вследствие повеления.

В эту ночь не прошли мы четверти мили. Мы осмотрелись уже на рассвете, и тогда только увидели опасность, в которой находились. Постарались исправиться, каждый на своем посту. Одной только важной ошибки, сделанной князем Репниным, не могли исправить прежде целых шести часов.

Генерал сей начальствовал правым флангом нашего каре и не рассудил, что, как ни медленно подвигалась голова отряда, хвост его непременно должен следовать за нею рысью и вскачь, дабы не отставать; он прошел усиленным маршем, думая, что все дело состояло в том, чтоб уйти как можно далее. Таким образом разрезал он фланг, и чем далее подвигался, тем шире становился промежуток, им оставленный.

Экипажи, заключенные в центре, растянулись на просторе, полагая себя огражденными рогатками, и так-то растянулись, что большая часть отделилась от батальона-каре и шла в степи безо всякого прикрытия. Турки, заметив оплошность и видя, что экипажи составляли угол, не защищенный никаким отрядом, скользнули вдоль правого фланга под нашим огнем, отрезали все экипажи, вышедшие из батальона, и захватили их. Экипажей было тут довольно: более двух тысяч пятисот карет, колясок, телег малых и больших попались в руки неприятелю. Здесь-то, милостивая государыня, потерял я свою карету и весь свой обоз. Я успел спасти только *une petite valise*¹ с моим бельем и платьем довольно порядочным, *que je faisais marcher à la hauteur de mon poste afin de pouvoir changer de linge la nuit*². Несколько дам были умерщвлены с детьми своими в каретах. Жена подполковника Роба, взятого в плен в сражении при пикете, погибла с тремя своими детьми. Почти все слуги, управлявшие экипажами или тут же замешавшиеся, имели ту же участь.

---

¹ маленькую повозку (*франц.*).

² которую я держал всегда на уровне моего поста, чтобы иметь возможность переменить белье ночью (*франц.*).

Ошибка князя Репнина была замечена, но слишком поздно. Послан был к нему один из адъютантов его величества с повелением остановиться. Между тем выставили несколько артиллерийских орудий в промежуток правого фланга, дабы отогнать неприятеля и воспрепятствовать ему прорваться. Целых пять часов употреблено было на исправление ошибки, непростительной для генерала. Турки, окружавшие нас со всех сторон и с утра самого не оставлявшие нас в покое, усилили огонь во время долгого нашего растаха. Это было причиною тому, что турецкая пехота и артиллерия в течение дня успела нас догнать.

Генерал барон Алларт был легко ранен в руку; зять его подполковник Лиенро (Lienrot) ранен был смертельно близ него; генерал-майор Волконский также. Все трое были на левом фланге, на углу фронта арьергарда (près de l'angle du front de l'arrière-garde). Генерал-лейтенант барон Остен ранен был в правое плечо, что не помешало ему надзирать за безопасностью своего поста, где чрезвычайно стало жарко, когда догнала нас турецкая пехота.

Около пяти часов вечера фронт нашего батальон-каре дошел до реки Прута. Его величество приказал остановиться и выстроиться. Арьергард, сделав полуоборот направо, стал нашим правым флангом, а правый фланг левым. Едва успели мы произвести сие нужное движение, как турки уперлись своими обоими флангами к реке и заключили нас с трех сторон двойною линией, расположенной полукружием. Несколько времени спустя горы, находящиеся по той стороне реки, заняты были шведами, поляками киевского палатина и буджацкими татарами.

Выстроенные в батальон-каре и со всех сторон обращенные лицом к неприятелю, мы завалили землю наши рогатки; и пока часть полков погребала нас, остальная производила беспрестанный огонь на неприятеля, который с своей стороны также укреплялся.

Около семи часов, как я возвращался к генералу Янусу, начальствовавшему на правом фланге, где находился и мой пост, исполнив данное им поручение, я был ранен пулею в правую руку, но довольно легко, и мог остаться на своем месте, где люди падали в числе необыкновенном, ибо неприятельская артиллерия почти не давала промаха.

В восемь часов вечера три орудия были у меня сбиты. Его величество, посетивший мой пост, как и прочие, приказал их исправить в ночь и к ним присовокупить двенадцатифунтовое орудие.

Могу засвидетельствовать, что царь не более себя берег, как и храбрейший из его воинов (*le czar ne s'épargnait pas plus que le plus brave soldat de son armée*). Он переносился повсюду, говорил с генералами, офицерами и рядовыми нежно и дружелюбно (*avec tendresse et amitié*), часто их расспрашивая о том, что происходило на их постах.

При наступлении ночи роздали нам, по 800 на каждый полк, новоизобретенных ножей, с трех сторон острых как бритвы, которые, будучи сильно брошены, втыкались в землю; нам повелели их бросать не прежде, как когда неприятель вздумает нас атаковать. В эту ночь неприятель сделал только два покушения: одно при свете фейерверка на пост, занимаемый генерал-поручиком Остен-Сакеном, а другое на пост генерал-майора Буша. Их отразили с той и другой стороны. Они приблизились снова уже на рассвете и дали знать о себе непрерывным огнем из ста шестидесяти пушек, поддержанных беспрестанной стрельбою их конницы и пехоты.

Будем справедливы: генералы Янус, Алларт и Денсберг, генерал-поручики Остен и Беркгольц, генерал-майоры Видман и Буш и бригадир Ремкимг сделали более, нежели можно пересказать. Между тем как русские начальники показывались только ночью, а днем лежали под своими экипажами, генералы иностранные были в беспростанном движении, днем поддерживая полки в их постах, исправляя урон, нанесенный неприятелем, давая отдыхать солдатам наиболее усталым и сменяя их другими, находившимися при постах, менее подверженных нападению неприятеля. Должно, конечно, отдать им эту справедливость, и не лишнее будет, если признаемся, что его царское величество им обязан своим спасением, как и спасением своей царицы, своих министров, своей казны, своей армии, своей славы и величия. Из русских же генералов отличился один князь Голицын, ибо если князь Волконский и был ранен, то так уж случилось от его несчастья, а не через его собственную храбрость.

Коли ночь показалась нам коротка, потому что не были мы обеспокоены, то утро зато показалось нам очень

долгим, по причине быстрого и беспрестанного неприятельского огня, от которого много мы терпели, по крайней мере на правом нашем фланге со стороны фронта. Войско, приближенное к реке, было совсем безопасно.

Около девяти часов утра его величество, коему неизвестно было, что иностранные генералы одни могли спасти его армии, приказал позвать их в центр экипажей, где находилась его палатка. Генерал Янус, которого царь приглашал особенно вместе с бароном Остенем, взял меня с собою к его величеству. Государь милостиво осведомился о моей ране, которая очень меня беспокоила, потому что я только еще промывал ее вином, данным мне генерал-майором Бушем. У меня не было ни капли. Телеги мои были в числе тех, которыми овладели турки.

Государь, генерал Янус, генерал-поручик Остен и фельдмаршал держали долгое тайное совещание. Потом они все подошли к генералу барону Алларту, лежавшему в карете по причине раны, им полученной, и тут между каретою сего генерала и каретою баронессы Остен, в которой находилась г-жа Буш, положено было, что фельдмаршал будет писать к великому визирю, прося от него перемирия, дабы безопасно приступить к примирению обоих государей.

Трубач генерала Януса отправился с письмом, и мы ожидали ответа, каждый на своем посту, как объявили нам о смерти генерал-майора Видмана.

Это была невозвратная потеря для царя. Видман был человек достойный и честный, прямой, правдивый, добрый товарищ и хороший кавалерийский офицер, основательно знавший свое дело. Все об нем сожалели тем более, что он находился не на своем посту: он служил в дивизии генерала Рене и должен был бы с ним отправиться в Валахию, если б его царское величество не оставил его в своей армии из уважения к нему.

Не прошло двух часов по отъезде трубача, как увидели мы, что он возвращается с агою янычаров. Турок прибыл на пост, где находился генерал-поручик Беркгольц, и сказал ему на фрякском языке, на котором Беркгольц изъяснялся хорошо, что великий визирь соглашался на требуемое перемирие и давал нам знать, чтоб мы прекратили наш огонь (что и с их стороны будет учинено) и чтобы мы присылали комиссаров для переговоров о мире.

Мы не дождались повелений генерал-фельдмаршала и остановили огонь, каждый на своем посту, и в минуту на той и другой стороне водворилось спокойствие.

Не прошло и двух часов со времени, что перемирие было объявлено и что барон Шафиров отправился в лагерь великого визиря в качестве комиссара с препоручением трактовать о мире, как увидели мы всю турецкую армию около наших рогаток; турки приехали нас навестить и полюбоваться нами в нашей клетке. Наконец они так приблизились, что генералы наши возымели подозрение, особенно генерал Янус, который послал г. Беркгольца к великому визирю, прося его приказать войску своему возвратиться в окопы и учредить караулы для удержания турок в повиновении, что с нашей стороны должны были сделать и мы.

Генерал-лейтенант Беркголец возвратился с тем же янычарским агою, который одним словом погнал всю турецкую армию в ее окопы. Он расставил потом караулы (vedettes) со стороны их, а мы с нашей.

Признаюсь, милостивая государыня, изо всех армий, которые удалось мне только видеть, никогда не видывал я ни одной прекраснее, величественнее и великолепнее армии турецкой. Эти разноцветные одежды, ярко освещенные солнцем, блеск оружия, сверкающего наподобие бесчисленных алмазов, величавое однообразие головного убора, эти легкие, но завидные кони, все это на гладкой степи, окружая нас полумесяцем, составляло картину невыразимую, о которой, несмотря на все мое желание, я могу вам дать только слабое понятие.

Когда увидели, что дело клонилось к миру не на шутку, мы отдохнули, переменяли белье и платье; вся наша армия, начиная с царя, походила на трубочистов; пот, пыль и порох так покрывали нас, что мы друг друга уж не узнавали. Менее нежели через три часа, все явились в золоте, всякий оделся как можно великолепно.

22-го вечером узнали через барона Шафирова, бывшего из турецкого лагеря для объяснений с его величеством о некоторых спорных пунктах и через час уехавшего обратно, что все шло хорошо и что, конечно, мир будет заключен.

Не могу, милостивая государыня, здесь не упомянуть о благоразумном поступке, который заставил нас ува-

жать турецкий народ. Какой-то спаги, или, что все равно, всадник, перешел за указанную черту и явился близ моего поста, где прогуливался я с сыном барона Денсберга, подполковником в Белозерском полку, и с генерал-майором Вейсбахом. Этот спаги говорил что-то нашим драгунам, находившимся за рогатками, размахивая своею саблею и полагая, видно, что мы понимали его наречие. Офицер, разъезжавший около их лагеря, заметил, что спаги перешел за положенную черту, и, давая знак возвратиться в лагерь, с твердостью выговаривал ему. Спаги его не послушался; офицер, после двукратного требования, приблизился к нему молча и махом своей сабли чисто отрубил руку, которая упала с саблею к нашим ногам; потом, продолжая путь свой с тем же хладнокровием, простился с нами, коснувшись рукою чалмы своей. Спаги не стал тратить времени и ускакал во весь опор, оставя руку и саблю у ног молодого Денсберга. Сей поступок неверного служит уроком для христиан, с какою строгостию должно хранить свое слово, данное и неприятелям.

22 и 23 числа прошли в нетерпеливом ожидании столь нужного и столь желаемого мира. Положение, в котором мы недавно находились, того требовало. Оно было ужасно. Смерть или рабство — не было середины. Нам должно было выбрать из двух одно, если б великий визирь сделал свое дело и служил с усердием государю своему. Надлежало ему только быть осторожным, укрепляться в окопах и оставаться в бездействии. Армия наша не имела провiantа; пятый день большая часть офицеров не ели хлеба; тем паче солдаты, которые пользуются меньшими удобствами. Лошади были изнурены (*étaient depuis le même temps au filet*);¹ некоторые генералы имели при себе несколько кулей овса и кое-как поддерживали своих лошадей; остальные же кони лизали землю и были так изнурены, что когда пришлось употребить их в дело, то не знали, седлать ли, запрягать ли их или нет.

Вечером 23 июля (по старому стилю) бригадиры получили приказ отобрать розданные ножи, по 800 на каждый полк, и побросать их ночью в реку через надежных офицеров. Узнали также, что в артиллерийском парке зарыто было множество пороху, бомб, гранат и ядер, также

---

¹ столько же времени не разнуздывались (*франц.*).

и оружия, предварительно сломанного, что предвещало нам конец нашим бедствиям.

Наконец, милостивая государыня, 24 увидели мы одну из придворных повозок (paloube), в которой везли на 200 000 червонцев золота и вещей, обещанных бароном Шафировым в подарок великому визирю. В полдень его царское величество чрез своего генерал-адъютанта объявил всем генералам, что он заключил с Портою твердый, неколебимый и вечный мир, и приказал дать знать о том всем офицерам и рядовым своей армии.

Если бы сказали нам 22 июля утром, что мир заключен будет таким образом 24-го, то всякий почел бы, конечно, мечтателем и сумасшедшим того, кто б осмелился ласкать нас надеждою на такое несбыточное счастье. Я помню, что, когда трубач генерала Януса отправился с письмом фельдмаршала, в котором просил он перемирия, генерал сказал нам, возвращаясь к нашим постам, что тот, кто завел его царское величество в это положение, должен был быть величайшим безумцем всего света; но что если великий визирь примет наше предложение в настоящих обстоятельствах, то это первенство принадлежит ему. Богу угодно было, чтоб генерал неверных ослеплен был блеском двухсот тысяч червонцев, для спасения великого множества честных людей, которые поистине находились в руках турков.

В час пополудни оттоманы обнародовали мир, и почти в то же время фельдмаршал отдал приказ армии выступить в поход в шесть часов вечера в новом боевом порядке, коего план роздан был всем генералам, дабы каждый из них занял свое место. Войско должно было выступить из лагеря с распущенными знаменами, с барабанным боем и с флейтами перед каждым полком.

Не нужно было приказывать офицерам, у коих оставались еще экипажи, их облегчить: необходимость и так уж того требовала. Множество добра побросали в лагере, ибо лошади едва таскались, изнуренные и чуть живые.

Прежде, нежели оставим лагерь, вы позволите, милостивая государыня, исчислить вам потерю обеих армий в эти четыре дня. Достоверно, что его царское величество лишился не более, как 4800 человек убитыми. Из генералов убит один г. Видман, два полковника, пять подполковников, 18 капитанов и 26 офицеров нижних чинов разделили с ним ту же участь. Турки чистосердечно призна-

лись нам, что они потеряли убитыми 8900 человек, между прочим одного любимца их султана и множество офицеров.

24-го в 6 часов вечера армия выступила в поход центром правого фланга. Четыре батальона, в нем находившиеся, составляли фронт под командою генерала барона Денсберга, генерал-майора Альфенделя и бригадира Моро-де-Бразе (Moreau de Brasey, Comte de Lion en Beauce). Прочие генералы следовали по старшинству; Адам Вейде и князь Голицын составляли арьергард, а солдаты несли рогатки, как и во время сражения. Армия, составляя батальон-каре, гордо прошла мимо турков, выстроенных в одну линию в долине по левую нашу руку. Мы шли до самой ночи по берегу Прута, который был от нас вправо, а горы влево.

Один французский инженер, по имени Терсон, человек самый честный, уважаемый царем и русскими, приятель всего света, удостоверял меня, что есть люди, имеющие верные предчувствия о своей смерти. Сей француз подружился со мною в Риге, где я узнал его; и когда шесть месяцев после встретились мы в той же армии, он часто делал мне честь навещать меня и довольствоваться моею хлеб-солью. В тот день, как возвратились мы в лагерь, в сопровождении неприятелей, он ко мне пришел поздравить меня с достославным нашим отступлением и с тем, что генерал Янус благосклонно отзывался ему обо мне, радуясь, что в сем случае имел меня при себе. Я отвечал, что генерал Янус отдавал свои приказания с такой ясностию, что офицеру, как бы тупо ни было его понятие, невозможно было их не выполнить. Умирая с голоду, я ел с большим аппетитом то, что мог еще найти годного в моих запасах, и Терсон последовал моему примеру. Тут открыл он мне за тайну, что ему из Молдавии не выйти и что он оставит в ней свои кости. Я всячески старался рассеять его мрачное предчувствие, но тщетно. Заключили мир, армия выступила. Терсон прибыл к моему посту и довольно долго со мною разговаривал. Я стал смеяться над его предчувствием, доказывая его ложность, ибо мир был заключен. Он отвечал, что генерал Янус, которому также он открылся, делал ему то же рассуждение, но что он и мне даст тот же ответ, как и генералу, именно, что он из Молдавии еще не вышел и что мы успеем над ним посмеяться, когда войско перейдет

за Днестр. Несколько времени спустя он меня оставил и поехал к генералу Янусу, который, страдая подагрой, ехал в карете вдоль правого фланга во столько шагов от фронта. Поговорив с ним немного, он оставил его по некоторой нужде. Один из татар, следовавших за нашей армией в намерении что-нибудь подцепить, проскакав мимо его, воткнул в него копьё и оставил его мертвым, не сняв даже с него шляпы. Генерал Янус послал за мною своего адъютанта и показал мне его тело, принесенное к батальону гренадерами и которое было еще тепло. Мы жалелись с ним от всего сердца и дивились между тем предчувствиям, которые оспаривал я с упрямством. Фельдмаршал послал трубача к великому визирю с жалобой на нарушение условий. Трубач возвратился ночью с предписанием вешать всех татар, которые попадутся нам в руки, гоняясь за нашей армией.

При совершенном наступлении ночи его царское величество велел остановиться батальону-каре. Мы выстроились как можно исправнее. Мы расположились на биваках. Ночлег был краток, и ночь чрезвычайно дождлива.

Не правда ли, что вы находите меня нечувствительным в отношении к вашему полу, ибо до сих пор не говорил я вам о всем, что претерпели дамы, находившиеся в нашей армии? Вообразите их себе, милостивая государыня, посреди ужасов четырехдневного сражения, подверженных тем же опасностям, как и мы; карсты их прострелены были пулями, разбиты пушечными ядрами; и эти милые дамы должны были понасть в плен, если не погибнуть в нечаянном галадеши, коего мы только и опасались. Не знаю, более ли они страдали во время битвы, нежели радовались о своем избавлении; но знаю, что генерал-майорша Буш три недели после не могла еще оправиться от страха, ею претерпенного в те четыре дня, как мы имели дело с турками.

Как об условиях мира хранили глубокое молчание, то мы (иностранцы) никого и не расспрашивали, а рассуждали о них между собою, не сомневаясь, чтоб они не были весьма тягостны для его царского величества. Однако мы узнали обо всем в походе (25-го июля), и совсем неожиданным для нас образом.

Армия выступила в поход на рассвете с экипажем, уменьшенным по крайней мере двумя третями. В полдень пришли мы в теснину, где мы так долго простояли в на-

чале нашего похода. Я был один из начальников авангарда или фронта нашего батальон-каре, который для большей удобства экипажей разделился при входе в теснину. Мы первые прибыли в долину, находящуюся за тесниною: место приятное, окруженное густыми деревьями и огражденное слева высокими лесистыми горами, а справа рекою Прутом, разливающим на свои берега прохладу, которой мы и воспользовались. Там настигли меня сначала генерал-майор Буш, а вслед за ним генерал барон Остен. Все трое мы проголодались. Карета госпожи Буш ехала невдалеке. Муж ее послал спросить, нет ли у ней чем бы нам пообедать. Эта милая дама прислала нам бутылку венгерского вина, четыре холодных цыпленка, хлеба довольно черствого, но все ж хлеба, и мы, при приближении такого сильного сикурса, избрали местоположение и стали работать с одинаковою жадностью. Бутылка нашлась недостаточной для утоления нашей жажды: мы послали за подкреплением, которое и было нам доставлено с тою же любезностью. Только что мы кончили наш обед, фельдмаршал на нас наехал и попросил нас угостить трех пашей, присланных от великого визиря к его царскому величеству, покамест государь не даст им ответа. Мы к ним отправились. Один из них говорил хорошо по-немецки и еще лучше по-латыни. Он достался на мою долю; друзья мои довольствовались сба одним из остальных, говорившим только по-немецки. В минуты первых приветствий слуги фельдмаршальские разбили шатер, постлали наземь ковер турецкий, на который усадили мы наших трех пашей. Они сели, сложив ноги крестом, и велели принести себе трубки, конх тубуки столь были длинны, что головки их лежали на земле.

Сначала разговор паш был общий. Они сказали нам, что великий визирь послал их предложить его царскому величеству 2000 человек спаги для отогнания татар, нас преследующих, и из коих шестеро ночью были пойманы, не считая тридцати убитых нашими конными гренадерами. Наконец паша, говоривший по-латыни, коль скоро узнал, что я француз, подозвал меня к себе и громко объявил, что французы были приятели туркам. Тогда, вступив в частные рассуждения, я спросил у него, по какой причине и на каких условиях заключили они мир? Он отвечал, что твердость наша их изумила, что они не думали пайти в нас столь ужасных противников, что, судя по

положению, в котором мы находились, и по отступлению, нами совершенному, они видели, что жизнь наша дорого будет им стоить, и решились, не упуская времени, принять наше предложение о перемирии, дабы нас удалить. Он объявил, что в первые три дня артиллерия наша истребила и истребила множество из их единоземцев, что у них было 8000 убитых и 8000 раненых и что они поступили благоразумно, заключив мир на условиях, почетных для султана и выгодных для его народа.

Вы чувствуете, милостивая государыня, что, увидя случай отозваться с похвалою о нашей армии, я не стал скромничать и, признаюсь, отроду не хвастал я с таким усердием и не встречал подобной доверенности. Потом я сказал ему, что, будучи доволен изъяснением причин, по которым заключили они мир, я хотел бы знать и условия оногo; он охотно исполнил мое желание, выпивая кофе, который между тем им подносили. И вот они, сии условия, которые тем более изумили меня, что, основываясь на предложениях, показанных мне в Риге Левенвольдом, я полагал короля шведского истинною причиною войны.

1) Его царское величество возвратит туркам Азов, срыв новые укрепления оногo, также и крепости, выстроенные им по берегу.

2) Флот свой и морское войско переведет он в Воронеж и не будет иметь другой, ближайшей пристани к Черному морю, кроме как Воронежской.

3) Казакам возвратит их старинную вольность, а Польше Украину Польскую, так же как и Эльбинг и другие города, им захваченные.

4) Выведет без изъятия все полки, находящиеся в разных частях Польши, и впредь ни под каким предлогом и ни в каком случае не введет их обратно, сам или через своих генералов.

5) Наконец, его царское величество даст королю шведскому свободный пропуск в его государство, даже в случае нужды и через свои владения, с конвоем, который дан будет от султана; также не станет никаким образом тревожить короля во время проезда его через польские владения, обязуясь в то же время удерживать и Фридерика-Августа, курфюрста Саксонского, от всякого неприязненного покушения как на особу короля, так и на конвой, его сопровождающий.

Таковы были условия мира, столь полезного и столь пужного для славы его царского величества. Прибавьте к тому и 200 000 червонцев, подаренных великому визирю (что подтверждено мне было моим пашою). Он сказал мне, что спустя час по отступлении армии нашей шведский король переехал через Прут на челноке, сделанном из выдолбленного пня, пустив лошадь свою вплавь, и сам шест прискакал в лагерь великого визиря; что король говорил ему с удивительною гордостью и, между прочим, сказал, что если один из его генералов вздумал бы только заключить таковой мир, то он отрубил бы ему голову, и что ему, визирю, должно то же самое ожидать от султана. На всю эту брань великий визирь отвечал только то, что он имел от султана приказание и что он ничего не сделал без согласия одного министра (*de sa hauteesse*)¹, находящегося в его лагере, и своего военного совета.

Мы разговаривали обо всем этом, как фельдмаршал пришел им объявить, что его величество принимает учтвое предложение великого визиря. Паши откланялись, взяв с собою шестерых татар, схваченных нами ночью, и отослали их связанных к великому визирю для примерного наказания.

Я всегда воображал себе турков людьми необыкновенными; но мое доброе о них мнение усилилось с тех пор, как я на них посмотрелся. Они большею частию красивы, несут бороду не столь длинную, как у капуцинов, но снизу четырехугольную, и холят ее, как мы холим лошадей. Эти паши, хотя все трое разного цвета, имели красивейшие лица. Тот, с кем я разговаривал, признался мне, что ему было 63 года, а на взгляд нельзя было ему дать и сорока пяти.

Армия наша, расстроившая батальон-каре при входе в теснину, разделилась в долине, находящейся при выходе из оной. Его царское величество с преображенцами, семеновцами, астраханцами и ингерманландцами стал в авангарде в двух милях от теснины. Генерал-лейтенант Брюс с артиллерией и дивизия князя Репнина следовали за его величеством и расположились лагерем в полуторе мили; генерал барон Денсберг в одной миле; генерал барон Алларт в полумиле с кавалерией, которою командовал он по приказанию его величества, ибо г. Янус страдал

---

¹ его султанского величества (*франц.*).

в это время подагрою. Дивизия же Адама Вейде осталась при выходе из теснины. Двухтысячный турецкий отряд разделился на три части: одна осталась в тылу армии, а две другие расположились по ее флангам. В таком расположении и наблюдая все те же дистанции, мы пошли на Яссы, где надеялись найти все запасы, нужные для обратного нашего похода через степи. Мы достигли сего города в шесть переходов, каждый в четырех милях состоявший. Там оставались мы четыре дня и запаслись всем, что могли только найти.

Много претерпел бы я во время сего перехода, если бы генерал барон Алларт, зная, что я потерял весь мой экипаж, не снабдил меня великодушно повозкою, четверкою лошадей и прекрасною палаткой, с се *маркизою*. А как в повозочке мосей (*paloube*) с одеждой и бельем находилась и постеля, то я в своем несчастьи почитал себя счастливейшим из смертных.

Дав четырехдневный отдых своей армии и собрав запасы для перехода через степи, его царское величество повел нас вдоль Прута до (Stanope) Станопа¹ по дороге не столь трудной и дальней, как Сороцкая. В Станопе мы стояли опять четыре дня по той причине, что его величество приказал навести один только мост для переправы всей армии.

Здесь расстались мы с тремя пашами и с их отрядом. Дорогой имел я честь несколько раз с ними разговаривать, а однажды и обедать вместе у генерал-лейтенанта барона Остена. Они попросили рису вареного на молоке и наелись им, насыпав кучу сахара. Мы никак не могли заставить их пить венгерского вина, как ни просили: они предпочитали кофей, сваренный по их обычаю и который пили они целый день.

От Станопы армия в четыре дня пришла к Могилеву на Днестре, куда прибыл уж Сороцкий гарнизон, истребив мост и наружные укрепления городка. Новый мост, который должно было навести на Днестре, задержал нас тут еще восемь дней. Буджацкие татары вздумали было нас беспокоить. Казачий полковник заманил их по-своему в засаду. 160 были убиты, шестеро взяты в плен, и фельдмаршал велел их повесить всех на одном дереве на самой высокой из соседних гор, дабы устрашить тех, которые

---

¹ Степановичи (Стефанешти).

вздумали бы опять нас беспокоить в нашем лагере или фуражировке, что не переставали они чинить с нами от самой Станопы.

Мост был готов, и армия спокойно переправилась в трое суток. Шесть батальонов гренадер остались в арьергарде лагеря из опасения, чтоб татары, кроющиеся в горах, не потревожили переправы наших последних полков. Но они оказались более благоразумными, нежели мы предполагали; проученные последнюю своею неудачей, они уже не показывались, и отступление наше совершилось со всевозможным спокойствием.

Во время нашего пребывания в лагере за Днестром в Подолии его царское величество пожелал узнать в точности потерю, им понесенную в сей краткий, но трудный поход. Приказано было каждому бригадиру представить к следующему утру подробную опись своей бригаде, определив состояние оной в первый день вступления нашего в Молдавию и то, в котором находилась она в день отданного приказа. Воля его царского величества была исполнена: из 79 800 людей, состоявших налицо при вступлении нашем в Молдавию, если вычесть 15 000 находящихся в Валахии с генералом Рене, оставаться надлежало 64 800; но оказалось только 37 515. Вот все, что его царское величество вывел из Молдавии. Прочие остались на удобрение сей бесплодной земли, отчасти истребленные огнем неприятельским, но еще болсе поносом и голодом.

На третий день нашего пребывания в новом лагере, куда припасы стекались изобильно из Каменца и других городов подольских, государь, императрица, свита их и министры (за исключением барона Шафирова и графа Шереметева, оставленных в лагере турецком заложниками мира) отправились incognito в 10 часов вечера, под прикрытием одного только гвардейского эскадрона, к Ярославу. Там по приказанию государя приготовлены были суда, на которых он Вислою отправился в Торн, где императрица, в то время брюхатая на седьмом месяце, располагалась родить. Это был первый ее ребенок с того времени, как она признана была императрицей: честь, коей она достойна более многих принцесс, которые должны бы краснеть от стыда, видя, что женщина ничтожного происхождения (*une femme de rien*), безо всякого образования, не воспитанная в чувствах величия и душевной возвы-

шенности, свойственных высокому рождению, поддерживает сан императорский со всею честью, величием и умом, которые можно было бы только ожидать от самой знатнейшей крови.

На другой день отъезда его величества фельдмаршал со всею армией выступил в поход и остановился лагерем в Шарграде, куда по его приказанию съехались все генералы из разных мест, где они находились, ибо армия была распределена по разным направлениям для удобства продовольствия и фуражировки.

Когда генералы собрались в палатках фельдмаршала, он объявил им, что его царское величество, заключив мир с турками, не имел уже надобности в столь великом числе генералов, что он имел повеление от государя отпустить тех из них, которые по их большому жалованию наиболее были ему тягостны, что он именем его царского величества благодарит их за услуги, ими оказанные, особенно в сей последний поход; потом он роздал абшиды генералам, коим прилагаю здесь список, включая в том числе тех, которые оставили службу его величества с 1 января 1711 года.

Список генералам, отпущенным его царским величеством или оставившим его службу без отпуску.

Фельдмаршал генерал-лейтенант Гольц отошел без отпуску, не получив 60 000 экию и более должного ему жалованья.

Генерал Янус отошел без отпуску по той же причине.

Генерал барон Денсберг отпущен с абшидом.

Генерал-лейтенант барон Остен отпущен с абшидом.

Генерал-лейтенант Беркгольц отпущен с абшидом.

Генерал-лейтенант Ностиц, эльбингский комсдант, отошел без абшида, самовольно удовлетворив себя 50 000 экию, которые считал за государем.

Бригадир граф де-Фриз отошел без отпуску.

Бригадир Моро-де-Бразе (comte de Lion en Beauss) отпущен с абшидом.

Бригадир Боэ отпущен с абшидом.

Бригадир барон Ремкимг отпущен с абшидом.

Бригадир граф Ламберти отпущен с абшидом.

Барон Дернсберг, кавалерийский полковник, отпущен также с абшидом.

Полковник от пинфантерии Меерорс отпущен также с абшидом.

На следующий же 1712 год отпущены с абшидом генерал барон Алларт и генерал-лейтенант Флюгель.

14 иностранных полковников отпущено с абшидом; некоторые же отошли сами.

22 подполковника отпущены с абшидом, отчасти отошли.

156 капитанов отпущены или отошли сами.

Фельдмаршал не слишком много истратил денег, отпуская всех сих офицеров, ибо никому ничего не заплатил; и до сих пор за ним пропадает жалования моего за 13 месяцев¹, по 130 рублей на месяц (рубель стоил 5 французских ливров); я получал 70 рублей как бригадир, 40 как полковник и 20 как капитан.

Генерал барон Денсберг имел ужасную схватку с фельдмаршалом касательно денег; но это ни к чему не послужило. Делать было нечего; мы решились терпеть; генерал барон Денсберг, генерал-лейтенант барон Остен и я отправились вместе через Сатапоре, Тарнаполь (где мы встретили полки генерала Рене, возвращающиеся из Валахии, и которые там обогатились в той же мере, как мы обнищали) и потом через Замосц² в Леополь, где целый месяц отдыхали от трудов нашего сумасбродного похода. В сем-то городе познакомился я с госпожою коронною старостихой и ее сестрою, госпожою великой хорунжихою. Обе они сестры великому коронному гетману Синявскому. Сии дамы оказали мне множество вежливостей; между прочим получил я от старостихи прекрасного испанского табаку, который оживил мой нос, совсем изнемогавший без сей благодетельной помощи, для меня необходимой.

Из Леополя мы сухим путем приехали в Варшаву, где отдыхали еще один месяц. Оттуда Вислою отправился я с бароном Остеном и его супругою в Данциг, где нашел я свою жену и семейство свое, умноженное одною наследницею, милым и прекрасным ребенком.

---

¹ Кажется, слышишь храброго капитана Dalgetty, жалующегося на недомыслие и неисправность в платеже жалования. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

² Заложце.

ПРИМЕЧАНИЯ

«ИСТОРИЯ ПЕТРА I»

«История Петра I» — незавершенный труд Пушкина — дошла до нас в виде обширного подготовительного текста, в котором Пушкин закрепил результаты изучения им Петровской эпохи. На основе этого текста (или так называемых «Материалов для Истории Петра Великого»), охватывающего в хронологическом порядке события петровского времени, Пушкин предполагал, как он сам сказал незадолго до смерти, написать свою «Историю Петра» «в год или в течение полугода» и затем «исправлять по документам». Таким образом, поэт считал задуманную им «Историю» подготовленной уже в такой степени, что надеялся в короткий срок закончить всю работу. Однако выполнить эту задачу и написать окончательный текст «Истории Петра» он не успел.

Большая часть обширной пушкинской рукописи стала известна читателю лишь столетие спустя после смерти поэта, когда она была опубликована в 1938 г. в большом советском академическом издании его сочинений. Объясняется это тем, что после смерти Пушкина рукопись была запрещена Николаем I, затем затеряна и обнаружена только после революции — в 1917 г. До 1938 г. ранее известны были в печати лишь отдельные отрывки, составлявшие около одной четверти рукописи.

I

«Историю Петра» Пушкин задумал уже во второй половине двадцатых годов. «Я непременно напишу историю Петра I...» — сказал он в сентябре 1827 г. (А. Н. Вульф. Из «Дневника», сб. «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников». В 2-х томах, т. 1. М., «Художественная литература», 1974, с. 416); поэтому, прося

в поле 1831 г. о «дозволении заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках», Пушкин сообщал о «давнишнем» своем «желании написать Историю Петра Великого». Разрешение было дано, и 21 июля 1831 г. поэт извещал П. В. Нащокина: «...зимой зареюсь в архивы, куда вход дозволен мне царем».

Вскоре он приступил к работе; уже в декабре того же 1831 г. П. М. Языков писал брату: «Пушкин только и говорит что о Петре... Он много, дескать, собрал и еще соберет новых сведений для своей истории, открыл, сообразил, осветил и проч.» («Вестник Европы», 1897, № 12, с. 603).

С начала 1832 г. Пушкин, не огранчиваясь изучением печатных исторических источников, стал много времени уделять работе в архивах. Нессельроде — министр, которому подчинен был Государственный архив, впоследствии извещал Бенкендорфа, что «Пушкин занимался... прочитыванием и деланием выписок из бумаг, касающихся до царствования императора Петра Великого, и из дел о бунтовщике Пугачеве; для чего отведена была ему особая комната. По мере прочитывания он возвращал дававшиеся ему бумаги...» («Дела III Отделения... об Александре Сергеевиче Пушкине»). СПб., 1906, с. 199).

12 января 1832 г. Нессельроде запрашивал, «благоугодно ли будет» царю, чтобы Пушкину «открыты были все секретные бумаги времен императора Петра I», «как-то: о первой супруге его, о царевиче Алексее Петровиче; также дела бывшей Тайной канцелярии» (сб. «Пушкин». Документы Государственного и С.-Петербургского главного архивов. Сост. Н. А. Гастфрейнд. СПб., 1900, с. 17—18). Царь распорядился, чтобы подобные исторические документы выдавались Пушкину «по назначению», то есть под контролем Д. Н. Блудова, ведавшего секретными архивными делами, отнесенными к скрываемым в то время событиям политической истории петровского и послепетровского времени.

В том же 1832 г. Пушкин через Бенкендорфа обратился к царю с просьбой «о дозволении» ему «рассмотреть» купленную Екатериной II и «находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, пользовавшегося разными редкими книгами и рукописями», которые доставлялись Вольтеру в период его работы над «Историей России при Петре Великом». Доступ в библиотеку Вольтера в царствование Николая I был строго запрещен, но для Пушкина сделано было исключение, и он получил возможность ознакомиться с собранными Вольтером историческими материалами, составляющими пять рукописных томов (которые сохранились до нашего времени).

Рассказывая осенью 1833 г. В. И. Далю о трудностях своей работы над «Историей Петра», Пушкин заметил: «Не надобно торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься...» (В. И. Даль. Воспоминания о Пушкине, сб. «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников». В 2-х томах, т. 2. М., «Художественная литература», 1974, с. 224). Наконец в мае 1834 г. поэт сообщал жене: «Ты спрашиваешь меня о «Петре»? идет помаленьку; скопляю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник...» 11 июня 1834 г. он писал ей же: «Петр I-й идет; того и гляди напечатаю 1-й том к зиме».

Но затем, отказавшись, по-видимому, от мысли издавать «Историю Петра» отдельными томами — по мере окончания работы над каждым томом, Пушкин решил создать сначала подготовительный текст, целиком охватывающий события петровского времени — год за годом — от рождения до смерти Петра. И за время с января по декабрь 1835 г. выполнил эту задачу, положив в основу своего рукописного труда изучение многотомного свода исторических материалов, изданного в конце XVIII в. И. И. Голиковым под названием «Деяния Петра Великого, собранные из достоверных источников и расположенные по годам». При этом Пушкин использовал и другие, в том числе неопубликованные и запретные тогда русские и иностранные исторические источники.

Закончив 15 декабря 1835 г. подготовительный текст «Истории Петра», Пушкин продолжал работу над ней. В мае 1836 г. он приезжал в Москву и побывал в архивах, предполагая «опять в них зарыться месяцев на шесть». П. Я. Чаадаев 25 мая 1836 г. писал из Москвы А. И. Тургеневу, что Пушкин «очень занят своим Петром Великим» («Сочинения и письма П. Я. Чаадаева», т. II. М., 1914, с. 205). В конце декабря 1836 г. сам Пушкин сообщал, что «Петр Великий» отнимает у него «много времени». Изучать материалы Петровской эпохи он продолжал до последних дней жизни: в январе 1837 г. А. И. Тургенев ознакомил Пушкина с извлеченными из парижских архивов и привезенными им — в копиях — депешениями французских послов при дворе Петра I и его преемников. С этими архивными материалами Пушкин знакомился в последний раз накануне дуэли.

Работа над «Историей Петра» была в эти годы, по свидетельству современников поэта, его важнейшим трудом. «В последние годы... Петр Великий занимал все его внимание. С усердием перечитал он, — вспоминал историк М. П. Погодин, близко стоявший к этой работе Пушкина, — все документы, относящиеся к жизни великого нашего преобразователя, все сочинения, о нем писанные» («Русский архив», 1865, с. 1260). «...я находил в нем сокровища

таланта, наблюдений и почитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные», — писал тесно связанный с поэтом знаток исторических источников XVIII в. А. И. Тургенев, поясняя: «Никто так хорошо», как Пушкин, «не судил русскую новейшую историю...» («Русский архив», 1903, кн. 1, с. 143).

За неделю до смерти поэт в разговоре с П. А. Плетьевым сознавался, однако, что «Историю Петра пока нельзя писать, то есть, — пояснял он, — ее не позволят печатать». Тем не менее Пушкин, по свидетельству упомянутого уже А. Н. Вульфа, «располагал заплатить за это (дуэль. — П. Ф.) лишь новою ссылкой в Михайловское... и там-то, на свободе предполагал заняться составлением истории Петра Великого» (сб. «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников». В 2-х томах, т. 1. М., «Художественная литература», 1974, с. 415).

* * *

Ознакомившись после смерти Пушкина с его незавершенным трудом, Николай I указал: «Сия рукопись издана быть не может...» Понимание Петра и суждения о нем, отраженные в пушкинской рукописи, оказались запретными, так как Пушкин смело осветил не только положительные, но и отрицательные стороны исторической деятельности и личности Петра I.

Брат царя, Михаил, который беседовал с поэтом о Петре, еще при жизни его, в декабре 1836 г., утверждал, что «Пушкин недостаточно воздает должное Петру Великому, что его точка зрения ложна, что он рассматривает его скорее как сильного человека, чем как творческого гения...» (сб. «Пушкин в письмах Карамзинных 1836—1837 годов». М. — Л., Изд-во АН СССР, 1960, с. 372).

Стремясь тем не менее опубликовать запрещенный исторический труд Пушкина, друзья поэта решили изъять из него все, что могло быть признано царем нецензурным. Подлинная рукопись Пушкина, составившая после сшивки ее листов тридцать одну тетрадь, была переписана. И копия, занявшая шесть рукописных томов, перед представлением ее в официальную цензуру передана была — для предварительного «очищения» под углом зрения цензурных требований — К. С. Сербиновичу, отставному цензору, обладавшему известной исторической подготовкой и разбиравшему в Государственном архиве дела петровского времени.

Сербинович не ограничился изъятием из пушкинской рукописи отдельных выражений, резко характеризующих Петра: он искал либо исключил из нее строки, в которых шла речь о выражении

неприемлемая для самодержавия историческая концепция Пушкина. Все отмеченные Сербиовичем места рукописи были перечислены им в сводный реестр и против каждой выписки было помещено: следует ли исключить из «Истории Петра» данные строки или только смягчить. В последнем случае приводилась и предлагаемая Сербиовичем новая редакция, придающая цепзурный вид историческим суждениям Пушкина о Петре.

После рассмотрения рукописи в 1840 г. официальной цензурой, которая произвела, сверх предложенных Сербиовичем пятидесяти изменений и изъятий, еще некоторые изъятия, рукопись была, наконец, разрешена к печати, но осталась неизданной, так как черновой, незавершенный труд Пушкина не пошел издателя. «...в рукописи остаются еще,— писал в то время Белинский,— материалы к истории Петра Великого, предпринятой Пушкиным... и только одному богу известно, когда русская публика дождетя этого тома...» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 100).

Действительно, в собрании сочинений Пушкина, изданном П. В. Анненковым в 1855—1857 гг., опубликовано было — под названием «Материалы для первой главы истории Петра Великого» — только начало пушкинского труда, охватывающее период от рождения Петра до начала его единовластного царствования (1672—1689), и приведены еще два отрывка, посвященные основанию Петербурга и смерти Петра.

Впоследствии Анненков напечатал в «Вестнике Европы» (1880, кн. 6) статью, в которой привел ряд мест, изъятых в 1840 г. из «Истории Петра» цензурой и скопированных по его указанию до того, как пушкинская рукопись — вместе с цензурной копией ее — была затеряна.

Когда рукопись «Истории Петра» была в 1917 г. найдена, оказалось, что из тридцати одной пушкинской тетради уцелели двадцать две, а из шести томов цензурной копии сохранилась половина — три тома. Но начальная часть «Истории Петра» (1672—1689), рукопись которой пропала, известна благодаря упомянутой анненковской публикации 1857 г., а текст некоторых других пропавших тетрадей Пушкина восполняется найденной вместе с пушкинской рукописью частью цензурной копии. Недостаёт в настоящее время поэтому только текста тетрадей, охватывающих 1690—1694 и 1719—1721 гг.

Из пропавших тетрадей, однако, известны строки, запрещенные в 1840 г. цензурой, ибо почти все они, как уже сказано, были в свое время скопированы Анненковым и потом публиковались (сначала им самим, а затем Ефремовым в Сочинениях Пушкина,

пзд. 1903 г., т. VI). Наконец в 1950 г. в Центральном Государственном историческом архиве обнаружен был памя цензурный реестр Сербиновича, позволяющий уточнить основные для понимания пушкинской концепции строки «Истории Петра» («Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами...») и включить в подготовительный текст «Истории» два кратких замечания Пушкина, также существенные для понимания его исторической концепции (они были опубликованы нами в статье «Неизвестные строки Пушкина» — см.: «Вестник Академии наук СССР», 1950, № 8, с. 49—55).

Таким образом, большая часть «Истории Петра», включая важнейшие, запрещенные места из пропавших тетрадей ее, которые царская цензура стремилась скрыть от читателей, ныне известна.

* * *

Несмотря на черпное состояние подготовительного текста «Истории Петра», писанного Пушкиным большей частью для себя, сжатым образом, изучение ее, а также некоторых других, примыкающих к ней пушкинских текстов, дает возможность раскрыть исторический замысел Пушкина и концепцию, в свете которой он создавал свою «учено-художественную историю», какой должна была, по словам Белинского, явиться задуманная поэтом книга о Петре.

Сохранившийся «Очерк введения» показывает, как широко понимал Пушкин предмет и границы своей «Истории». В плане, предпосланном им «Очерку введения», мы читаем: «Россия извне — Россия внутри — Подати — Торговля — Военная сила — Дворянство — Народ — Законы — Просвещение — Дух времени». «История Петра» должна была, таким образом, многосторонне осветить принятое Петром преобразование России.

В незакопченной статье 1834 г., начинающейся словами «Долго Россия оставалась чуждою Европе» (историческая часть которой была тесно связана с работой Пушкина над «Историей Петра»), он писал, что и в предшествующую петровскому царствованию «эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были... в необходимости сблизить Россию с Европою... Наконец явился Петр». Преобразования, совершенные Петром, Пушкин признавал, таким образом, подготовленными предшествующим историческим развитием России.

Вместе с тем уже в самом начале своей «Истории» он отмечал препятствия, какие ставились допетровской России западно-европейскими государствами, стремившимися помешать ее укреп-

лению. Войной Петра со Швецией решался, как не однажды указывал Пушкин, вопрос о государственном существовании России: в подготовительном тексте своей «Истории» он подчеркивал, что в ответ на мирные предложения Петра — за полтора года до Полтавы — «министры шведские объявили намерение короля свергнуть Петра с престола, уничтожить регулярное (русское) войско и разделить Россию на малые княжества». В стихотворении «Пир Петра Первого», написанном в том же 1835 г., что и подготовительный текст его «Истории», поэт сказал, что Полтавской победою Петр спас жизнь своей державы.

Уже в предисловии к первому изданию «Полтавы» Пушкин заметил, что Полтавская битва «доказала государству успех и необходимость преобразования, совершаемого царем». Но, повторяя в упомянутой уже статье 1834 г., что «войны, предприятия Петром Великим, были благодетельны и плодотворны» и что «европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы», Пушкин писал также о «крутом и кровавом перевороте, совершенном мощным самодержавием Петра». Таким образом, Пушкин видел, как сильно было внутри страны сопротивление петровским преобразованиям и сознавал неизбежность осуществления их насильственным путем.

Совершенный Петром переворот Пушкин называл «революцией»; в своих исторических заметках, относящихся к началу 1830-х гг., он писал: «Петр I — одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции)». «Средства, которыми достигается революция, недостаточны для ее закрепления», — прощательно пояснял он при этом. Робеспьера назвал он в одной из своих рукописей «сентиментальным тигром», якобинского террора Пушкин-историк не одобрял; в Наполеоне видел великого человека, по вместе с тем оценивал его, как известно, чрезвычайно критически. Сравнивая Петра не только с Робеспьером, но и с Наполеоном, Пушкин считал, по-видимому, что в последние годы царствования Петр, подобно Наполеону, закреплял с помощью новых средств результаты совершенного им ранее «по-робеспьеровски» кровавого переворота. Царствование Петра Пушкин делил, таким образом, на два периода.

Оценивая в подготовительном тексте своей «Истории» один из указов, изданных Петром в 1719 г., Пушкин характеризует его как «указ весьма благоразумный, с малой примесью самовластия п., — обобщает здесь Пушкин, — с тою вольною системою, коею ознаменовано последнее время царствования Петра». Однако, по мнению Пушкина, и в этот последний период, отличавшийся «вольною системою», Петр применял необходимые для закрепления

«революции» новые средства недостаточно последовательно, так как паряду — и в противоречие с ними — продолжал по-прежнему применять средства, отличавшиеся большой, а отнюдь не только «малой примесью самовластия». «До Екатерины II продолжали у нас революцию Петра, вместо того чтобы ее упрочить», — заметил Пушкин 19 октября 1836 г. в письме к Чаадаеву.

В том же программном письме Пушкин объясняет, против кого была, на его взгляд, направлена совершенная Петром «революция»: он считал, что Петр «укротил» дворянство, издав «Табель о рангах», и духовенство, отменив патриаршество (под дворянством Пушкин разумел здесь наследственную земельную аристократию). Поэтому он и видел в Петре «воплощение революции», сравнивая переворот, совершенный царем, с французской буржуазной революцией, сломившей эти два первые привилегированные сословия (то есть землевладельческое дворянство и духовенство), и характеризуя деятельность Петра, вспоминал о методах якобинской диктатуры.

Но французская революция 1789 г. уничтожила тяготевшие над крестьянами феодальные повинности. Ничего подобного, как известно, Петр I не совершил, хотя в результате его преобразований дворянами становились действительно «новые люди», выдвигнувшиеся на государственной службе и оттеснявшие старое родовитое дворянство. Между тем Пушкин считал, что старинное, наследственное дворянство могло и должно было являться противовесом неограниченной власти самодержавия, принимая на себя тем самым функцию защиты общепародных интересов.

Революцией переворот, произведенный Петром, разумеется, не был, и классовая сущность реформированного им крепостническо-помещичьего государства оставалась прежней, хотя «русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией, — как указывал Ленин, — не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма» и от обих резко отличается самодержавие XIX века, вышугнутое «сверху» освобождать крестьян...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 346).

Существенно, однако, что, изучая Петровскую эпоху и пугачевское восстание, Пушкин пришел к социологическому пониманию исторического процесса. Освещая борьбу Петра с «дворянством» (то есть с помещичьей аристократией), Пушкин много внимания уделил в подготовительном тексте своей «Истории» теме «Петр и народ» (крестьянство).

Говоря об отношении народа к петровским преобразованиям, Пушкин не скрывал в своей «Истории» насильственного и до по-

следпей крайности обременительного характера их. Уже в самом начале своего труда он отметил, что «народ почитал Петра антихристом». Но вместе с тем Пушкин показывает, как менялось отношение народа к Петру в ходе напряженной войны с внешним врагом «России и Петра». Описав триумф, последовавший за взятием Нарвы, Пушкин под 1704 г. пишет: «Знатнейшие люди всех сословий поздравляли государя. Народ смотрел с изумлением и любопытством на пленных шведов, на их оружие, влекомое с презрением, на торжествующих своих соотечественников и начинал мириться с нововведениями».

Но в то время как в 1704 г. народ, по мнению Пушкина, только «начинал мириться с нововведениями», после Полтавской победы, читаем мы под 1709 г. в его «Истории»: Петр вступил в Москву при «восклицании наконец с ним примиренного народа: здравствуй, государь, отец наш!».

Свою оригинальную историческую концепцию, выработанную в основном еще до того, как он приступил в начале 1835 г. к созданию подготовительного текста «Истории Петра», Пушкин развивал и обогащал в процессе работы над ним. Стремясь определить, кем был Петр, Пушкин уже в 1822 г. называл его в черновике своих исторических замечаний и «деспотом», и «великим человеком» (а затем, в окончательном тексте: «сильным человеком», «исполином»). Углубляя эту свою давнюю мысль, в подготовительном тексте «Истории Петра» Пушкин заметил:

«Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости; вторые жестоки, своеправны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика. №. (Это внести в *Историю Петра*, обдумав)».

Мысль эта является ключевой при оценке пушкинского понимания Петра: Пушкин с большой глубиной раскрывает здесь противоречивый характер его царствования, сумев различить в Петре великого исторического деятеля и «самовластного помещика».

Это поражавшее Пушкина противоречие современная историческая наука объясняет классовой, эксплуататорской сущностью помещичьего петровского государства. Энгельс называл Петра «действительно великим человеком», подчеркивая его заслуги в области внешней политики (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, с. 20). Маркс в своей работе «Секретная дипломатия XVIII века» отметил, что Россия, вернув себе в результате победоносно оконченной Петром Северной войны, балтийское побережье,

овладела лишь тем, что было безусловно необходимо для нормального развития страны. Но вместе с тем Энгельс указывал, что со времени Петра I, наряду с ростом русской внешней торговли, развивалось крепостное право и помещики получали возможность «все болсе притеснять крестьян, так что гнет все более и более усиливался» (там же, т. 20, с. 645).

II

Книга Пушкина о Петре должна была явиться не только произведением передовой исторической науки, но и стать новым словом в развитии жанра художественной истории. Друг поэта П. А. Плетнев, оспываясь на беседах с ним, заметил, что труд его, помимо «знаний, терпения, проицательности», требовал «оригинальной широкой кисти, чтоб ожила в подлинных красках вся эта чудесная эпоха»: в «Истории Петра», говорил он, открывалась бы не только историческая, но и «художническая правда» (П. А. Плетнев. Соч. и переписка, т. I. СПб., 1885, с. 338—339). По словам Белинского, Пушкин задумал передать потомству «дела и образ» Петра Великого; и изучение подготовительного текста его «Истории», несмотря на незавершенность труда, дает действительно возможность судить о том, каким рисовался ему этот, создаваемый им, новый образ.

Формулируя свою историческую концепцию, Пушкин выражает вместе с тем свое художественное решение: раскрытие противоречия, так ярко проявившегося во всей преобразовательной деятельности царя, становится основой художественного раскрытия его образа. Перед нами одновременно характеристика государственной деятельности и личности Петра — его «ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости» («плодом» которого называли его «государственные учреждения», предназначенные «для будущего»), и определение свойств его характера, проявившихся в его «временных» указах, которые были, по словам Пушкина, «жесток, своенравен и, кажется, писаны кнутом».

Уже историческая и художественная проблематика «Медного всадника» открывала возможность судить о масштабах, характере и уровне проблематики создаваемой Пушкиным «История Петра». Новое пушкинское видение Петра («двойной лик» его) и постижение двойственности следствий его исторического дела нашли впервые образное выражение в этой великой поэме Пушкина; теперь оно получало глубокое конкретно-историческое раскрытие в труде Пушкина-историка. Смело формулируя в «Истории» пайденный им

новый принцип построения образа Петра и диалектически раскрывающая «достойную удивления» противоречивость его, Пушкин вместе с тем определяет характер царя как характер социальный, назвав его «нетерпеливым, самовластным помещиком».

Обширный подготовительный текст пушкинской «Истории» неподобен по своему составу. Местами, и при том как раз в важнейших местах пушкинского труда (в котором до недавнего времени принято было видеть только «выписки-конспекты», сделанные поэтом при изучении исторических источников), среди программ и других рабочих, вспомогательных текстов можно обнаружить внешним образом не отделенные Пушкиным в рукописи страницы блестящей пушкинской прозы, которые предназначались, судя по всему, для перенесения в окончательный, так и не написанный поэтом, текст «Истории Петра».

С первых же страниц пушкинской рукописи перед нами в живом изображении является юный Петр. Пушкин показывает его, противопоставляя соцарствующему брату Иоанну, после усмирения одного из стрельческих бунтов: в то время как «стрельцы стояли по обеим сторонам дороги, падая ниц перед государями, Иоанн оказывал тупое равнодушие, но Петр быстро смотрел на все стороны, оказывая живое любопытство».

Изображая прибытие Петра в Голландию, Пушкин рассказывает о том, как Петр «вышел на берег с веревкою в руках», и продолжает: «На другой день оделся он в рабочее платье, в красную байковую куртку и холстинные шаровары и смешался с прочими работниками». Сказав далее о том, что «Петр упражнялся с утра до ночи в стрелецком корабельном» и «записался в цех плотников», Пушкин заключает: «Корабельные мастера звали его Peter Bas¹, и сие название, напоминавшее ему деятельную, веселую и странную его молодость, сохранил он во всю жизнь». Страница кончается, как видим, пушкински выразительной характеристикой молодого Петра.

Так же, как раньше — во Вступлении к «Медному всаднику» («Стоял он, дум великих полн...»), мысли Петра становятся в пушкинской «Истории» важнейшим средством характеристики его: излагая исторические замыслы Петра («И думал он...»), Пушкин раскрывает его образ. Под 1699 г. мы читаем: «Петр завоеванием Азова открыл себе путь и к Черному морю; но он не полагал того довольным для России и для намерения его сблизить свой народ с образованными государствами Европы. Турция лежала между ими. Он нетерпеливо обращал взоры свои на северо-запад и на

---

¹ Петр мастер.

Балтийское море, коим обладала Швеция. Он думал об Ижорской и Карельской земле, лежащих при Финском заливе, некогда нам принадлежавших, отторгнутых у нас незаконно во время несчастных наших войн и междоусобия». В своей исторической прозе Пушкин передает не только содержание, но и динамизм, и эмоциональную окраску мыслей Петра («Он петербургово обращал взоры свои... Он думал...»).

Сходный характер носит и отрывок, посвященный Пушкиным в «Истории Петра» основанию Петербурга: «Посреди самого пылу войны Петр Великий думал об основании гавани, которая открыла бы ход торговле с северо-западною Европою и сообщение с образованностию. Карл XII был на высоте своей славы; удержать завоеванные места, по мнению всей Европы, казалось невозможно. Но Петр Великий положил исполнить великое намерение и на острове, находящемся близ моря, на Неве, 16 мая заложил крепость С.-Петербург...» Кратко, с выразительностью, свойственной ему как поэту, сообщая об основании Петербурга — «посреди самого пылу войны», Пушкин характеризует вместе с тем величие замыслов Петра и его волевой темперамент («...по мнению всей Европы, казалось невозможно. Но Петр Великий положил исполнить великое намерение...»).

Переход Петра от поражений к победам над шведами выразительно предстает на страницах, посвященных победе под Лесной, которую, пишет Пушкин, «Петр называл потом матерью полтавской победы, последовавшей через 9 месяцев». В начале описания этого боя Пушкин говорит: «Казачи и калмыки имели повеления, стоя за фрунтом, колоть всех паших, кои побегут или назад подадутся, не исключая самого государя». А рассказав о разгроме шведов, пишет: «Ночь и вьюга спасли остаток шведского войска. Солдаты пали почевали, кого где вьюга застала. Сам Петр, покрытый снегом и льдом, провел тут же ночь далеко от лагеря». Вслед за тем идут строки, кончающиеся словами: «Все было поражено. Казачи и калмыки кололи шведских беглецов в лесах и по болотам. Многие из них погибли даже от руки мужиков. Левенгаупт почти один явился к королю с известием о своем поражении».

После этого, оставшегося в целом недоработанным, описания победы Пушкин говорит: «В Смоленск Петр вступил с торжеством». И заключает: «Шведы потеряли свою самонадеянность и презрение к русским».

Таким образом в «Истории» Петр-победитель, войны которого были — писал Пушкин в рукописи упомянутой статьи 1834 г. — «благодетельны и плодотворны как для России, так и для человечества». «Наша торговля, наша Академия, наше просве-

щепие были следствием Полтавской битвы», — заметил Пушкин в рукописи той же статьи.

Не менее ярко раскрывает он, готовя материалы для обрисовки Петра, отрицательные стороны его образа. Этой цели часто служат приводимые в подготовительном тексте пушкинской «Истории» указы Петра — те, в которых отражалось, по словам Пушкина, «своеволие и варварство» царя.

«Все состояния (то есть сословия. — И. Ф.), — писал Пушкин о Петре еще в 1822 г., — были равны пред его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось».

Пушкин пишет под 1722 г. о Петре и дворянстве. «Петр был гневен. Несмотря на все его указы, дворяне не явились на смотр... Си 11 января издал указ, превосходящий варварством все прежние... *Нетчики*, — подчеркивает Пушкин в рукописи, — поставлены вне закона». «Нетчика», не явившегося на смотр дворянина, всякий вправе был убить безнаказанно, а тому, кто нетчика поймает и приведет, приказано было отдавать половину его имения.

«По учреждении синаода, — замечает Пушкин, — духовенство поднесло Петру просьбу о назначении патриарха. Тогда-то... Петр, ударив себя в грудь и обнажив кортик, сказал: «Вот вам патриарх».

«...угнетаемый народ роптал и жаловался втуне», — пишет Пушкин, говоря под 1714 г. об огромных хищениях, в которых повинны были ближайшие сподвижники царя. Приводя содержание указа «о вольности брака», Пушкин касается отношения Петра к крестьянству, поясняя: «Родители должны были давать присягу, что детей не принуждают (т. е. дворяне... а крестьян сей закон не касался)». «Петр почитал бани лекарством», — пишет Пушкин, и добавляет: «учредив все врачебные распоряжения для войска, он ничего такого не сделал для народа, говоря: *с них довольно и бани*». Отмечая: «Подтверждается безнаказание смертью», Пушкин трезво поясняет: «люди были пужны». А под 1715 г. записывает: «...послано королю прусскому в подарок (подчеркнуто Пушкиным. — И. Ф.) 100 человек рослых солдат».

В «Истории Петра» конкретно показаны средства, которые он применял, осуществляя свои преобразования. В числе многих других указов Пушкин отмечает: указ Петра о «непродаже русского платья и сапогов; ослушников лишать имения и ссылать на каоторгу». «...Петр объявил еще один из тиранских указов: под смертною казнию запрещено писать *запершись*. Недоносителю объявлена равная казнь...» «Приказывает юфть для обуви делать не с дегтем, а с ворваньим салом под страхом конфискации и галер, как обыкновенно кончаются, — замечает Пушкин, — хозяйственные указы Петра».

Но вот речь идет о лицах, ближайших Петру. В связи с процессом, возбужденным против насильственно постриженной раньше в монахини первой жены Петра, Пушкин пишет: «Петр хвастал своею жестокостию: «Когда огонь пойдет солому,— говорил он поздравлявшим его,— то он ее пожирает, но как дойдет до камня, то сам собою угасает».

Раскрывая во многом таинственное для современников поэта дело царевича Алексея, Пушкин говорит: «Царевич был обожаем народом, который видел в нем будущего восстановителя старины. Оппозиция вся (даже сам князь Яков Долгорукий) была на его стороне. Духовенство, гонимое протестантом царем, обращало на него все свои надежды. Петр ненавидел сына как препятствие пастьотоящее и будущего разрушителя его создания». В этих строках, представляющих один из образцов создаваемой Пушкиным исторической прозы, вместе с изображением исторической ситуации и объяснением государственных, а не личных причин неаависти Петра к сыпу, выразительно — одной чертой обрисованы чувства Петра.

Сообщая о пытке, которой был подвергнут Алексей по приказу Петра, Пушкин замечает: «Царевич более и более на себя паговаривал, утращенный сильным отцом и изнеможенный истязаниями». И вместе с тем, говоря о том, что на другой год после смерти царевича Алексея скончался любимый трехлетний сын царя, рождепный ему Екатериной, Пушкин пишет: «...смерть сия сломила наконец железную душу Петра». Таким образом, он отмечает перемену, совершившуюся в характере царя.

Пушкин видит самобытность и широту Петра, жепившегося на Екатерине — «мариенбургской девке», которую он полюбил, «бывшей замужем за шведским трубачом, потом паложницею Шереметева и Меншикова». И пишет в конце своей «Истории» о том, как поступил Петр, когда она изменила ему и он казнил ее любовника Монса: «Оправдалась ли Екатерина в глазах грозного супруга? по крайней мере ревность и подозрение терзали его. Он повез ее около эшафота, на котором торчала голова несчастного. Он перестал с нею говорить, доступ к нему был ей запрещен. Один только раз, по просьбе любимой его дочери Елисаветы, Петр согласился отобедать с той, которая в течение 20 лет была неразлучною его подругою». Перед нами вновь отрывок пушкинской прозы, полной драматического движения и освещающей психологию Петра. Наконец, изображая его кончину, Пушкин пишет о том, что, «кажется, при смерти помирился он с вивовною супругою».

Великий писатель не прибегал в «Истории» к художественному вымыслу, но опирался на свой предшествующий опыт худож-

пка — прозаика и драматурга; он готовился изобразить Петра в борьбе с врагами и препятствиями, в действиях, выражавших характер царя — идет ли речь о государственных делах или о неотделимых от них событиях его личной жизни, раскрывая борьбу противоречивых начал, мощно сталкивавшихся в душе Петра.

Важным средством обрисовки Петра должна была служить в «Истории» речевая характеристика, материал для которой Пушкин черпал из выразительных изречений, писем и указов царя. Вот примеры. Петр из Польши писал Апраксину: «Здесь... еще все дело, как брага, бродит, и не знаем, что будет. Но ежели несчастья бояться, то и счастья не будет». «Петр писал в сенат: пропущенные времени, подобно смерти, — невозвратно». Выговаривая за то, что учение молодых матросов пренебрежено, Петр говорит: «...не добро есть брать серебро, а дела делать свинцовые».

В приводимых Пушкиным изречениях часто виден Петр — знаток и любитель текстов Священного писания. Петр нередко ссылается на примеры исторические. Пушкин приводит ответ его на каменные требования шведского короля: «*Брат мой Карл хочет быть Александром*», (но не найдет во мне Дария) (царство которого завоевал Александр Македонский. Пушкин записывает здесь только первую часть этого изречения Петра).

Работая над созданием образа, Пушкин не ограничивался средствами собственно речевой характеристики; в своем подготовительном тексте он иногда рисует сцены, в которых передает жест и даже голос Петра. Рассказывая о том, как молодой Петр, едва не ставший жертвой заговора, «занемог горячкою», Пушкин говорит: «...многочисленные друзья и родственники преступников хотели воспользоваться положением государя для испрошения им помилования... Но Петр был непреклонен; *слабым, умирающим голосом*¹ отказал он просьбе и сказал: «надеюсь более угодить богу правосудием, нежели потворством».

«Став главою *новых* идей, он, может быть, дал слишком крутой оборот огромным колесам государства», — писал Пушкин о Петре в набросках своей статьи 1834 г.

Но, возражая против непонимания значения исторического прошлого России, сказавшегося в «Философическом письме» Чаадаева, Пушкин 19 октября 1836 г. писал ему: «Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется)... неужели все это не история... А Петр Великий, который один есть целая всемирная история!»

---

¹ Подчеркнуто нами. — И. Ф.

Песмотря на противоречивость преобразовательной деятельности Петра и применение им «варварских» мер, которые, на взгляд поэта, во многом подрывали достижение поставленной Петром великой цели, преобразования его были, с точки зрения Пушкина, исторически неизбежны, прогрессивны и имели великое историческое значение.

III

Выяснение круга источников, собранных Пушкиным, показывает, как глубоко и многосторонне поэт изучал Петра и его эпоху.

Пушкин знал взгляды на Петра и труды русских историков и писателей, начиная с Феофана Прокоповича, Татищева и Ломоносова, публикации и работы Миллера, Болтина и Щербатова. Ему была известна критика, которой подверглись уже в XVIII столетии преобразования Петра (продолженная позднее Карамзиным с позиций реакционных). В радищевском «Письме к другу», которое было Пушкину, по всей вероятности, известно, нашла свое выражение оценка личности и деятельности Петра с позиций революционных. Пушкин хорошо знал суждения о Петре представителями французского Просвещения — Вольтера, Монтескье, Дидро, Мабли и Руссо. Мысли Радищева развивали декабристы, взгляды которых на Петра были также, разумеется, известны Пушкину.

Чтобы исторически верно представить эпоху преобразования, Пушкин обратился, естественно, не только к сочинениям историков, публицистов и философов, но главным образом к изучению исторических источников петровского времени — многочисленным документам эпохи и запискам ее современников. Изучение сохранившейся библиотеки поэта показывает, что он собрал в ней — с большим знанием предмета — целую коллекцию источников и сочинений о Петровской эпохе. Помимо многогомоного свода исторических материалов, изданного Голиковым, и десяти томного «Собрания разных записок... о жизни и деяниях Петра Великого», составленного Ф. Туманским, кроме изданной Новиковым в двадцати томах «Древней российской вивлиофики», в которую также входили некоторые материалы о Петре, в библиотеке Пушкина сохранилось много первоисточников, изданных на русском и на других языках; на первое место среди них должны быть поставлены документы и сочинения, писанные либо лично редактированные Петром.

Это прежде всего «Журнал, или Поленная записка Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадтского мира»,

который является сочинением, где все важное, главное принадлежит самому Петру и представляет собой не что иное, как историю Северной войны, которую Петр вел против Швеции на протяжении большей части своего царствования.

Важнейшим источником должны были явиться для Пушкина письма Петра. «Большую часть писем сих,— замечает Голиков в своем труде,— великий государь писал, будучи в воинских походах — морских и сухопутных, в путешествиях своих внутрь и вне государства — на почте при перемете лошадей, даже и при самых сражениях с неприятелем, и, словом, отовсюду, где он ни находился, не отлагая встречающихся ему мыслей до другого времени или места». В подготовительном тексте своей «Истории» Пушкин широко использует письма Петра, постоянно приводимые в своде Голикова, и часто ссылаются на них.

Получив вышедшее в 1830 г. «Полное собрание законов Российской империи», Пушкин 24 февраля 1832 г. сообщал, что он обратится к нему «для совершения предпринимаемого... труда» (то есть для написания «Истории Петра»). На страницах собрания законов, многие из которых писались самим Петром, с большой полнотой отражена его государственная деятельность и вместе с тем личность Петра. В подготовительном тексте своей «Истории» Пушкин перечисляет, начиная с 1696 г., почти под каждым годом важнейшие указы Петра, упоминаемые в своде Голикова, имея в виду обратиться к ним в окончательном тексте своего труда: они должны были иметь важное значение для работы Пушкина как историк исторический.

Воспоминания современников, близко стоявших к Петру, часто импававшиеся историческими анекдотами, привлекали особое внимание Пушкина. Он знал множество «характеристических анекдотов» о Петре наизусть и любил рассказывать их. Кроме голиковского собрания анекдотов о Петре (занимающего целый том), Пушкин хорошо знал и считал нужным использовать в своей «Истории» анекдоты о Петре, записанные Штелином. Пушкин знал также воспоминания Неплюева о Петре и рассказы о нем Андрея Нартова — главного токаря и механика Петра Великого, пополненные впоследствии сыном Нартова рассказами, взятыми из других источников.

Восковую статую Петра, одетую в голубой кафтан, поэт видел в Петербургской кунсткамере и запомнил ее; в своей «Истории» под 1722 г. он замечает: «Петр обрезал свои длинные волосы и сделал из них парик, ныне видимый на его кукле». В библиотеке Пушкина сохранилась, кроме того, книга О. Беляева «Кабинет Петра Великого», в которой содержится «подробное описание

воскового его величества изображения, военной и гражданской одежды собственноручных его изделий и всех вообще достопамятных вещей», лично ему принадлежавших. Описания и иллюстрации, содержащиеся в этой книге, должны были представить для Пушкина, бесспорно, интерес как материал для изображения внешности Петра и своеобразной бытовой обстановки, характеризующей царя.

Кроме ряда сочинений, целиком охватывающих историю петровского царствования («История России при Петре Великом» Вольтера, «Житие и славные дела Петра Великого», изданное в Венеции в типографии Димитрия Феодози, «Житие Петра Великого» Антонио Катифоро в переводе С. Писарева, о которых Пушкин не раз упоминает в своей «Истории», и других), в библиотеке поэта сохранились источники, освещающие отдельные периоды и важнейшие события изучаемой им эпохи. О начале ее говорят записки современников, посвященные стрельцким мятежам, издания, освещающие историю Азовских походов и проч.

Большой интерес представлял для Пушкина дневник секретаря австрийского посольства Иоанна Корба, который был очевидцем стрельцких казней (и даже «измерил,— как сам пишет,— шагами длину плах»). Рукописный перевод этого редкого и в России запрещенного сочинения, печатное издание которого было вскоре по выходе сожжено в Вене по требованию представителей Петра, Пушкин получил из Государственного архива (он ссылается на «Дневник» Корба в одном месте своей «Истории»).

Шведский офицер Табберт, получивший вместе с дворянством от шведского короля фамилию Страленберг (Пушкин писал Штраленберг), возвратившись из русского плена, издал в 1730 г. на немецком языке книгу «Северо-восточная часть Европы и Азии». Полемикой со Страленбергом Голиков начинает свое Введение к «Деяниям Петра Великого». В своем «Извлечении» из этого Введения Пушкин отметил: «Штраленберг говорит о двух сторонах, существующих в России, за и против Петра I». Пушкин записал по пунктам сущность разногласий между сторонниками и противниками Петра; кроме того, он приобрел книгу Страленберга.

«Записки» бригадира Моро-де-Бразе, участника Прутского похода Петра (1711), послужили Пушкину источником для изучения истории этого похода. Книга Моро-де-Бразе в библиотеке поэта не сохранилась, но он перевел и со своим предисловием подготовил к печати весь раздел его «Записок», «касающийся до турецкого похода 1711 года» (см. на с. 427—429 прим. к этой работе Пушкина).

Из других записок иностранцев о Петре и его времени, сохранившихся в пушкинской библиотеке, необходимо упомянуть содержательную книгу Вобера, ганноверского резидента в Петербурге (известную под названием «Преображенная Россия»), и мемуары графа Дона, изданные на французском языке в Берлине в 1833 г., которые Пушкин использовал в своей «Истории», описывая под 1709 г. свидание царя с прусским королем после Полтавской победы.

Говоря о пребывании Петра в Париже в 1717 г., Пушкин ссылается в своей «Истории» на книги Вольтера, Дюкло — французского историографа XVIII в., и историка Лемонте, которого еще в 1824 г. назвал «гением XIX столетия». (Сочинения Дюкло и «История Регентства и малолетства Людовика XV» Лемонте также сохранились в библиотеке поэта.)

Написанную Вольтером «Историю России при Петре Великом» и его «Историю Карла XII» Пушкин знал с юности, а в период работы над своей «Историей Петра I» перечитывал и тщательно изучал (они входили в состав 42-томного издания сочинений Вольтера, принадлежавшего поэту). В своей рукописи Пушкин не однажды ссылается на Вольтера, имея в виду использовать содержащиеся в этих его книгах исторические данные для эпизодов, которые должны были рисовать пребывание Петра I в Париже, а также поведение Карла XII в «странном, — по словам Пушкина, — Бендерском деле» и во время осады Стральзунда. В этих местах своей «Истории» и там, где он говорит о смерти Карла XII, Пушкин указывает: «Смотри Вольтера».

Из числа других иностранных сочинений о царствовании Петра следует назвать шеститомную «Историю Петра Великого» Бергмана, на которую Пушкин ссылается в своей рукописи, касаясь заговора Цыклера. В своем экземпляре «Истории» Бергмана Пушкин разрезал страницы, посвященные казни стрельцов, измене Мазепы, Прутскому походу Петра, делу царевича Алексея, — то есть разделы, говорящие о событиях, часто замалчиваемых или искажавшихся в то время официальной историографией.

«Одно из затруднений составить историю его (Петра I), — говорил Пушкин Д. Е. Келлеру незадолго до смерти, — состоит в том, что многие писатели, недоброжелательствуя ему, представляли разные события в искаженном виде, другие с пристрастием осыпали похвалами все его действия»¹. Таким образом, Пушкин настоятельно подчеркивал необходимость критического отношения к

---

¹ Запись в дневнике Д. Е. Келлера 1837 г. (Сочинения Пушкина, т. 8. СПб., Изд. Суворина, 1905, с. 587).

многочисленным историческим сочинениям о Петре, которые, как мы видим, были ему хорошо известны. «Ученое сличение преданий», «остроумное изыскание истины» Пушкин, по собственным словам его, высоко ценил в работе историка. И в высокой степени сам одарен был этой способностью. Все это и дало ему возможность так далеко продвинуть свой исторический труд.

* * *

Решив написать подготовительный текст, охватывающий и излагающий год за годом события Петровской эпохи, Пушкин, как сказано, счел целесообразным всемерно воспользоваться для выполнения этой задачи многотомным сводом, изданным Голиковым, положив в основу своей работы первые девять томов этого свода, обнимающие жизнь и царствование Петра от его рождения до смерти, и критически восполняя содержащиеся здесь исторические данные сведениями, почерпнутыми из других источников.

Такой способ работы существенно облегчал подготовительный труд Пушкина, поскольку в голиковских «Деяниях Петра Великого» собрано было большинство основных источников, освещающих события петровского царствования, известных тогда в печати. Голиков подчеркивал, что он «совсем не историк» Петра Великого, а «только усердный... собиратель материалов» о нем «и проводитель опых в хронологический порядок». Исторические источники приведены в его своде частью в нетронутом или в почти нетронутом виде, частью даны в извлечениях, частью изложены весьма близко к подлиннику. Свод его являлся поэтому для Пушкина ценным пособием, облегчавшим обращение к первоисточникам (ссылки Голикова на них Пушкин переносил в свой подготовительный текст, выделяя их в своей рукописи). Целый ряд неизданных материалов, кроме того, был впервые опубликован в голиковском своде, что придавало ему во многом значение первоисточника.

«Деяния Петра Великого» были изданы в 12 томах в 1788—1789 гг., а затем в 1790—1797 гг. Голиков выпустил еще 18 томов «Дополнения» к ним. Пушкин ознакомился с «Деяниями Петра Великого» еще в 1825 г., когда внимательно читал их в Михайловском. Он пользовался «Деяниями» и «Дополнением» к ним, уже работая над «Арапом Петра Великого» и «Полтавой»; записывая устные предания о Петре, он исправлял неточности в «Анекдотах» о нем, изданных Голиковым, и, таким образом, хорошо знал его монументальный труд задолго до того, как приступил в 1835 г. к составлению подготовительного текста «Истории Петра».

Свод Голикова вместил огромное количество ценных материалов, но страдает неполнотой и даже искажает исторические данные при освещении многих событий петровского царствования. Объясняется это не только тем, что ряд источников остался неизвестен Голикову (поскольку он не имел, в частности, доступа к секретным архивам). Стремление Голикова охватить источники в возможной полноте лишь в редких случаях смягчает его апологетическую тенденцию. Утверждая, что, как государь, Петр Великий недостатков не имел и поэтому критике не подлежит, Голиков нередко сознательно опускал источники, освещающие отрицательные стороны личности и деятельности Петра. Кроме того, у Голикова встречаются фактические ошибки («Все описание Нарвского сражения в Голикове ошибочно», — пишет, например, Пушкин).

Рассуждения, которыми Голиков сопровождает приводимые им источники, являются, по собственному его признанию, панегирическими. Пушкин в своей «Истории» называет их «простодушными» и обычно игнорирует. Он сумел, однако, чрезвычайно широко и провицательно воспользоваться громадным историческим материалом, собранным в голиковском своде.

Созданный Пушкиным подготовительный текст «Истории Петра», как мы знаем, приято было до недавнего времени называть «выписками-конспектами», сделанными поэтом при чтении «Деяний Петра Великого». Между тем, следуя хронологическому порядку, в каком Голиков расположил исторические источники (часто известные Пушкину и помимо Голикова), Пушкин создавал подготовительный текст, много более высокий по своему значению, нежели «выписки-конспекты».

«Выписки» в пушкинском подготовительном тексте сравнительно редки; в тех случаях, когда Пушкину необходим был для будущей «Истории» текст (а не только сущность) исторического документа, он, не выписывая его, отмечал обычно в своей рукописи том и страницу «Деяний Петра Великого», на которой воспроизведен нужный ему документ, либо кратко указывал на отсутствующий у Голикова исторический источник, касающийся событий, которые Пушкин считал нужным осветить в своей будущей «Истории».

Вместе с тем он не «конспектировал» собранные в своде Голикова источники, а на основе критического чтения их стремился установить, как в действительности происходили важнейшие исторические события петровского времени. Результатом работы Пушкина является поэтому текст, представлявший собой рабочую основу его будущей книги, — местами уже развернутый и переходящий в исторический рассказ.

Чем же является в действительности подготовительный пушкинский текст? Он неоднороден по своему составу и нуждается поэтому в дифференциации.

Мы приводили образцы прекрасной исторической прозы, обнаруживаемые нами в обширном подготовительном тексте «Истории Петра». К числу их принадлежат, кроме страниц, рисующих исторические замыслы Петра (с. 62) и Петра — основателя Петербурга (с. 90), описание взятия Нарвы (с. 95—99), начало раздела, посвященного «Делам персидским» (с. 311—312), строки о разрыве Петра с Екатериной (с. 338) и близкие к завершению страницы, изображающие смерть Петра (с. 340—342).

Эти и другие, подобные им страницы предназначались, по-видимому, для перенесения в окончательный текст «Истории Петра». Большая же часть ее подготовительного текста писана была Пушкиным, как было сказано, для себя, сокращенно, вчерне; эти страницы представляют собой закрепленные Пушкиным иногда сжато, иногда развернуто программы, точнее конспективно данные наброски задуманных поэтом исторических сцен и эпизодов (то есть частей его будущей книги о Петре).

Способы сжатой записи, применявшиеся Пушкиным, затрудняют чтение этого рода черновых текстов; однако они писаны так, что их можно все же прочесть и понять содержание их, главным образом с помощью облегчающих выполнение этой задачи исторических источников, на которых основывается и на которые большей частью тут же указывает сам Пушкин, имея в виду использовать их в своей книге. Таким образом, эти пушкинские тексты не только требуют раскрытия, но и поддаются ему.

Поэтому перед нами открывается возможность раскрыть содержание ряда еще только намеченных Пушкиным исторических картин, какими он видел их и какими думал представить в своей «Истории Петра».

Но независимо от того, являются ли страницы подготовительного текста готовой или почти готовой исторической прозой, или страницами, на которых Пушкин только закрепил тем или иным образом свои замыслы и решения, — все это творческие тексты, запявшие пыле по праву почти целый том в собрании его сочинений.

Стремясь установить, как совершались в действительности исторические события, скрываемые официальной историографией, и освещая «крутой и кровавый переворот», совершенный Петром, Пушкин обращался в своей истории к источникам, отсутствовав-

шим в голиковском своде, в том числе к источникам, трудно доступным и даже совсем недоступным в то время другим русским историкам.

Уже в самом начале своей «Истории», описывая поспешное бегство Петра в Троицкий монастырь (когда царевна Софья в августе 1689 г. «предначертала... новый мятеж»), Пушкин ссылался на неизданные в его время страницы дневника Патрика Гордона, где рассказывается о том, как Петр «с великой поспешностью вскочил с постели, не надев сапог, и — в конюшню, где велел оседлать себе лошадь, и отправился в соседний лес, куда ему доставили одежду».

Говоря далее, под 1718 г., о судьбе бывшей царицы Евдокии (матери царевича Алексея), Пушкин замечает: «Царица высечена и отвезена в Новую Ладогу». Голиков же о «бичевании» царицы умалчивает, хотя сам ссылается в списке на ту страницу «Венецианской истории», где содержатся сведения о жестоком наказании, которому была подвергнута Евдокия. Источник этот Пушкину был известен и, как видим, использован им.

«Камнем преткновения» для историка Петра называет Голиков дело царевича Алексея. В столкновении Петра с Алексеем, окончившемся гибелью царевича, воплотилась борьба побеждающей молодой России, олицетворением которой был в глазах Пушкина Петр, — с реакционной оппозицией, видевшей в царевиче свою надежду. Не становясь как историк на сторону Алексея, Пушкин стремился, однако, выяснить действительную картину событий, связанных с процессом и смертью царевича, которые оставались в то время неизвестны историкам.

Пушкин располагал «Объявлением розыскного дела», то есть печатным сборником документов о процессе Алексея, опубликованным Петром, где о многом, разумеется, умалчивалось. Голиков в своем своде старался представить дело так, будто «розыск», которому подвергся царевич, не означал пытки. Вольтер в своей «Истории» также молчит о ней.

Законодательство петровского времени предусматривало применение пытки: официальные источники того времени умалчивали о ней только потому, что дело шло о наследнике русского престола и Алексей был пытан по приказу отца.

Пушкину известны были различные предположения и догадки зарубежных историков о процессе и смерти царевича Алексея. Но для того чтобы выяснить истину, он счел нужным ознакомиться с подлинным строго секретным тогда следственным делом царевича, хранившимся в Государственном архиве. В своей «Истории» Пушкин основывался на документах этого «страшного, — по его

словам,— дела». Сопоставление текста «Истории Петра» со страницами следственного дела царевича Алексея, хранящегося ныне в Центральном Государственном архиве древних актов, дало нам возможность установить, откуда почерпнул Пушкин свои сведения о скрываемых в его время обстоятельствах следствия и суда над царевичем. «Смотри подлинник»,— указывает Пушкин в своей рукописи, ссылаясь тем самым на секретную архивную выписку из следственного дела царевича, сделанную по приказу Петра. Пушкин упоминает и о «своеручных» ответах Алексея на вопросы Петра, «сначала — твердою рукою писанных, а потом после кнута — дрожащею». То есть Пушкин обнаруживает здесь, как видим, знакомство с одним из самых секретных документов следствия, обращая внимание на выразительный внешний вид его.

Мы убеждаемся, таким образом, что Пушкин не только нашел доступ к хранившемуся в глубокой тайне архивному делу царевича, он, хотя в связи с катастрофической судьбой рукописи «Истории Петра» это оставалось неизвестным в течение столетия, был первым историком, правдиво осветившим на основе подлинных документов дело царевича Алексея, и написал, пусть еще только вчерне, историю этого дела, которым закончилось трагическое столкновение Петра и Алексея. Выяснив картину следствия, Пушкин не получил, однако, доступа к документу, позволяющему судить о причине смерти Алексея, умершего, по официальной версии, от апоплексического удара, после того как ему был объявлен смертный приговор. Отвергая это объяснение, Пушкин принял версию о смерти его, изложенную в недостоверных «Записках капитана Брюса», и потому писал в «Истории Петра», что «царевич умер отравленный». Между тем Алексей, судя по всему, умер, не выдержав пыток, которым был подвергнут в присутствии отца уже после объявления смертного приговора: Петр опасался, видимо, что царевич унесет в могилу имена сообщников, еще им не названных.

Важным — и замалчиваемым официозной историографией — был также вопрос о событиях, сопровождавших смерть Петра и воцарение Екатерины I. Петр, по словам Пушкина, «упичтожил всякую законность в порядке наследства и отдал престол на произволение самодержца», установив манифестом 5 февраля 1722 г., что самодержец вправе назначить наследником кого пожелает. За год до смерти Петр короновал Екатерину, как свою супругу, но умер без завещания, не в силах будучи произнести на смертном одре имя своего преемника и оставляя государство на произвол борющихся между собою за власть дворцовых партий.

С вопросом о правах Екатерины на русский престол и историей ее воцарения тесно связаны были события, происшедшие почти перед самой смертью Петра: неожиданный разрыв его с Екатериной и казнь Мопса. Рассказывая о них в своей «Истории», Пушкин пишет: «Императрица, бывшая в тайной связи с Мопсом, не смела за него просить... Петр был немолчим». Далее Пушкин сообщает о последовавшем разрыве Петра с Екатериной, обнаруживая, таким образом, полную осведомленность о существовании этого чрезвычайно интересовавшего его дела и освещая выразительные подробности его.

Характеризуя методы работы Пушкина над подготовкой «Истории Петра», необходимо отметить, что не только Голиков, умалчивающий о действительной причине казни Мопса, но и Вольтер, располагавший рукописными мемуарами, освещавшими дело Мопса и историю воцарения Екатерины I, не решился воспользоваться своими источниками и раскрыть правду. За это его сурово упрекал французский историк Кастера, рассказывая о казни Мопса и гневном Петре во Введении к своей «Истории Екатерины II». Пушкин хорошо знал книгу Кастера (так же как книгу Сегюра, сообщавшего те же сведения; обе они сохранились в библиотеке поэта). Но он имел, кроме того, возможность проверить рассказы французских историков, обратившись к рукописным источникам, хранившимся среди собранных Вольтером «Материалов по истории России». Получив доступ в библиотеку Вольтера, Пушкин мог прочесть и прочел, по-видимому, здесь рукопись так называемых записок Вильбуа, где рассказана была история Мопса и Екатерины.

Здесь же, в библиотеке Вольтера, Пушкин получил возможность ознакомиться и, по-видимому, ознакомился с рукописью «Записок» Бассевича (министра герцога гольштейнского, «бывшего тогда в Петербурге», как отметил Пушкин в своей «Истории Петра»). «Записки» Бассевича являлись важнейшим и долгое время почти единственным источником, раскрывающим действительную историю воцарения Екатерины I.

Бассевич рассказал в них оговоре сторонников Екатерины во главе с Мешниковым, которому деятельно помогали кабинет-секретарь Макаров и Феофан Прокопович; они действовали против сторонников возведения на престол малолетнего Петра (сына царевича Алексея), стремившихся к восстановлению допетровских порядков. Свидетель и участник этой борьбы Бассевич откровенно сообщал о средствах, которые были применены Мешниковым и его партией: сенаторам, генералам и боярам, собравшимся во дворец, было сказано, что казна, крепость, гвардия и синод находятся в распоряжении императрицы. Противникам ее дан был совет

сообразоваться с этим, «если они дорожат своими головами», «...вслед за тем раздался бой барабанов обоих гвардейских полков, окружавших дворец» и проч. («Русский архив», 1865, с. 259—271).

Строки, посвященные Пушкиным в «Истории Петра» возведению на престол Екатерины I, подтверждают, что он знал, как оно совершилось; он пишет: «Екатерина провозглашена императрицей (велением Меншикова, помощью Феофана и тайного советника Макарова)». Публикуя больше ста лет назад отрывок, посвященный Пушкиным смерти Петра, Анненков принужден был поэтому исключить из него смелые пушкинские строки, говорящие о том, что Екатерина была возведена на престол «велением Меншикова».

Судьба рукописи «Истории Петра», ее творческая история, круг источников Пушкина и вопрос о характере текстов, входящих в ее состав, подробно рассмотрены в исследованиях о ней, вошедших в нашу книгу «Незавершенные работы Пушкина» (изд. 1-е, М., 1955; изд. 6-е, М., 1976).

* * *

«В Пушкине было верное понимание истории... Принадлежностями ума его были: ясность, пронизательность и трезвость», — говорил друг поэта Вяземский по поводу работы его над «Историей Петра», поясняя: «Он не писал бы картин по мерке и объему рам, заранее изготовленных, как то часто делают новейшие историки, для удобного вложения в них событий и лиц, предстоящих изображению» (П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1879, с. 373). Изучение подготовительного текста «Истории Петра» подтверждает этот вывод современника.

Общие контуры задуманной Пушкиным «Истории» были уже достаточно ясны. Он успел собрать, изучить и предварительно обработать поистине огромный исторический материал. В написанном им обширном подготовительном тексте отражена выработанная им общая историческая концепция, ставшая для Пушкина основой оригинальной художественно-исторической концепции, в свете которой различимы пушкинская обрисовка Петровской эпохи и создаваемый им образ Петра. Поэтому, несмотря на черновой характер пушкинского труда, мы вправе рассматривать «Историю Петра» как во многом подготовленное уже, хотя далеко не завершенное, произведение Пушкина.

Созданный подготовительный текст давал Пушкину возможность быстро написать «Историю Петра». Пушкин предполагал перенести в свою «Историю» уже написанные, готовые — или поч-

ти готовые — страницы, развернуть вместе с тем свои рабочие программы и наброски, композиционно перегруппировать и восполнить весь подготовленный им обширный материал и таким образом превратить весь свой текст в законченный исторический рассказ.

Сожалая о Пушкине как об историке, не завершившем своих работ, А. И. Тургенев писал: «...он... знал и отыскал в известность многое, чего другие не заметили. Разговор его был полон... любопытных указаний на примечательные пункты и на характеристические черты нашей истории» («Русский архив», 1903, кн. 1, с. 143). «Зная коротко Пушкина (и мое мнение разделено Жуковским, Вяземским, Плетневым), — подчеркивал Н. М. Смирнов, — я уверен, что он вполне удовлетворил бы строгим ожиданиям публики, ибо... он имел высокий, пронизательный ум, чистый взгляд, необыкновенную сметливость, память, не теряющую из виду малейших обстоятельств в самых дальних предметах, высоко благородную душу, большие познания в истории, — словом, все качества, нужные для историографа, к которым он присоединял еще свой блистательный талант, как писатель» («Русский архив», 1882, № 2, с. 229—230). Таковы были свидетельства и надежды близких поэту современников.

О своей исторической трагедии «Борис Годунов» Пушкин сказал, что он в ней стремился «облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории». В «Истории Петра» новая, исполненная глубокого драматизма историческая эпоха должна была быть облечена в формы строго исторического и вместе художественно строящегося повествования. В работе над ней, так же как и в других сферах пушкинского творчества, сказались реализм исторического мышления Пушкина и глубоко раскрывающее и воссоздающее историческое прошлое новое реалистическое искусство, создателем которого являлся великий поэт. Смерть оборвала его работу, и последний исторический труд Пушкина остался незавершенным.

ЗАПИСКИ БРИГАДИРА МОРО-ДЕ-БРАЗЕ

«Записки политические, забавные и сатирические господина Жана Никола де-Бразе, графа Лионского, полковника Казанского драгунского полка и бригадира войск его царского величества» были изданы без раскрытия имени их автора, обозначенного лишь инициалами, в трех томах в 1716 г. «в Веритополисе, у Жана

Дизанвре» (в Истиннограде, у Ивана Правдивого). В действительности они вышли тогда первым изданием в Амстердаме у Роже.

До недавнего времени существовали сомнения, не присваивал ли себе Моро-де-Бразе в своих записках слишком высокий чин, то есть, являлся ли он действительно тем лицом, сг имени которого ведет рассказ в своих записках. Но сомнения эти отпали после того, как был найден и опубликован в 1964 г. в издании «Письма и бумаги императора Петра Великого» (т. XI, вып. 2) подлинный «пас», с государственной печатью, заготовленный для бригадира Бразе в августе 1711 г. и собственноручно подписанный Петром. Исторические документы, опубликованные в названном издании, подтверждают и по существу достоверность записок Моро о походе 1711 г.

Интерес Пушкина к этим запискам и работа его над ними были связаны с собиранием им материалов для «Истории Петра I». Он перевел из записок Моро-де-Бразе его рассказ о Прутском походе, «лучшее место из всей книги» его, по словам Пушкина.

Предполагая напечатать записки Моро, Пушкин написал предисловие и примечания к ним и через Бенкендорфа направил рукопись «на рассмотрение» Николаю I. В сопроводительном письме от 31 декабря 1835 г. Пушкин указывал: «Эти записки любопытны и дельны. Они важный исторический документ и едва ли не единственный (опричь Журнала самого Петра Великого)». Этот «важный исторический документ», замечает Пушкин в своем предисловии к ним, «не должно смешивать с пелеными повествованиями иностранцев о нашем отечестве».

Вместе с тем Пушкин сохраняет критическое отношение к Моро и его запискам. Он не только указывает в своих примечаниях на отдельные ошибки его, обнаруживая прекрасное знание истории Прутского похода. Критическое отношение к источникам и прощательность дают Пушкину возможность использовать для выяснения исторической истины даже тенденциозные «показания» Моро («...тем замечательнее свидетельства, которые вырываются у него поневоле», — говорит Пушкин, касаясь подобного рода «пристрастных» показаний Моро).

Николай I, прочитав рукопись записок Моро, нашел возможным опубликование их, но счел нужным подвергнуть их общей цензуре. Опубликованы они были после смерти Пушкина в «Современнике», 1837, кн. VI, с цензурными искажениями.

Стр. 345. *Капитан Дальгерри* (с которым Пушкин сравнивает Моро-де-Бразе, называя Моро «наемным храбрецом») — действующий

щее лицо исторической повести Вальтера Скотта «Легенда о Монтрэзе» (1819).

Стр. 346. *Гамильтон Антуан* (1646—1720) — писатель, автор известных «Мемуаров кавалера Граммона» (1713), представляющих собой романизованную историю жизни последнего.

Казанова Джованни — Джакомо де-Сенгалът (1725—1798) — известный авантюрист, писатель. Воспоминания, прославившие его имя, были изданы в 1822—1828 гг. Подлинность их подвергалась сомнению; как теперь установлено, они представляют собой фальсификацию, в которой были частично использованы подлинные записки Казановы.

Текст «Истории Петра I», опубликованный в Полн. собр. соч. Пушкина в 16-ти томах, т. 10. Изд-во АН СССР, 1938, издавался затем неоднократно, был напечатан с уточнениями в Полн. собр. соч. Пушкина в 10-ти томах, т. 9. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1949, потом с новыми исправлениями в Собр. соч. Пушкина в 10-ти томах, т. 8. М., Гослитиздат, 1962, тексты которого были подготовлены И. Фейнбергом. Исправления в названном издании в тех разделах «Истории Петра», которые сохранились в автографе Пушкина, даны по автографу; в разделах, дошедших в цензурной копии 1840 г., устранены были некоторые искажения, допущенные переписчиком, на основании источников, используемых Пушкиным (свод Голикова); запрещенные цензурой места, относящиеся к 1719—1721 гг., известные ранее лишь в виде отдельных выписок, сохранившихся в бумагах П. В. Анненкова, были напечатаны с исправлениями и дополнениями, основанными на цензурном реестре К. С. Сербиновича (хранится в Центральном Государственном историческом архиве).

При подготовке настоящего издания в текст «Истории Петра I» И. Фейнбергом внесен ряд новых уточнений; пропущенные Пушкиным в рукописи слова и другие конъектуры, вводимые в некоторых необходимых случаях, отмечены в тексте угловыми скобками.

Текст «Записок Моро-де-Бразе» дан по Полн. собр. соч. Пушкина в 16-ти томах, т. 10. Изд-во АН СССР, 1938, и проверен по рукописи Пушкина и посмертной публикации («Современник», 1837, кн. VI).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА *

- Агасфер («В еврейской хижине лампада...») — III, 366
- Актеон — III, 356
- Александр Радищев — VI, 188
- «Альманахи сделались представителями...» (Об альманахе «Северная лира») — VI, 239
- Альманашик («— Господи боже мой, вот уже четвертый месяц...») — VI, 274
- «Английские критики...» (О трагедиях Байрона) — VI, 241
- «Англия есть отечество карикатуры и пародии...» — VI, 55
- Анджело — III, 235
- Анекдоты — VI, 144
- Арап Петра Великого — V, 7
- «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов...» — VI, 324
- Барышня-крестьянка (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) — V, 83
- Бахчисарайский фонтан — III, 126
- «Бестужев предполагает...» (О статье А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов») — VI, 231
- «Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе «Годунова»...» (Письмо к издателю «Московского вестника») — VI, 248
- Бова (набросок поэмы 1822 г.) — III, 362
- Бова («Часто, часто я беседовал...») — III, 344
- Богородицыны дочери — VII, 197
- «Болезнь остановила на время...» (Карамзин) — VII, 238

---

* Произведения, имеющие редакторские заглавия, а также произведения с одинаковыми названиями внесены в указатель дважды: по заглавию и по начальным словам.

Алфавитный указатель к стихотворениям см. в т. II, с. 635,

- «...большой грузинский пос...»
(Из лицейского дневника) — VII, 254
- Борис Годунов — IV, 183
- Братья разбойники — III, 120
- «Буквы, составляющие славянскую азбуку...» — VII, 302
- «В газете «Le Furet» напечатано...» — VI, 59
- «В древние времена...» — VII, 208
- «В еврейской хижине лампада...» (Агасфер) — III, 366
- «В зрелой словесности приходит время...» — VI, 258
- «В конце истекшего года...» (Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского) — VI, 28
- «В конце 1825 года...» (Заметка о поэме «Граф Нулин») — VI, 324
- «В конце 1826 года...» (О холере) — VII, 244
- «В миг, когда любовь исчезает...» — VII, 301
- «В начале 1812 года...» — V, 403
- «В одно из первых чисел апреля 181... года...» (Роман на Кавказских водах) — V, 432
- «В одной из Шекспировых комедий...» — VI, 54
- «В одном из московских журналов выписывают объявление об «Илиаде»...» (Объяснение к заметке об «Илиаде») — VI, 55
- «В одном из наших журналов...» (О журнальной критике) — VI, 29
- «В одиссе из № «Литературной газеты» упоминали...» (О записках Видока) — VI, 57
- «В славою в Муромской земле...» — III, 380
- «В степях зеленых Буджака...» (Кирджали) — III, 367
- «В течение последних четырех лет...» (Письмо к издателю «Сына отечества») — VI, 7
- «В 1808 году молодой мальчик, по имени Александров...» (Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным) — VI, 119
- «В 1829 году вниманье Европы...» («Путешествие к св. местам» А. Н. Муравьева) — VI, 332
- «В 179* году возвращался я...» — V, 440
- «В 4 книге «Афеня»...» (Ответ на статью в журнале «Атепей») — VI, 251
- «В числе иностранцев, посетивших Россию...» («Путешествие в Сибирь» Шапп д'Отроша и «Антидот» Екатерины II) — VI, 213
- Вадим («Свод неба мраком обложился...») — III, 357
- Вадим («Ты видел Новгород; ты слышал глас народа...») — IV, 369
- «Вам объяснять правления начала...» (Перевод начала комедии Шекспира «Мера за меру») — IV, 375
- Вастола, или Желания — VI, 96
- А. Ваттемару — VII, 304
- «Вечер провел у Н. Г. ...» (Из кишиневского дневника) — VII, 262

- Вечера на хуторе близ Диканьки — VI, 96
- «Вечерняя отошла давно...» (Исповедь) — III, 352
- Влюбленный бес («Москва в 1811 году...») — V, 458
- «Во втором № «Современника...» (Примечание к записке Н. М. Карамзина «О древней и новой России») — VI, 217
- Возражая критикам «Полтавы» («Habent sua fata libelli...») — VI, 67
- «Возвратись из путешествия...» (О публикациях М. А. Бестужева-Рюмина в «Северной звезде») — VI, 265
- Вольтер — VI, 128
- «Вольтер в своем Siècle de Louis XIV...» (Железная маска) — VI, 215
- Воображаемый разговор с Александром I («Когда б я был царь...») — VII, 297
- «Вот явление, неожиданное в нашей литературе!..» (Послеловие к «Долине Ажитугай») — VI, 95
- «Всем известно, что французы...» (О современной французской поэзии) — VI, 331
- Встреча с П. А. Ганнибалом — VII, 238
- Встреча с Кюхельбекером («15 октября 1827. Вчерашний день был для меня замечательен...») — VII, 243
- «Вступление. Но есть одно в основании...» (План статьи о русских песнях) — VI, 328
- «Вы пишете токмо для вашего удовольствия...» (Кн. А. М. Горчакову) — VII, 304
- Выписки из Четь-Михея — VII, 203
- Выстрел (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) — V, 43
- «Вышел из Лицея...» — VII, 238
- Гавриилиада — III, 106
- Гастрономические сентенции — VII, 302
- «Где обязанность, там и закон...» («Заметка при чтении «Истории государства Российского») — VII, 198
- «Георгий Каниский, о котором напечатана статья...» (Письмо к издателю) — VI, 176
- «Н. В. Гоголь долго не соглашался...» (Примечание к повести Н. В. Гоголя «Нос») — VI, 185
- Кн. А. М. Горчакову («Вы пишете токмо для вашего удовольствия...») — VII, 304
- «— Господи боже мой, вот уже четвертый месяц...» (Альманашик) — VI, 274
- «Г-н Ранч счел за пужное отвечать...» — VI, 56
- «Гости съезжались на дачу...» — V, 396
- «Грамматика не предписывает закопов языку...» — VI, 333
- Граф Нулин — III, 160
- Гробовщик (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) — V, 65
- «Д'Аламбер сказал однажды...» (О русской прозе) — VI, 227
- «Д.— говаривал...» — VII, 302

- «24 ноября. Обедал у К. А. Карамзиной...» (Дневник 1833—1835 гг.) — VII, 269
- «26-го июля. Вчера государь император отправился в военные поселения...» (Из дневника 1831 года) — VII, 265
- «Дельвиг родился в Москве...» (О Дельвиге) — VII, 251
- Девница. Альманах на 1830 год — VI, 40
- Державин — VII, 237
- «Десять лет тому назад...» (Об издании газеты) — VII, 317
- Детская книжка — VI, 272
- Джон Теннер — VI, 147
- «Для очистки совести нашей...» (От редакции I—II) — VI, 184
- Дневник 1833—1835 гг. («24 ноября. Обедал у К. А. Карамзиной...») — VII, 269
- «Долго не знали в Европе...» (Примечания к поэме «Цыгань») — VI, 230
- «Долгое время французы пренебрегали словесности своих соседей...» (О Мильтоне и переводе «Потерянного рая» Шатобриана) — VI, 202
- Домик в Коломне — III, 223
- «Драматическое искусство родилось на площади...» (О народной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина) — VI, 316
- Дубровский — V, 128
- «Думаю, что критик ошибся...» (О стихотворении «Демон») — VI, 233
- «Дух века требует важных перемен и на сцене драматической...» (Наброски предисловия к трагедии «Борис Годунов») — VI, 267
- Евгений Онегин — IV, 7
- Египетские ночи — V, 226
- Езерский («Над омраченным Петроградом...») — III, 369
- «Если звание любителя отечественной литературы...» — VI, 245
- Железная маска («Вольтер в своем Siècle de Louis XIV...») — VI, 215
- «Журнал под названием «Современник»...» (Об издании журнала «Современник») — VII, 319
- «Зависть — сестра соревнования...» — VII, 301
- Заметка к «Слову о полку Игореве» в переложении А. Ф. Вельтмана («Хочу копьё преломить...») — VI, 372
- Заметка о поэме «Граф Нулип» («В конце 1825 года...») — VI, 324
- Заметка об утере адреса подписчика из г. Холма («Издатель, извисясь в своей неосмотрительности...») — VI, 218
- Заметка при чтении «Истории государства Российского» («Где обязанность, там и закон...») — VII, 198
- Заметки о русском дворянстве («Что такое дворянство?») — VI, 310
- Заметки по поводу «Проекта вечного мира» Сен-Пьера в изложении Ж.-Ж. Руссо

- («Il est impossible...») — VI, 226
- Заметки при чтении «Нестора Шлёцера («Шлёцер — введение», стр. 1») — VII, 211
- Замечания на Аппалы Тацита — VII, 198
- Замечания о бунте — VII, 123
- Записи 1821 — 1830 гг. — VII, 263
- Записи 1832 — 1833 гг. — VII, 269
- Записи устных рассказов, преданий, песен о Пугачеве — VII, 146
- Записки бригадира Моро-де-Бразе — VIII, 343
- Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным («В 1808 году молодой мальчик по имени Александров...») — VI, 119
- Записки молодого человека («4 мая 1825 г. произведен я в офицеры...») — V, 422
- Записки Чухина, соч. Ф. Булгарина — VI, 211
- «И ты тут был?..» — IV, 382
- «Иван-царевич по лесам...» — III, 379
- Из дневника 1831 года («26-го июля. Вчера государь император отправился в военные поселения...») — VII, 265
- Из кншпеевского дневника («Вечер провел у Н. Г. ...») — VII, 262
- Из лицейского дневника («...большой грузинский пос...») — VII, 254
- «Из собрания стихотворений, которое на днях выйдет из печати...» (Примечание к стихотворению Л. А. Якубовича «Предназначение») — VI, 187
- «Издатель, извиняясь в своей неосмотрительности...» (Заметка об утере адреса подписчика из г. Холма) — VI, 218
- «Изю всех родов сочинений...» (О классической трагедии) — VI, 236
- «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль...» (Наброски предисловия к трагедии «Борис Годунов») — VI, 266
- «Илиада» Гомерова, переведенная Н. Гнедичем — VI, 29
- Исповедь («Вечерняя отошла давно...») — III, 352
- История Петра I — VIII, 5
- «История поэзии» С. П. Шевырева («История поэзии» явление утешительное...») — VI, 212
- История Пугачева — VII, 5
- История русского народа, соч. Николая Полевого — VI, 30
- История села Горюхина — V, 101
- Кавалерист-девица, происшествие в России... — VI, 183
- Кавказский пленник — III, 79
- Казачка и черкес («Сталица — Терек — за водой...») и «Полюби меня, девица...») — III, 368
- «Как весенней теплою порою...» (Сказка о медведихе) — III, 277
- Камennyй гость — IV, 289

- Капитанская дочка — V, 239
- Карамзин («Болезнь остановила на время...») — VII, 238
- Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Ромаповой. Описательное стихотворение в четырех частях Федора Глипки — VI, 47
- «Карты; продаван...» — V, 458
- «И. А. Катенин прекрасно перевел многие трагедии...» (О трагедиях Катенина) — VI, 233
- Кирджали («Кирджали был родом болгар...») — V, 220
- Кирджали («В степях зеленых Буджака...») — III, 367
- Ключ к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина — VI, 183
- «Князь Вяземский перевел...» (Роман Б. Констана «Адольф» в переводе П. А. Вяземского) — VI, 28
- «Когда б я был царь...» (Воображаемый разговор с Александром I) — VII, 297
- Конспект предисловия Ф. Н. Глипки к поэме «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» («Москва была освобождена Пожарским...») — VI, 270
- Коптора под ведомством Редактора... — VI, 329
- «Криспин приезжает в губернию...» — V, 460
- «Критика вообще...» (О критике) — VI, 281
- «Критикою у нас большею частью занимаются журналисты...» — VI, 328
- «Литература у нас существует, по критике еще нет...» — VI, 280
- Марья Шопинг — V, 453
- Материалы для заметок о книге С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» — VII, 211
- Материалы и заметки, связанные с изданием газеты «Дневник» — VI, 329
- Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» — VI, 242
- Медный всадник — III, 254
- «Между тем как сладкозвучный...» (Об Альфреде Мюссе) — VI, 312
- «Между тем как эфетика...» (О пародной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина) — VI, 316
- Метель (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) — V, 54
- «Мильтон говаривал...» — VI, 57
- Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной — VI, 120
- «Мнение митрополита Платона о Дмитриии Самозванце...» — VII, 203
- «Многие из трагедий...» («Ромео и Джульета» Шекспира) — VI, 27
- «Многие недовольны нашей журнальной критикою...» — VI, 264
- «Множество слов и выражений...» — VI, 371

- Мои замечания об русском театре — VI, 221
- Монах — III, 333
- «Москва была освобождена Пожарским...» (Конспект предисловия Ф. Н. Глипки к поэме «Карелия, или Заточенные Марфы Иоанновны Романовой») — VI, 270
- «Москва в 1811 году...» (Влюбленный бес) — V, 458
- «Московские журналы произнесли строгий приговор...» («Недовольные», комедия М. Н. Загоскина) — VI, 212
- Моцарт и Сальери — IV, 279
- Мстислав (планы поэмы) — III, 364
- «Мы проводили вечер на даче...» — V, 442
- «Н. избирает себе в паперспикси...» — V, 459
- «На днях вышли в свет «Сочинения...» (Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина) — VI, 81
- «На углу маленькой площади...» — V, 417
- Наброски начала статьи о Камчатке — VII, 233
- Наброски предисловия к трагедии «Борис Годунов» («Дух века требует важных перемен и на сцене драматической...») — VI, 267
- Наброски предисловия к трагедии «Борис Годунов» («Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль...») — VI, 266
- Наброски предисловия к трагедии «Борис Годунов» («Je me présent ayant renoncé à ma manière...») — VI, 268
- Наброски предисловия к трагедии «Борис Годунов» («*Pour une préface...*») — VI, 268
- Наброски предисловия к трагедии «Борис Годунов» («С отъездом решаюсь я выдать в свет...») — VI, 265
- «Над омраченным Петроградом...» (Езерский) — III, 369
- Наденька — V, 395
- «Наконец появилось собрание стихотворений...» (Стихотворения Евгения Баратынского) — VI, 241
- «Насилу выехать решились из Москвы...» — IV, 372
- Начало повой автобиографии («Несколько раз припимался я...») — VII, 245
- «Наши поэты не могут жаловаться...» (Поэма Баратынского «Бал») — VI, 255
- Невский альманах на 1830 год — VI, 54
- «Недавно в одном из наших журналов...» («Разговор у княгини Халдиной» Д. И. Фонвизина) — VI, 39
- «Недовольные», комедия М. Н. Загоскина («Московские журналы произнесли строгий приговор...») — VI, 212
- «Некоторые журналы, обвинительные...» (О статьях кн. Вяземского) — VI, 53
- Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского («В конце истекшего года...») — VI, 28

- «Несколько московских литераторов...» — VI, 263
- «Несколько раз принимался я...» (Начало новой автобиографии) — VII, 245
- Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем — VI, 76
- «Несмотря на великие преимущества...» (Отрывок) — V, 429
- «Ни одно из произведений лорда Байрона...» (О трагедии В. Н. Олпна «Корсер») — VI, 246
- Новый роман — VI, 176
- О Байроне и о предметах важных («Род Байронов...») — VI, 366
- О 18 брюмера («M-g Raëz, alors secrétaire d'ambassade à Paris...») — VII, 207
- О втором томе «Истории русского народа» Полевого («Противуречия и промахи...») — VI, 281
- О Генеральных штатах — VII, 206
- О г-же Сталь и о г. А. Мухомове — VI, 8
- О Дельвиге («Дельвиг родился в Москве...») — VII, 251
- О журнальной критике («В одном из наших журналов...») — VI, 29
- О записках Видока («В одном из № «Литературной газеты» упоминали...») — VI, 57
- О записках Самсопа («Французские журналы извещают...») — VI, 38
- О классической трагедии («Из всех родов сочинений...») — VI, 236
- «О литературной собственности...» (План статьи о правах писателя) — VII, 211
- О критике («Критика вообще...») — VI, 281
- О Мильтоне и персводе «Потерянного рая» Шатобрианом («Долгое время французы пренебрегали словесностью своих соседей...») — VI, 202
- О Мицкевиче — VII, 313
- О народной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина («Драматическое искусство родилось на площади...») и «Между тем как эсфетика...») — VI, 316
- О народном воспитании — VII, 307
- О народности в литературе («С некоторых пор вошло у нас в обыкновение...») — VI, 237
- О ничтожестве литературы русской — VI, 360
- О новейших романах — VI, 330
- О поэзии классической и романтической — VI, 234
- О предисловии г-на Лемопте к переводу басен И. А. Крылова — VI, 10
- О приказах — VII, 208
- О причинах, замедливших ход нашей словесности («Причинами, замедлившими ход нашей словесности...») — VI, 229
- О публикациях М. А. Бестужева-Рюмина в «Северной звезде» («Возвратясь из путешествия...») — VI, 265

- О романах Вальтера Скотта — VI, 269
- О русской истории XVIII века («По смерти Петра I движении...») — VII, 161
- О русской прозе («Д'Аламбер сказал однажды...») — VI, 227
- О русской словесности («Уважение к миновшему...») — VI, 323
- О Сальери — VI, 333
- О современной французской поэзии («Все известно, что французы...») — VI, 331
- О соколиной охоте — VII, 209
- О сотнике Сухорукове («Сотник Сухоруков воспитывался...») — VII, 315
- О статье А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» («Бестужев предполагает...») — VI, 231
- О статьях кн. Вяземского («Некоторые журналы, обвиняемые...») — VI, 53
- О статьях Кюхельбекера в альманахе «Мнемозина» («Статьи «О направлении...») — VI, 238
- О стихотворении «Демон» («Думаю, что критик ошибся...») — VI, 233
- О трагедиях Байрона («Английские критики...») — VI, 241
- О трагедии В. Н. Олупа «Корсер» («Ни одно из произведений лорда Байрона...») — VI, 246
- О трагедиях Катенина («П. А. Катенин прекрасно перевел многие трагедии...») — VI, 233
- О французской революции («Прежде нежели приступим к описанию...») — VII, 166
- О французской словесности — VI, 229
- О холере («В конце 1826 года...») — VII, 244
- Об альманахе «Северная лира» («Альманахи сделались представителями...») — VI, 239
- Об Альфреде Мюссе («Между тем как сладкозвучный...») — VI, 312
- Об Андрее Шенье («André Chénier погиб...») — VI, 233
- Об издании газеты («Десять лет тому назад...») — VII, 317
- Об издании журнала «Современник» («Журнал под названием «Современник...») — VII, 319
- Об «Истории Пугачевского бунта» (Разбор статьи, напечатанной в «Сыне отечества» в январе 1835 года) — VII, 130
- Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико — VI, 172
- Обозрение обозрений — VI, 330
- Объяснение — VI, 181
- Объяснение к заметке об «Илиаде» («В одном из московских журналов выписывают объявление об «Илиаде...») — VI, 55
- «Она меня зовет: поеду или нет?..» — IV, 374
- Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения — VI, 301
- Опыт отражения некоторых пелликологических обвинений — VI, 284

- «Острая шутка не есть окончательный приговор...» — VI, 54
- От издателя (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) — V, 38
- От редакции I—II («Для очистки совести нашей...») — VI, 184
- От редакции I—V («Современник» будет издаваться и в следующем, 1837, году...) — VI, 186
- «От этих знатных господ...» — IV, 379
- Ответ на статью в журнале «Атеней» («В 4 книге «Афеней»...») — VI, 251
- «Отдавая полную справедливость...» (Письмо к издателю «Литературной газеты») — VI, 278
- Отрывки из писем, мысли и замечания — VI, 14
- Отрывок («Несмотря на великие преимущества...») — V, 429
- Отрывок из литературных летописей — VI, 22
- Отрывок из письма к Д. — VII, 240
- Отрывок плана и текста сказки о Бове-королевиче (наброски сказки 1834 г.) — III, 382
- Очерк истории Украины. Вводные страницы («Sous le nom d'Ukraine...») — VII, 169
- Очерк истории Украины. Плап («Что ныне пазывается Малороссией?») — VII, 168
- Папесса Иоанна («La fille d'un honnête artisan...») — IV, 380
- «Первый несчастный воздыхатель...» — VII, 301
- Перевод пачала комедии Шекспира «Мера за меру» («Вам объяснять правления пачала...») — IV, 375
- «Переводчики...» — VI, 281
- Перечень статей, намечавшихся для отдела «Опыты библиографические» в «Современнике» — VI, 218
- «Песнь о полку Игореве» («Песнь о полку Игореве» найдена была...») — VI, 372
- Пиковая дама — V, 195
- Пир во время чумы — IV, 320
- «Писатели, известные у нас под именем аристократов...» — VI, 327
- Письмо к издателю («Георгий Копиский, о котором напечатана статья...») — VI, 176
- Письмо к издателю «Литературной газеты» («Отдавая полную справедливость...») — VI, 278
- Письмо к издателю «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду» («Сейчас прочел...») — VI, 80
- Письмо к издателю «Московского вестника» («Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе «Годунова...») — VI, 248
- Письмо к издателю «Сына отечества» («В течение последних четырех лет...») — VI, 7
- Письмо о «Борисе Годунове» («Voici ma tragédie...») — VI, 259
- План статьи о правах писателя («О литературной собственности...») — VII, 210

- План статьи о русских песнях («Вступление. Но есть одно в основании...») — VI, 328
- План статьи о современном положении России — VI, 359
- Планы повести о стрельце — V, 459
- «По смерти Петра I движение...» (О русской истории XVIII века) — VII, 161
- Повести покойного Ивана Петровича Белкина — V, 38
- Повесть из римской жизни («Цезарь путешествовал...») — V, 449
- Полтава — III, 170
- «Полюби меня, девица...» (Казачка и черкес) — III, 368
- Последний из свойственников Иоанны д'Арк — VI, 198
- Послесловие к «Долине Ажитугай» («Вот явление, неожиданное в нашей литературе!...») — VI, 95
- «Послушай, Франц, в последний раз говорю тебе...» (Сцены из рыцарских времен) — IV, 352
- Поэма Баратынского «Бал» («Наши посты не могут жаловаться...») — VI, 255
- Поэма о гетеристах (Иорданки) — III, 354
- Предисловие к «Евгению Онегину» («У нас довольно трудно самому автору...») — VI, 314
- «Прежде нежели приступим к описанию...» (О французской революции) — VII, 166
- Преподобный Савва Игумен — VII, 204
- Примечание к записке Н. М. Карамзина «О древней и новой России» («Во втором № «Современника»...») — VI, 217
- Примечание к повести Н. В. Гоголя «Нос» («Н. В. Гоголь долго не соглашался...») — VI, 185
- Примечание к слову «богодѣльня» в статье М. П. Погодина «Прогулка по Москве» («Слово это весьма неправильно составлено из двух слов...») — VI, 185
- Примечание к стихотворению Л. А. Якубовича «Предназначение» («Из собрания стихотворений, которое на днях выйдет из печати...») — VI, 187
- Примечание к строке «Руссо (или кто, не помню)» в статье А. И. Тургенева «Хроника русского в Париже» — VI, 184
- Примечание о памятнике князю Пожарскому и гражданину Мину — VI, 217
- Примечания к поэме «Цыганы» («Долго не знали в Европе...») — VI, 230
- «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...» (О причинах, замедливших ход нашей словесности) — VI, 229
- Программы записок («Семья моего отца...») — VII, 249
- «Противуречия и промахи...» (О втором томе «Истории русского народа» Полевого) — VI, 281
- Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года — V, 346
- Путешествие В. Л. П. — VI, 214

- «Путешествие в Сибирь» Шапп
д'Строша и «Аптидот» Екате-
рины II («В числе иностранцев,
посетивших Россию...») — VI, 213
- Путешествие из Москвы в Пе-
тербург — VI, 333
- «Путешествие к св. местам»
А. Н. Муравьева («В 1829 го-
ду внимание Европы...») —
VI, 332
- «15 октября 1827. Вчерашний
день был для меня замеча-
телен...» (Встреча с Кюхель-
бекером) — VII, 243
- Разговор о журнальной критике
и полемике («А. Читали вы
в последнем №...») — VI, 271
- «Разговор у княгини Халдиной»
Д. И. Фонвизина («Недавно
в одном из наших журна-
лов...») — VI, 39
- Разговоры Н. К. Загряжской —
VII, 191
- «Разумовский, Никита Па-
нип...» — VII, 203
- «Род Байропов...» (О Байроне и
о предметах важных) — VI,
366
- Роман в письмах («Ты, конечно,
милая Сашенька, удивил-
лась...») — V, 404
- Роман Б. Констана «Адольф»
в переводе П. А. Вяземского
(«Князь Вяземский пере-
вел...») — VI, 28
- Роман на Кавказских водах
(«В одно из первых чисел апр-
еля 181... — года...») — V, 432
- «Ромео и Джульета» Шекспира
(«Многие из трагедий...») —
VI, 27
- Рославлев — V, 117
- Российская Академия — VI, 97
- Русалка — IV, 330
- Руслан и Людмила — III, 7
- Русский Пелам («Я начинаю
помнить себя с самого неж-
ного младенчества...») — V,
436
- «Русское дворянство что ныне
значит?..» — VI, 360
- «С некоторых пор вошло у нас
в обыкновение...» (О народ-
ности в литературе) — VI,
237
- «С отвращением решаюсь я вы-
дать в свет...» (Наброски пре-
дисловия к трагедии «Борис
Годунов») — VI, 265
- «Свод неба мраком обложился...»
(Вадим) — III, 357
- «Сейчас прочел...» (Письмо к
издателю «Литературных
прибавлений к «Русскому
ипвалиду») — VI, 80
- «Семья моего отца...» (Про-
граммы записок) — VII, 249
- «Скажи, какой судьбой друг
другу мы попались?..» — IV,
370
- Сказка о золотом петушке — III,
324
- Сказка о медведихе («Как ве-
сенней теплою порою...») —
III, 277
- Сказка о мертвой царевне и о
семи богатырях — III, 310
- Сказка о попе и о работнике
его Балде — III, 271
- Сказка о рыбаке и рыбке — III,
304
- Сказка о царе Салтане, о сыне
его славном и могучем бо-

- гатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди — III, 280
- Скупой рыцарь — IV, 261
- Словарь о святых, прославленных в российской церкви... — VI, 174
- «Слово это весьма неправильно составлено из двух слов...» (Примечание к слову «богодѣльня» в статье М. П. Погодина «Прогулка по Москве») — VI, 185
- Собрание насекомых. *Стихотворение А. С. Пушкина* — VI, 58
- Собрание сочинений Георгия Копиского, архиепископа Белорусского — VI, 83
- «Современник будет издаваться и в следующем, 1837, году...» (От редакции I—V) — VI, 186
- «Сотник Сухоруков воспитывался...» (О сотнике Сухорукове) — VII, 315
- Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина («На днях вышли в свет «Сочинения...») — VI, 81
- «Стапца — Терек — за водой...» (Казачка и черкес) — III, 368
- Станционный смотритель (Повесть покойного Ивана Петровича Белкина) — V, 72
- Старинные пословицы и поговорки — VII, 201
- «Статьи «О направлении...» (О статьях Кюхельбекера в альманахе «Мнемозина») — VI, 238
- Стихотворения Евгения Баратынского («Наконец появилось собрание стихотворений...») — VI, 241
- Сцены из рыцарских времен («Послушай, Франц, в последний раз говорю тебе...») — IV, 352
- Тазит — III, 214
- «Только революционная голова...» — VII, 299
- «Торвальдсен, делая бюст известного человека...» — VI, 259
- Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов — VI, 69
- Три повести Н. Павлова («Три повести г. Павлова очень замечательны...») — VI, 210
- «Ты видел Новгород; ты слышал глас народа...» (Вадим) — IV, 369
- «Ты, конечно, милая Сашенька, удивилась...» (Роман в письмах) — V, 404
- «У вас довольно трудно самому автору...» (Предисловие к «Евгению Онегину») — VI, 314
- «Уважение к минувшему...» (О русской словесности) — VI, 323
- «Удельные князья...» — VII, 202
- «Участь моя решена. Я жемчужь...» — V, 425
- Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова — VI, 134
- Французская Академия — VI, 102
- «Французские журналы извещают...» (О записках Самсона) — VI, 38

- «Французские критики имеют свое понятие об романтизме...» — VI, 281
- «Хочу копьё преломить...» (Заметка к «Слову о полку Игореве» в переложении А. Ф. Вельтмана) — VI, 372
- Царь Никита и сорок его дочерей — III, 378
- «Царь увидел пред собою...» — III, 381
- «Цезарь путешествовал...» (Повесть из римской жизни) — V, 449
- Цыганы — III, 141
- «Часто думал я...» — V, 435
- «Часто, часто я беседовал...» (Бова) — III, 344
- «Через неделю буду в Париже...» — IV, 377
- «4 мая 1825 г. произвел я в офицеры...» (Записки молодого человека) — V, 422
- «А. Читали вы в последнем №...» (Разговор о журнальной критике и полемике) — VI, 271
- «Что есть журнал европейский?..» — VI, 329
- «Что ныне называется Малороссией...» (Очерк истории Украины. План) — VII, 168
- «Что такое дворянство?..» (Заметки о русском дворянстве) — VI, 310
- «Шлёцер — *введение*, стр. 1» (Заметки при чтении «Нестора» Шлёцера) — VII, 211
- Шотландская пословица — VII, 303
- Е. А. Энгельгардту — VII, 304
- Юдифь — III, 376
- Юрий Милославский, или Русские в 1612 году, соч. М. И. Загоскина — VI, 36
- «Я начинаю помнить себя с самого нежного младенчества...» — (Русский Пелам) — V, 436
- «André Chénier погиб...» (Об Андрее Шенье) — VI, 233
- «Habent sua fata libelli...» (Возражения критикам «Полтавы») — VI, 67
- «Ignorance des seigneurs russes...» — VI, 270
- «Il est impossible...» (Заметки по поводу «Проекта вечного мира» Сен-Пьера в изложении Ж.-Ж. Руссо) — VI, 226
- «Je me présent ayant renoncé à ma manière...» (Наброски предисловия к трагедии «Борис Годунов») — VI, 268
- «Je suppose sous un gouvernement despotique...» — VII, 202
- «La fille d'un honnête artisan...» (Панесса Иоанна) — IV, 380
- «La libération de l'Europe...» — VII, 210
- «Les deux danseuses...» — V, 460
- «Les seigneurs féodaux...» — VII, 203
- «M-r Paëz, alors secrétaire d'ambassade à Paris...» (0 18 брюмера) — VII, 207

- «Ne pas admettre...» — VII, 301
- Note sur la révolution d'Ipsylanti — VII, 157
- Note sur Penda-Déka («Penda-Déka fut élevé à Moscou...») — VII, 159
- «O... disait en 1820...» — VII, 299
- «Penda-Déka fut élevé à Moscou...» (Note sur Penda-Déka) — VII, 159
- «*Pour une préface...*» (Наброски предисловия к трагедии «Борис Годунов») — VI, 268
- «Presque toutes les religions...» — VII, 300
- «Sous le nom d'Ukraïne...» (Очерк истории Украины. Вводные страницы) — VII, 169
- «Stabilité — première condition...» — VII, 301
- Table-talk — VII, 174
- Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme (Жизнь, стихотворения и мысли Иосифа Делорма). Les consolations. Poésies par Sainte Beuve (Утешения. Стихотворения Сент-Бёва) — VI, 59
- «Voici ma tragédie...» (Письмо о «Борисе Годунове») — VI, 259

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Стр. 9. *История Петра I*. Очерк введения. Автограф.
Между стр. 192 и 193. *Петр I*. Гравюра Е. Чемесова с портрета работы Ж.-М. Натье.
- Стр. 39. *История Петра I*. Автограф.
- Стр. 42. *Медаль на взятие Азова*. 1696 г.
- Стр. 49. *История Петра I*. Автограф.
- Стр. 61. *История Петра I*. Автограф.
- Стр. 85. *Медаль на взятие шведских судов*. 1703.
- Стр. 91. *Медаль на основание Петербурга*. 1703.
- Стр. 97. *История Петра I*. Автограф.
- Между стр. 224 и 225. «*Деяния Петра Великого... собранные из достоверных источников и расположенные по годам*» И. И. Голикова.
- Стр. 261. *История Петра I*. Автограф.
- Стр. 337. *История Петра I*. Автограф.
- Стр. 346. *Записки бригадира Моро-де-Бразе*. Титульный лист. Автограф А. С. Пушкипа.
- Стр. 377. *Записки бригадира Моро-де-Бразе*, изданные в 1716 г. Фронтиспис и титульный лист.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ИСТОРИЯ ПЕТРА I</i> . Подготовительный текст	5
<i>ЗАПИСКИ БРИГАДИРА МОРО-ДЕ-БРАЗЕ</i>	343

ПРИМЕЧАНИЯ

<i>И. Фейнберг</i> . «История Петра I»	399
Алфавитный указатель произведений А. С. Пушкина	430
Список иллюстраций	445

Пушкин А. С.

- П 91**   Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 8. История Петра I. Записки бригадира Моро-де-Бразе. Примеч. И. Л. Фейпберга. М., «Худож. лит.», 1977.
446 с.

В настоящий том А. С. Пушкина вошел его незавершенный исторический труд — «История Петра I», а также переведенные им с французского «Записки бригадира Моро-де-Бразе».

П   70401-127
028(01)-77   **подписное**

Р 1

*Александр Сергеевич
Пушкин*

Собрание сочинений
том 8

Редактор
В. Пересыпкина
Художественный редактор
С. Данилов

Технический редактор
В. Кулагина

Корректоры
Н. Замятина и Л. Коншина

ИБ № 391

Сдано в набор 7/ХІІІ 1976 г. Подпи-
сано к печати 10/І 1977 г. Бумага
тип. № 1. Формат 84×108¹/₃₂.
14,0 печ. л. 23,52 усл. печ. л.
23,006+1 нак.=23,097 уч.-изд. л.
Заказ № 795. Тираж 500 000.
Цена 1 р. 38 к.

Издательство «Художественная ли-
тература». Москва, Б-78, Ново-Бас-
манная, 19.

Ордена Трудового Красного Зна-
мени Ленинградское производствен-
но-техническое объединение «Печат-
ный Двор» имени А. М. Горького
Союзполиграфпрома при Государст-
венном комитете Совета Министров
СССР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли, 197136,
Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.

